

НИНА БЛАЗОН

cbt

Цепельное Сердце

ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ • КНИГИ О ЛЮБВИ

Её поцелуй означает смерть, её любовь — жизнь. После несчастного случая память Саммер словно стёрта. Она знает только одно: кровавый мужчина, который преследует её в кошмарах, пробрался в её жизнь и хочет убить. И он оказывается не единственным, кто её преследует. Таинственный ангельски прекрасный Анжей спасает ей жизнь. Во время их побега на Север, Саммер узнаёт, какое предательство она совершила столетиями назад. Когда-то она принадлежала к Зоре, чей поцелуй убивает смертных. Но одному мужчине с нежным взглядом, который должен был умереть у неё на руках, она подарила вечность. Теперь леди Марс, хозяйка смерти, требует вернуть жизнь, которой она была лишена обманным путём. Сможет ли Саммер перехитрить смерть во второй раз или ей придётся пожертвовать своей любовью, чтобы избежать рокового поцелуя леди Марс?

Оригинальное название : *Ascheherz by Blazon Nina*

Нина Блазон — «Пепельное сердце»

Авторы перевода: Анастасия Г, *Liana Sims* (1–5 глава), Юлия Н (6–12 главы), Алёна Д (13–14 главы), *Julia85* (с 15 главы)

Редактор ы: Анастасия А (1–5 глава), Ольга С (6–8 главы)

Алёна Д (с 9 по 12 главу), Настя З (с 13 главы)

Вычитка: Алёна Д

Оформление: Алёна Д

Обложка: Ира Б

Часть 1

Сон и действительность

Глава 1

Кровавый Мужчина

*Существует самое древнее и глубокое желание —
осуществить Великий Побег, Побег от Смерти.*

Д. Р. Р. Толкин

Кто желает избежать смерти, бежит к ней в объятия.

Демокрит

По ночам, которые принадлежали кровавому человеку, Саммер не осмеливалась засыпать во второй раз. Чем больше она боялась, тем чаще он находил её. Она никогда не видела его лица, она лишь запоминала его руки. И она могла только догадываться, насколько сильными они были. Их скрывали чёрные окровавленные перчатки. Но по напряжению в пальцах, которые обхватывали рукоять, была видна решительность, заставляющая её содрогаться. Краем глаза она заметила тёмный отблеск меча: тонкий и достаточно острый, чтобы отрубить голову, не прилагая особых усилий. Её сердце забилося так быстро, что она могла чувствовать, как пульсировала кровь в сжатых губах. Она закрыла

глаза и предалась разрушающему запаху металла и осознанию того, что леди Смерть вот-вот поцелует её ледяными губами в шею. Лезвие нежно коснулось её кожи потом слегка, словно переводя дух, поднялось. Тень оружия парила над землёй прямо перед ней, отдаваясь всё выше, пока кровавый мужчина поднимал меч. Саммер согнулась и почувствовала, как её колени ещё плотнее прижались к сырой, наполовину замёрзшей земле. Белое дыхание наложилось завесу на её глаза. На самом глубоком вздохе она рассеялась, позволяя миру вновь предстать во всей своей жестокости. Моргнув, Саммер увидела, как сверкающий косой луч зимнего света падал на её голые руки. В оцепенении она осмотрела ещё свежие следы оков, глубокие впадины, уродливое украшение, которое извивалось вокруг её запястья.

Каждый раз это был момент, на котором она просыпалась: задыхаясь, она хватала ртом воздух, борясь со сном, и убегала в безопасную тьму реальности. Убегала босиком из кровати в сумерках ночи к умывальнику рядом с дверью. Только когда она почувствовала холодную воду на своём лице, страх понемногу отступил. Потом всё ещё ошеломлённая она вышла на узкий балкон, который висел высоко над морем городских огней. Там она снова и снова ощупывала свои запястья, убеждаясь, что они безупречны — без ран и рубцов.

Оковы никогда не касались этой кожи.

Глава 2

Ночной театр

Этой ночью с хищными кошками шутки плохи; укротители имели дел по горло. Хороший знак, ведь это означало не только то, что зрительный зал был полон, но и то, что на сцене и за кулисами царило особое напряжение. Именно это нужно пьесе, которая, прежде всего, существовала за счёт выхода на сцену животных, и нужно игре актёров. Так как сейчас, в необычайно жаркие дни сонливой осени, апатия грозила подкрасться и к театральной труппе.

— Он здесь, наконец? — прошептал Морт Саммер. Хоть старый директор театра и пытался скрыть свою нервозность, Саммер было достаточно взглянуть на его руки, чтобы понять в каком он находился настроении: над каждой костяшкой и сухожилием болезненно туго натянулась кожа — так крепко он вцепился в канат и змеиную трость.

Саммер мгновенно отвела взгляд от его рук и подошла к щели между занавесами. Тем временем атмосфера там, снаружи, накалялась каким-то почти агрессивным образом — искристый дождь из эмоций, словно укутал Саммер как тёплое пальто. Пространство между занавесами открывало вид на средний ряд сидений. Освещение было достаточно ярким, чтобы Саммер могла без труда разглядеть посетителей — здесь было много городских лиц, гладких, белых; мужчины тщательно выбриты, женщины со светло напудренной кожей. Подчёркнуто равнодушное выражение лиц заставляло выглядеть их похожими друг на друга как братья и сёстры. Но в театре толпилось и много иностранцев, которые в эти дни в первый (и, вероятно, в последний) раз могли познакомиться с таким большим городом как Маймара. Они наводняли город уже в течение нескольких недель: искатели приключений, заблудившиеся или просто люди, которых заманили на побережье слухи о какой-то далёкой войне. Эти гости выдавали себя уже тем, с каким любопытством они вытягивали шеи и постоянно толкали в рёбра рядом сидящих людей, чтобы обратить их внимание на особенности театра — на громадный полукруг увенчанной солнечными символами сцены, и на обе боковые платформы, чьими единственными украшениями были белые экраны. При взгляде на многочисленные открытые рты, Саммер улыбнулась. Ещё не так давно, она сама точно так же изумлялась достопримечательностями Маймары.

Прямо среди толпы занял своё место почётный гость этой ночи: Батор Сэл, самый богатый судовладелец города. Саммер ожидала увидеть сильного впечатляющего мужчину, но теперь она была несколько разочарована, увидев хилого бледного старика. Казалось, его дорогое пальто было для него слишком велико. Только благоговейные взгляды местных жителей и корабельный герб на его плече выдавали его высокое положение. Саммер не так давно входила в состав трупы, но даже она знала, что ночной театр пережил денежный кризис лишь потому, что Батор Сэл оплачивал корм для животных. Большинство хищников и без того принадлежали ему, в конце концов, их доставляли из других стран на его корабле и исключительно с целью демонстрации здесь. Но были ещё и химеры из спрятанных в пригороде лабораторий: уродцы, такие как двуглавая лиса, которая особенно нравилась публике, и лошадь с тигровой шкурой.

— А сейчас? — настаивал Морт. — Батор здесь?

Саммер отошла от занавеса и кивнула старому мужчине. Тем временем у него уже выступил пот, и редкие окрашенные в иссиня-чёрный волосы склеились над его лысиной. Капельки пота собрались над могущественными бровями, из-за которых Морт порой сам казался диким зверем, стоило ему посмотреть мрачным взглядом. Но Саммер нельзя было ввести в заблуждение его грубостью. Хотя он и был ворчливым и алчным и с удовольствием гонял бы своих актёров кнутом и тростью, словно животных по сцене, но о своём старомодном театре, который он купил несколько лет назад на все свои сбережения, он беспокоился каждый вечер как о возлюбленном человеке.

— Батор занял своё место, — утешительно шепнула Саммер. — Мы можем начинать.

Словно её шёпот был боевым кличем, Морт потянул канат вверх. В тот же миг за сценой забурилась жизнь. Работники сцены разбежались по своим местам, что заставило снежных барсов зашипеть, а ручных птиц забить крыльями. Помощницы бросились к сундукам с одеждой. Лестница закрипела, когда толстый осветитель вскарабкался на сцену над их головами. Краем глаза Саммер увидела, как Морт подошёл к своему талисману — маске из чёрного материала, которая висела на опорной балке. В качестве единственного украшения на лбу блистала серебряная кошачья голова, начищенная до блеска от каждодневных прикосновений.

— Саммер, хватит тянуть резину, иди сюда, — позвала Спринг. Она взволнованно махнула Саммер рукой. Как и всегда, сегодня она была первой, кто надел свой костюм и маску. Но даже в течение дня, когда её весенний костюм из розовых чешуек, которые, вероятно, должны выполнять роль цветочных лепестков или змеиной кожи, ещё не был надет, она всё равно будто сияла: слегка полноватая девушка с волосами цвета соломы и навязчивой красотой сирены. На самом деле, в реальной жизни Спринг звали Ана, и она была родом из Камси — маленькой деревеньки в горах на востоке страны.

— Ещё одну секунду! — ответила Саммер шёпотом.

Она снова развернулась к занавесу, закрыла глаза и просто замерла. В покое и безопасности от бурных событий она могла чувствовать толпу, как, если бы она сама стояла среди любопытных зрителей: дрожь их дыхания, глухой скрежет подошв, нетерпеливо шаркающих по полу, скрипящие стулья, смех тут и там. Это был миг, принадлежащий только ей. Стоять невидимой в тени и при этом быть так близко к ним, кожа к коже, сотня бьющихся сердец, судьбы и мечты — даже, если многие из них вращались вокруг вина и женщин и не заслуживали внимания.

Одна из пантер зашипела. Запах хищников в клетках сегодня особенно чётко бил

Саммер в нос, но в нём присутствовал ещё и аромат дорого парфюма, чередовавшийся с резким запахом пота и бренди, которое разливали в портовых кабачках. Вероятно, этот запах и раздражал кошек.

— У тебя уже боязнь сцены, красавица? — Финн как всегда подкрался незаметно. Она ощутила тёплое дыхание его слов на своей шее ещё до того, как его руки легли на её плечи. От его прикосновения она вздрогнула, но всё же не сдержала улыбки. Саммер осторожно выскользнула из его рук. Правая половина лица Финна чётко вырисовывалась на тёмном фоне в пыльной полоске света, пробивающегося сквозь щель занавеса. Он был в гриме: золотые, серые и чёрные оттенки придавали его мягкому лицу угловатые героические черты Герона сына Солнца, которого он воплощал на сцене. Светлые зачёсанные назад волосы только усиливали этот эффект. Лишь улыбка, хитрая улыбка Финна, никак не сочеталась с трагичной фигурой.

— Давай! На сцену! — приказал осветитель сверху.

Финна это не заботило.

— Батор подождёт, — шепнул он Саммер заговорщицким тоном. — У нас есть всё время мира для одного поцелуя. Итак?

Когда он наклонился, Саммер с трудом подавила желание уклониться. Она рассмеялась и покачала головой.

— Попытай своё счастье с Анной или Черисс, Герон Сердцеед.

Когда она ловко скользнула в сторону и уже хотела его обойти, рука Финна внезапно сомкнулась вокруг её правого запястья.

— Холодные руки, холодное сердце, — прошептал он с драматичной грустью, которой он особенно хорошо владел на сцене. Финн застал Саммер врасплох, поднёс её руку к своим губам и поцеловав с нежностью, которая заставила Саммер замереть. — Ты должна была играть мою Зимнюю возлюбленную, не Черисс. По крайней мере, твой лёд настоящий.

— Здесь нет ничего настоящего, Финн, — с насмешкой ответила Саммер и, быстро отвернувшись, вырвала свою руку. — Это просто старый чуланный театр прошлого столетия. Ты не герой, а я не твоя возлюбленная. Но не все ли мы играем лучше всего те роли, которые нам чужды?

— Ауч! — Он ухмыльнулся. — Но не радуйся раньше времени, сегодня я тебя поцелую!

— И я надеюсь, за это Саммер тебя хорошенько поколотит, — прикрикнул на него Морт. — Иди на сцену или я выгоню тебя кнутом!

По знаку рукой Морта свет в зрительном зале погас. Публика вмиг умолкла, сцена засверкала в потрескивающем свете старого кинопроектора, который волшебным образом переносил чёрно-белое небо на экраны. Удивленный шёпот пробежался по толпе. Над сценой пришло в движение деревянное солнце и с помощью невидимых тросов опускалось навстречу земле. Саммер знала, что двум мужчинам, ответственным за то, чтобы выгонять солнечных быков на сцену, приходилось изрядно попотеть. Заиграла флейта, заглушая топот бычьих копыт. Жалостливая мелодия обрисовала заход солнца.

Саммер отступила назад как раз перед тем, как поднялся занавес, и поспешила к остальным за кулисы. Снаружи рассказчик начал повествовать историю о короле Свете с солнечной короной на голове, свалившемся с небес после сражения.

Черисс, игравшая Зимнюю возлюбленную Герона, стояла у клетки со снежными барсами и настраивала животных на себя. Она держала тушки мёртвых голубей как можно дальше, чтобы не испачкать кровью свой светлый костюм, и кормила кошек с помощью

багора — достаточно еды, чтобы утолить сильный голод, но слишком мало, чтобы они насытились и обленились. Когда Саммер пробежала мимо неё по самой большой дуге, какой только было возможно, Черисс блеснула ей своей мимолётной улыбкой и снова вернулась к животным. В своём серебристо-белом костюме она казалась ещё светлее и прозрачней, чем обычно. Стройная девушка с невероятно длинными ногами, которые в юбке с разрезом представляли в особенно выгодном свете. Белый мех прижимался к её подбородку, подчёркивая лазуритовые глаза. Естественно, этот цвет не был натуральным — так же как мрачно-чёрный цвет её волос. Кто работает в ночном театре, должен быть готов, примерить на себя шкуру кого-нибудь другого.

— ... в объятья леди Смерть опустилсся король Свет, — продолжал рассказчик. — Вниз, в преисподнею, которая жаждала того, чтобы погасить огонь его солнечной короны...

Это было репликой для пяти пантер, которых теперь выгнали на левую платформу, где они встретились с двумя быками. Каждый прыжок, каждый удар лапой были тысячу раз отрепетированы, и, тем не менее, борьба между солнечными быками и хищными кошками оставалась одной из самых сложных частей дрессировки. Рычание пантер заставляло даже актёров за сценой замирать, затаив дыхание. Саммер закрыла глаза, распознавая эхо грубых кошачьих голосов. Пол сотрясаясь под тяжестью быков. В публику прокралось осмотнительное беспокойство, вероятно, первые зрители уже задумывались над тем, было ли это хорошей идеей посмотреть «Полуночных чудовищ». Тем не менее, никто не решался пошевелиться и покинуть театральное помещение.

— ... но король Свет был отважным и сражался с вечной тьмой. Два дня и три ночи длилась его борьба, но ни свет, ни тьма не проигрывали. Наутро третьего дня женщина Смерти и мужчина Солнца остановились. Непобеждённые они стояли друг напротив друга, и им нравилось, что они видели...

Искусственный гром заставил хищников зашипеть. Снежные барсы за сценой принялись им подпевать и забегали по клетке. Серебряная пыль, которой Морт посыпал их белый мех на спине, заблестела как свежий снег. Но до тех пор, пока кошки оставались в клетках, волшебная иллюзия не работала. Здесь они были не спутниками Зимней женщины, а лишь старыми, злыми хищниками, которым даже спустя столько лет человеческий запах всё ещё создавал слишком много хлопот. Днём Саммер часто разглядывала хищников Морта, как они спали в своих клетках, видела вздрагивающие лапы и губы животных, слышала сонное урчание и задавалась вопросом, живут ли они, хотя бы во сне своей истинной жизнью. Охотятся ли они, бегают, думая, что театр — это кошмар, из которого они пытаются проснуться каждую ночь?

— ...и из объятий Тьмы и Света взял своё начало... Герон сын Солнца!

Выход Финна. Вступил барабанный бой, и наконец, у беспокойных ног в зрительном зале появилось занятие. Оттуда послышался свит и топот. В этот момент, Саммер окончательно была подхвачена стремительным потоком спектакля. Её щёки пылали от волнения и ожидания, наконец, окунуться с головой в свою роль и забыть обо всём остальном.

Она споткнулась в полумраке, спеша к чулану с костюмами. Миа, худощавая, веснушчатая Осенняя женщина, уже натянула свой красный костюм и нетерпеливо закрепляла зубами защитный бандаж на своём запястье.

— Давай я сделаю! — Саммер подпрыгнула к ней. Руки Мии были мускулистыми, а ладони в мозолях. Она была единственной, кто играла свою роль, висая на канатах в воздухе

— ветреная Осенняя возлюбленная, танцующая в небесах с листвою.

Саммер разрешили оставаться на земле, но зато её костюм был самым дорогостоящим из всех: зелёным и роскошным как само лето. Листья из бархата сомкнулись вокруг плеч и груди, шёлковая юбка цвета воды струилась по её ногам. Дорогое украшение в виде стрекоз нужно было вплести сложным узором в волосы. Подскочили две помощницы и дёргали, и тянули волосы Саммер, причёсывали светло-рыжие волны в гладкие пряди, плели и завивали до тех пор, пока каждое из металлических насекомых не нашло своё место. Время начало стремительно бежать — и пока Саммер ещё была занята тем, чтобы завязать последние узлы на рукавах и юбке, уже было время выхода Спринг, Весенней возлюбленной.

Тихий свист Морта, и все замерли — только Ана открыла клетку со змеями, присела на корточки и забарабанила ногтями по полу в быстром такте. Огромная гадюка — символ пробуждающейся в тепле весны — почуяла след и скользнула из клетки на руку Аны. Юная актриса бережно несла рептилию на своих руках и плечах, спеша на сцену. Над ней загрохотало, когда маленьких змей выпустили из коробок. С помощью каната Морт открыл контейнеры под сценой.

— Мой отец король Свет, но моя мать слепая жестокая леди Смерть, которая проглатывает своих детей, — говорил Финн. — С чёрными когтями она стремится к тому, чтобы уничтожить всю эту красоту...

— Давай, надевай пальто! — прошипела Миа Саммер. Тяжёлый предмет одежды состоял из деревянных прутьев и веток, которые словно воротник возвышались за головой Саммер. Тяжесть в ту же секунду пригнула её к земле. Саммер выпрямила колени, стараясь принять вертикальное положение. Ей не нравилось это пальто — оно делало её неподвижной, но к счастью, ей не нужно было носить его долго. Вокруг неё мельтешили помощницы, закрепляли, завязывали узлы, и, наконец, все зафиксированные полотна были собраны вместе на запястьях Саммер. Один рывок, и ткань снова свободна.

Раздался свист и аплодисменты, когда начала танцевать Весна. Саммер ощущала вибрацию от прыжков Аны под своими ногами и видела перед глазами сцену, будто она могла смотреть сквозь кулисы: танец Аны со змеями, заставляющий мужчин молчать в оцепенении, а некоторых и вовсе бросало в пот лишь от одного вида на эту ядовитую змею. И всё-таки мужчинам, которые испытывали страх, женщины, казались особенно прекрасными, а их любовь — особенно ценной. Это не было простым совпадением, что именно Ану и Черисс, выступавших с самыми опасными животными, буквально преследовали поклонники.

Саммер считала шаги Аны, до тех пор, пока та снова не остановилась после вращения и не замерла.

Это был знак.

Морт открыл ящики, и щелчок слышали лишь посвящённые. В этот же миг погасли все огни. Послышались крики удивления и ужаса, когда четыре дюжины змей попадали со сцены — в темноте мерцали рисунки на их спинах. Они были заблудившимися падающими звёздами, которые приземлялись на лысины, плечи и колени, молниеносно сползали под ножки стульев и скользили по дрожащим носкам ботинок. Другие змеи выползали из-под сцены. Теперь зал начинал закипать. Один мужчина закричал как резаный. Раздавался грохот, падали стулья, тяжелые убегающие шаги заставляли пол содрогаться, двери с грохотом захлопывались.

Миа встретила Саммер, скаля зубы. Саммер тоже не сдержала смеха, когда она

услышала испуганный вой мужчин. Теперь точно всем стало ясно, что большая часть зрителей были иностранцами. Каждый житель Маймары знал, что у маленьких гадюк, которых Морт выпускал в публику, больше не было ядовитых клыков.

— Да будет ночь, любимый, — невозмутимо продекламировала Ана. — Змеи тянутся к небу. Я следую за их сиянием.

Новая волна стоны прошла по толпе, когда Ана спрыгнула со сцены с гадюкой на плечах и закружила среди публики. В этот момент даже Саммер, затаив дыхание, надеялась, что никто из зрителей не пахнет крольчатинной или не испугает змею в неподходящий момент. Она была единственной, у кого ещё были ядовитые клыки.

— Не уходи! — жалобно кричал Герон сын Солнца вслед своей возлюбленной Спринг. — Зачем поцеловала ты меня, чтобы снова покинуть? Ты вырываешь моё сердце из груди!

На этом месте у Саммер всегда бегали мурашки по коже. Она не могла испытывать ничего другого, как действительно любить Финна за печаль и боль в его голосе. Пьеса была напыщенной, а история преувеличенной и яркой как ярмарочное представление, а актёры — лишь живыми украшениями для животных. Всё же Финн играл свою роль Герона, словно не существовало ничего другого. Каждое слово было настоящим. *«Драгоценный камень среди стекляшек, — подумала Саммер. — Ты растрачиваешь свой талант впустую на Морта».*

— Зачем нужно мне твоё сердце? — ответила Весна с насмешливой улыбкой. — Оставь себе, оно принадлежало мне достаточно долго. Ты всё ещё не узнаёшь меня, Герон? Я твоя юность. Обладать мной ты можешь лишь раз в своей жизни, во второй раз я не буду на твоей стороне.

В темноте Морт легонько постучал тростью по полу — сложная команда из азбуки Морзе, которую понимали лишь его рептилии. Не позднее чем через десять секунд на этот зов из зрительного зала последовала первая змея и скользнула под кулисы — движущийся сверкающий узор, похожий на ожившую цепочку, заполз в клетку. Вторая и третья змеи также вернулись из зрительного зала. Потом ещё с десятков собрались за решёткой клетки. Наконец-то и Ана скользнула за сцену.

— Сплошные пьяницы, — прошептала она, задыхаясь, и сняла серебряную маску с лица. Гадюка, которая, как и маленькие змеи, была покрыта светящимся порошком, заставляла щёки и волосы Аны светиться в темноте. — Два стула сломаны. И, по меньшей мере, тридцать человек убежало.

Снова заиграла музыка, сопровождаемая топотом копыт на боковой сцене, куда второй дрессировщик направил тигровую кобылу.

— Деньги приходят, деньги уходят — я жду лишь того, чтобы эти приезжие идиоты не затоптали всех моих змей, — проворчал Морт, забирая змею у Анны, и осторожно поместил её в клетку.

Свет мигнул, когда кинопроектор снова заработал. Саммер услышала, как некоторые зрители втянули воздух, и была уверена, что многие вцепились в свои стулья. Перед экраном на месте гарцевала тигровая лошадь с Финном на спине, но перед движущимся фоном для зрителей это выглядело так, словно она вместе с Героном неслась по небу с невероятной скоростью.

Морт принялся спешно освобождать птиц. Это был знак для Саммер. Осторожно она двинулась в своём пальто из веток к сцене. Она играла свою роль уже больше пятидесяти раз, но каждый этот раз незадолго до выступления её руки начинали дрожать. *«Пусть львы*

будут сегодня спокойны», — безмолвно молила она. Саммер не знала почему, но ни хищные звери, ни лошади не любили её. Только птицы не проявляли себя агрессивно или испуганно в её присутствии.

В зеркале, которое стояло напротив кулис, Саммер могла видеть отражение зрительного зала. Длинные пробелы и отдельно пустующие места свидетельствовали о выходе Аны. Даже стул рядом с Батором Сэлом был пуст.

Морт выпустил из авиария ласточек и иволог. В следующий миг Саммер стояла среди стаи. Кончики их крыльев касались её щёк. Поток воздуха вздымал шёлковые ленты её юбки. Отрывистый свет прожекторов отбрасывал дрожащие полосы света на птиц и схватывал их полёт в сотне моментальных снимков.

— Пять... шесть... семь... — отсчитывал ей Морт. Саммер быстро надела медную маску-бабочку и сделала глубокий вздох. Это был короткий, сверкающий миг счастья, ради которого она жила: секунда, когда она могла позволить себе забыться. — ... И пошла!

Под свист от мягких взмахов крыльев она переступила границу к другому существованию. Мерцающее течение унесло её с собой, слой, за слоем освобождая жизнь, пока от неё самой ничего не осталось. Саммер улыбнулась, и прохладная маска прижалась к её щекам, за секунду нагревшись и став частью неё.

Ласточки низко порхали по залу над головами зрителей, когда королева Лета вышла на большую поляну леса — леса, который кишел жизнью: сотни птиц, реагирующие на каждый её знак, летали кругами и меняли своё направление. На фоне нарисованных деревьев собрались все летние животные: два льва и дюжина разношёрстных обезьян, тигры с далёких островов, древесные жабы и попугаи. Среди этого изобилия Герон сын Солнца выглядел ещё более одиноким. Летняя женщина приказала ему своим повелительным голосом покинуть её лес. В глубине души Саммер задавалась вопросом, неужели когда-то она была другим человеком, неужели страх заставлял бежать её с места на место.

Пальто надавило на её плечи, когда больше пятидесяти иволог опустились на его ветви. Ещё пять, шесть шагов она с достоинством пронесла этот груз, потом сняла его с себя одним рывком за разрывную верёвку, оставив пальто стоять как место для сбора птиц, и подошла к воину. Вмиг всё стало так легко, каждый шаг был как полёт, каждый вздох как смех. Здесь она не вздрагивала от прикосновений, и вид на руки не вызывал неприязни. Она флиртовала с Героном сыном Солнца, снова и снова ускользя из его рук.

— Победи меня, если сможешь, — кричала она. — Но я предупреждаю: рабов ты можешь захватить, но лето не будет твоим вечно. Кто обладает мной, тот учится терять!

Из публики донеслись выкрики, когда большой лев бросился на Герона. Борьба с диким зверем выглядела пугающе правдоподобно. Летняя женщина смеялась, а время бежало дальше.

Она и Герон жили своей историей: было время борьбы и вражды, время споров и уважения. Спустя один танцевальный шаг — первая улыбка. Когда они, наконец, встретились глазами, взгляд Герона был настолько искренним, что Саммер ни секунды не сомневалась в его любви.

До тех пор... пока он внезапно не притянул её к себе, крепче, чем это требовалось в постановке, взял её в свои руки и склонился к ней слишком близко.

— Что ты делаешь, чёрт возьми! — прошипела она, но даже под гримом она узнавала дьявольскую ухмылку Финна.

— Ставки один к десяти, — прошептал он ей неслышно для зрителей и...

действительно попытался её поцеловать! Последние чары рассеялись. Теперь она была всего лишь девушкой в маске посреди сценического хлама и достойных сожаления животных. Ярость была как холодная струя воды — резкой и отрезвляющей. Молниеносно она отвернула голову в сторону и со всей силы ударила Финна по голени. Он ахнул и сразу отпустил её, но хорошо смог обыграть свою боль. Широкая юбка Саммер скрыла удар. Тем не менее, в зале кто-то радостно рассмеялся, и обезьяны, воспользовавшись этой возможностью, начали кричать. Теперь львы становились по-настоящему беспокойными, словно чувствуя гнев Саммер. За кулисами Саммер могла слышать шёпот Морта. Она взяла себя в руки и попыталась отвлечься на короткую паузу, за которую она отдалилась от Герона, и подозвала стаю птиц. Прежде чем она продолжила говорить свои слова, Саммер бросила косой взгляд на зрителей. Батор отклонился, скрестив руки, на спинку стула. На его губах играла улыбка. Он разглядывал Саммер с таким интересом, словно она была одной из хищных кошек, которым он оплачивал корм. Но это ощущение не было похоже на то, когда, несмотря на маску и костюм вдруг ощущаешь себя абсолютно голой. Когда Саммер посмотрела на пустующий стул левее от Батора, сценическое освещение вдруг превратилось в ледяной свет, который заставил её мёрзнуть.

На спинке стула: перчатки. Пальцы, которые глубоко впивались в кожаную обивку.

«Возьми себя в руки!» — отругала она саму себя. — *Повсюду есть мужчины, которые носят перчатки*». Но сегодня её сердце не слушало голову. И то, чего она боялась больше, чем всех хищных кошек вместе взятых, настигло её в мгновение ока. Театр поблёк, и реальность её ночных кошмаров приближалась к ней пугающе близко, так что она начала задыхаться. Её учащённый пульс выстукивал с каждым ударом картину, от которой она думала, что убежала: *Он*.

— Саммер? — прошептал Финн на ухо. Его руки крепко лежали на её талии. Должно быть, она сделала один-два больших шага, словно хотела удариться в бегство. В какой момент она попыталась покинуть сцену? Птицы всё ещё со свистом кружили, а зрители начали переговариваться.

— Смерть... — нащёптывала ей слова Миа из-за кулис. — Смерть и любовь...

Саммер моргнула, пытаясь узнать мужчину, который носил перчатки. Но он сидел в тени на следующем ряду. Она разглядела лишь его очертания. Прежде чем Саммер смогла приглядеться более внимательно, свет повернулся в её сторону и ослепил её.

— Смерть... — с ещё большим надрывом прошептала Миа.

Саммер сглотнула. Ей пришлось прочистить своё горло, чтобы наконец продолжить своё предложение.

— Смерть и любовь — соседи, — закончила она поспешно, без огня, без глубины, так жалко, что зрительница в первом ряду захихикала. — Но всё же... всё же разлука живёт в обоих домах.

Пока Саммер вырывалась из рук Финна и убегала со сцены, не договорив своих слов, она бросила взгляд в зрительный зал. Никаких рук, никакого Кровавого Мужчины. Никто не касался стула рядом с Батором, так же как и позади стула было пусто.

...

Морт кричал уже с тех самых пор, как последний зритель покинул театр. И Саммер не могла винить его за это.

— Именно сегодня так оплошать! — гремел он. — Что, если Батор остался не доволен пьесой? Ты почти всё испортила! Ты...

— Почти, — перебила его Черисс. — Но этого никто не заметил.

— Я это заметил! — разбушевался Морт и забил себя кулаком в грудь. — Я!

— Ладно тебе, Морт, — теперь подключился Финн. — Батору пьеса понравилась, он даже оставил нам деньги на вино. Кроме того, это была моя вина. Я изменил слова.

— И проиграл спор, — пробормотала Ана, освобождая крепления на костюме Саммер. В её голосе слышалась язвительная улыбка.

Морт пренебрежительно фыркнул.

— Слова туда, слова сюда, Саммер должна была среагировать. Если я захочу, чтобы кто-нибудь беспомощно пролепетал свои пару предложений, я с таким же успехом могу выпустить на сцену любого из портового квартала города.

Миа нервно закатила глаза. Это его изречение все знали наизусть.

— Так найди уже себе кого-нибудь из портового квартала, — сорвалась Саммер. — Тогда, по крайней мере, пьяным идиотам будет на что поглазеть. Ведь как раз об этом идёт речь в пьесе, не так ли?

В некоторые дни ей было легко играть свою роль: чересчур гордая девушка с южных островов, которая никому не позволяла ничего себе предлагать. Но сегодня даже этот навык давался ей бесконечно тяжело. Она всё ещё была сбита с толку. *«Это ничего не значит, — повторяла она себе, словно молитву. — Это всего лишь были перчатки. И короткая раздражительная реакция на них»*. Тем не менее, она была поражена, как ей удалось довести свой выход до конца. Во время заключительного поклона она не надела маску и лихорадочно обыскивала глазами каждый ряд. Но мужчина исчез. *«Конечно. Это был какой-то зритель, который ушёл. Вероятно, он схватился за спинку стула, когда вставал, и тебе не повезло посмотреть на него именно в этот момент»*. Звучало неплохо. Разумно. Но почему это не успокаивало её?

— Она ещё наглее! — кричал Морт. — Я вообще не понимаю, за что тебе плачу! Это ты должна возместить мне ущерб, за то, что испортила мою пьесу!

— Чаевыми тоже возьмёшь? С тем, сколько ты мне платишь, компенсация окажется весьма незначительной.

— Если это всё, чему ты научилась в театре в Кандуране, то я ещё слишком много тебе плачу!

Саммер фыркнула.

— В Кандуране, по крайней мере, следили за тем, чтобы в переднем ряду не сидели всякие сумасшедшие. Только не говори, что не видел того толстого рыжеволосого парня, который пялился на меня, словно обезумевший. И знаешь, что? Он прятал нож под своей курткой! У вас бы тоже слова застряли в горле!

Ухмылка Аны исчезла с лица, и даже Морт побледнел. Финн выглядел так испуганно, что Саммер пришлось опустить глаза. *«Ложь удаётся мне всё так же хорошо»*. Иногда для неё это было загадкой, как легко она могла заслужить доверие людей.

Саммер хотела убрать выбившуюся прядь волос за ухо, но заметив, как сильно дрожит её рука, оставила как есть. Вместо этого она встала, сбросив платье с плеч и грубо выдёргивая золотых стрекоз из волос.

— В Кандуране я была актрисой, — прокричала она с точно высчитанной долей обиды. — Здесь же, напротив, мы все марионетки, Морт — исполнительный скот и лёгкая добыча для так называемой публики.

И хотя Морт налился ярко-красным и набрал в лёгкие воздуха, чтобы на неё накричать,

Саммер чувствовала, что уже давно выиграла.

— Эй, теперь точно достаточно! — немедленно вмешалась Миа. — Остановитесь по-хорошему. Вы оба! Все совершают ошибки. И ты, Морт. Я. Финн. Все мы.

Морт издал разрушающее проклятье и непроизвольно протёр лоб тыльной стороной ладони.

— Не сегодня, — прохрипел он. — Не сегодня!

Вмиг он показался усталым и морщинистым, и Саммер задумалась, чего стоит старому дрессировщику, ночь за ночью играть строгого ворчливого директора. «*Столько же, сколько мне стоит быть напуганной до смерти и не показывать этого?*»

Теперь Морт спорил с Мией по поводу контроля на входе, но постепенно ярость уступала место усталости. Труппа внимательно осмотрела его. Беспокойство отражалось во всех чертах их лиц, в сдвинутых бровях и нахмуренных лбах. В такие моменты Саммер так сильно любила всех этих людей, что это причиняло ей боль. Они могли ссориться, ненавидеть друг друга и обижаться, но в своём маленьком мирке их переплетённых жизней никто никогда не пропадёт «*Они единое целое*». Формируя эти слова в своей голове, Саммер заметила, что ни разу ей не пришло на ум слово «мы». Но она не могла и не хотела задумываться, что бы это могло значить.

Чтобы скрыть дрожь, Саммер скрестила руки на груди и сжала ладони в кулак, спрятав их в подмышках. Черисс, которая неправильно расценила этот жест, успокаивающе положила руку на её плечи.

— Не бойся, Саммер. Мы позаботимся о том, чтобы этого парня больше не пустили в театр!

Это был один из редких моментов, когда Саммер позволила прикоснуться к себе. Глаза Черисс снова были выцветшего серо-голубого цвета, её утончённо очерченное лицо оставалось прекрасным даже без грима, хоть и заурядным, но таким знакомым. И Саммер отдала бы всё, чтобы просто прижаться в эти объятия, в «мы», которое уже начало тускнеть.

— Заканчивайте и дайте нам, наконец, отпраздновать! — сказала Миа.

— Да-да, вино, деньги и празднование — ничто другое вас больше не интересует! — проворчал Морт.

— Я устала, — пробормотала Саммер и мягко выскользнула из объятий Черисс. — И у меня... у меня сегодня нет настроения праздновать. — Она старалась не смотреть на Финна, хотя он всё время искал её взгляд, и взяла свою матерчатую сумку из сундука. Прежде чем кому-нибудь пришло в голову её остановить, она спрыгнула со сцены и с высокоподнятой головой пересекла театральное помещение. Как только Саммер перешагнула порог двери, она принялась бежать.

...

Вдоль пяти-шести улиц летели её ноги над землёй. Только когда от быстрого бега у неё закололо в боку, она остановилась на углу улицы, хватая ртом воздух. В городе стояла душная, вялая осень, которая любой ценой хотела быть летом. Но когда покидаешь нагретый от тел и наполненный застоявшимся воздухом театр, ночной воздух кажется лёгким и приятно прохладным. И хотя уже было далеко за полночь, ветер приносил с собой музыку и смех — с гавани, где путешественники вкушали каждый час перед отправкой своих кораблей. Всего пару шагов, и Саммер смогла бы укутаться в накидку из голосов и света. Но она прижала свою сумку к себе и прислонилась к стене дома. Грубая штукатурка впивалась в её спину. Большинство домов в Маймаре были выкрашены в бледно-голубой цвет. В свете

луны, повисшей над городом, словно гримаса мертвеца, они светились так, будто были лишь призраками жилищ.

«Это ничего не значит, — мысленно повторяла Саммер. — Он мне больше не приснится. Это осталось позади!» Но другой голос твердил ей, что она обманывает саму себя. Четыре месяца с ложным чувством безопасности, без кошмаров, с уверенностью, что она, в конце концов, нашла правильное убежище: Маймара, город масок, где торжество сменяется в такт дня, и туристы уезжают и приезжают в бесконечном потоке. А что теперь? *«Снова в бега? Бросить всё ради нового города и надеяться, что там он меня не настигнет?»* Ответ на этот вопрос она знала слишком хорошо.

Внезапный скрежет вырвал её из своих мыслей. Она обернулась и увидела всего лишь кошку. Секунду они смотрели друг на друга — обе застывшие в движении, обе подозрительные и на чеку. Потом животное убежало в тень, и Саммер почти рассмеялась сама над собой. *«Бродячая кошка, как и я. Девять и больше жизней».*

Но паника ещё не настигла её. Возможно, у Саммер была даже неделя, прежде чем он снова начнёт посещать её каждую ночь.

Саммер крепко повязала сумку вокруг талии и обогнула улицу, которая вела к старой части города на гавани. В конце улицы она заметила фигуру. Конечно, её сумасшедшее сердце тут же попыталось заставить её поверить, что это мужчина в перчатках, но свет мигающего фонаря бросил полосу света на растрёпанные белокурые волосы. Финн! Она почти улыбнулась. Подчёркнуто небрежно он прислонился к фонарному столбу.

— В чём дело? Сегодня Черисс тебе отказала? — крикнула она ему с вызовом. Она прекрасно знала, что он встречался с Черисс так часто только потому, что надеялся заставить Саммер ревновать. Но сегодня он не отреагировал на её колкости.

— Ну, я подумал, тебе будет не доставать твоей обуви, — ответил он без следа насмешки. Только сейчас Саммер осознала, что была босиком. И когда она посмотрела на себя вниз, ко всему прочему Саммер обнаружила, что всё ещё была одета в шёлковую юбку от своего костюма. Она была рада, что Финн не видел, как кровь прилила к её щекам. Какой же безрассудной нужно быть, чтобы вот так просто убежать в своём костюме?

Финн приблизился к ней так осторожно, словно опасался, что она снова убежит, и остановился на расстоянии вытянутой руки. Он стёр свой грим в спешке, и на его виске всё ещё сверкала золотая краска. Он сбросил с себя язык тела героя, и его лицо стало снова мягким, обретая почти застенчивую приветливость, которая в нём так нравилась Саммер.

— На самом деле я хотел извиниться, — сказал он. — За спор с поцелуем. Это была глупая идея. И неправильный момент. Но скажи, парень в зрительном зале — у него, правда, был нож?

— Да, — без колебаний соврала Саммер. — Я думала, в любую секунду он прыгнет на сцену. Неужели ты его не видел?

Финн покачал головой.

— Ты уже замечала его раньше?

— Разумеется! Кажется он... он меня преследует!

Финн закусил нижнюю губу. Он выглядел таким подавленным, что Саммер снова пожалела, что рассказала ему небылицу.

— Тогда ты должна была сказать об этом раньше. На то и труп — мы защищаем друг друга. Морт пообещал нам поставить в дверях вышибалу. И если он об этом не позаботиться, об этом позабочусь я.

Было так просто высмеять его, снова стать острой на язык девчонкой, в которую по непонятным причинам влюбился Финн. Но здесь, в полумраке переулка, она предпочла бы спрятаться в его объятьях.

— Ты меня до ужаса напугала, Саммер, — продолжил он ещё тише. — Я едва ли узнавал тебя сегодня на сцене. Выражение в твоих глазах... этот страх. Такой тебя я ещё не знал.

— Ладно, нет никаких причин делать из этого драму, — ответила она слишком резко. — Но спасибо, что принёс мою обувь. А теперь мне, правда, надо идти.

Он понял намёк, отцепил мешок от своего пояса и кинул ей. Саммер его поймала, достала свои сандалии и быстро надела их. Есть вещи, к которым она не привыкнет никогда. Обувь была одной из них. Она поблагодарила Финна коротким кивком и хотела уже убежать.

— Саммер, у меня есть для тебя кое-что ещё!

Она медленно развернулась к нему.

Финн улыбнулся и достал из кармана своих брюк горсть монет и купюр.

— Неужели ты готова отказаться от оплаты? И... — его голос приобрёл тёмное манящее звучание, — в гавани играет музыка.

Саммер покачала головой.

— Мне... мне, правда, нужно домой, Финн.

«Какая уже по счёту ложь за этот день?»

Финн скрестил руки на груди и приподнял левую бровь.

— К своему другу, которого ты от меня скрываешь? Во дворец, где ты спишь в позолоченной кровати на чёрных шёлковых простынях, которые сверкают прекрасней, чем море в ночи?

— Да, именно в этот дворец, — ответила она так же иронично. — Где тысяча тараканов во фраках только и ждут того, чтобы с почтением поприветствовать свою хозяйку.

Лицо Финна просияло.

— А я смотрю, мы живём в одном месте.

Теперь она вдруг рассмеялась. Разговаривать с Финном, всё равно что танцевать. Стоило сделать первый шаг, как уже оказываешься в следующем вращении. Тоска по тому, чтобы просто быть девушкой, которая флиртует с мужчинами, охватила её настолько внезапно, что она извиняющееся пожала плечами, развернулась и побежала вдоль улицы.

— Знаешь что? Тогда я хотя бы провожу тебя домой, — крикнул Финн ей вслед.

— Нет. Я сама найду дорогу домой!

Но так просто от него не отделаешься. В следующий момент он уже шёл рядом с ней.

— В этом я не сомневаюсь. Но ты порядком легкомысленна, чтобы ходить одной по переулкам. Представь, что случится, если рыжеволосый с ножом действительно следует за тобой по пятам. Он должен знать, что рядом с тобой есть герой.

— Герой, который может побороть только дрессированных чудовищ, — усмехнулась она. Но он совершенно точно слышал улыбку в её голосе.

— Хорошо, если ты не считаешь меня способным тебя защищать, нам лучше идти среди людей. Давай-ка посмотрим... — с ловкостью фокусника он на ходу подбросил монету и поймал её тыльной стороной руки, — ...орёл: она оставит меня стоять одного. Решка: она станцует со мной. — Даже не взглянув, он протянул ей руку. — Решка, правильно? — Вопреки его робости, в глазах Финна заблестел смех. — Давай, Саммер! Всего час твоего времени, возможно, даже пол. Один танец, один бокал вина. Потом я провожу тебя, куда захочешь. И если ты скажешь «Отвали!», тогда я уйду.

Саммер остановилась, и они были так близко друг к другу, что он легко мог справиться с украденным у него поцелуем. Но всё же здесь, без маски, он соблюдал дистанцию. И Саммер отметила, что для него всё это было серьёзно.

— Ты отказывала мне так часто, что я больше не попрошу тебя в следующий раз, — сказал он. — Всего лишь полчаса — неужели я так много прошу? — Словно по велению режиссёра зазвучала старинная мелодия флейты из трактира. Пара людей разразились смехом и запели первую строфу старейшей Маймарской песни — музыкальная экскурсия в прошлое города, которым туристы восхищаются каждый раз заново:

*У моей любимой рот карпа,
Нос как у морской собаки,
Её смех привлекает чаек,
Но как же сладко она целуется!*

Финн всё ещё смотрел на неё серьёзным взглядом, но при этом звенел парой монет в такт. *«Почему бы и нет? — возмутился упрямый голос. — Почему просто не побыть счастливой, хотя бы час?»*

Глава 3

Бродячая жизнь

Маймара походила на девушку, которая днём носила закрытые платья и делала вид, будто всё в этом городе соответствует своему назначению. Здания были простыми, узкими и высокими с крохотными окнами и массивными стенами, которые давали отпор штормовым приливам и наводнениям зимой. Жилые дома портовых рабочих были выкрашены дешёвой светло-голубой краской, которую добывали из выброшенных на берег ракушек. Дома богачей, напротив, украшала краска из камня, меняющая свой цвет с температурой воздуха: утром холодно-голубая, в полдень на солнце — красно-коричневая. Просторные складные помещения окружали внутренние городские районы и полукруглую гавань подобно выброшенным на берег китам.

Но было у города и пульсирующее дикое сердце, которое по ночам становилось совершенно другим, нежели днём: так и сегодня старый квартал на гавани надел торжественное облачение из фонарей и баннеров. На каждом углу делали ставки. В лавках продавали жареных кальмаров, водку и перламутровые маски для людей, предпочитавших оставаться неузнанными в этом квартале. Саммер и Финн подошли к маленькой группе музыкантов, которые играли на пристани прямо под открытым небом. Женщины в масках сирен подпевали громкими и пьяными голосами, а мужчины хлопали в такт. В последний раз Саммер обеспокоенно осмотрелась вокруг, но никто не обращал на неё внимания, никто не носил перчатки, и больше ничто не напоминало ей о сне.

Это продлилось не полчаса. И даже не час. Они покинули гавань только тогда, когда последний музыкант упаковал свою гитару. Мир Саммер всё ещё танцевал, а привкус крепкого вина наполнял каждый вздох сладостью. Она и Финн держались за руки, и, как ни странно, в эту ночь ей было легко предаться этой близости. Здесь и сейчас они были просто парой, неторопливо прогуливающейся по переулкам — быть может, домой, или в чужую кровать, что стоила дешевле.

— Куда теперь? — спросил Финн. Чем дальше они отдалялись от гавани, тем тише они говорили, пока и вовсе не перешли на шёпот. Саммер указала на юг, где жалкие многоэтажки внешнего района города возвышались над прибрежными горами. Финн тихо

присвиистнул сквозь зубы. — А ты и правда живёшь в месте, куда даже Морт не ступил бы и одной ногой.

Где-то позади них несколько бродячих кошек рылись, судя по всему, в мусорных баках, но на этот раз Саммер не испугалась. Быть может, дело было в вине, но сон поблёл в тени, а луна больше не выглядела как гримаса мертвеца, скорее как устало улыбающийся мужчина, смотрящий на полуночников с лёгкой насмешкой.

— Пойдём, — прошептала Саммер Финну. — Давай сократим путь. Это безопаснее, чем идти по большой улице.

Её шаги были беззвучны, когда она свернула на окольную дорогу, которая по кривой привела бы их к жилому кварталу Саммер. Под своими ногами она ощущала борозды, оставленные в асфальте устричными тележками.

— Я всегда поражался, что ты имеешь против обуви? — шёпотом спросил у неё Финн. — На острове так принято, ходить босиком?

— На моём острове — да. Моя мама всегда говорила, кто напяливает обувь, тому с таким же успехом можно нацепить намордник, и он не станет жаловаться.

— Во всяком случае, это объясняет твой острый язык. С какого именно острова ты родом?

— Тувалу. Южная часть. Батор Сэл заходит в гавань и покупает там красный янтарь для ювелирных украшений.

— Красный янтарь, — тон его голоса звучал немного задумчиво. — Почти как твои волосы, но твои глаза напоминают скорее дымчатый кварц.

— Волосы у меня от матери, а глаза — от отца, рыботорговца. — Хоть от вина её мысли стали тяжёлыми и туманными, над правильными ответами ей не приходилось задумываться ни секунды. Она вообще не могла быть настолько пьяной, чтобы забыть детали собственной жизни. Слишком сильно она желала, чтобы они были правдой.

— В самом деле? Твой отец всего лишь простой рыботорговец? Я мог бы поклясться, что ты родом из богатой семьи.

— Как ты пришёл к такому выводу?

Краем глаза Саммер заметила тенистое пожатие плечами.

— Ну, иногда ты как-то... непосредственно разговариваешь с людьми. Так, будто ты привыкла приказывать. Кроме того: есть не так много людей, которые гордятся быть актёрами, как это делаешь ты. Те, которые становятся ими из бедности, жалуются на свой выбор. И лишь те, кто решился на это по доброй воле, любят свою работу. И обычно они приходят из богатых домов, думая, что теперь они, наконец, обретут свободу.

Саммер улыбнулась. Это была самая простая игра — брать образы, которые ей предлагал собеседник, и формировать по ним собственное «Я».

— А кто сказал, что рыботорговцы должны быть обязательно бедными? — прошептала она. — Мои родители занимали тридцать рабочих в рыбном зале.

— Значит, я всё-таки прав, и ты богатенькая девочка?

— По крайней мере, была ей. Я родилась в мраморном доме и могла бы жить как принцесса предместья, но уже с детства я любила театр. Так что я ушла в Кандуран, хотя моя семья была против.

Образ, который Саммер только что описала, казалось, шёл в ногу с ней одной дорогой в обществе многих других девушек, которыми она уже была. Лишь смутно и едва различимо она узнавала среди всех этих выдуманных созданий саму себя: незнакомку, чуждую ей.

Истекающую кровью, с ссадинами и пустым взглядом, и с этим страхом в сердце, который гнал её из города в город.

— Сколько тебе было лет, когда ты покинула Тувалу? — поинтересовался Финн.

Саммер замедлила шаг. Когда речь заходила о числах, это означало, что нужно быть осторожной.

— Почему ты хочешь это знать?

— Морт утверждает, что тебе двадцать пять. Но я...

— Вот как! Ты считаешь меня обманщицей?

— Т-с-с! Хочешь привлечь вредителей? Нет, но ты та, кто точно знает, чего она хочет и как это получить. Это мне и нравится в тебе.

Саммер пожала плечами.

— Морт хотел актрису в возрасте Мии. А я хотела роль любой ценой. Что бы ты сделал?

Рука Финна крепче сжала ладонь Саммер, словно они только что заключили договор. Было кое-что ещё, чему она не переставала удивляться: иногда признание лжи служит лучшим подтверждением её правдоподобности, чем, если бы Саммер продолжала настаивать на своей версии.

— И... сколько тебе лет на самом деле? — спросил он, спустя некоторое время.

«Один год и четыре месяца, Финн. Пятьсот одиннадцать дней бродячей жизни».

— Семнадцать, — ответила она. И быть может, даже так оно и было?

— Да, это больше тебе подходит, — сказал он с улыбкой в голосе. — На год младше меня, я тоже очень рано стал актёром. Ну, да, моя семья была настолько бедной, что им пришлось избавиться от меня, как только это стало возможным...

С многозначительной паузой, последовавшей после его слов, Финн приоткрыл для неё дверь в собственную жизнь. Конечно, он ожидал, что она ступит на порог и осмотрится вокруг. Но Саммер закусила нижнюю губу и молчала. Каждый вопрос и каждый ответ создавали новую ленту событий и новое будущее, которого никогда не будет. Уже сейчас она считала шаги, оставшиеся ей прежде, чем она будет вынуждена двинуться дальше одна. Саммер незаметно замедлилась, вкушая каждый вздох его присутствия и чувствуя себя при этом воровкой.

— И... Ты так же заставила Морта поверить, что тебя на самом деле зовут Саммер? — продолжил Финн через некоторое время.

— Меня так зовут! Я всегда ношу имя своей роли. Это...

— Но какое настоящее твоё имя? Которое тебе дали родители?

Последнее тепло от вина испарилось. Каждый раз было одно и то же. На несколько недель она забывала о своём одиночестве и даже о том факте, что она была никем. Недели, когда она становилась кем-то, когда она говорила «мы», словно это было обычным делом. До тех пор, пока они не начинали задавать вопросы. А вопросы они задавали всегда.

— Да что с тобой? Тебя, правда, зовут Финн? Или это твоё сценическое имя?

Он резко остановился и задержал её. Они застыли на перекрёстке переулка и пересекающей дороги.

— Вот видишь? И так всегда, — внезапно в его голосе ощутилось нетерпение и злость — чувства, о которых Саммер в нём не знала. — Рано или поздно ты переводишь тему, заговариваешь людей до тех пор, пока те не забывают, что они хотели о тебе узнать.

Она тихо рассмеялась.

— Люди предпочитают говорить о себе.

— Я — нет! Если я задаю вопрос, то я задаю его всерьёз. И тебе я задаю его ещё серьёзнее, чем остальным. Тем не менее, я знаю, что ты пьёшь вино так, как будто не пробовала его прежде, и танцуешь так осторожно, как будто не осмеливаешься быть счастливой. И я знаю, что люди как Морт нравятся тебе больше, чем ты сможешь кому-нибудь в этом признаться, даже, если ты и смеёшься над всем и каждым. Но твоего имени я не знаю. Я спрашиваю абсолютно серьёзно: как тебя зовут?

— Оно похоже на моё... на моё сценическое имя.

— Суния? Сумал? Скажи же!

— Суламар, — ответила она первое, что пришло в голову. *«Это вообще островное имя?»*

Но, казалось, Финн ей поверил.

— Суламар из Тувалу, значит. И... что с тобой произошло, Суламар? Почему ты ушла из знаменитого театра, чтобы прибыть именно в Маймару?

Саммер хотелось вырваться из его рук, но он держал её крепко — нежно, но с силой. О том, как выглядят его глаза, она могла лишь догадываться: ночное море, под гладкой поверхностью которого плавали сверкающие рыбы.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, — прикрикнула она на него. — Это что, допрос? Возможно, это была тоска по приключениям. Я и предположить не могла, что я именно к Морту...

— Тоска по приключениям? — Теперь в голосе Финна звучала насмешка. — Я вижу кое-что другое, наблюдая за тобой: девушку, которая часто оглядывается по сторонам, даже не замечая этого. Она постоянно кажется на чеку. Она не позволяет прикасаться к себе, а сегодня испугалась мужчины с ножом. Она спасалась с острова бегством? От возлюбленного? От жениха? От убийцы?

Последний слой лжи, в которую она сама хотела искренне верить, растворился.

— Возможно, — нерешительно сказала она. — Возможно, всё так, как ты говоришь, а возможно, совершенно иначе. — *«И веришь в это или нет, Финн, но на этот раз это правда».*

— Суламар, — прошептал Финн с нежностью, которая сдавила её горло. — Что бы с тобой ни произошло — ты должна знать, ты можешь мне доверять.

До сих пор Саммер убеждала себя, что у неё будет время попрощаться. Но теперь она поняла, что зашла слишком далеко. Она не может остаться. Ни неделей больше, ни днём больше. Время у Морта кончилось для неё здесь и сегодня. Груз одиночества бесчисленных ночей и дней снова упал на её плечи. Каждое прощание, каждая минута, в которую она осознавала, что она была потерянной, была дрейфующим обломком города. Так легко быть кем-то, но так тяжело кем-то оставаться. Рано или поздно её собственные образы рассыпались сквозь пальцы, оставляя после себя только дым и пепел сожженного существования.

Казалось, переулочек стал ещё более тёмным, ещё более жалким, а звуки чётче. Но счастье последних часов зависло в воздухе словно дым незадолго до того как испариться. Последние секунды, когда она действительно была девушкой из Тувалу, которая ударилась в приключения и влюбилась здесь в нежного искреннего мужчину. *«Это принадлежит мне!»* — запротестовала она с яростным упрямством. — *«Всего лишь этот момент!»*

— Я... Я что-то не так сказал? — робко спросил Финн. — Тебе грустно? Хочешь...

— Прекрати, наконец, спрашивать, — прошептала Саммер. Она подошла к нему и

положила ладони на его лицо. Финн в удивлении втянул воздух, но не обнял её, как и не стал торопить, когда её губы приблизились к его рту. Хотя Финн и был высоким, ему не пришлось наклоняться к ней, чтобы она смогла его поцеловать. Его волосы все ещё пахли театральной пудрой. Его дыхание встретилось с её губами, тёплое и манящее, и всё её тело стремилось к этому поцелую. Но Саммер не смогла ничего другого, как остановиться, неспособная преодолеть последнюю дистанцию. *«Но ведь я влюблена в него, — думала она в замешательстве. — Или нет?»*

Каждой клеточкой своего тела Саммер знала, что в этой жизни она кого-то (а может, многих?) уже целовала. Это не было чем-то новым, не тем, чего она боялась, но почему её сердце спотыкалось, словно ей овладевал страх? И почему ей внезапно стало холодно? Она могла чувствовать напряжение Финна, его желание, ауру тепла и ожидания. Каждый удар сердца был для неё словно зов, находивший отклик во всём её теле.

Саммер моргнула, и в следующую секунду она поняла, почему медлит. В перерыве между двумя ударами сердца время внезапно замерло, и в этой пустоте распустились цветы из тени и... воспоминания! Она старалась их нащупать. Но это было опознание без картинок, лишь отрывок, никакой отправной точки, которой он мог бы принадлежать. Она почувствовала чужие губы на своих, хотя рта Финна она даже не касалась. Давным-давно (насколько давно?) она поцеловала мужчину! Но это не было романтическими воспоминаниями. Это было...

Испуганно она отпрянула назад и распахнула глаза. Поцелуй из прошлого всё ещё обжигал её губы. Он был со вкусом жары, дыма и... утраты.

Следующее, что она увидела между двумя ударами сердца: разочарование Финна и вопрос, который уже сформировался в его мыслях.

Саммер лихорадочно искала объяснение, которое не ранило бы его, в то время как её пульс нёсся с бешеной скоростью, а колени грозили подкоситься.

И тогда каждая мысль раскололась.

Фигура Финна рассеялась во вспышке света и осталась яркой болезненно-красной. Ей даже не хватило времени закричать. Почти с удивлением она почувствовала, как её голова резко дёрнулась в сторону, как её зубы ударялись друг о друга под воздействием столкновения. Она падала, когда в её виске сверкнула колющая боль. *«Кто-то выстрелил в меня!»* — кричал голос в её голове. Пока она падала с ног, в ушах звенел испуганный крик Финна. Саммер жёстко упала на дорогу, прочертив ладонями по асфальту.

— Суламар! — Рядом с ней уже был Финн. Он поднял её и притянул к себе. Резкое жжение пульсировало в её виске, и что-то тёплое стекало по скуле. По дороге покатился камень, качнулся и остановился. Она в оцепенении ощупала свой лоб и нашла лишь маленькую ушибленную рану. Это не было выстрелом из оружия. Но кто-то очень точно прицелился и удачно попал в неё камнем. Совершенно точно, что уже от гавани за ними следил злоумышленник: за женщиной в праздничном шёлковом платье и за мужчиной, который был ослеплён влюблённостью и опьянён вином — лёгкая добыча для каждого, кому нужны были лёгкие деньги.

Финн обвил руку вокруг её талии и потянул Саммер вверх. С трудом она встала на ноги. Раздалось дребезжание, и на этот раз это не были бездомные животные, которые шумели. В темноте что-то зашевелилось, фигура — или две? *«А мы безоружны!»*

— Убирайтесь! — прорычал Финн, но это прозвучало не слишком убедительно. Теперь он схватил камень с земли и бросил его в тень. Разбилось стекло — и несколькими улицами дальше начала лаять собака. Сейчас должны были открыться окна, вылететь люди из домов, но, очевидно, для этого это была неправильная часть города.

Финн схватил Саммер за руку.

— Уходим отсюда!

В следующее мгновение они бежали вдоль поперечной улицы. Саммер мгновенно рассчитала приблизительные возможности. Люди, которые здесь жили, очевидно, предпочитали держаться в стороне, но недалеко отсюда был отель, который содержал вооружённого охранника. Саммер почти потеряла равновесие, вихрем повернув за угол. Её вздохи отдавались эхом в переулке, но никто не следовал за ней, по крайней мере, она не слышала других шагов.

Но потом Финн тихо вскрикнул, что-то твёрдое (палка?) с неприятным звуком ударило по коже. Саммер бросила взгляд через плечо. Две тени боролись друг с другом. Финн и кто-то, кого она не могла узнать. Она лишь сумела разглядеть, что противник был куда крупнее Финна. И во много раз быстрее.

— Оставь... девушку в покое! — произнёс Финн. — Саммер, чёрт побери, беги!

Потом он получил удар кулаком. Саммер парализовало осознание: «*Финн сдерживает этого парня! Но он преследовал меня!*» И совершенно точно, дело было не в деньгах.

Финн застонал и свалился с ног от следующего удара. Фигура из тени выпрямилась и с грацией дикой кошки скользнула к Саммер. В лунном свете сверкнуло лезвие ножа. Серебряная смертельная рыба, нырнувшая сквозь ночь — точно к её горлу! Наконец ноги послушались её. Саммер больше не тратила время на раздумья, её тело действовало самостоятельно: она молниеносно бросилась в сторону. Металл задел её плечо, затем лезвие проскребло по камню стены позади неё. Запах кожи и бренди пустил новую волну панической дрожи по всему телу.

Саммер издала крик и бросилась бежать. Две-три секунды она думала, что у неё есть преимущество. Но болезненный рывок за кожу её головы вразумил Саммер. Рука вцепилась в её волосы. Уже тогда, когда она споткнулась, удар по внутренней стороне колена заставил её окончательно упасть. Она слышала лишь свой собственный крик, на этот раз гортанный и хриплый, исходящий из самой глубины. Потом мир втянулся в вихревой вакуум. И пока она, падая с ног, сражалась зубами и ногтями с рукой, сдавшей её горло, сознание Саммер без предупреждения щёлкнуло.

Она оказалась в центре изображения какой-то другой реальности.

Это было хуже, чем несколькими часами ранее на сцене, это было гораздо хуже, чем по ночам:

Она больше не была в переулке Маймары. Был день. Она извивалась не на мостовой, а на наполовину замёрзшей земле. Место казни! Её запястья были закованы в кандалы. Снег летел ей в лицо и таял во рту. Её зубы стучали от ледяного ветра. На этот раз лезвие меча коснулось её горла. Тем не менее, боль была не слишком сильной, будто сначала лезвие хотело осторожно попробовать вкус её кожи. Дыхание Кровавого Мужчины порывисто просачивалось сквозь стиснутые зубы. Отчаявшись, она закатила глаза, пытаясь взглянуть на лицо, но (колеблющееся?) солнце ослепило её. Всё же когда она моргнула, их взгляды встретились в этой странной бледной полоске света. Вероятно, она ожидала увидеть чудовище, во всяком случае, её безгранично поразило, что у него было человеческое лицо.

Правда, она не могла видеть его чётко, слишком близко они находились друг к другу. Саммер догадывалась, что он был молод. Отчётливо она распознавала лишь прямые ясно очерченные брови, к которым прилипли снежинки, и светлые глаза. Они были серо-зелёными, сужеными от ненависти и пылающие гневом.

Оглушительный шум швырнул её назад в реальность. Рука отпустила её волосы, и Саммер, теряя равновесие, ударилась о стену и упала на землю. Где-то послышался пронзительный крик и лай собаки. Саммер медленно начала понимать, что шум был выстрелом. Низкий лай раздавался теперь совсем близко. В переулке послышались шаги, затем всё стихло.

— Эй, ты ранена? — сказал приглушённый... *женский голос?* Когда Саммер осторожно открыла глаза, она увидела прямо перед собой узкие штаны и чёрные кожаные сапоги с металлическими носами. — Привет! Ты меня слышишь? Ну, давай, посмотри на меня! У тебя всё хорошо?

Задышающееся дыхание скользнуло по лицу Саммер. Она повернула голову и встретила с глазу на глаз с лохматым страшилищем — охотничьей собакой. Саммер испуганно вскрикнула и поползла назад, пока стена не остановила её.

— Назад, Йола, — спокойно сказала незнакомка, и собака тут же послушалась. Женщина склонилась вниз, недолго думая схватила Саммер за плечо и поставила на ноги. Саммер разглядела лицо с высокими скулами, холодные серые глаза и туго зачёсанные назад волосы. Женщине было самое большое лет тридцать, скорее, даже меньше. Пока Саммер удивлялась, что смогла рассмотреть все эти детали в темноте, она заметила в руке женщины фонарик. Его свет отражался от стен и погружал переулок в призрачное сияние.

— Успокойся, девочка. Я тебе ничего не сделаю, — сказала незнакомка немного дружелюбней. — Дыши глубоко. Можешь стоять самостоятельно?

Всё ещё в оцепенении Саммер кивнула, и женщина отпустила её, отходя на шаг назад и осматривая прищуренным взглядом. Колени Саммер казались настолько мягкими, что ей пришлось прислониться к стене. Обрывки воспоминаний смешались с реальностью, и она не знала, что было хуже. *«Мне нужно убираться отсюда! Убираться с этой улицы. Сейчас же!»*

Свет фонарика сначала прыгнул на её лицо, потом скользнул вниз на платье. Дорогой шёлк замерцал среди асфальта и грязи.

— Однозначно неправильный квартал, чтобы гулять в бальном платье, принцесса, — сухо заметила женщина. Только сейчас Саммер бросилось в глаза, что её собеседница вооружена. Пистолет торчал в кожаной кобуре на ремне женщины. А её узкая куртка без рукавов в разрезе напоминала униформу. Только рисунок на ткани был необычным. Светлые и тёмные кожаные квадраты были пришиты друг к другу, таким образом, что возникал шахматный узор.

«Городская полиция?» На несколько мгновений новая волна страха погасила ужас от нападения.

Женщина отвернулась и проследила лучом света по кровавому следу, который исчезал в следующем переулке. При виде блестящих капель Саммер стало так плохо, что ей пришлось подавить рвотный порыв. *«Он здесь! У него есть лицо — и он действительно преследует меня!»* — кричал голос в её голове.

«Но образ из сна не может истекать кровью, — пыталась она убедить саму себя. — Нападавший определённо не имеет ничего общего с Кровавым Мужчиной».

— Я ранила его, — сказала женщина с ледяной гордостью. — К сожалению, только в руку, иначе я могла бы попасть в тебя. Но бьюсь об заклад, он не скоро осмелится напасть на женщину.

При её словах свет скользнул дальше и нашёл Финна. Он прислонился к стене, словно марионетка, нити которой были обрезаны. Прядь его волос запуталась в грубой штукатурке. Саммер забыла о собаке и пистолете, она бросилась мимо женщины и упала на колени рядом с Финном. Из-за её прикосновения его тело потеряло и без того хрупкое равновесие. Финн сильно наклонился в сторону, и Саммер обхватила его, позволяя бережно опуститься на землю. Когда она положила руку на его грудь, Саммер с облегчением почувствовала сильное сердцебиение. Она осторожно осмотрела его в поисках колотых ран и порезов, но не нашла ни одной.

Незнакомая женщина подошла к ним, наклонилась вниз и приподняла правое веко Финна. Когда она посветила фонариком ему в лицо, Финн застонал. Судя по всему, он скоро должен был прийти в себя.

— Всего лишь без сознания, не мёртвый, — сказала женщина. — Никаких повреждений, насколько я вижу. Полагаю, когда он очнётся, будет думать, что ему на голову упала черепица с крыши. Он твой друг?

Саммер задержала дыхание. Уже сейчас она испытывала трудности. В Маймаре никто не выстреливал в человека безнаказанно — даже в целях самообороны. Казалось, женщина об этом не беспокоилась, что означало два варианта: либо она не имеет никакого понятия о законах Маймары, либо её положение давало ей привилегии такого рода. На последнее указывало оружие, дорогой фонарик и странная форменная куртка. Но какой бы ни была, правда, городская полиция будет задавать Саммер вопросы.

Ей хотелось убежать прямо сейчас. Но собака наблюдала за ней с такой настороженностью, будто ожидала от неё именно этого. Мех на её шеи был взъерошен, и Саммер почти тёмной аурой могла видеть агрессию, исходившую от неё. С чего бы именно этой собаке реагировать не так, как другие животные?

— В чём дело? Язык проглотила? — в деловом голосе звенело нетерпение. — Говори уже, девочка! Это твой парень?

Саммер кивнула, так как этот ответ требовал меньше всего объяснений.

— Ага. А ты смогла рассмотреть нападавшего? Или, может быть, ты даже знаешь, кто он? Боже мой, вы все здесь, в Маймаре, как немые рыбы?

Саммер подавилась кашлем.

— Нет, — наконец произнесла она.

— Смотри-ка, ты всё-таки можешь говорить! Ты живёшь здесь поблизости?

Внутри Саммер всё напряглось. Она опустила голову, пока её длинные волосы не скрыли лицо. Не то, чтобы всё ещё был смысл прятаться.

— Я... нет. Я всего лишь проездом.

Казалось, что собака могла чують неискренность, она предостерегающе зарычала, полная враждебности до самых кончиков своего меха. Поверила ли ей женщина, Саммер понять не могла. Но её подозрительный взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Ну, тогда мы сидим буквально в одной лодке, — наконец сообщила она. — Я тоже сделала здесь всего одну остановку. Вам повезло, что я сегодня так рано пошла в порт. Ну, теперь я, пожалуй, как раз могу занять время. — Это звучало не слишком восторженно. Она подошла к двери и постучала другой стороной фонарика по дереву. — Эй! Откройте!

Раненому нужна помощь!

Но ни за окнами, ни за дверями никто не шелохнулся, только несколькими домами дальше приоткрылась верхняя дверь, и прорычал грубый мужской голос:

— Убирайтесь отсюда!

— Какой гостеприимный город, — проворчала женщина.

Финн вновь застонал и начал шевелиться в руках Саммер. Собака издала глухое рычание. Вероятно, это стало тем, что окончательно привело Саммер в сознание. Ей нужно уходить. Но прежде ей нужно отделаться от собаки.

— Почему мы стоим здесь? — закричала она. — Люди нам не помогут. Но тот тип может быть поблизости. Он ранен. Почему Вы не натравите собаку на его след?

Незнакомка фыркнула с едва скрываемым презрением.

— Я должна рисковать жизнью своей собаки, чтобы преследовать какого-то вооружённого идиота, который в компетенции полиции? Нет, я помешала перерезать ему твою плотку, для начала этого хватит. Я определённо не натравлю Йолу среди ночи на мужчину, не зная, какое ещё оружие он может иметь при себе. — Расценив разочарованное лицо Саммер неправильно, она добавила: — Не волнуйся, тот, кто был подстрелен, не сможет прятаться долго. Даже в Маймаре. Полиция выследит этого типа.

Значит, она действительно планировала подключить полицию. Это означает, они будут допрашивать Саммер. Возможно, даже возьмут под охрану. Они станут копаться в её прошлом и выяснят, что нет никакой Суламар из Тувалу. А что, если они посадят её в тюрьму? *«Что, если он найдёт меня, а я не смогу убежать?»* От одной только мысли её пробил пот.

— Финну нужна помощь! — закричала Саммер на женщину. — В двух улицах отсюда есть отель. Я пойду туда и приведу...

— Никуда ты пойдёшь, девочка-танцовщица! Посмотри на себя! Ты бледная как смерть. Возможно, ты впадёшь в шок уже в следующем переулке. — Женщина свистом призвала собаку и без предупреждения бросила Саммер фонарик. — Я знаю отель, о котором ты говоришь. И упыря хозяина, поскольку случайным образом я там сегодня переночевала. В общем, не двигайся от этого пятна крови и не забывай дышать, белая простыня. Я вернусь через пять минут!

Саммер не пришлось играть облегчение, которое принес этот приказ. Она поспешно кивнула и послушно съёжилась рядом с Финном. Женщина и собака одновременно убежали. Незнакомка двигалась пластично как кто-то, кто привык ходить долго и быстро. В следующий момент она слилась с тенью.

Саммер откинулась назад и вздохнула. Теперь её сердце стучало наперегонки с головной болью. Внезапное головокружение лживо заверило её, что она снова теряет равновесие. Как будто реальность из кошмара только и ждёт того, чтобы снова овладеть ей.

Осторожно положив голову Финна на землю, Саммер встала, борясь со слезами. Суламар никогда бы не бросила его на произвол судьбы. Она бы поцеловала его, любя всем сердцем, и до последнего сражалась бы за него, вместо того, чтобы трусливо убежать.

Но она не Суламар. Она внушила себе, что влюблена в него, но в действительности это не так. И теперь она осознавала это с болезненной ясностью. Её смех никогда не был до конца настоящим. И она не была ни мужественной, ни сильной, а лишь безымянной девушкой без памяти, которая, словно вор украдкой проникала в жизнь других людей и думала лишь о том, как спасти собственную шкуру.

Она вложила фонарик в руку Финна и бережно сжала его пальцы вокруг него.

— Мне очень жаль, — сказала она подавленным голосом. — Я бы так желала любить тебя. Но это была ложь. Как и всё остальное. Вот-вот придёт помощь. И ты меня забудешь. Пожалуйста, забудь меня!

***

Жилой квартал Маймары на склоне горы с таким же успехом мог называться «Местом неизвестных». В жалких высотках, возвышавшихся в тени отвесного склона горы, проживали подёнщики и сезонные рабочие, которые появлялись весной, а осенью исчезали вновь. Маленькие чашевидные балконы, отголоски богатых времён, прилипали к стенам, словно ракушечные наросты. Квартиры были дешёвыми и всегда оплачивались заранее. Никто не спрашивал имён, а мертвецов, одиноко умиравших в этих комнатах, находили только тогда, когда один из управляющих взламывал дверь, потому что арендная плата за неделю отсутствовала.

В любой другой день Саммер вошла бы в свой дом с неприятным ощущением потери безопасности, что дарило ей человеческое общество, и с мыслями о том, что в уединении своей комнаты ей предстоит беззащитно отдаться снам о Кровавом Мужчине. Однако сегодня её реальность была перевёрнута с ног на голову, как в кривом зеркале: теперь угроза подстерегала снаружи. Саммер задыхаясь, устремила на шестой этаж, забежала в комнату и задвинула оба засова. Дрожа и хватая ртом воздух, она стояла в комнате, в которой не было ничего кроме продавленного матраца.

Тишина в доме звенела в её ушах. Прошла целая вечность, прежде чем Саммер удалось зажечь свет в разбитой керосиновой лампе рядом с кроватью. Она поспешно сняла ремень и сумку и стянула через голову испачканное шёлковое платье. С отвращением она бросила его на пол и осмотрела своё тело в поисках ран. У неё были ссадины на бедре, на коленях и руках. Машинально она пыталась найти следы от оков на своих запястьях. Но, конечно, она их не увидела.

Саммер медленно подошла к маленькому умывальнику рядом с кроватью. Старчески-слепое зеркало отражало туманный образ. Худое лицо с серьёзным ртом. Дымчато-карие глаза. Длинные спутанные волосы, горящие при этом свете красным пламенем.

— Время для новой жизни! — прошептала она печальной девушке в зеркале. — Ты поспишь несколько часов. А утром ляжешь на дно и подумаешь о том, чтобы двигаться дальше. Пойдёшь в западном направлении к железнодорожному вокзалу, потом уедешь на одном из грузовых поездов из города. Не к порту, тебе нельзя встретить женщину с собакой. И никого из театра. — Это было так, словно более умная и спокойная Саммер стояла рядом с ней и давала указания: отмыть грязь с тела. Промыть покрывшуюся коркой рану на виске. Одеть те немногочисленные вещи, которые она ещё имела — рубашку и коричневый жилет, как у рабочих в порту, к ним выцветшие широкие брюки. И, наконец, достать из сумки маленький складной нож, который она использовала, чтобы открывать ракушки, и обрезать им длинные до бедра волосы.

Саммер убедила себя, что сделала это лишь потому, что цвет и длина слишком бросались в глаза. Но на самом деле она хотела избавиться от воспоминаний о руке в её волосах. Кровавый Мужчина подобрался к ней так близко, как никогда прежде. Но хуже всего то, что теперь у него было лицо, серо-зелёные глаза, и запах кожи, бренди и ненависти. Что-то чужое коснулось её и касалось до сих пор. Воспоминания? Былой ужас, который она забыла с трудом? Она вздрогнула, борясь с паникой.

Прядь за прядью падали в умывальник. Когда Саммер приготовилась резать в последний раз и подняла взгляд, она уже превратилась в повзрослевшую, более серьёзную девушку с короткими волосами, концы которых ещё не выцвели на солнце и поэтому имели более тёмный, цвета карнеола тон. Лицо внезапно стало острее. С большими глазами и чёткой линией подбородка. Ничего мягкого, ничего игривого больше не отражалось в его чертах. Уже сейчас каждое движение ощущалось по-другому, более угловато и непосредственно. Будто другая личность просочилась под её кожу. Это был трюк исчезновения, которым Саммер владела лучше всего. Только от своего имени она не могла освободиться.

Пока не могла.

Теперь ей нужно было найти новое убежище на остаток ночи. Возможно, на верхнем этаже, где находились квартиры с личными ванными. Их редко снимали, поэтому сейчас они пустовали. Когда человек постоянно в бегах, это учит одному: всегда иметь запасной план. И первое, что делала Саммер в каждом новом пристанище, запоминала любую лазейку и запасной выход.

Она быстро собрала обрезанные волосы и запихнула комок прядей в сумку. В другом городе изготовитель париков заплатит за них хорошие деньги.

Пока Саммер неслась вверх по лестнице, она была уверена, что он следует за ней. И она бежала всё быстрее до тех пор, пока, наконец, не поднялась на восьмой этаж и не нащупала на дверной ручке висячий замок. Это значило, что квартира на этот год окончательно освобождена и до весны никто не зайдёт в помещение. Теперь уже никто кроме Саммер. Она знала не много, но она знала, как взломать замок.

«Как будто я могу убежать от сна», — устало подумала она и ощупью пошла вдоль стены до проёма, который вёл к узкому чулану. Там лежали сломанные стулья, пыльная домашняя утварь и груды лохмотьев и старой одежды. Вещи, принадлежавшие умершим, или забытые живыми. Среди хлама рядом с полкой находилось наполовину спрятанное маленькое окошко, выходившее в ванную комнату соседней квартиры. Рама сгнила и перекосилась от сырости. Саммер забаррикадировала дверь комнаты изнутри и вслепую порылась среди мебельных обломков, пока не нашла подходящий инструмент — отломанную ножку от стула. С её помощью она выдавила окно в квартиру. Гнилая древесина закрипела и разлетелась на щепки. Саммер быстро подтянулась вверх, протиснулась через окно и спустилась в пахнущее плесенью помещение. Отсюда она вставила перекошенную раму на место. Под её ногами: шершавый грубый кафель, обломки камней и строительный мусор с острыми краями. На одну секунду она испугалась, что ванная может быть заперта снаружи, но дверь легко поддалась. Саммер вздохнула и вошла в комнату, которая пахла заброшенностью и пыльными мечтами. Естественно, она не включила свет. Но даже в темноте она знала, в какой стороне комнаты находится балкон. Шаг за шагом Саммер пробралась на ощупь вперёд и открыла деревянную дверь на ширину маленькой щели. Дурманяще-свежий ночной воздух ворвался в помещение, заставив её почувствовать головокружение и усталость. Через некоторое время она снова закрыла балкон и подошла к входной двери, задвинув засовы. Так, даже управляющий, у которого был ключ, не смог бы войти. Затем она забаррикадировала ванную, поставив стул под дверную ручку. Только когда она закончила, страх отступил. На данный момент это было самое безопасное место, где она только могла находиться.

Матрац был холодным и голым. Саммер положила ножку стула, в случае чего

послужившую бы ей оружием, рядом с собой и устало свернулась в клубок, глядя на балконную дверь так долго, пока яркий свет синего неба в час между ночью и утром не начал пробиваться сквозь трещины деревянных ставней.

Глава 4

Пыль и малахит

Ночи, когда она спала и не видела сновидений, были хорошими. Но, были и плохие — те, когда она встречала *его*. И, очевидно, что-то необъяснимое произошло с ней, потому что в ту ночь Саммер погрузилась в сон!

Она лежала в кровати из слоновой кости, в форме лебедя и кончиками пальцев ощущала ее прохладную, полированную гладкость. Шелк развевался на ветру и нежно касался ее лба. Саммер удивлённо осмотрела пыльную, залитую солнечным светом комнату. Сначала она была уверена, что уже проснулась, но потом вдруг поняла, что всё ещё находится в мире грёз. Девушка заметила плавное движение на стенах комнаты. Это были бирюзовые гусеницы с золотыми и чёрными точками. Их вид не пугал, потому что они были прекрасными. *Они бы точно понравились Морту*. Саммер улыбнулась и снова закрыла глаза. Несколько минут она прислушивалась к собственному дыханию. А потом почувствовала дискомфорт. От жажды у неё пересохло во рту, а язык опух. Поскольку она спала, крепко прижавшись головой к матрасу, её правый висок болезненно пульсировал. Саммер перевернулась на спину и ощупала больное место.

По привычке, она хотела смахнуть свои длинные волосы со лба — и пришла в ужас, когда обнаружила, что от её шикарных волос остались лишь короткие пряди. Она мгновенно проснулась, открыла глаза и вспомнила всё снова — театр, Финна, запах кожи, нож и ... глаза. *Его* глаза!

Саммер лежала на заплесневелом матрасе в заброшенной квартире. Иллюзия исчезла. Вокруг неё были только голые стены с потертыми обоями, которые когда-то, возможно, были синего цвета. Солнечный свет, освещающий комнату, придавал поблекшим стенам зеленоватый оттенок. Она остолбенела.

Солнечный свет?

Она вскочила на ноги, почувствовав при этом пронзительную боль в мышцах. *Но ведь балконная дверь надёжно заперта!*

И всё же дверь была открыта настежь, а на полу балкона кто-то сидел. Это определённо был мужчина. Саммер испытала ужас, пробирающий до мозга костей. Она подавила вздох и принялась искать складной нож. Незнакомец, сидя, оперев локти на колена, рассматривал соседние дома сквозь полуразрушенные балконные перила. Саммер посмотрела на входную дверь. Засовы были всё ещё заперты, а двери в ванную комнату — забаррикадированы. Не оставалось никакой возможности незаметно убежать. Но как, же этот тип проник в комнату? Выкарабкался на балкон с улицы? Или же он был здесь всё это время? При одной только мысли, что во время сна она была так уязвима и могла быть полностью в его руках, по спине пробежала дрожь.

Незнакомец явно был молод и носил странную одежду. Она была грязно-серая, а грубая ткань облегала тело, словно вторая кожа, только на спине было несколько странных косых складок. И, тем не менее, Саммер могла разглядеть каждый позвонок и каждую мышцу. Но ещё более необычными были выющиеся волосы серого цвета. Она очень осторожно и медленно подняла ножку стула. Непонятно, почему он оставил это оружие в пределах её досягаемости. Мудрый голос в её голове советовал сбить незнакомца с ног, прежде чем он

поймет, что она уже не спит. Но Саммер ещё никогда, ни на кого не нападала, и даже не знала, как сильно она должна ударить, да и всё внутри её отказывалось причинять кому-либо боль. Одна, две нерешительные секунды прошли, время достаточно для тысячи возможностей, мелькнуло у нее в голове, словно мерцающий луч проектора. Возможно, этот мужчина жил здесь, а она просто забралась в его тайное убежище. В этом случае, она должна радоваться, что он её не убил. И всё же, с его стороны было не разумно оставлять открытой дверь балкона, когда он здесь прятался.

Она бесшумно встала и направилась к двери ванной комнаты. Если она будет действовать быстро, то сможет открыть дверь и проскользнуть в ванную, прежде чем он встанет на ноги. Только для этого она должна была оставить оружие, чтобы одна рука была свободна. Саммер решила оставить нож при себе, а ножку стула осторожно положила на пол, и на цыпочках, медленно подкрадывалась к двери.

Мужчина до сих пор не двигался с места, и в какой-то момент, она спросила себя, жив ли он или же всё это время она смотрела на статую сидящего человека. Именно в этот момент он медленно повернул голову. И девушка поняла, что он уже давно терпеливо ждал, когда она проснётся. Зеленые, словно малахит, глаза на покрытом пылью лице, смотрели на неё.

Грусть, которая отображалась в них, тронула Саммер, помимо её воли. Плавным движением он поднялся на ноги и повернулся к ней лицом. И, к её удивлению, он поднял руки, словно желая успокоить её.

Саммер упустила шанс убежать в ванную комнату. Она зажала нож в руке и уставилась на него, словно на призрака. Девушка почувствовала, что вот-вот упадет. Реальность питалась снова ускользнуть от неё, как накануне вечером. Она всё ещё видела мужчину, но в тоже время и нечто совсем другое, словно пелену, которая переливалась разными цветами. Саммер словно заглядывала в мир её грёз сквозь прозрачный занавес. Она действительно вообразила себе, что краешком глаза видит движение гусениц на стенах. *Что же вчера произошло? Всё изменилось...*

Только вид незнакомца вернул её в реальный мир. Она посмотрела на его руки с долгими, тонкими пальцами. Даже в перчатках они не были похожи на руки Кровавого Мужчины. Саммер даже удивилась тому, какое облегчение она испытала, осознав это. Его рот казался нежным, и он, словно хотел улыбнуться, но губы были покрыты пылью. А ещё, на нём не было никакой одежды! То, что она приняла сначала за грубую серую ткань, был на самом деле слой грязи. Всё его тело и волосы были полностью покрыты ней. Её взгляд невольно скользнул вниз. Он действительно был голым! И, словно, но этого не замечал, незнакомец, переступив порог, зашел в комнату.

— Стой! — закричала она и выхватила перочинный ножик.

Саммер посмотрела на ножку стула, но она была слишком далеко. *Пожалуйста, только стой на месте! Я не хочу причинить тебе боль! Что мне делать, если ты подойдёшь ближе?*

— Стой, где стоишь! — прошипела она. — Кто ты? Что ты здесь делаешь?

Её слова звучали неубедительно, словно плохо импровизированный театральный текст. Незнакомец, в нерешительности, застыл на месте и вопросительно посмотрел на Саммер. Он склонил голову, словно прислушиваясь к звукам, которые никогда ранее не слышал. Потом он глубоко вздохнул и задумчиво провёл ладонью по лбу. Через несколько минут его губы растянулись в робкой улыбке.

— Tjamad? — спросил он — Ni lanja sur!

Язык, на котором говорил незнакомец, звучал, словно нежная мелодия, которая пробудила странное чувство внутри неё. Знала ли она этот язык? Но, как всегда, ворота в крепость её воспоминаний оставались закрытыми.

— Значит, ты меня не понимаешь? — вздохнула Саммер.

Он пожал плечами, что очевидно было реакцией на её вопросительный тон. Они растеряно посмотрели друг на друга. Вдруг выражение его лица резко изменилось, когда он заметил её раны.

«В любом случае, он был бы плохим актером», — подумала Саммер. — «Он плохо притворялся, или наоборот, притворялся слишком уж хорошо».

Не обращая внимания на нож в её руке, он подошел к Саммер, а она отступила назад, совершенно сбита с толку.

Защищай себя! Накричи на него! Прогони прочь!

Она стояла, прижавшись спиной к стене, а чужак находился на расстоянии вытянутой руки от неё. Ей нужно было поднять подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза. Её ноги подкашивались, и она боялась упасть на пол. Саммер сжала рукоять ножа, и даже не посмотрев на него, она знала, что кончик лезвия упирался прямо в грудь незнакомца. Лишь одно неверное движение и она поранит его. Но, как, не странно, казалось, она боится этого больше чем он.

Мужчина, видимо, не видел в ней угрозу, иначе, он не протянул бы ей руку. Бережность жеста, так её ошарашила, что Саммер даже не сопротивлялась, когда он коснулся её лица кончиками пальцев. У неё закружилась голова. Время проходило медленно, но вместе с тем, и быстро. Она стиснула зубы и надеялась, что больше не упустит реальность, только не здесь. *Почему я позволяю ему это?* Но, Саммер почувствовала то, что вызвало в ней это прикосновение: ужасную пустоту. И вдруг она поняла, почему смогла так легко убедить себя, что влюблена в Финна. Этот трепет в её груди, томление она чувствовала на самом деле. Только вот остатки этих эмоций происходили из прошлого и к Финну никакого отношения не имели. Так, словно, она уже была когда-то влюблена, но забыла в кого. Её страх уступил место робкой надежде.

— Ты знаешь меня? — спросила она дрожащим голосом — Встречались ли мы когда-то?

— Telen ja liman? — печально ответил он.

Кончики его пальцев, которыми он всё ещё касался её висков, были холодными. Очевидно, он просто хотел узнать, откуда взялась её рана. Из всех сил Саммер сдерживала подступающие слёзы. *Дура! Никто тебя не знает! Пойми же это, наконец!* Всего на секунду ей захотелось выплеснуть своё разочарование на незнакомца, но она лишь оттолкнула его руками.

— То, что со мной случилось, тебя абсолютно не касается! И больше никогда не притрагивайся ко мне, понятно?

Даже в её собственных ушах это звучало излишне громко и грубо. Самое непонятное в этой ситуации было то, что она, вопреки всему, больше не боялась его. Его уязвимость была ей очень хорошо знакома.

Он выглядел разочарованным, почти обиженным. С того места, где её рука коснулась его груди, отпал кусок, превратившийся в корку, грязи. Саммер посмотрела на его светлую кожу, которая, наверное, уже давно не видела солнца.

Может он был шахтёром? Или каторжником из каменоломни? По крайней это объяснило бы грязь на его теле. Анна рассказывала ей, что заключенные — в основном неисправные должники — должны были отрабатывать там своё наказание. С большим трудом она проглотила комок в горле и постаралась говорить серьезным тоном.

— Если ты хочешь здесь прятаться, то должен, по крайней мере, убедиться, что ставни на окнах закрыты, — сказала она не особо любезно. — Управляющие ведь не слепые.

Она указала на балкон и он, казалось, понял, потому что прошел через комнату и закрыл их. Саммер спрятала ножик и схватила свою сумку. Затем она подошла к двери в ванную и отодвинула стул в сторону. Когда она открыла дверь, в нос ударил запах плесени. Саммер удивилась, увидев, что дневной свет попадает в ванную комнату. Над её головой находилось крошечное, грязное окошко. В комнате она увидела раковину и разбитое зеркало. Наверное, раньше здесь была ещё и ванна, но сейчас лишь обломки и мусор лежали в углу. При виде раковины Саммер вспомнила, как сильно она хотела пить. Надеясь на удачу, она открыла кран. И он работал! В трубах забурило, и из крана потекла мутная вода, которая постепенно становилась прозрачной. Саммер набирала воду в ладони и жадно пила. Вода была тёплой, а на вкус, словно затхлый отвар из морских ракушек, но её жажда исчезла и она, впервые за это утро, почувствовала себя немного лучше. И хотя она знала, что в комнате находится только незнакомец, но всё равно испугалась, услышав движение за спиной. Он стоял у двери и так удивлённо смотрел на водопроводный кран, словно никогда прежде его не видел. Когда она выключила воду, он изумлённо вздохнул.

— В твоей шахте не было водопровода? — спросила она.

Затем снова открыла кран, и незнакомец подошел к раковине, поставил руки под тонкую струйку воды. Его близость сбивала её с толку, словно в его присутствии у неё больше не было ограничений, собственных мыслей и даже слов. Запах плесени смешался с затхлым запахом мокрой грязи, которая постепенно исчезала из его кожи. Саммер увидела его руку с синеватыми ногтями и предплечье, под светлой кожей которого, вырисовывались вены и мышцы.

Незнакомец наклонился над раковиной, чтобы лучше рассмотреть кран.

— Похоже, ты действительно здесь впервые, — пробормотала Саммер.

«*И также потерян, как и я*», — мысленно добавила она.

Услышав звук её голоса, он выпрямился и улыбнулся Саммер.

Даже если он её и не понял, но видимо, почувствовал необходимость ответить ей.

— Анжей, — ответил он на вопрос, который она ему вовсе не задавала.

Саммер закусил нижнюю губу. Теперь у него есть имя! И он ждал, что она скажет ему своё.

— Саммер, — немного помедлив, ответила она. — И хотя на самом деле меня не так зовут, это не имеет значения. Так как своё настоящее имя я не знаю. В любом случае, мы всё равно никогда больше не увидимся.

И вдруг она поняла всю абсурдность ситуации. Она стоит здесь, готовясь вот-вот убежать, и разговаривает с каким-то незнакомцем, который, во-первых, был голым, во-вторых, не пытался на неё напасть, в-третьих, вообще не понимал, что она говорит.

Но потом он уничтожил всё её сопротивление одним лишь словом.

— Саммер, — повторил он едва слышно.

Всего на одно мгновение ей захотелось взять Анжея за руку и всё ему рассказать. Но она заставила себя отвернуться от него.

— Я должна идти. Удачи!

Она открыла окно, бросила сумку в чулан и хотела вылезти наружу. Он, конечно, попытался её удержать. Саммер почему-то была уверена, что он хотел её сопровождать. *Может быть потому, что я так сильно хочу, больше не быть одинокой?* Он положил руку ей на плечо, но Саммер стряхнула её.

— Нет, я иду одна! — отрезала она. — Да, я знаю, ты тоже одинок. Но я не могу тебе помочь!

Он ничего не сказал, только посмотрел на неё, и она ничего не смогла прочитать в его глазах.

— Я даже не знаю, кто я! — вспыхнула она. — И кроме того... меня чуть не убили сегодня ночью. Если пойдешь со мной, можешь быть следующим, неужели тебе этого хочется? Ты мне не нужен, от тебя будут одни неприятности. Смой с себя грязь, и подыщи какую-то одежду. И потом, ты сам должен выбрать, где остаться.

Она пыталась не смотреть на него, пока лезла через окно. Он не последовал за ней, только шум воды сопровождал её по пути наружу.

Саммер, спускаясь вниз по лестнице, сама не понимая почему — разразилась рыданиями. Так сильно она не плакала за всю свою бродячую жизнь.

***

— Ей, серая мышь, утешить тебя? — крикнул ей какой-то оборванец.

Саммер не ответила ему. Конечно, бежавшая по улицам и рыдающая навзрыд девушка бросалась в глаза, но она просто не могла перестать плакать. Она забежала в небольшой переулок, вытерла слёзы и заставила себя успокоиться. Но чувство, что она оставила в беде не только Финна, но и Анжея не покидало её. И всё же: здесь, при свете дня и среди людей, язык которых она понимала, ей казалось, что незнакомца на самом деле не существовало. На миг, она действительно засомневалась, не был ли он ещё одним ведением с её сна — *«кровать в форме лебедя, чудесные гусеницы и обнаженный незнакомец, чье прикосновение не обратит меня в бегство»*.

Саммер полезла в сумку и вздрогнула, дотронувшись до её остриженных волос, которые лежали на дне сумки. Но потом она нашла, что искала — простой платок, под которым спрятала свои короткие волосы и рваную рану на голове. Теперь Саммер полностью соответствовала образу сезонной рабочей из порта. *Это время для новой жизни! Прекрати ныть и иди!*

Она направилась на запад, к старой погрузочной станции. Саммер пыталась идти так, чтобы её походка соответствовала новой роли — уверенные шаги, туловище слегка наклонено вперед, взгляд устремлён вниз, так словно она каждый день носит тяжести и должна экономить как свои силы, так и свою гордость. Теперь она должна придумать себе новое имя. Тая? Да, это звучало достаточно обыденно. Порывистый морской ветер пытался сорвать платок с её головы. Он принёс запах нефтяного дыма и обугленной древесины. Саммер ненавидела этот запах, но всё же подавила желание, вновь пойти к гавани, чтобы в последний раз посмотреть на театр Морта и сберечь его образ, как драгоценное воспоминание, в своей памяти.

***

Ей повезло. Не каждое утро в Маймаре останавливается один из самых крупных товарных поездов из запада. А сегодня, ещё из далека, она увидела пар локомотива. Поезд только что прибыл и ещё некоторое время пробудет здесь для разгрузки. Рабочие разгружали

тележки с товарами, коробки и бочки, полные рыбы, которые потом будут доставлены в другие города по всей стране. Саммер нырнула в толпу пассажиров и, в конце концов, стала незаметной. Вокзал мало отличался от какого-нибудь склада или простой конторы. Тот, кто видел только красоту порта, был бы очень разочарован этой местностью. Лишь немногие уважаемые люди вели здесь свои дела, повсюду виделись только дряхлые рожи и покрытые шрамами лица. А вместо музыки здесь звучали пронзительные сигнальные свистки.

Саммер поспешила к вагону, туда, где группа сезонных рабочих уже ждала, чтобы купить место для поездки домой. И хотя она так ненавидела быть в окружении большого количества людей, это был её единственный шанс быстро выбраться из города.

— Стань в очередь! — прорычал ей старый портовый рабочий.

— А ты не твякай на меня! — ответила Саммер, в лучшей манере своей новой роли.

Люди повернулись, чтобы посмотреть на неё, но их взгляды не задержались на долго.

Саммер украдкой рассматривала измученные лица людей, и её взор блуждал по толпе. Биение её сердца ускорилося, когда Саммер увидела мужчину с тёмными волосами, который решительно пробирался сквозь массу людей, словно искал кого-то. Но она тут, же потеряла его из виду.

Громкий кашель, запах пота и, особенно, невыносимая близость такого количества людей — действовали ей на нервы. Саммер старалась не думать о Кровавом Мужчине. Безжалостно медленно проходили минуты. И наконец — спустя почти полчаса — щёлкнул замок, и двери вагона распахнулись.

Сразу же началась давка.

— Почему никто не продвигается вперед? — проворчал старый работник.

Он открыл рот, чтобы ещё что-то сказать, но каждое его слово заглушил звук выстрела. Саммер отпрянула и упала спиной на стену из людских тел, шипящих ругательства.

— Берегись! Дорогу! — скомандовал громовой голос.

Люди, спотыкаясь, ругаясь и наступая друг другу на ноги, повиновались и отступили от вагона.

— На землю! — последовал второй приказ.

Все закрыли головы руками, и присели, как раз вовремя, прежде чем прогремел второй выстрел. Где-то далеко, над их головами разлетелось на куски оконное стекло. Спустя несколько секунд осколки посыпались и с крыши вагона.

Саммер, сидевшая на корточках, отважилась осторожно посмотреть вверх. И она была не единственной. Сначала прозвучал недоверчивый смех, а потом подбадривающие крики.

— Он там, наверху! Под крышей!

В солнечном свете, который падал сквозь разбитое окно, переливались серебряный и белый цвета. Серебряная пыль на белой шерсти. Один из снежных барсов Морта! Он балансировал на узкой стойке крыши, будучи легкой мишенью для людей из городской полиции, которые уже заняли позиции на вокзале. Саммер с трудом перевела дух, когда произошел следующий выстрел — и снова мимо. Как же барс выбрался из клетки?

— Не бойся! — послышалось справа. Саммер повернулась и посмотрела на лицо нищей женщины, которая сидела, скрестив ноги, на коробке.

— Они скоро его поймают. Полицейские гоняются за животными с самого утра!

— За животными? Ты имеешь в виду, за многими животными? Они в городе? — спросила Саммер слабым голосом.

Женщина сплюнула и усмехнулась:

— Ты что не слышала последние новости? Кто-то ворвался в звериный театр, полностью разрушил и сжег дотла. Затем огонь распространился ещё на пять соседних домов.

— Сжег дотла? — Саммер подошла ближе.

Женщина кивнула:

— От него осталась только груда обугленного дерева, — сказала она почти с гордостью. — Всё выглядит так, словно кто-то этому основательно помог. Это точно была одна из банд. Кроме того, они ещё и всех тварей на улицу выпустили. Уже на пятерых человек напали. Весь квартал вокруг театра теперь оцеплён из-за больших змей и других монстров. Вся городская полиция на ногах.

Саммер побледнела и постаралась, чтобы её голос звучал спокойно.

— И никто больше не пострадал? Из театральной труппы, я имею в виду? Директор жив? Кто-нибудь ранен? Ну, давай, говори уже!

Женщина бросила на неё суровый взгляд.

— Я этого не знаю! — огрызнулась она. — Я только знаю, что огонь начался сегодня ночью, после полночного выступления.

Саммер сразу стало невыносимо жарко. Следующий выстрел дал ей несколько секунд, чтобы присесть и справиться с нарастающей паникой. До этого у неё было лишь предчувствие угрозы, но теперь все происшествия вчерашней ночи сошлись воедино: зритель в театре, нападение и теперь это. И, конечно же, театр подожгла не банда. Злодей не искал деньги. Он искал Саммер! Но как он мог с такой раной на руке ворваться в театр? Мурашки пробежали по её коже.

Он действительно существует! Он вернулся, он преследует меня и скоро найдет!

— Ах, да, ещё они ищут какую-то девушку из труппы, — продолжала женщина. — Она словно испарилась! Какая-то военная из-за границы, задержала её ночью в переулке, но девушка смогла убежать. А вскоре после этого сгорел театр. Теперь понятно, почему она сбежала — наверняка была в сговоре с поджигателями, если конечно не сама бросила спичку. Сейчас полиция ищет её.

— Почему они стреляют в животных? — спросила Саммер, чтобы сменить тему. — Они же все дрессированные! Почему не привели дрессировщиков, чтобы снова поймать их?

— Потому что они убежали отсюда. Я бы тоже так сделала на их месте. Батор Сел вне себя от ярости, — пробурчала старуха.

Она недоверчиво посмотрела на Саммер:

— Ты стоишь здесь без дела и донимаешь меня расспросами, а сама-то знаешь намного больше о людях из театра.

Саммер сплюнула:

— А ты сидишь в грязи, так далеко от порта, но всё же знаешь не намного меньше меня, старая ведьма. Бьюсь об заклад, ты знаешь больше о банде, чем говоришь, не так ли? Или может быть ты с ними заодно?

На мгновение, нищенка выглядела ошеломленной, но потом хрипло рассмеялась.

— Согласна! — спокойно ответила она. — Но нет! У улиц есть уши, ноги и тысяча ртов и...

Вдруг послышались возмущенные крики, злорадный смех и иронические аплодисменты. Некоторые зрители представили себя на месте затравленного барса, который, словно серебряный хвост кометы, вылетел через разбитое окно и исчез.

Саммер тайком вздохнула. «Беги!» — подумала она. — «Спустишься с крыши и убегай в горы! А потом, совсем неожиданно: Жив ли ещё Морт?»

При мысли о нём, её сердце сжалось. Она пыталась убедить себя, что с ним всё хорошо. Это не помогло: Ей надо было сейчас думать лишь о том, как можно скорее выбраться из города.

Люди снова поднялись на ноги и поспешили к вагонам. Двери некоторых уже закрывались. Поднялся дым, зашипел пар.

Саммер пробивала себе путь сквозь толпу локтями и коленями.

— Эй, осторожно! — возмущённо закричал пассажир и ударил её локтем в бок.

Но Саммер продолжала бесцеремонно пробираться дальше, толкаясь руками и ногами, до того момента пока, не остановилась перед мускулистым, хмурым мужчиной, который охранял дверь в вагон.

— Один билет на Тенар! — прокричала она и протянула ему деньги.

Только тогда она заметила, что не далеко от дверей в вагон стояли два человека из городской полиции и неодобрительно смотрели на неё. Мужчина и женщина. Женщина рассматривала Саммер с большим интересом и подошла прямо к вагону.

— К чему такая спешка? — спросила она. — Хочешь убежать отсюда или почему ты так нагло себя ведёшь?

Все уставились на Саммер. Те, что проходили мимо, замедляли шаг и смотрели на неё с любопытством.

Саммер попыталась оценить женщину, которая теперь стояла прямо перед ней. Она громко говорила и очевидно, ей нравилось превосходить собеседника. Саммер инстинктивно, вжилась в свою новую оболочку — опустила уголки рта, а унылое и жесткое выражение лица помогло ей выглядеть старше. Затем она робко опустила глаза.

— Я не хотела толкаться, но я... мне нужно вернуться домой, — пробормотала она извиняющим тоном. — Сезон моей работы закончен. Моя мать больна и нуждается в деньгах. Я боялась, что для меня не хватит места!

— Ага, и где же ты работала?

— В порту, на рыбном складе.

— Говори громче и смотри на меня!

— На рыбном складе, — повторила девушка.

— Для работы в порту у тебя слишком чистые руки.

— Так бывает, если целый день вынимать рыбу из воды, — пробормотала Саммер.

Женщина высокомерно усмехнулась и обменялась усталым взглядом с её напарником. Он принялся:

— Да и рыбой ты не пахнешь!

— Больше не пахну, слава Богу! — сказала Саммер, робко улыбаясь, и вытерла нос рукавом.

Пристальный взгляд женщины раздражал её больше чем вопросы.

— Это не твоя одежда, — сказала женщина, — она тебе велика.

— Это моего брата, — Саммер понизила голос ещё больше, словно она стыдилась своей бедности.

— Там, откуда я родом, так часто делают.

— Ну и откуда же ты родом?

— Из Камси, деревни на востоке. Я еду до Тенара, а оттуда три дня пешком в горы.

— Сколько можно! — крикнул кто-то сзади. — Поезд не будет ждать!

— Это не она. Мы попусту тратим время! — сказал полицейский.

Она? Саммер вздрогнула. Значит, они проверяли пассажиров!

Девушка, молча, молилась, чтобы женщина прислушалась к напарнику и отпустила её. Но она покачала головой и попросила Саммер отойти в сторону.

Саммер прикусила нижнюю губу. Она повиновалась, но краем глаза уже искала возможности, чтобы убежать. Никаких шансов! Слишком много глазающих лиц. Саммер не знала, чего она боялась больше — полицейских или возможности встретить в толпе полные ненависти глаза из её сна.

— Что у тебя в сумке? — спросила женщина.

Девушка вспомнила об остриженных волосах.

— Тут только еда в дорогу.

— Давай, показывай уже!

Она почувствовала презрительные взгляды у себя на спине. Саммер медленно покачала головой:

— Я не могу этого сделать! — ответила она, чуть не плача. — Если другие увидят, то украдут это в поезде.

Она шумно втянула воздух через нос. Женщина-полицейский прищурилась. Её рука свободно лежала на оружии.

— Отпусти её уже, Кадра! — буркнул второй полицейский нетерпеливо. — Это точно не она. Эта девушка даже близко не подходит под описание. Длинные, светло-рыжие волосы, актриса, красивая. А эта больше похожа на облезлую курицу.

— Но она путешествует одна, очень спешит, возраст подходит и... — женщина указала на лоб Саммер — у неё рыжие волосы.

Саммер дотронулась до платка. В толпе он немного соскользнул с головы, но к счастью, всё ещё прикрывал рану на виску, хотя, всё же, несколько коротких прядей были видны.

Секунда между свободой и гибелью парила между ней и её судьями.

— Да, я знаю, мои рыжие волосы — безобразны. Даже моя мама так говорит, — пробормотала Саммер и быстро поправила платок.

Она осмотрелась — никаких шансов для побега! Коробки уже погрузили и они не могли служить прикрытием. Да и вооруженные люди были повсюду, и они непременно придут на помощь, тем двоим полицейским, когда она убежит. Чёрт, она застряла здесь! Место в поезде Саммер вероятно уже потеряла, теперь важно было только как-нибудь сбежать с вокзала. Из-за перевозбуждения ей почувствовался запах кожи и ненависти и Саммер вздрогнула. *«Его здесь нет!»* — успокаивала она сама себя, но это не помогло.

Вдруг она замерла. Но это был не Кровавый Мужчина, которого она так боялась. Волосы у этого мужчины не были тёмными. Кудри, которые были связаны куском ткани в пучок на затылке, были мокрые и светло-русые, как у Финна. Анжей надел одежду поденщика, которою он, вероятно, нашел на чердаке, и кошелёк на поясе. Что он делал здесь, на вокзале? Но затем, в доли секунды, созрел отчаянный план. Единственный шанс избежать ареста: она должна привлечь внимание полиции к Анжею. Его неуклюжий вид, его невежество — всё это вызовет их подозрения и сможет отвлечь на достаточное время. Как она подозревала, он тоже был в бегах, а значит, будет бояться полиции. Если ей повезёт, он попытается бежать. Этого времени будет достаточно, чтобы Саммер успела скрыться. Но вдруг, ей стало совестно. У него, по крайней мере, был хороший шанс выбежать через

ближайший выход. *«Во всяком случае, это был лучший шанс, чем у тебя»*, — сказал трезвый голос её новой жизни.

— Я не знаю, о чём вы говорите, — обратилась она к полицейским. — Я не знаю никаких актёров и путешествую я совсем не одна. Я жду моего брата!

Она осмотрелась вокруг и помахала рукой.

— Анжей! — закричала она. — Я здесь!

Он остановился и повернулся к ней. Странно, но он не казался удивленным, услышав её голос. И как только он увидел её, улыбка осветила его лицо. Без шара грязи, его кожа, казалось, сияла и его лицо... Некоторые женщины забывали идти дальше и оборачивались, чтобы посмотреть на него. Вскоре он обнаружит двух полицейских и бросится бежать. Она подготовилась, мышцы напряглись, её пульс — барабанная дробь. Украдкой она прижала сумку к себе и мельком взглянула в сторону. Охранник у двери собирал деньги из последних пассажиров и был полностью занят их подсчётом. Это был её последний шанс! Как только двое вооруженных полицейских на минуту отвернуться, она должна незаметно преодолеть этих два метра к вагону — и прыгнуть на рельсы, а потом проползти под междувагонным соединением. Если Саммер будет действовать быстро, это будет выглядеть, как, будто бы она растворилась в воздухе. И может быть, никто не догадается, что она сбежала всего лишь на другую сторону платформы.

— Саммер! — крикнул Анжей и направился прямо к ней.

Она испугалась, что он позвал её по имени, но в его произношении это звучало странно, больше похоже на Самаа.

Теперь было слишком поздно, чтобы подать ему предупреждающий знак. И в довершение ко всему, женщина снова сосредоточилась на ней.

Саммер должна была продолжать импровизировать.

— Это и есть мой брат, — сказала она поспешно. И на всякий случай добавила: — Он работал в подвале городской конторы. Это объясняло его незагорелую кожу, потому что люди, которые весною исчезали в этих катакомбах, до осени почти не видели солнца. Анжей увидев полицейских, на секунду заколебался, но всё равно направился прямо к ней. Чёрт, всё пошло наперекосяк! Потом Анжей остановился возле неё, и у Саммер закружилась голова. Волоски на её руке встали дыбом, когда она почувствовала его близость. Пронзительный свист рассёк воздух. Последние пассажиры садились в вагон.

— Пустите хотя бы моего брата в поезд! Пожалуйста! — она дальше играла свою роль. — Наша мать умирает!

В её дрожащем голосе слышалась печаль.

В этот момент она узнала нечто новое о незнакомце. Он мог и не знать, как выглядят водопроводные краны, но он точно знал, какую игру она здесь вела. Он быстро обнял её рукой за плечи и притянул ближе к себе, так словно среагировал на её боль. В то же время пальцы другой руки молниеносно сомкнулись на её запястье. Саммер замерла от удивления.

Его хватка была нежной, но послание было безошибочным: *«Я знаю, что ты намереваешься сделать. Но, или мы делаем это вместе, или, ни один из нас!»*

— Ну и что теперь будем делать, Кадра? — спросил полицейский снисходительно.

И на самом деле — Саммер не поверила своим глазам — женщина кивнула.

— Ну ладно, убирайтесь отсюда! — проворчала она и отвернулась.

Её спутник последовал за ней, и они продолжили контрольный обход вокзала. Это было похоже на волшебство. И, словно тот же маг оставил для Саммер ещё один фокус в шляпе —

она поняла, что всё ещё имела шансы достать место в поезде. Она подождала несколько секунд, пока те двое были достаточно далеко, и освободилась от его рук.

— Всё, хватит! — прошипела она. — Прекрасно сыграно, спасибо. А теперь до свидания!

Она побежала к поезду, и застала охранника в последний момент, перед тем как он смог подтянуть подножку и закрыть дверь вагона.

Задышавшись, она протянула ему деньги.

— Пожалуйста! — умоляла она.

Нахмурившись, он посмотрел на купюры.

— Этого не достаточно, чтобы купить два места, — сказал он и посмотрел на Анжея.

— Мне нужно только одно! Мой... брат остается здесь. Он пришел только чтобы проститься! Пожалуйста, я должна...

Раздался свисток паровоза — сигнал к отправлению. Саммер потянулась к ручке возле двери, вскочила на подножку и подтянулась.

— Здесь нет места для людей, которые не в ладах с полицией! — прорычал мужчина, и толкнул её ногой в грудь.

Она даже не смогла закричать. От удара у неё перехватило дух, её пальцы соскользнули и она упала спиной... в руки, которые вовремя её подхватили. Мокрые волосы коснулись её щеки. Анжей быстро поставил её на ноги и бросился догонять поезд.

— Milay! — прокричал он.

Это звучало как страшное ругательство. Саммер вздрогнула. С трудом переводя дыхание, она могла лишь с ужасом наблюдать, как Анжей вскочил на подножку поезда, и направился к охраннику со сжатыми кулаками. Они сразу оказались в центре внимания. Саммер хотела крикнуть Анжею, чтобы он остановился, но не смогла вымолвить, ни слова. Казалось, воздух дрожал, а в ключице чувствовалась жгучая боль от удара. Но было и нечто другое: странное ощущение, что за ней следят. В море лиц она ничего не видела, но от паники ей перехватило дыхание. Люди высунулись из окон поезда и звали полицию, а Анжей ругался на своем иностранном языке. Охранник орал изо всех сил, пока один удар не заставил его замолчать.

— Эй! — закричал полицейский. Но потом каждое его слово потерялось в шипение локомотива.

Саммер отступила в сторону.

А когда повернула голову, она увидела человека с темно-каштановыми волосами. Она не видела его лица, так как он смотрел в другую сторону, и слишком много людей загораживали ей вид. Но повязку на его левой руке, она узнала отчётливо! А также свежие пятна крови на ткани. *Он ищет меня!* Сейчас он повернёт голову, и увидит меня!

Саммер ни секунды не задумывалась.

Как загнанный зверь, который инстинктивно использует любое прикрытие, она бросилась к моторному вагону, и прыгнула на рельсы. Колёса уже скрипели, когда она проскользнула под междывагонное сцепление, и сделала это как раз перед тем, как локомотив тронулся, пробралась на другую сторону, где она, задышавшись, выкарабкалась на платформу. И потом она побежала — с локомотивом наперегонки, обгоняя его — прыгнула с платформы и побежала, по гравию и высохшей земле, не оглядываясь. Когда она бежала — порыв ветра почти сорвал с её головы платок. Она не осмеливалась даже посмотреть вокруг. Позади неё, локомотив со скрежетом затормозил, возможно, это был приказ полиции.

Саммер стиснув зубы, побежала ещё усерднее, и наконец, достигла кустарника рядом с рельсами, который, по крайней мере, защитит её от посторонних глаз. Она спряталась за куст и нервно огляделась. Сквозь ветви она не могла увидеть преследователя. *Пока нет.* Позади себя она увидела склад. Может быть, она смогла бы там спрятаться? Или же лучше рискнуть и продолжать бежать?

Она должна выбраться из города, и если это будет необходимо, готова идти пешком. Грохот и гул железа нарастал. Раздался ещё один свисток, и паровоз с шипением выехал из-под навеса и набирал скорость. «Если бы я могла просто запрыгнуть наверх», — подумала она отчаянно. Но товары были ценными, и, следовательно, в каждом вагоне был наблюдатель с пистолетом. Кроме того, ей не хватало мужества для такого опасного прыжка в непосредственной близости колёс. Даже сейчас, у неё волосы на затылке стояли дыбом, когда она думала о том, что только что сделала Саммер пригнулась за кустарником ещё ниже, когда поезд проходил мимо неё. Пока он ехал не слишком быстро, так как путь был с небольшим уклоном.

Дым от паровоза стелился по земле и обволакивал кусты и рельсы. В течение нескольких секунд, пока пар не рассеялся, пахло осенним туманом и дождём. Движение слева от неё испугало Саммер. В двадцати шагах от неё, рядом с рельсами, лежала фигура, которая корчилась и извивалась. Дородный мужчина в синем жилете, держался за голову, как будто получил удар. Он поморщился от боли и попытался, сразу же подняться на ноги. Мужчина ещё не заметил Саммер, он был полностью занят собой. Она поползла назад на четвереньках, и с ужасом наблюдала, как человек, шатаясь, и вполне очевидно, вне себя от ярости поднял дубинку, которая лежала на земле, недалеко от него. Последний вагон проехал мимо Саммер и оставил охранника позади. *Куда теперь?* Когда он меня заметит...

Свист, который заглушил стук поезда, вывел её из оцепенения. Она вскочила на ноги, развернулась — и увидела Анжея. Он присел в дверях последнего вагона.

— Саммер! — крикнул он.

Его лохмотья развевались на ветру, когда он наклонился из вагона и протянул ей руку.

Как ни странно, в этот момент она была просто рада, что Анжей не был арестован. Саммер взглянула через плечо и увидела, как охранник бежал изо всех сил, вопя и размахивая палкой. Больше нет времени для удивления, мыслей и сомнений.

— Taljai! — закричал Анжей, в то время как поезд неумолимо уносил его вдаль.

Саммер бежала, так как не бежала ещё никогда в жизни. Ее дыхание сжигало лёгкие, она спотыкалась и ранила ноги об острые камни, но не отставала от вагона. Метр за метром, она догоняла поезд. У неё не было много времени. Как только локомотив достигнет вершины, поезд ускориться.

Анжей высунулся еще дальше и протянул руку к ней, и у Саммер возникала сумасшедшая идея, что он отдернет руку в тот момент, как только она схватится за неё. Словно Бог Ветра помиловал беглецов, и порывом ветра толкнул Саммер к руке Анжея. Он схватил ее за запястье так крепко, что было больно.

«За это нас обоих застрелят», — подумала она.

— Tall! — прокричал Анжей, и она поняла бы даже без слов, что это означает «Прыгай»! Его пальцы впились в её предплечье.

Она взвыла от страха, но всё же оттолкнулась изо всех сил, и одним рывком очутилась прямо в руках Анжея. Затем они вместе упали на деревянный пол, и врезались в бочку. Там они остались лежать, словно двое потерпевших кораблекрушение.

Саммер огляделась. В вагоне пахло рыбой и солёной водой. Они лежали между бочек, из которых, при каждом резком толчке поезда, слышался плеск воды.

Саммер задыхалась, каждый вздох отзывался болью, словно она вдыхала пыль. Её собственное восприятие словно решило подшутить над ней. Краем глаза она увидела движение призрачных гусениц. Она почувствовала луч солнца на лице и услышала шепот. В её мыслях, под стук колёс и бульканье воды в бочках, образовались бессвязные отрывки стихов и мелодия: *«...в карточном доме, никто не войдёт, никто не выйдет...»*

Это была весёлая, быстрая песня, которая, казалось ей знакомой, как воспоминание, которое коснулось её и тут же исчезло, когда Анжей крепче её обнял. Он засмеялся, сжал правую руку в кулак, поднял его в воздух и издал триумфальный крик, который эхом отозвался в теле Саммер. Всё в ней призывало, немедленно — НЕМЕДЛЕННО! — отдалиться от него, но её тело не слушалось. С ней творилось что-то непонятное. Она не смогла не ответить на смех Анжея. Она лежала в объятиях незнакомца, которого она предала, а он всё равно помог ей. И с каждым оборотом колёс, она быстрее отдалялась от *своего* преследователя. Саммер была просто счастлива, что убежала, и что Анжей спас её и был сейчас рядом с ней.

Они так смеялись, что слёзы побежали по их щекам. Потом они сели, вытерли свои лица рукавами и смотрели на проходящие мимо пейзажи, пока, наконец, Анжей не встал и закрыл немного дверь. Заигрываяще улыбаясь, он вернулся к Саммер и сел рядом с ней. Волоски на её руке встали дыбом, когда она почувствовала его близость, но она не отодвинулась от него.

— Спасибо, — сказала она. — Это было... Я не знаю, как тебя отблагодарить. Я бы оставила тебя, понимаешь? И поэтому тебе лучше держаться от меня в стороне!

Даже если он не понял значения её слов, он очень хорошо понял её тон.

Он перестал улыбаться.

— Я не путешествую, я в бегах, — продолжала Саммер. — И я не такая как ты. Я не за кого не заступаюсь, а в случае необходимости, я предаю даже своих друзей.

— В бегах, — повторил Анжей с мягким акцентом.

— Ты не понимаешь, — продолжала настаивать Саммер — Остаться со мной опасно. Я приношу несчастья!

Анжей повернулся к ней и дотронулся руками её лица. Этот жест был настолько естественным, как будто они уже провели тысячу дней и ночей вместе на качающихся деревянных досках поезда. На ветру, некоторые пряди его волос выбились из пучка и стали сухими. Они были такие же белокурые, как волосы Финна, но Анжей отличался от актёра, как день от ночи. *«Ты не делаешь из себя героя», — думала Саммер. — «Твой гнев настоящий и непосредственный, я тебе нравлюсь, но я тебе не нужна, и ты такой бесстрашный, словно тебе нечего больше терять».*

Анжей улыбнулся, закрыл глаза и нежно поцеловал её в губы.

Часть 2

Имя смерти

Глава 5

Железный поцелуй

То, каким трудным и бесповоротным мог быть промежуток времени между прошлым и будущим, она узнала сто шестнадцать дней назад.

Это было словно падение в бездонное забвенье, от которого она никогда не оправиться. Таким же бесповоротным был и этот новый отрезок времени между тогда и сейчас. Но на этот раз, с удивлением заметила она, с этим было легче справиться.

С тех пор, как Анжей поцеловал её, она чувствовала себя, словно была укутана тёплым туманом. Сначала Саммер была шокирована тем, что поцелуй Анжея не отпугнул её. Она лихорадочно искала угрозу, предупреждение, которые заставили бы её дрожать от страха — всё то, что она чувствовала, находясь рядом с Финном. Но теперь, с Анжеем, всё было иначе. И когда она очнулась от этого поцелуя и увидела его улыбку, окружавший её мир, полностью изменился. Ту девушку, которая позволила незнакомцу поцеловать себя, она больше не узнавала.

Они не поехали в Тенар, вместо этого они украли столько рыбы из бочек, сколько могли взять с собой и спрыгнули с поезда возле маленького городка на ничейной земле. Их встретил холодный морозящий дождь.

Здесь, всего-то полдня езды на поезде от тёплой Маймары, осень не была мягкой и игривой, она уже сорвала листья с деревьев грубыми руками и укутала всё в блёклые тона.

Им повезло: рыба, которою они украли, оказалась очень редким видом леща, печень которого, использовали для любовных приворотов.

Порошок, который получали из этой печени, стоил целое состояние.

Саммер сразу же продала рыбу в пригороде и купила новую, тёплую одежду для них. Анжей удивился, увидев обувь и чёрную шляпу, но, не задавал никаких вопросов, он просто доверился ей. На одном из задних дворов они переоделись, выбросили свои старые лохмотья и сразу же поехали дальше — в молчаливом согласии, шагая в унисон, как люди, которые отправились в долгий путь и решили пройти его вместе.

***

Этот путь увёл их от железнодорожной линии, но не в горы, а на север в неприметную, дождливую местность, которая, по мнению Саммер, наиболее подходила для того, чтобы замести следы. Дождевые облака висели над землёй между двумя сонными городками, которые расположились слишком далеко от гор и моря, чтобы привлечь много путешественников. Лишь с наступлением темноты, когда они уже смирились с тем, чтобы переночевать в каком-нибудь сарае, после бесконечно долгого путешествия пешком, они пришли, промокшие до нитки, в деревню. Люди вели себя сдержанно, и никто не интересовался, что в этой местности забыла по-городски одетая пара. Гостиницы, конечно же, не было. Вместо этого, мужчина, чье угрюмое лицо напоминало картофель, указал на домик на краю деревни.

Это была пекарня. Владелица подозрительно посмотрела на деньги, которые Саммер дала ей, а затем повела её с Анжеем наверх по узкой лестнице. Тем не менее, в каморке, которая была прямо над пекарной печью, было тепло, а запах хлеба витал в воздухе. При каждом шаге, старый деревянный пол скрипел, а с потолка сыпалась пыль.

Огромная кровать заполняла комнату почти от стены до стены.

Сшитое из кожаных лоскутов покрывало напомнило Саммер форменной жилет вооруженной женщины, которая пришла ей на помощь в Маймаре. Она неловко пожала плечами.

— Вот, простыни и свечка, — проворчала старуха и дала Саммер узелок в руку. — Света нет! Поэтому будьте осторожны с огнём. И не намочите мне покрывало!

Когда она захлопнула дверь, они стояли в темноте. Саммер сжала протёртые до нитей

простыни и подошла к светлому прямоугольнику окна. Улица была пуста, но Саммер всё равно боялась, что он последовал за ней и уже знал, где она находится. И что он мог видеть сквозь стены и сейчас наблюдал за ней с улицы.

— Вздор. Здесь безопасно! — сказала Саммер вслух. *«По крайней мере, сегодня»*, — добавила она мысленно.

Анжей бесшумно подошел к ней и в этот раз, Саммер не отстранилась от него. Его дыхание касалось её левой щеки, пока они вместе смотрели, как сильный ветер гнул деревья на грязной дороге. Слишком долгое молчание с Финном или с другими людьми всегда становилось неловким. Чаще всего это было началом расспросов. Но Анжей молчал весь день, и сейчас бы не стал, ни о чём её спрашивать.

Через некоторое время он протянул руку и указал на кучу грубо тёсанных камней у дороги, которыми, наверное, когда-нибудь выложат мостовую.

— Lim, — сказал он странным хриплым голосом. Затем Анжей вздохнул и отошел от неё. Снова заскрипели половицы. Когда Саммер повернулась к нему, он уже снимал с себя мокрую одежду. В темноте, она представляла себе его тело — бледный блеск светлой кожи. Он, казалось, не беспокоился о том, что они всё еще были чужими друг другу. Саммер залилась румянцем. *Почему же я стесняюсь? Разве мы не целовались?*

— Вот, держи. — Сказала она и бросила ему одну из простыней. Он понял и поймал её. Даже не видя его лица, Саммер чувствовала, что его это забавляло. Но он подчинился её желанию и укутался в простынь.

Позже они оба сидели, на кровати, на спинке которой, сушились их мокрые вещи. Саммер задёрнула шторы и зажгла свечу — Анжей с удивлением рассматривал зажигалку. В этот момент, она поняла, что толком ничего о нём не знает. Не только водопроводные краны и зажигалки были для него чем-то новым, но и бумажные деньги, обувь на шнуровке, проездные билеты и световые вывески. Она изучала его профиль с прямым носом, в то время как он зачарованно крутил в пальцах зажигалку, открывая и закрывая её. В свете пламени он выглядел как статуя — красиво, безупречно. И всё же его окружало нечто, что заставило Саммер думать о тенях и заброшенных погребках. Снова посмотрев на Анжею, она краем глаза заметила мерцающий размытый силуэт. Саммер моргнула и в тот же момент видение исчезло. *«Призраки»*, — подумала она. — *«Сначала гусеницы, потом мерцающие силуэты, может, я действительно схожу с ума?»*

И хотя она сама не выносила, когда её расспрашивали, но теперь, в первый раз в жизни она не смогла сдержать любопытства.

— Что значит «Lim» на твоём языке? Камень?

Анжей уронил зажигалку. Через несколько минут он кивнул.

— Камень, — повторил он, и сделал вид, что держит в руке невидимый кусок камня, а затем бросил его.

— Значит, я вчера правильно угадала? Ты и в самом деле работал в каменоломне? В... — она напряжено перебирала в памяти названия, которые знала из Маймары, — ... Такларе, Келлинге... или... — она вспомнила, что Ана рассказывала ей о шахте, где добывались лучшие неогранённые кристаллы для биноклей и объективов, — в Синтере?

Он едва заметно вздрогнул, и тень печали промелькнула на его лице. Анжей долго не решался, рассказать ей больше о себе, но, в конце концов, он вздохнул и кивнул.

— Синтер, — подтвердил он. Вот почему у него такая кожа. *Он работал под землёй. И кто знает, как долго?!*

Довольно долго он смотрел, задумавшись, в окно, а потом его взгляд упал на кожаное покрывало. Следы его пальцев, которые остались на шероховатой поверхности, он разгладил, чтобы освободить место для рисунка.

— Камень, — повторил он и начал рисовать указательным пальцем.

На покрывале возник схематический набросок: горы, люди с зубилами и молотками. И мужчина, который согнулся под ударами дубинки другого человека. Анжей остановился и скрестил руки в запястьях.

Саммер сглотнула комок, застрявший в горле.

— Заключённый, — сказала она. — Откуда ты родом? Где твой дом?

Она надеялась, что он поймет её вопросительный тон.

— Заключённый, — повторил он — Iz Torjan.

— Торьян? Это город или страна?

Саммер ненавидела себя за то, что знала меньше него. Названия городов она помнила, только если сама побывала там, или если другие рассказали о них. Анжей начал говорить, его слова эхом отдавались в её голове, и она попыталась, разобраться в его рисунках: сторожевые башни на побережье были окружены валом. А местность казалась тихой и уединённой. Позади, виднелись волны. Море? Теперь становится понятно, почему он ничего не знал о том, что для жителей города было само собой разумеющимся. Следующий рисунок изображал, как закованного в кандалы мужчину вели к кораблю. Спустя некоторое время Саммер едва ли замечала, что не понимает слов Анжея. Перед её глазами возникла история его жизни.

— *В Маймару я прибыл на корабле. Я и многие другие. Из порта, нам пришлось идти пешком,* — рассказывали его руки и странные слова. — *Мы шли в горы, прикованные цепью друг к другу, чтобы никто не смог сбежать. И наконец-то прибыв туда, мы должны были работать. Нас стерегли день и ночь, некоторые узники, оступившись, падали со скал или погибали под каменными завалами, другие умирали от болезней. И на их место всегда приходили новые.*

Он судорожно сглотнул. Саммер сдержала порыв подойти к нему и обнять. Он выглядел словно хрупкое стекло: внешне невредим, но в лучах солнечного света — весь покрыт мелкими царапинами.

«*Как же мы в этом похожи!*» — подумала она.

Саммер скрестила запястья и встряхнула ими так, словно освобождалась от кандалов.

— У тебя не осталось следов на руках.

Анжей горько улыбнулся.

— *Когда руки скованы — упасть со скалы очень легко,* — ответил он.

Саммер не знала, поняла ли она его слова, или же его рисунок.

— *А чтобы нас наказать, у них были другие способы.*

Он остановился, его правая рука, которой он рисовал на покрывале, дрожала, затем он сжал её в кулак. Саммер вздрогнула и отвела взгляд. Анжей собрался с духом и медленно повернулся к ней спиной. Простыня соскользнула, обнажив его плечи и спину. Саммер прикрыла рот рукой от удивления. Даже если бы он ничего не рассказал ей, она смогла бы разгадать историю его жизни, по крайней мере, её худшую часть. Шрамы на его спине, словно изогнутые ветки с цветами из зарубцевавшихся ран, сплетались в причудливые узоры. Дрожь пробежала по телу Саммер, и она вспомнила, что уже видела эти шрамы. В то утро, когда они встретились впервые, она приняла их за складки одежды.

— Они ищут тебя, не так ли? И когда найдут....

— *Они убьют меня!* — его жест был предельно ясен.

Саммер склонила голову. Ей было стыдно за то, что ещё сегодня утром она сдала бы его полиции без колебаний, только для того, чтобы спасти себя.

— Мне очень жаль, — прошептала она ему. — Но они не доберутся до тебя. Никто нас не найдет.

Нас — слово, которое заставило её вздрогнуть. Оно звучало как обещание, договор между двумя людьми, которым нечего было терять, и которые имели общую цель: побег. Пламя свечи колыхалось. Анжей молчал, он повернулся к Саммер, но простынь на плечи не накинул. На его груди не было шрамов. Он словно понял, о чём она думает и кивнул.

— *Они больше не болят,* — небрежным жестом показал он. А потом удивил её лукавой улыбкой.

— Mala tai! — предложил он и указал на её простынь. *Раздевайся теперь ты!*

У Саммер отвисла челюсть. Анжей расхохотался, увидев её недоуменное лицо.

— Помечтай! — сказала она раздражённо и плотнее закуталась в простынь. — Как ты вообще попал в шахту? Тебя похитили? Твоя семья продала тебя из-за долгов? Или ты угодил к торговцу людьми?

На этот раз Анжей точно её понял, она заметила это по его лицу.

Он вздохнул, а затем нарисовал несколько фигур. Одну женщину, двое мужчин. И несколько стрелок. Саммер потребовалось несколько секунд, чтобы понять.

— Ты соблазнил жену другого мужчины?

— *Одну?* — спросил Анжей. С серьезным выражением лица он растопырил все десять пальцев. На мгновение Саммер потеряла дар речи.

— Да ты разыгрываешь меня! И даже будь это правдой — за такое в шахту не отправляют. Ответь мне, только честно!

Анжей пожал плечами, усмехнулся и затем признался. Он сделал так, словно схватил что-то и спрятал это в карман.

— Вор! — подумала она и была неприятно разочарована.

Но с другой стороны: а чего она ожидала? Трагическую историю о несправедливо осуждённом, невиновном человеке?

— И что же ты украл? Деньги? Украшения? Или совершил разбойное нападение на кого-то?

Насмешливый блеск тут же исчез из его глаз. Хорошее настроение, царившее здесь всего минуту назад, мгновенно улетучилось. Произошло что-то странное — словно, тьма сгустилась вокруг него. Анжей повернул голову и уставился в окно, оказавшись вдруг в ста милях от неё, окруженный непроницаемой стеной. Саммер хотела прикоснуться к нему — но не решилась. Теперь его взгляд излучал твёрдость, а черты лица ожесточились. И секрет, который Анжей не откроет ей, лежал между ними, словно спящая собака, которую лучше не будить. Сейчас она поняла, как должен был чувствовать себя Финн, когда пытался раскрыть её секреты. «*У каждого человека своя история*», — подумала она. — «*И, возможно, его история такая же пугающая, как и моя?*»

Она вспомнила нож, приставленный к её горлу, и задрожала.

Внезапно ей захотелось снова увидеть улыбку Анжея, его беззаботность, которая ещё мгновение назад их связывала.

— Ну, что ж, так значит ты вор, — сказала она.

Лёгкая улыбка снова промелькнула на его губах. Он презрительно щёлкнул языком и двумя быстрыми штрихами нарисовал контур рыбы на покрывале. А затем указал на Саммер. *Ты тоже!* — означал его жест.

— Саммер воровка! — произнёс он внятно и отчётливо, хотя и с акцентом.

Она была так удивлена, что даже не сопротивлялась, когда он нежно притянул её к себе. Саммер не смогла удержаться от улыбки. По крайней мере, хоть что-то она о нём узнала: Анжей не был таким уж беспомощным, как казалось на первый взгляд. *«Лгунья и вор»*, — подумала она. — *«Оба в бегах от чего-то невыразимого»*.

— А ты удивительно быстро учишься! — сказала она.

Саммер нежно обняла Анжея за шею, стараясь не касаться его шрамов.

На этот раз именно она поцеловала его. *Может это и правильно — только мы вдвоём и наши секреты.*

Эту девушку, которая целовала незнакомца, словно это самая естественная вещь в мире, она не знала до сих пор. Но это тело, которое, при этом словно вспоминало давно минувшие ночи любви и страсти, она знала еще меньше. Только одна вещь отвлекала её: мелодия, как незваный гость, звучала в её голове. И даже слова, которые составляли первый куплет песни, она отчётливо слышала. Сердце Саммер забилось быстрее, но потом Анжей притянул её ещё ближе к себе, и всё исчезло.

***

В ту ночь он не приходил к ней во сне, *в ту ночь ей снился плачущий Морт. На развалинах своего театра, он бродил словно призрак, без надежды и будущего. Её сердце разрывалось на части, видя старого директора в таком отчаянии. «Это моя вина», — подумала она. Черисс и Финн пытались утешить его, а когда Саммер подошла к ним, они смотрели сквозь неё, как будто не замечая её присутствия. Только Ана, которая носила металлическую маску, закрывавшую всё лицо, подошла к ней, обняла, и они вместе танцевали сквозь дым, на обугленной сцене, которая превращалась в пепел от их шагов.*

— *Танцуй, Саммер!* — шепнула ей Ана. — *Ты пригласила Леди Смерть.*

Теперь она ждет, чтобы заключить тебя в свои объятия.

Саммер хотелось закричать, но Ана безжалостно кружила её в танце.

Пепел разлетался вокруг и превращался в хлопья снега, касаясь кожи Саммер. Ледяной холод сковывал её с каждым шагом всё больше. А тем временем, Ана продолжала танцевать с ней как с деревянной куклой — и пела, несмотря на строгую железную маску, чётким и весёлым голосом:

Ты и я в доме из карт
никто не войдёт, не выйдет назад,
смеёмся мы оба под взором ночи,
в постели, подаренной нам дамой черви.
Вечность на вкус как бумага и лак,
Но мы любим друг друга даже и так.
Одно лишь чихание и карточный домик падёт.
Поцелуи вечны — но не любовь.
Я снова все карты мешаю, и раздаю,
и думаю о нас в том карточном раю.

Это была весёлая песня, и она помнила, что часто её пела. Но теперь она звучала так грустно, что Саммер заплакала.

Она проснулась с бешено бьющимся сердцем, скорбя о театре и волнуясь за Морта, Финна и всю актёрскую труппу. Слезы оставили удивительно прохладные следы на её лице.

Саммер всё ещё находилась в полудрёме, и слышала сердцебиение Анжея, так как её голова лежала на его плече. Скользя рукой по его коже, она чувствовала длинные, тонкие шрамы. Одна только мысль об истязаниях, которые ему довелось терпеть, эхом отозвалась на её собственной коже. Так как будто и на ней были раны, жжение которых она чувствовала на своей спине. Вдруг в её нос ударил запах железа.

Присмотревшись, она заметила движение в темноте и поняла, что снова грезит:

Над Саммер парила призрачная фигура, которую она никогда не видела, но она завораживала её больше, чем пугала: женщина в чёрном. Она висела в воздухе прямо над кроватью, на расстоянии вытянутой руки. Густые, медного цвета локоны закрывали её лицо, а накидка из чёрной тафты развивалась вокруг неё. Саммер ощутила дуновение ветра и мурашки пробежали по её коже. «Леди Смерть?» — подумала она. — «Это то, о чём рассказывала мне Ана? Неужели Кровавый Мужчина уже так близко?» Тяжелые оконные ставни распахнулись, и порыв ветра развеял волосы женщины, на мгновение, открыв её лицо. Саммер хотелось закричать от ужаса, но она лишь неподвижно лежала и смотрела в тёмные глазницы черепа. «Ты же знаешь, я убью тебя, если ты не оправдаешь моих ожиданий», — прошептал ей призрак.

В тот же миг видение растаяло, оставив на прощание, ледяной, словно прикосновение клинка, поцелуй на лбу Саммер. Анжей застонал во сне так мучительно, словно и он почувствовал, прикосновение смерти. Она проснулась и резко села на кровати, жадно хватая ртом воздух. Комната была пуста. И когда порыв ветра коснулся её волос, она поняла, что, по крайней мере, хоть это было реальным. Окно было открыто настежь, и занавески развевались на ветру.

— Анжей! — она трясла его за плечи, пока он не проснулся. — Это ты открыл окно?

— Нет! — ответил он, к большому удивлению Саммер, на её языке.

Он хотел ещё что-то сказать, но она предупреждающе приложила палец к его губам и прислушалась. На улице дождь стучал по грязным лужам. К шуму дождя прибавился ещё какой-то звук. Саммер слушала затаив дыхание. Этот шум она уже слышала, когда на сцене театра Морта выступали лошади. И тогда и сейчас это был — стук копыт, словно звук из другой эпохи. Конечно, это могло не иметь никакого значения. Возможно здесь, на Богом забытой земле, держали лошадей и, наверное, это было лучшее средство передвижения для путешественников.

Она выскользнула из кровати, в темноте схватив одежду и начала одеваться.

— Мы должны идти дальше! — прошептала она Анжею.

Даже если он и спрашивал себя, окончательно ли она сошла с ума, то хорошо это скрывал. Он молча собрал свои вещи и быстро оделся, пока Саммер, в спешке, спрятав зажигалку и свечу в карман, бросилась к двери.

Но она была заперта снаружи.

— Чёрт! Эта ведьма заперла нас здесь!

Услышав за спиной шум, она испугано подошла к окну как раз вовремя, чтобы увидеть, как Анжей взобрался на подоконник — и прыгнул!

Послышался громкий всплеск воды, и прежде чем она успела испугаться за его жизнь, он уже приземлился в грязной луже.

Затем Анжей поднял с земли свою сумку, которую он выбросил из окна перед прыжком

и повесил её на плечо.

— Прыгай! — шепотом произнёс он.

Он расставил руки, чтобы поймать её — не задавая вопросов и не учитывая того, что при этом он мог сломать себе все кости. Саммер не знала, почему, но в тот момент у неё на глазах выступили слёзы. И, возможно, причина этому — Анжей. Ведь он был рядом, не требуя объяснений, и ни в чём, не сомневаясь, и Саммер вдруг почувствовала, что он никогда не бросит её в беде. И хотя от страха у неё внутри всё сжалось, отчаянно сопротивлявшись прыжку, она забралась на подоконник и прыгнула.

Хоть земля и была мягкой, но удар после падения отозвался болью в их телах. А во рту чувствовался привкус грязи и воды из лужи. Потом они встали на ноги и в сумерках побежали по мокрой траве. Они не оглядывались, пока не добрались до зарослей кустарника, который послужил им укрытием. Стук лошадиных копыт приближался, и когда Саммер, выглянув из-за веток, присмотрелась, то на самом деле увидела силуэт всадника. Значит, это было правдой. *Он* преследовал её!

— Если мы сейчас побежим, он увидит нас! — прошептала она Анжею. — Подождём, пока он заедет в деревню, и потом можем бежать.

Лицо Анжея было серым и напряженным, словно и ему всю ночь снились кошмары. Их взгляды встретились, и у неё по телу пробежали мурашки. Анжей успокаивающе положил руку ей на плечо.

Он не задавал вопросов, но Саммер знала, что на этот раз она действительно должна ему всё объяснить.

— Ты, несомненно, считаешь меня сумасшедшей, и в этом ты прав, — прошептала она ему. — У меня тоже есть секрет.

Она подняла тросточку и торопливо нацарапала рисунок на свободном клочке земли возле куста.

— Это — я, — она указала на связанную, стоящую на коленях фигуру. — А это... — её рука слегка дрожала, когда она рисовала мужчину и меч, который он держал над обречённой фигурой, — ...он.

Анжей вопросительно дёрнул подбородком в сторону всадника, и Саммер энергично кивнула.

— Я думаю, это он! — прошептала она. — Леди Смерть предупреждала меня. Дс вчерашнего дня я думала, что он призрак. В моих снах он держит меч как воин из далекого прошлого. Но в действительности, у него есть нож. Это он искал меня на вокзале. Он хочет убить меня. Я только не знаю, почему.

Даже в полутьме она увидела, как Анжей ещё больше побледнел. Топот лошадиных копыт становился громче, и они даже слышали фыркание лошади. Они сидели затаив дыхание и прислушивались к ветру, доносившему шум из деревни. Саммер и Анжей услышали, как лошадь с галопа перешла на рысь, а спустя несколько минут остановилась.

Затем всадник соскочил с лошади. Послышался звук его шагов и стук кулаком в дверь.

— Сейчас он находится за домом и не видит нас! — шепнула Саммер. — Давай! Бежим в лес!

Она хотела быстро встать, но Анжей схватил её за запястье и удержал.

— Нет. Туда!

— На север? Ты с ума сошел? Ведь для этого мы должны вернуться и пробежать мимо домов!

— Lanmah! — резко ответил Анжей. — Бежим!

Она попыталась вырваться из его хватки, но он не отпускал.

Вновь послышался громкий стук в дверь, неясный грохот и женский крик. Во дворах застучали засовы, захлопали двери, раздались удивленные голоса, видимо всадник переполошил полдеревни.

— У нас нет времени! — закричал Анжей. — Ну же, давай, бежим!

— Я же сказала — нет! Или ты хочешь стать лёгкой добычей для Него?

Анжей выругался на своем языке, и блеск в его глазах выдавал гнев и нетерпение.

— Jaljnara tolu kaaa! — выкрикнул он.

И на этот раз его тон не оставлял сомнений, в том что он скорее съест грязь чем позволит Саммер бежать на восток. Анжей вскочил на ноги и потянул её за собой. Он был сильным, гораздо сильнее, чем она. Саммер споткнулась и молча выругалась, но они уже выбежали на луг и у неё не оставалось никакого выбора, кроме как попытаться спасти ситуацию.

Вместе они перепрыгнули через ров и прошмыгнули мимо домов. Между тем во многих окнах горел свет. И когда Саммер краем глаза посмотрела в сторону деревни, она увидела загнанную вороную лошадь, стоящую с опущенными вожжами под дождём. Где-то позади дома, всего в нескольких метрах... должен был быть он. Саммер пригнулась ещё ниже, и пыталась идти бесшумно.

Им повезло: никто не вышел из-за дома, когда они пробрались сквозь забор и, наконец, смогли покинуть деревню.

Постепенно окружающая местность становилась всё скалистей, но они продолжали упорно идти. И только когда Саммер почувствовала колющую боль в боку и начала хватать ртом воздух, они остановились, чтобы перевести дух под укрытием холмов и валунов. И тогда Анжей наконец-то отпустил ее. Он тоже задыхался от быстрого бега, но был полностью собран и сконцентрирован. Саммер неловко рассматривала его со стороны. «*Он глупый или очень умный?*» — спросила она сама себя, потирая запястья.

— Мы должны идти дальше, — прошептала она Анжею.

Но он только отмахнулся, продолжая сидеть и прислушиваться.

Голоса становились всё тише и тише. Люди действительно пошли на восток — именно в том направлении, куда бы побежала Саммер.

— Они... jelankaj... ищут нас, — прошептал он ей и триумфально улыбнулся. — Не здесь! А там!

— Ну, значит, нам повезло, — ответила она. — И что теперь делать? Куда нам идти?

В сумерках приближающегося утра его глаза казались чёрными. А его напряженность вернулась, когда он размышлял. Анжей покусывал нижнюю губу. Видимо, он принимал решение, которое давалось ему совсем нелегко. Наконец-то он вздохнул и кивнул, словно спорящие голоса в его голове пришли к соглашению.

— Торьян. — решительно ответил он.

— В твой родной город?

Анжей предупреждающе приложил палец к губам, и Саммер снова понизила голос.

— Ты серьезно? — Она скрестила запястья. — Туда, где они тебя схватили и заковали в кандалы, ты хочешь вернуться? Со мной?

Он серьезно кивнул и так долго подбирал правильные слова, что Саммер захотелось его встряхнуть.

— Мы будем там в безопасности, — сказал он, наконец. — Ты и я. Мы.

Мы. Саммер вздрогнула от удивления. Но увидев его взгляд, она поняла, как важно это было для него. Он снова кивнул и протянул ей руку.

На этот раз, этот жест не был просьбой — он был обещанием.

Глава 6

Противоположность одиночества

Едва ли минул день побега, после которого Саммер начала предполагать, что их где — нибудь обнаружат. Она редко могла выдержать привал в одном месте более двух часов. Когда деньги закончились, она продала свои отрезанные волосы парикмахеру и выменяла свою одежду на новые комплекты.

Таким образом, они продолжили своё путешествие под личиной бродяг, торговцев или точильщиков. Бывали и как брат с сестрой, и как влюбленная пара или как деловые партнеры. Перебираясь с места на место, они меняли свой образ подобно змеям, которые сбрасывают свою шкуру.

Анжей знал названия городов и деревень так же, как и она, но благодаря инстинктам, словно перелетная птица, он находил путь в направлении севера навстречу морю. Между тем, Саммер узнавала Анжея, как сообщника, союзника и друга.

Теперь она знакомилась с другой его стороной — его настроение иногда менялось также быстро как погода. Он мог быть капризным, и его нетерпение едва ли успокаивало Саммер. Следом наступали часы, в которые он выглядел угрюмым и неприступным. Именно в такие дни они спорили о бездействии. Она угрожала ему, что продолжит путь одна, но он лишь насмеялся над ней, и это приводило Саммер в бешенство.

Однако по ночам они относились друг к другу с осторожностью, словно были сделаны из стекла и могли разбиться в руках другого. Анджей никогда не настаивал на большее, кроме одного поцелуя, но позже, когда она обнимала его, то ощущала тоску. И хотя каждая частичка её тела желала этого, она никогда не решалась переступить эту границу. А почему, она и сама не могла сказать, но Анжей и без того ни разу не задавал лишних вопросов, а просто принимал это.

Во время тихих ночных бесед Саммер пробовала учить слова и предложения на его языке. Но по какой — то причине ей этого не удавалось, словно её разум накрывает завеса. Анжей напротив, учил её язык настолько быстро, что это выглядело зловеще, но он никогда не использовал это, чтобы навредить ей. Для нее это тоже являлось новым опытом, который она с удивлением приняла к сведению, — разговоры с Анжей никогда не были бартерной сделкой.

Чужие губы из её туманного прошлого исчезли. Так же, как и Кровавый Мужчина, который покинул ее сны, чтобы вместо этого преследовать их в реальном мире. На их место пришли расплывчатые воспоминания. Лица, которые казались знакомыми. Песни, которые она узнавала. Снова и снова женщина Смерть, как новое привидение её ночей.

— Леди Смерть рядом, — пробормотала она Анжею после одного из таких снов. — Это так, будто она заняла *своё* место в моих снах. Она ждет меня в золотой барке. Там же я вижу какую — то девочку. Я зову ее Бэлин, и мужчина с именем Индиго. Странное имя, не правда ли? Однако там есть... и другие. Они злятся на меня, и все они одеты в длинные плащи. Я ощущаю запах пыли и пепла.

Анжей почувствовал, как ее кожа покрылась мурашками, и притянул её к себе.

— Не думай об этом! — Он нежно коснулся губами ее век. И как бы это не было странно, картинки, вызывающие опасения, ослабевали, потеряли цвет и реалистичность. — Всё это в прошлом, — продолжил Анжей. — Думай о будущем. Ведь скоро мы доберемся в Торьян.

Каждую предыдущую ночь Саммер охотно сбегала в безопасное забвение, которое дарило ей присутствие Анжея, но на этот раз она не потеряла появившиеся образы.

— Вероятно, ты хочешь забыть, но я хочу вспомнить! — недовольно ответила она.

— Эта песня не выходит у меня из головы. Может быть, ты ее знаешь? Она не рифмуется, вероятнее всего, это вообще стихотворение. Во всяком случае... Я слышу ее в своих снах. Послушай!

Для нее это было странно чувствовать волнение перед выступлением на этом месте. Она откашлялась перед тем, как осмелиться пропеть текст песни или чего бы то ни было. Тихо, дрожащим голосом и гулко бьющимся сердцем, она начала:

Холодное дыхание

реальности

гасит

иллюзию —

вечности

тлеет невидимая

под пеплом

мечта.

Летние листья

черным вечером

пьют

мысли —

В её венах кружащиеся,

мое истинное бытие.

Тающая мелодия ещё долго вибрировала в воздухе. Саммер должна была улыбнуться, но не знала, почему.

— Слова звучат печально, но когда я их слышу, мне хочется смеяться. Ты знаешь эту песню?

— Звучит красиво. Но нет, я не знаю ее, — ответил Анжей, зевая. — Что, кстати не является чудом. Я не знаю никаких песен.

— Совсем ни одной?

Он покачал головой. Его волосы задела её шею, и стало щекотно.

— В Торьяне людям не нужны песни, — ответил он с улыбкой. — Там поют только волки. Для нас песни... как там это слово?...бесполезные.

— Бесполезные?

Вновь Саммер поняла, что до сих пор он мог её удивить. В одно мгновение все менялось, и она не знала, должна ли ужасаться или смеяться.

— Как же песня может быть бесполезной?

— Всё это лишь установленная картинка в твоей голове. Ты смеёшься над выдуманными историями. Или бессмысленно хлопаешь в такт как идиот. Всё это тебе не нужно, когда тебе нечего поесть, или не знаешь, где можешь поспать. Многое, что предпочитают городские жители, совершенно бесполезно в Торьяне. Поцелуи, например. Или вино, танцы. Это ведет

только к любовной тоске, тяжелой голове и болящим ногам.

— Поцелуй тоже? Тогда я не уверена, хочу ли туда.

— О, да, — ответил Анжей слишком серьезно. — Тебе понравится. Мы все носим маски и подстригаем волосы, чтобы выглядеть одинаково. Мы не тратим время на страхи и сомнения. Спокойно жить и мечтать запрещено. У нас даже есть стражи, которые приходят для того, чтобы отгонять кошмарные сны от дверей. И утром мы черными метлами сметаем поверженные сны с наших порогов.

Сегодня ей не хотелось спорить с ним по поводу правды. Намного проще было смеяться вместе с Анжей, и точно так же легко она забывала о своих страхах. Лишь только мелодии песен не хотели оставлять её в покое.

— Я не могу выбросить эту песню из головы. Она звучит, словно тяжелая утрата, будто я что — то потеряла. *«Мое истинное бытие»*... Может быть, я сама написала эту песню? Вероятно, я была певицей? Или может, я была влюблена в певца?

Анжей рассмеялся.

— Если ты и влюблена, — произнес он насмешливым голосом. — То только в меня.

В один миг лишь с одним взмахом ресниц её настроение переменялось. Она поднялась и покачала головой.

— Не будь таким высокомерным, Анжей, — рассердилась она. — Здесь всё ещё я решаю, в кого мне влюбляться.

— Да брось, Саммер! Признай это, я — хороший вор. Я украл твоё сердце, а ты даже не заметила этого.

— С чего ты это взял? Только из — за того, что мы поцеловались? Не воображай слишком много!

— Я просто знаю это, — непосредственно произнес он. — Кроме того, ты выдаешь себя каждую ночь. Когда тебе снятся плохие сны, ты ищешь мою руку.

Его голос приобрёл мягкое звучание, и Саммер ничем больше не могла ему возразить. Внезапно возникшее сомнение помешало воспротивиться. *«Что, если он прав? Что, если я вообще не понимаю, что влюблена в него, ведь я вовсе не знаю, какого это — ощущать любовь?»*

Анжей присел таким образом, чтобы они смогли смотреть друг другу в глаза. Естественно, он нравился ей. Всё в нем ощущалось знакомым, и одна лишь мысль о разлуке с ним ранила её.

— Поцелуй меня, Саммер! — попросил он. Когда губы коснулись его рта, её глаза закрылись. Целовать Анжея, словно тонуть в теплом озере. Она должна бы бояться утонуть, но всё же, вода имела вкус воздуха и меда, будто укутывала её в теплом коконе безопасности.

«Может быть, действительно, это влюбленность?» — размышляла она. — *«Противоположность одиночества. Без груза объяснений и клятв».*

И в то время как она ещё больше углубляла поцелуй, её руки путешествовали по плечам Анжея. Затем кончиками пальцев она проделала путь от рёбер до ключиц. Каждое прикосновение эхом отражалось на её собственной коже приятной дрожью, заманивая всё глубже в чашу ощущений и близости.

Тем не менее, где-то глубоко похороненное пустое место в её груди учащенно забилося. Что-то плененное, трепыхаясь, пыталось вырваться наружу. Её руки и кожа вспоминали совсем другую форму плеч и строение мышц, которые ощущались иначе под её пальцами, и

отдавались совсем другим эхом. И кожу, которая была грубее и темнее, и напоминала дым и золотую пыль, не смешавшийся с ветром, а более пряный аромат, вероятно, кедровый дым.

***

Название города, которого они достигли в ветреный октябрьский день, Саммер узнала, когда они проходили к узким пограничным воротам на скалистой возвышенности — Анаканд. Крутая лестница вела через причудливый ландшафт светлых меловых гор к косе в море, на которой возвышался город. Он был обнесен и укреплен зубчатой стеной пристани, около которой лодки и корабли стояли на якорях. Это море никак нельзя было сравнить с гладким зеркалом Маймарской гавани. Это была бушующая серость с зубами из пенящихся вершушек волн, которые яростно впивались в косу. В свете обескровленного заходящего солнца блестели дома в своем бледно-сером холоде, словно скалы. Шум моторов маленьких лодок разбивался о скалы и стены домов. Саммер удивлялась такому большому количеству путешественников, которые желали войти в город, и выстраивались перед воротами. В ней зародилось беспокойство, но Анжей решительно двигался вперед. Они обменяли свою более легкую одежду горожан в последнем населенном пункте на темно-синие пальто с дождевыми капюшонами. Изношенные брюки из того же материала были заправлены в сапоги, которые Саммер приобрела за небольшое количество денег.

— Моряки? — спросил пограничник.

— Путешественники, — ответила она.

На этот раз она позволила пограничнику осмотреть свою сумку, ведь ничего особенного там больше не находилось. Тут же заглянув в сумку Анжея, мужчина ничего не нашел, что стоило бы его внимания. Наконец, он недовольно махнул рукой. Очевидно, люди, которые не должны были оплачивать пошлину, не заслуживали вежливости.

— Поспешите! — недовольно проворчал он.

Анжей глубже натянул свой дождевой капюшон на лицо. И они влились в очередь из людей, которые проходили ворота, и поднимались друг за другом по ступеням к городу. Слегка сжав руку Саммер, Анжей дал понять, что пристально изучая чужие лица, она привлекает к ним ненужное внимание.

Лестница, выдолбленная из меловой породы, была настолько опасна и крута, что у многих впереди идущих людей кружилась голова. Останавливаясь, они облакачивались о слишком низкие железные перила. Они жадно хватали ртом воздух, выглядев при этом бледными и потными. Проталкивающаяся мимо толпа, разорялась проклятьями и ругательствами. Только Саммер ощущала неприятное чувство от близости чужих людей и всё старалась поторапливаться. Ветер свистел в пустых выступах утёсов. В спёртом воздухе пахло дождем. Наконец, они вместе с Анжей добрались до города, совсем запыхавшиеся, а она и с болью в мышцах и мягкими коленями. Здесь путешественники быстро растворялись в переулках и улицах.

Если Маймара с ее многоэтажными зданиями стремился в небо, то этот город наполнялся прямоугольными параллелепипедами, которые тесно приникали друг к другу, прижавшись к косе, и обдувались ветром. Крыши были низкими. Едва ли можно было увидеть здание, у которого имелось больше двух этажей. Только на вершине косы возвышался высокий стройный маяк, свет которого в зарождающемся рассвете напоминал зарницу перед штормом. Порыв ветра сорвал с головы Анжея капюшон и растрепал его волосы — теплый блеск золота перед всей этой серостью.

— Куда теперь? — спросила Саммер, вопрос прозвучал, как сам собой разумеющийся и

такой же естественный как дыхание. Анжей лучезарно улыбнулся и указал на маяк.

— На корабль в направлении севера. Торьян лежит на другой стороне Серого моря.

Саммер плотнее закуталась в пальто. *«Всё же, ты знала это. Он рисовал корабль, и ты знаешь, где лежит север. Так, почему ты теперь боишься моря как маленький ребенок?»*

— Что-то не так? — спросил Анжей. — Я же тебе говорил, что нужно будет переплыть море.

— Я знаю. Но только... я не люблю это. Я с удовольствием наблюдаю, но как только представляю, что вхожу на корабль... Кроме того, я не умею плавать.

«Откуда я это знаю? Ведь я еще никогда не пробовала».

— Думаешь, мне это по душе? — беззаботно ответил Анжей. — Но это единственный путь в Торьян и переправа занимает всего два дня. Однако я не думаю, что здесь корабли снимаются с якоря по ночам. Так, что давай попробуем разместиться в гостинице.

Что, кстати было напрасной затеей. Они стучали в бесчисленное количество дверей, но очевидно, все свободные места в этом городе были уже арендованы.

— Спросите прямо в порту, — наконец, отозвалась на их стук одна из домовладелиц уже глубокой ночью. — Там, в сетевых лагерях имеются временные спальные места для проданных душ.

— Проданных душ? — спросила Саммер.

Женщина косо посмотрела на неё и скрестила руки на груди.

— Ну, наверняка, вы уже слышали о них, правда? Город уже целую неделю, переполнен ими, ведь везде и всюду нет ни одной свободной кровати. Ну да, начинайте привыкать к этому, на Севере вы также не будете спать на перинах.

С этими словами она захлопнула дверь прямо у них перед носом.

— Ты знаешь, о чем она говорит? — спросила Саммер.

— Очевидно, мы не единственные, кто желает пересечь море, — предположил Анжей.

Было уже после полуночи, когда они на самой окраине города обнаружили крохотный трактир, который наполовину был встроен в скалу. Через закопченные стекла тусклый свет падал на узкий переулок. Всё же, и внутри кабака свет был не намного ярче. В низком и невероятно кривом помещении пахло подвалом, рыбным супом и мокрой одеждой. Большинство столов были пусты, но только за одним трое мужчины играли жирными картами, вокруг которых лежали горы смятых денежных купюр. Огонёк похрипывал в камине, словно страдающий легочным заболеванием, чтобы пожертвовать хоть немного тепла. Но все — таки рыбный суп был достаточно горячим, чтобы согреть руки об чашку. Саммер скривила рот сразу после первого глотка. Бульон был пересолен и имел вкус старого жира, но она была настолько голодна, что сразу весь выпила. Когда она снова опустила чашку, то почти выронила ее. Перчатки! Почти перед ее носом. Из коричневой кожи и полностью в водяных разводах.

Анжей под столом успокаивающе положил ей руку на бедро. Саммер заставила себя спокойно поставить чашку на стол, хотя страх порхал еще в её животе как пойманный мотылек.

Перчатки принадлежали пожилой даме с коричнево — седыми волосами. Она стояла около стола и пристально разглядывала обоих новоприбывших. Как будто они выставочные экспонаты в магазине бижутерии, стоимость которых она могла с точностью определить. Когда она перевела взгляд от Анжея к Саммер, то Саммер заметила, что один глаз у нее стеклянный. Он не подходил по цвету, очевидно, до этого он принадлежал кому-то другому.

— Что, иностранцы? — спросила женщина, не заботясь о том, чтобы представиться. И не спрашивая разрешения, ловким движением уселась за стол. Как всегда Анжей промолчал, позволяя Саммер разобраться в сложившейся ситуации.

— Оставь нас в покое, — недовольно сказала Саммер. — Мы едим.

— Настолько плохой настрой? Позвольте мне отгадать, что подпортило твоё настроение. Не удалось найти никакой ночлежки? — Женщина оскалилась как летучая мышь и откинулась назад. Без спешки она стянула с себя куртку и с жеманным жестом выдернула пальцы из перчаток. Саммер судорожно перевела взгляд на мужчин и их карты. Как раз один из них с громким щелчком бросил на стол даму червей, а какой — то шутник пририсовал игровой фигуре черными чернилами усы.

— Ну, в общем, так. Я могла бы обеспечить вам пристанище. И представляете себе, это будет стоить не так уж и много, — женщина щелкнула пальцами.

— Кто вообще сказал, что мы хотим остаться надолго? — возразила Саммер прохладным голосом. — Мы здесь проездом. И кстати, не могу вспоминать, что я приглашала тебя за наш стол.

Уже сейчас она сожалела, что они оказались в людном месте, вместо того, чтобы найти вместе с Анжей любое защищенное от дождя убежище на открытом воздухе. Ко всему прочему, на их разговор стали обращать внимание игроки. Саммер почувствовала косые любопытные взгляды, словно тонкие уколы иголкой. «*Вероятно, каждый из них предатель*», — подумала она, и отвернулась, будто невзначай, чтобы они не видели её лица. Прямо перед ней на столе лежали кожаные перчатки, как напоминание о том, что нужно продолжить путь, как можно скорее.

— Что ж, время не ветер для перелетной птицы, — ответила женщина без злобы. — Это именно моё постоянное место. И если ты и твой немой друг не хотите сидеть со мной за одним столом, пожалуйста! Можете выбрать себе другой! — она понизила голос, и, наклонившись вперёд зашептала: — Однако позволь всё же раскрыть карты. Я точно знаю, куда вы хотите. Вы хотите найти ваше счастье. В войне, как и все, кто приезжает сюда.

«*Война*». Это слово заставило что-то неприятное затрепыхаться в Саммер, какое — то предчувствие. Нет, это было предчувствие страха. «*На Севере?*»

Оценивающий взгляд женщины скользил по изношенному свитеру и брюкам Саммер, которые повидали лучшие дни.

— Богатые сокровища лежат в цитадели. Для бедных глоток чистейшего рая.

— Без понятия, о чем ты говоришь.

— Ах, только не говори, что ты ничего не знаешь о войне? — стеклянный глаз торжествующе сверкнул. — Ну, тогда это большая удача, что вы встретили меня!

Внезапно, как по волшебству, в её руке появился клочок бумаги с водяными разводами, который она с размаху хлопнула на стол. Черная печатная краска была размыта в нескольких местах, но Саммер сразу поняла, что это был договор.

— Ну, как вы на это смотрите, мои симпатичные молодые нищие? Четыре месяца военной службы, и вы богаты! Подпишите здесь, и вы сейчас же получите первое денежное вознаграждение прямо от меня! Ну же? Всё же, гораздо лучше, чем пересекать море в лапах торговцев душами и стать невольниками на следующем корабле. А что еще лучше? От себя я бесплатно предоставлю вам уютную мягкую кровать и места для переправы на одном из кораблей рекрута! Всё, что вы должны знать, вы выучите по прибытию на место. И если вам удастся захватить белую цитадель, тогда часть добычи будет принадлежать вам. Огромные

сокровищницы ждут того, чтобы быть разграбленными. Вы могли бы разбогатеть!

К удивлению Саммер, Анжей опередил ее с ответом.

— Нас не интересует военная служба. Нас это не касается.

— Ах, так значит, немой может говорить! — Не моргнув и глазом, женщина схватила договор и снова показала его им. — Не касается, значит, да? — сказала она, и хрипло засмеялась. — Не обманывай себя, зеленоглазый. Если эта убийственная леди в скором будущем не победит, а это не продлится долго, то война из Торьяна доберётся до нас. И тогда можешь посчитать на пальцах, как долго ты сможешь оставаться свободным или живым.

— Торьян? — вскрикнула Саммер. — *Там* война?

Хозяин таверны, стоявший за стойкой, бросил на их компанию короткий взгляд и продолжил мыть стаканы.

— Не просто война, красавица, — сказала женщина внезапно серьезным тоном. — Война всех войн, если дела пойдут так и дальше. Из какого гнезда вы выползли, что вы ничего не знаете об этом?

Саммер сглотнула и обменялась быстрым взглядом с Анжеем. Он был бледен, но естественно не показывал перед женщиной никаких эмоций.

— Ну, тогда расскажи нам всё! — сказала Саммер, и её голос прозвучал сухо. — В Торьяне находится цитадель? И за неё ведётся борьба?

Женщина почесала густую копну волос и зажмурила глаза, как будто она должна была подумать над тем, смеется ли Саммер над ней.

— Ты, действительно, ещё ничего не слышала о короле Берасе, захваченном княгиней? Это была настоящая кровавая бойня, когда она внезапно атаковала его цитадель. Крепость, которую считали неприступной. В это никто не мог поверить. Ходят слухи, будто в неё вселился жестокий дух войны. Она молода и настолько прекрасна, что лорды добровольно служат ей. Никто не знает, как она с ними расплачивается, но они бьются насмерть за неё. И теперь она уже целый год обитает в белой крепости Торьяна и чего-то выжидает.

— Всё это только сказки и слухи, Алма! — проворчал хозяин за стойкой. — Никто не видел эту княгиню. По крайней мере, с тех пор, как она якобы завоевала цитадель Бераса. Некоторые говорят, что она — привидение, которого вовсе не существует, и обычная выдумка лордов, чтобы спрятать своего хозяина и сделать его вообще недостижимым. И если ты спросишь меня, то я разделяю это мнение.

Стеклянный глаз стукнула кулаком по столу так, что задребезжали чашки, и повернулась к хозяину.

— Верь, во что хочешь, Джекель! Я говорю так, как оно есть. Но она — демон и очаровывает своих союзников. Многих вы видели продавцов, которые могут предложить амулеты, защищающие от зла?

Казалось, в трактире стало тише. Саммер пыталась представить себе молодую княгиню, которая внушала такой сильный страх, но всё же, это ей не удалось. Она не нашла подходящего образа.

— Чего же она хочет? — спросила она через некоторое время.

— Ну, она не выдвигала требований. Однако позволь напомнить, на войне не бывает победителей и побежденных. Всё вертится вокруг денег, территорий и власти. Ну, в принципе, для нас это может быть абсолютно безразлично, кто кого поубивает там на Севере. Вероятно, мы даже безразлично относимся к тому, является ли она призраком или

действительно существует. Но кто смог победить короля Бераса в неприступной Цитадели, тот вероятнее всего направит руку через море. И что здесь найдут? Богатые прибрежные города, с помощью которых есть чем озолотиться. Тот, кто владеет морями, владеет и странами. И тогда помилуй нас Господи! Всё выглядит именно таким образом, мои дорогие! Лорды и господа на нашей стороне моря не просто так озабочены. Поэтому выделяются большие деньги из городской казны для каждого, кто хочет бороться. Мы нуждаемся в каждом мужчине и в каждой женщине. Если вы и дальше хотите оставаться свободными людьми, то это и ваш долг тоже, подписать договор наёмника. Саммер молчаливо прикусила нижнюю губу. Теперь картинка складывалась воедино — слухи о войне, которая достигла уже и Маймара. И теперь еще эта война, бушующая как раз в Торьяне. *«Это не играет большой роли»*, — убеждала она себя. — *«Тогда мы просто должны поменять свой путь. Вероятно, мы направимся на запад?»*

Стеклянный глаз, казалось, ошибочно истолковала её хмурое выражение лица.

— Вы не должны подписывать договор прямо сейчас, — она свернула бумагу. — Никто не может вас упрекнуть в том, что вы не решаетесь, ведь не у каждого имеется достаточно мужества для этого дела. Вероятно, вы хотели бы приобрести дешевые билеты? Два дня и две ночи на быстром корабле, который пришвартовывается непосредственно к гавани на другой стороне Серого моря. — На этот раз в её руке появились два проштампованных билета с указанной датой. — Здесь много других людей, готовых сегодня отправиться на Север. Такое, к сожалению, случается часто. В один миг они все захотят быть наемниками. Но стоит только почувствовать первый запах пороха на пристани, и обделают свои штаны от страха. Но, ваше счастье! Я могу продать вам места этих трусов, но предложение действует только до завтра! И если вы всё — таки решите записаться на службу, то я скажу вашему новому господину, что вы оплатили полную цену, и мы разделим прибыль. Что вы думаете на счет этого?

— Ты оглохла? — возразила Саммер. — Мы тут только проездом. И уж точно не собираемся в Торьян!

Она хотела уж было подняться, но Анжей удержал ее за запястье.

— Сколько? — спросил он вербовщицу. — За два билета?

В первый момент Саммер была уверена в том, что ослышалась. С открытым ртом она уставилась на Анжея. Он не выглядел так, будто раньше не мог говорить на новом языке. И что самое важное, он выглядел уверенным и полным решимости, как игрок, который знает правила игры.

— Что всё это обозначает? — прошипела Саммер.

Даже не глянув в её сторону, он повторил свой вопрос совершенно спокойным тоном:

— Сколько?

— Ага! — триумфально воскликнула женщина. Саммер показалось, будто «Стеклянный глаз» вспыхнула жадностью. — Наконец, я слышу разумные слова! У твоего друга есть смелость и решительность, которой хватит для вас обоих. Так что? Вы в деле?

— Все зависит от цены, — ответил Анжей.

— Нет, это не так! — вмешалась Саммер. — Мы продолжим путешествие. Сегодня же!

Анжей окинул ее взглядом, который мог разбить стекло. Один момент они пристально посмотрели друг на друга. Саммер растерянно и возмущенно, а Анжей настолько яростно, что она испугалась. Что-то твердое присутствовало в его взгляде, то, что она ещё не знала, и это сбивало с толку. Что-то холодное и тенистое, что делало его абсолютным незнакомцем.

Как будто то, что она видела до этого момента, не принадлежало его настоящему образу. Но ведь это же абсурд.

Стеклянный глаз рассмеялась.

— То, как она командует, говорит о том, что она действительно твоя жена, — повернулась она к Анжею.

— Сестра, — равнодушно солгал он. — Сколько?

— Тридцать за один билет, если твоя сестра не хочет. Для двоих пятьдесят.

— Сорок. — Анжей схватил сумку Саммер, где находились деньги. — Этого должно хватить.

— Не смей даже прикасаться к деньгам, — зашипела она на него.

Она выдернула сумку из его рук и вскочила на ноги. Боковым зрением она заметила, что мужчины, играющие в карты, обернулись на нее.

Поспешно она натянула на голову капюшон и покинула трактир. Только снаружи горячий и твердый узел ярости в её животе немного остыл. Перед ней лежал переулок без единого лучика света, который проникал бы через окна. Казалось, мир остановился. Невольно она скользнула в сторону, где выступала скала, которая дала бы ей небольшую защиту и хорошую точку обзора. Дверь трактира отворилась, и Анжей подошел к ней беззвучным шагом. Только, когда он коснулся её, она повернулась к нему.

— Что это значит? — выпалила она шепотом. — Ты действительно отдал бы ей все деньги, которые у нас остались? С каких пор ты принимаешь решения, не спросив моего мнения?

— Если кто-то здесь и принимает решения, не посоветовавшись, то это точно не я, — он прозвучал не менее рассержено, чем она. — Как же ты легко решила, что мы не нуждаемся в переправе? Всё же, мы направляемся в Торьян! И едва ли мы получим более выгодное предложение.

— Ты что, не слышал, что рассказала эта женщина? Твоя родина находится в состоянии войны! Мы не можем поехать туда!

— Почему нет? — в его словах слышалось искреннее удивление, что еще раз напомнило ей о том, насколько разными были их миры, несмотря на все обстоятельства.

— *Почему?* — повторила она растерянно. — Ты витаешь в облаках? Хм, дай — ка подумать. Так как это опасно — путешествовать в районе боевых действий? Так как мы можем погибнуть?

Анжей, казалось, серьезно задумался на один момент о её словах, но только лишь пожал плечами.

— Даже, если так. А что на счет твоего преследователя? В любом случае ты умрешь, если он найдет тебя.

Саммер поморщилась. На любого другого она обиделась бы за эти слова, но это было Анжей с его обезоруживающе честным видом, который не знал оправданий.

— Спасибо, что напомнил, — уныло пробормотала она. — Но это не вопрос выбора между двумя смертями, понимаешь это?

Он не ответил. И в этот момент Саммер поняла, что молчание может обозначать очень многое.

— Все же, ты, правда, не знал о том, что на твоей родине идет война? — спросила она. — Готов ли ты с такой легкостью поставить на карту наши жизни?

— Что ты хочешь услышать от меня? — спросил он резким голосом. — Я был

заключенным, Саммер! В течение многих лет! Как ты думаешь, к нам в шахту доходили новости? — и тише добавил: — Предполагаешь ли ты, какого мне сейчас? Ты думаешь, я не беспокоюсь ни о ком? Считаешь, что я не задавался вопросом, что произошло с людьми, которых я знал дома? — он сглотнул и хрипло сказал: — Ты не единственная, кто находится в бегах. Я должен убраться отсюда, Саммер.

Демон, которого она мимолетно иногда замечала в его замученных движениях, позволял ему выглядеть потерянно. Еще более потерянно, чем она, и это было то, что внушало ей ещё больше страха.

— Хватит мечтать, и наконец, обрати внимание на реальность, Анжей! Люди, которых ты там знал, продали тебя словно раба на чужбину! Ты действительно хочешь, что бы мы пошли на погибель?

Он покачал головой и положил руки на ее плечи.

— Ты не должна бояться. Это моя родина. Только там я ориентируюсь, и только там я смогу защитить тебя.

— Мне не нужен защитник!

— Но нужен тот, кто спасет твою жизнь, — серьезно ответил Анжей. — И кто будет на твоей стороне.

Саммер сглотнула. *«А если он прав? Что, если действительно всё, что я могу иметь, это выбор между двумя опасностями?»* Ей казалось заманчивым и простым — вновь уступить, снова положиться на Анжея.

— Север огромен, — продолжил он. — Мы не должны идти именно в Торьян. На Севере есть так много других мест, где мы будем в безопасности. Леса, которые настолько непроходимы, что там обитают только животные и привидения. Существуют магические водопады и деревни, которые свисают со скал фьордов как птичьи гнезда. Имеются заброшенные замки, в которых долгое время никто не жил. Там никого не будет кроме нас. Никого! — тон его голоса стал умоляющим. Всё складывалось слишком хорошо, и он был нетерпелив, будто хотел убедить её последовать за ним.

Вероятно, из-за слишком плохого освещения в переулке, но она вздрогнула от страха, когда снова увидела изменение в лице Анжея. Как будто бы на него упала тень. Со следующим взмахом ресниц иллюзия исчезла.

— Мы будем держаться подальше от войны, Саммер. Мы скроемся от нее и будем...

— ...невидимыми? Если это сработает так же хорошо, как в трактире, мы можем с таким же успехом встать посреди площади и позвать Кровавого Мужчину. Нет, если ты действительно так сильно хочешь попасть домой, то наши дороги расходятся прямо здесь и сейчас.

Она сама испугалась этих слов. Наверное, потому что они прозвучали совсем иначе, не так, как во время прочих ссор. Здесь посреди переулочка, было легко произнести угрозу, которую она часто упоминала, но вылетевшие слова вдруг приобрели слишком тяжелый вес. Но в этот раз Анжей не засмеялся и не стал переводить всё в шутку. Он молчал слишком долго, и его глаза блестели в холодном свете.

— Анжей, мне... мне очень жаль, — тихо сказала она некоторое время спустя. — Я не хочу спорить с тобой. Но я не понимаю тебя. И совсем тебя не знаю.

— Иногда я сам себя не понимаю, — ответил он. — Но, вероятно, ты права?

Она была слишком горда, чтобы подойти и обнять его. Он хотел прикоснуться рукой к её щеке, но она отступила назад. Анжей медлил, но всё же, последовал за ней и дотронулся

также осторожно, как ночами обнимал её. Несколько мгновений всё было хорошо.

— Знаешь ли ты, сколько дней проведенных в каменоломне я грезил о возвращении туда? — бормотал он в её волосы. — Знаешь ли ты, что это такое — тоска по родине?

Она почувствовала, будто невидимая рука сдавливала её горло. *«Это единственный дом, о котором я знаю»*, — с горечью подумала она. — *«Не быть одинокой. И единственное безопасное место, которое у меня есть — это твои руки, Анжей»*.

— Нет, — сказала она вслух. — Тебе прекрасно известно, что у меня нет воспоминаний о родине.

У неё закружилась голова так сильно, будто она смотрела в бесконечно глубокую пропасть. *«Иди с ним!»* — нашептывал ей лстивый голос. — *«Всё равно тебе нечего терять»*.

Стоило ей закрыть глаза, как в её запутанные мысли ворвалась часть веселой песни: *«... любит тебя бескорыстно — твой смех — твои волосы, любит тебя беспричинно и навсегда»*.

Картина вспыхнула так ярко, как *вспышка молнии — рыжие развивающиеся женские волосы и напускная костлявая улыбка. Леди Смерть с протянутыми к ней руками*.

Она испуганно вздрогнула и отпрянула от Анжея.

— Нет, — сказала она. — Я не иду на север. Я не могу, Анжей. Мы... мы должны найти другой путь.

Его голоса почти не было слышно.

— И куда ты тогда хочешь?

— Не знаю, возможно, на Запад. Я... должна подумать.

Внезапно часть переулка осветил луч света слишком светло. *«Мы стоим тут и разговариваем, не заботясь о том, что нас могут подслушать!»*

Она прижала сумку к себе, отвернулась от Анжея и прошла вдоль скалы пару метров вперед.

— Саммер? — тихо позвал её Анжей, и она заметила, что в этот раз он не следует за ней. И что хуже всего, он и не планировал это делать.

— Я не буду убеждать тебя делать что — то, чего ты не хочешь. Но я отправляюсь завтра утром на корабле на Север. С тобой. Или... без тебя.

Есть слова, которые действуют на тебя как пощечина. И эти были именно такими. Было такое ощущение, будто её ударили кулаком в солнечное сплетение. Саммер глубоко втянула воздух и подняла подбородок. *«Не реви!»* — приказала она себе, тем временем, поворачиваясь в его сторону.

— Ты мне даёшь действительно справедливый выбор, — слова должны были прозвучать насмешливо, но каждое из них имело вкус разочарования.

— Я не смогу защитить тебя от преследователя, — объяснил Анжей. — Не здесь, где я сам ещё больше чужой, чем ты.

— Тогда не надо было давать обещание, и не оставлять меня в одиночестве.

— Что ж, по крайней мере, здесь мы, пожалуй, похожи, — прохладно ответил Анжей. — Иногда мы лжём. А иногда, мы бросаем на произвол судьбы наше сердце, чтобы спасти нашу голову.

Одно короткое мгновение она не могла понять, ненавидела ли его или всё — таки любила.

— Тогда удачи тебе в том, чтобы променять свою жизнь на одну поездку на корабле, — бросила она ему вопреки себе.

Анжей печально пожал плечами.

— Удачи тебе в побеге на запад. Если передумаешь до завтра, ты знаешь, где меня найти.

Глава 7

Серое море

Крики чаек вырвали её из беспокойного сна, в котором Анжей беспомощно цеплялся за дрейфующие доски в каменно-сером море. Дождь, сопровождающий мелодию прибоя как барабанная дробь, умолк. Небо между крышами домов больше не было темным, а стало цвета персика и слишком ярким. От голода у неё кружилась и болела голова, будто на ней во время сна кто — то отбивал чечётку в сапогах с подковами. Оцепенев, она потёрла свои глаза, и не смогла вспомнить, как долго бродила по переулкам Анаканды, полная ярости. Ещё один урок для её кошачьей жизни, и она должна его запомнить. Она узнала, насколько быстро человек мог привыкнуть к другому. Сначала было легко злиться на Анжея, скучать по нему и чувствовать себя брошенной. *Теперь я снова одна.* Всё же, это не так уж и просто.

Через несколько часов она поймала себя на том, что её путь снова привёл к трактиру. Но в окнах было темно, а дверь закрыта. Анжей ушел. Когда начался ливень, Саммер, наконец, поднялась на каменную арку, которая протянулась между двумя домами над улицей. Где — то между третьим приступом жалости к себе и пятидесятой мысли об Анжее, она должно быть задремала.

Так, она и сидела до сих пор на корточках под широким эркером окна с затекшими мышцами и жесткими суставами. Когда она осторожно сдвинулась, маленькие коричневые мокрицы спешно сползли с её штанов. Интересно, который час? Однозначно слишком рано для будничной жизни. Ставни ещё были закрыты. Только из направления гавани уже доносились признаки жизни. Чайки кружили по небу и бросались с хриплыми криками в гавань, где вероятно выгружалась первая ловля из рыбацких лодок. Подал сигнал рекрутский корабль, и когда Саммер подскочила, то перед глазами заплескали звездочки. Ей пришлось заставить себя успокоиться, чтобы не потерять равновесие и не упасть с арки.

«*Нет, ещё слишком рано*», — успокаивала она себя. *Определенно, они ещё не отчалили.* В то время как она на негнущихся ногах слезала на улицу, пытаясь представить себе, что Анжей подписал военный договор, чтобы получить место на корабле. Нет, это не похоже на него. Определенно, он не отправился бы добровольно в ещё один плен. Но тогда, как он должен был оплатить переправу? Все деньги находились у Саммер. Это немного успокоило её. Наверняка, Анжей уже образумился. Он всё хорошенько обдумал и ждёт её в гавани. «*А что, если кто-то из этих торговцев невольниками напал на него и забрал на корабль?*»

Её сердце заколотилось с бешеной скоростью, и закружилась голова. «Только дыши!» Она облокотилась о стену дома. Почувствовав облегчение, она ощутила влажный камень под ладонью. Где находится пристань, она догадалась без особого труда. Над крышами домов далеко в небо возвышался маяк. Прохладный воздух прогнал хмурые мысли. Она поразилась, что в этот момент почувствовала себя настолько ясно, как никогда. «*Как будто бы я перенесла лихорадку*», — подумала она. — «*Или глубокое опьянение*». Казалось, эффект от поцелуев Анжея давно прошел.

А также приятный мягкий туман, который в течение последних дней и недель окутывал её мысли, рассеялся. После этого она снова прокрутила в голове каждый день, проведенный с Анжеем, и вспомнила каждую ссору. Ещё вчера она могла поклясться, что знает, что с ним

происходит. Но теперь она должна признать, что противоположность одиночества ещё не обозначает, зная, хотя бы одного единственного демона в жизни другого. «Кого он оставил? О ком так сильно беспокоится, что хочет любой ценой вернуться на Север?»

Неприятное чувство не оставляло её, когда она доставала свою сумку из — под плаща, которую спрятала там вчера для большей надёжности. Она наклонилась, чтобы стряхнуть грязь и мокриц со штанов. Когда она снова поднялась, её взгляд упал на тень от ворот.

Её мысли вспыхивали как лампы, а мышцы напряглись, прежде чем её разум окончательно осознал, что она находится в беде.

На противоположной стороне улицы стоял наголо подстриженный мужчина, упираясь одной ногой об стену. На его запястье небрежно свисала дубинка, закреплённая кожаной петлей.

— Ну, что выпалась? — спросил он.

Окинув его быстрым взглядом, Саммер оценила его внешний вид. У него были карие глаза, которые слегка косили. На нем была одета кожаная куртка, а его ноги были слегка согнуты, будто он всю жизнь таскал тяжелый груз. Она услышала слабый стук дубинки, ударившейся об стену, и к счастью, мелодию песни, которую где-то насвистывали. Все — таки, она находилась в городе. Вероятно, он подсмотрел, как она перекладывала деньги. Ну, это не в первый раз, когда она встретила грабителя. Сейчас важно сохранять спокойствие и не показывать ему слишком большой страх.

— Ты выбрал неправильную рыбку, — сказала она твердым голосом. — У меня нет ничего, что можно забрать.

Она подчеркнула свои слова широким жестом левой руки, который бы отвлек от движения правой. Парень сосредоточил своё внимание на сумке. Он без проблем смог бы заполучить её, если бы предоставил ей одно преимущество. Тогда сумка была бы пуста.

— Подумай хорошенько, если у меня были бы деньги, спала бы я снаружи под дождем, — продолжила она.

Она молниеносно засунула руку в карман, чтобы схватить кошелек и нож, и перепрятать их в безопасное место. Но каждое следующее слово застревало у неё в горле. Её складной нож находился в сумке. Но деньги... отсутствовали!

«Анжей?»

Осознание происшедшего накатило на неё, как ведро ледяной воды на голову. Как в театральной сцене, она увидела себя, стоящую рядом с ним перед трактиром. Видела, как он обнимал её. Слышала, как он говорил о Севере и о тоске по родине. Она слушала, будто зачарованная и не заметила, как его рука шарилась в её сумку. Ей захотелось выругаться.

Лысый сплюнул и засмеялся.

— Ох, никаких хлопот. Мои деньги за тебя я уже давно получил, — сказал он, скалясь табачной ухмылкой. — И ещё получу столько же, если доставлю тебя.

В момент, когда он подбросил в воздух свою дубинку и схватил её за руку, Саммер среагировала инстинктивно. Голод и усталость были позабыты, и сейчас главное — быть быстрее, чем он. Парень мог быть сильнее, но хорошим бегуном он не был.

Она должна испытывать большой страх, но как ни странно, она восприняла опасность, как гневно-красное покрывало истины. «*Ты не получишь меня, кривоногий!*» — разгневанно подумала она. Вместе с этим она поймала себя на желании, чтобы Анжей оказался в руках этих продавцов душ. Оказаться брошенной было одно дело, и она уже запомнила этот урок. Но брошенная и обворованная — совершенно разные вещи.

Без труда она увеличивала расстояние между собой и преследователем. За следующим углом она скользнула в узкий проход между двумя домами, который она сочла за перекресток. Но он вывел на задний двор. Куча с камнями для мостовой громоздилась в середине, а ведро строительного раствора наряду с этим ждало квалифицированного рабочего. Пыхтя, Саммер остановилась, осмотрелась вокруг и вздохнула. Впереди находились сразу два прохода к боковым дорогам. «*Хорошо!*» Даже если её преследователь ещё не потерял её следа, шансы были пятьдесят на пятьдесят, что он выбрал неправильный путь. Она повернула направо и побежала в проход.

Она увидела мужчину, стоявшего под аркой, только, когда она уже подбежала к нему. В первый момент она почувствовала облегчение и уже хотела крикнуть ему, что её преследуют. Но она поняла, что он давно знал это, потому что у него была палка в руке. Очевидно, он ждал её совершенно спокойно. Щебень вписался в её подошву, когда она притормаживала и останавливалась, скользя.

Ей не нужно было поворачиваться и бежать к левому проходу, чтобы понять, что она загнана как мышь в ловушку. Только теперь пришел страх.

— Помогите! — кричала она к закрытым высоко окнам. — Нападают! Похищение!

Мужчина в правом проходе рассмеялся и шагнул в проход. Он был коренаст, гигант с руками как дубины.

— Не имеет смысла, — пробормотал он. — Дома пусты. Ты в западне.

К её безграничному удивлению он начал напевать:

— Ты и я в доме из карт никто не войдёт, не выйдет назад...

Когда он увидел, как кровь отхлынула от её лица, он ухмыльнулся ещё шире. И тогда всё произошло одновременно. За спиной она услышала, как первый грабитель, пыхтя, достиг внутреннего двора. Во втором проходе слева от неё хрустели осторожные шаги третьего мужчины. Её ударили в грудь, и она сжалась настолько сильно, что не позволила ей сделать и вдоха.

Было странно видеть *его* при дневном освещении. Действительно в реальности. Он был велик и силен. Он производил впечатление, которое ещё больше усиливалось старинным пальто до пола. Она не знала, что ужасало больше — факт, что он носил черную маску, в которой в театре можно было сыграть смерть. Или меч в его правой руке, острие которого вызывающе медленно оставляло злое царяпины на камнях мостовой. На его руках были перчатки, испачканные в пятнах.

— Почему ты преследуешь меня? — заикалась Саммер. — Кто...?

— Кто я? Твой ночной кошмар, — ответил он грубым глубоким голосом, который доводил до бешенства её пульс. — Кто-то, кто уже слишком долго ищет тебя.

Призрак пристально посмотрел на неё, и Саммер почувствовала улыбку за маской.

— Называй меня палачом. Или Кровавый Мужчина. Так, как ты хочешь. — Едва заметный кивок в сторону обоих мужчин. — Вперёд, схватить её!

Никогда ещё Саммер не осознавала, насколько на самом деле существует людей. И как это бывает, когда все одновременно сливались в одно целое. Прежде всего, разгневанная Саммер была предана Анжей. Служащий порта, притворяющийся так хорошо, и девочка из Маймара. Но ощутив нож у горла, она и в этот раз решила не умирать.

Она обернулась и прыгнула на кучу брусчатки. Так быстро, что она сама едва ли воспринимала движения. Она бросила два камня в сумку, превращая её в оружие. Она никогда ещё не ранила человека, но сейчас она, развернувшись на каблуках назад, со всей

силы размахнулась и побежала прямо на номер один. Словно в замедленном съёмке она увидела, как он всё понял, но слишком медленно среагировал. Удивленный, он попытался отпрыгнуть в сторону, но камни со всей силы обрушились на его плечо и он упал, словно подкошенное дерево. Дорога для Саммер была свободна.

Должно быть, они кричала во всё горло, так как когда она выбежала на улицу, из окон повылезали заспанные лица.

— Убивают! — шумел второй парень за спиной надрывающимся голосом. — Нападение! Она хотела убить моего господина! Держите её!

Человек, который только что вышел из двери с метлой, принял слова говорившего за чистую монету и перегородил Саммер дорогу. Зеваки у окон закричали в ужасе, когда Саммер бросила ему сумку с камнями прямо в грудь, и мужчина припал к земле. Она перепрыгнула через лежащего и помчалась дальше. Без веса наполненной камнями сумки она двигалась быстрее. Миновав несколько улиц, её преследователи, кажется, потеряли её из виду. По крайней мере, на данный момент.

Она бездумно свернула направо, только чтобы оказаться в другом дворе, но на этот раз это действительно был тупик. Без колебаний она сорвала с плеч плащ, чтобы иметь больше свободы передвижения, и молниеносно забралась на мусорный бак. Она перелезла через стену и прыгнула. Разодрав колени и руки, она приземлилась, затаив дыхание на другой стороне забора. В ушах раздался крик чаек. Морской ветер охладил её пылающие щёки. Ей понадобилась секунда или две, чтобы понять, куда она попала.

Гавань была полнее, чем она предполагала. Сотни людей толпились на набережной. На четырёх причалах располагались корабли с новобранцами, и пузатые окрашенные в чёрный цвет грузовые суда с тремя мачтами. Первый корабль подал сигнал и взял курс на горизонт.

Саммер держалась левее, прижимаясь к стене. В отчаянии она выискивала возможности стать незаметнее. С небольшой удачей она могла бы слиться с толпой, прижимавшейся к ограде и желающей взойти на корабль. *«И что тогда? Именно эта идея придёт на ум каждому!»*

Грохот упавшей на землю крышки мусорного ведра напугал её до полусмерти. Взгляд через плечо подтвердил её опасения. Коренастый мужчина с палкой с легкостью перемахнул через стену, обнаружив Саммер, и возобновил преследование. Значит, Кровавый Мужчина тоже недалеко. *«Отрежет ли он мне дорогу?»* Внезапная мысль наполнила её новой энергией. Она нагнулась и бросилась влево — в переулок между двумя домами. Её единственный шанс — исчезнуть в лабиринте улиц. Этот переулок был едва ли шире вытянутой руки. Она могла только молиться, что теперь никто не встанет на её пути. За спиной она слышала шаги. Дьявол! Он следовал за ней!

Что ещё хуже, она почувствовала, как от слабости отяжелели её ноги. Ещё немного, и она не выдержала бы эту облаву.

Наконец, замаячил перекрёсток. Тяжело пыхтя, она свернула. В тот же момент она слышала крик, раздались проклятия и ужасающий звук, как будто кого-то сбили с ног. Из-за головокружения она споткнулась. Остановившись, она вжалась спиной в стену. Только сейчас она вспомнила, что с собой у неё ещё был маленький складной нож — он находился в заднем кармане брюк. Должно быть, она засунула его туда, не думая. Поспешно вытащив его, она попыталась стащить с него кожаный чехол, в то время как внутренний голос Саммер насмехался над ней. *«Убийца с ножом для моллюсков? Ну, удачи!»* Тогда её ноги подогнулись, и она проскользнула вниз по стене дома.

«Беги дальше! Он догоняет, он...»

Но никто не пришел. Только тишина звенела в её ушах, перемешиваясь с шумом моря. Тогда она услышала шепот.

— Саммер? Где ты?

Должно быть, это её воображение. Щурясь, она посмотрела налево — там был Анжей! Он не был миражом. Его глаза пылали на бледном лице, и он вытер рукавом его кровоточащий нос. В руке он сжимал палку, которая как раз была у её преследователя. Когда он заметил Саммер, то выронил оружие и побежал к ней.

— Я искал тебя полночи, — выпалил он. — И когда я стоял в гавани, то увидел, как за тобой гнался парень с палкой. С тобой всё в порядке?

Она не знала, почему, но её первая реакция — был смех, просто вырвавшийся из неё. Он посмотрел на нее, как будто она сошла с ума.

— Я не в порядке! — прошептала она. — Вообще! *Он* нашёл меня!

У Анжея отвисла челюсть. Большим пальцем он указал себе за спину.

— Толстяк, которому я сейчас надрал задницу? *Это* и есть тот самый Кровавый Мужчина? Но...

Саммер грубо схватила Анжея за воротник и подтянула к себе.

— Это только его помощник! — шептала она. — *Он* выглядит как в моих снах. У него... есть меч. И он здесь, совсем близко!

Анжей нервно облизал губы и бросил быстрый взгляд через плечо.

— Хорошо, достаточно, — выпалил он. — Давай, поднимайся! Я думаю, мы сможем попасть на следующий корабль.

Внезапно появившиеся образы были ужасающи.

Грозные, чёрные пенистые волны, и течение, что затащило её в неизвестность. Четыре секунды безумия, за которые прошлое, обрушилось на неё. Девушка с каштановыми густыми кудрями и с лицом в форме сердца рассмеялась. Белая лошадь испугалась и ускакала галопом по снегу. Кто-то играл на гитаре. — Давай! — прошептал голос молодого человека ей в ухо. — Он не сможет увидеть нас!

— Саммер! — прошипел Анжей.

Очевидно, он ошибочно воспринял её промедление. Он упал перед ней на колени, обхватив руками лицо, и посмотрел прямо ей в глаза. Как всегда его прикосновение действовало, как спасительный остров, на который она убежала и теперь. Малахитовый цвет его радужки прогнал видение, затягивая её в зеленое море, в котором она погибала.

— Я больше не оставлю тебя и ни в коем случае не уеду без тебя! — отрезал он. — Если ты сейчас скажешь, что хочешь вопреки всему остаться здесь, тогда мы останемся. Даже если это будет стоить нам головы. Но если ты, хотя бы немного дорожишь своей жизнью и моей, тогда, *пожалуйста*, пошли со мной на этот проклятый корабль!

Недалеко от них со стоном зашевелился её преследователь. Шарканье обозначало, что он снова поднялся на ноги.

— Итак, что выбираешь? — настаивал Анжей. — Мы живём или умираем?

— Хорошо, — прошептала Саммер. — Я иду с тобой.

***

Рука Анжея была словно якорь, за который она цеплялась в толпе ожидающих людей. Крадущиеся и со страхом в затылке, что будут обнаружены, они пробирались вперед к причалу. От людей пахло жевательным табаком и влажными пальто. Хотя по — прежнему

на причале находились сотни людей, ждущих посадки, вокруг царило удивительное спокойствие. Казалось, никто из добровольцев не желал вести беседы. Только чайки насмешливо выкрикивали и пролетали слишком низко над головами людей, надеясь украсть у них продовольствие из багажа. Саммер ниже опустила голову и попыталась слиться с толпой.

— Там, сверху! — выкрикнул Анжей, и направился к проходу между ограждениями, от которого готовился отчалить третий корабль.

Канаты уже были отвязаны, и несколько человек подпирали лестницу, которая вела к входу для посадки на корабль. Анжей протиснулся к мужчине, который как раз закрывал проход цепью и сунул ему под нос два билета.

— Это наш корабль! Мы должны пройти.

— Немного поздновато, мальчик.

— Нет времени для споров. Мы заплатили, — настаивал Анжей. — Никакого багажа. Нам нужно только попасть на корабль!

Мужчина что — то проворчал, но всё же, убрал железную цепь и указал в сторону прохода.

Саммер втянула голову в плечи. В затылке зашевелился страх, что преследователи обнаружат их точно в этот момент. Она больше не осмелилась оглянуться назад, но то, что открылось перед ней впереди, было не менее пугающим.

Вблизи корабль казался гораздо более угрожающим. Огромный, размером в три дома и окрашенный в черный цвет. Его темно — красные паруса закрывали полнеба. Название «*Нимфея*» угловатыми буквами красовалось на корпусе корабля.

А за кораблем — бескрайнее море. Хотя небо цвета персика отражалось в нём, казалось, это делает его ещё более серым.

— Отдраить люк! Идут ещё двое, — выкрикнул кто — то, находящийся на борту.

Тогда Саммер положила руку на деревянные перила лестницы. Каждый мускул горел, когда она поднималась вверх по лестнице, преодолевая ступеньку за ступенькой и ощущая себя живой мишенью. Один только образ Кровавого Мужчины довёл её до того, что она, не задумываясь, сиганула через зазор между лестничной площадкой и люком. Она взошла на корабль, а следом за ней Анжей. Несколько пассажиров насмешливо зааплодировали. Саммер повернулась и бросила взгляд на дверь люка, отделяющую её от гавани. Корабль уже отчалил, но часть набережной ещё находилась в поле её зрения. Саммер замерла, заметив мужчину в толпе. Это был её преследователь. И рядом с ним Кровавый Мужчина. Длинное пальто развевалось на ветру. Он всё ещё сжимал свой длинный меч в руке, держа его наготове. Оба стояли спиной к пристани и обыскивали глазами ряды домов. На корабль они не взглянули ни разу. Затем быстрым шагом они направились в сторону города.

— Он не заметил нас, — ахнула Саммер, задыхаясь.

Она должна была испытать огромное облегчение, но вместо этого просто внезапно ощутила всю силу усталости, голод и каждую напряжённую мышцу.

— Это было близко, — сказал Анжей, и положил руки на её плечи.

Она не знала, почему, но сегодня она напряглась от его прикосновения. Осторожно она отстранилась от него. Естественно, она должна была поблагодарить его за спасение. Но всё, что приходило ей на ум, это вопрос:

— Откуда... у тебя два билета?

Анжей засмеялся, но его смех звучал нервно.

— Я... просто надеялся, что ты передумаешь. Я не хотел тебя оставлять. Знаю, что вчера выглядело всё по другому. — Сильные слова и ничего за ними.

— Ты ограбил меня!

Он криво ухмыльнулся ей и скрестил руки на груди.

— Ну, сейчас всё выглядит не так уж и плохо. Мы находимся в безопасности. И, в конце концов, я никогда не скрывал от тебя, что вор.

Глава 8

Деревянная тюрьма

Корабль представлял собой целый мир — тот, с которым Саммер вообще не хотела бы знакомиться. Скрипучая тюрьма из дерева, которая дрейфовала над отмелью и вызывала лишь головную боль. Она и Анжей были размещены не в складских помещениях, которые находились на средней палубе, и где на полу длинными рядами спали наёмники. Их спальное место было помещением без окон, которое служило кладовой и находилось на нижней палубе в передней части корабля. Оно располагалось ниже кают членов экипажа. Тут нашлось место для двух спальных мест, разместившихся один над другим. Остальная часть комнаты была заставлена ящиками, от которых слегка пахло оружейным маслом и как ни странно лавандой.

— Почему мы не должны спать вместе с остальными на средней палубе? — спросила Саммер.

Анжей пожал плечами.

— Потому, что мы удачливы, и нам достались билеты с отдельной каютой. Не звони в большой колокол, ведь здесь много людей, которые позавидовали бы нам даже в этой дыре. Некоторые пассажиры вынуждены ночевать на верхней палубе под открытым небом.

Саммер с сомнением огляделась. В помещении было душно и пахло влажной древесиной и смолой. Постельные принадлежности — одеяла из грубой холстины — были на ощупь сырыми.

— Тебе нужно отойти от шока и согреться, — предложил Анжей. — Я осмотрюсь на палубе и посмотрю, что смогу нам добыть поесть. Тебе снова нужно пальто. Ведь куда мы направляемся, нам понадобится теплая одежда.

Саммер хотела спросить у него: *«На какие деньги ты хочешь всё это купить?»*, однако она только кивнула. Анжей достал зажигалку, которую хранил с их первого общего вечера, и зажег вторую маленькую лампу, висевшую на крючке под низким потолком. Подрагивающий огонь заставил сиять его глаза особенно интенсивным зеленым цветом. Присев на нижней койке, Саммер подтянула колени к груди и обхватила их руками. Без сомнений, она была истощена и дрожала, так как её начало лихорадить. Ведь оцепенение всё ещё не прошло, но было ещё кое-что другое. Дистанция между ней и Анжеем. Будто ясность, которую она ощущала с ночи под открытым небом, показала её друга в более жёстком свете.

— Анжей?

— Хмм? — спросил он, не отводя взгляда от лампы.

— Что ты на самом деле хочешь на Севере?

Когда Анжей повернулся к ней, он удивлённо улыбнулся и снова стал тем мужчиной, которого она смешила, спорила с ним и в любое время была готова отдать за него жизнь. На какое-то время ей стало стыдно за свою недоверчивость, но она всё ещё чувствовала разногласие между ними. *«Ты — вор, который обокрал даже меня. На что ты ещё*

окажешься способен?»

— Рубцы на твоей спине... Кто сделал это с тобой? Раны появились не в каменоломне, не правда ли? Поэтому ты хочешь вернуться?

Он стал серьезным, но по выражению его лица она не смогла понять, задели её слова или нет. Какое-то время они просто смотрели друг на друга, а затем Анжей полностью выпрямился и скрестил руки на груди.

— Ты хочешь сказать, что больше не доверяешь мне? Только из — за того, что я украл у тебя несколько монет? Что это значит, Саммер? Ты сделала бы точно так же!

— Ты точно знаешь, что речь идет не о паре монет.

— Но о вопросе — «Доверяешь ли ты мне?»

Саммер сглотнула и отвела взгляд в сторону.

— Скажи мне. Могу ли я доверять тому, кто скрывает от меня что — то важное, Анжей?

— Я ничего от тебя не умалчиваю, — ответил он, и улыбнулся. — Вероятно, кроме того факта, что я продал тебя вербовщице, чтобы получить для нас эту прекрасную отдельную каюту. Поэтому наслаждайся роскошью, потому что в течение следующих месяцев, к сожалению, мы будем жить в полевых палатках.

Когда она никак не отреагировала на его шутку, он приблизился к ней и уселся рядом. Его плечи опустились. Он опёрся локтями о колени и провел руками по своим волосам. В этот момент он показался истощённым. Между двумя прядями волос на его затылке она заметила шрам и Саммер нерешительно протянула руку. В любой другой день она без сомнений положила бы свою руку на рубец, чтобы утешить и выразить сочувствие. Однако сегодня она воздержалась от прикосновения и отдернула руку назад.

— Ты всё ещё злишься из — за того, что я украл твои деньги, — сказал Анжей спустя некоторое время. — И да, у тебя есть все причины для этого, но прошу тебя, верь мне, если я говорю, что никогда не хотел навредить тебе. Вероятно,... я просто боялся, что ты заберёшь деньги и исчезнешь той же ночью из города.

— Это не ответ на мой вопрос. Я хочу знать, о чём действительно идет речь. Что ты ищешь на Севере? Ты говорил, что беспокоишься о ком-то. Кто это?

Анжей слишком долго молчал. *«Что ж, это тоже своего рода ответ»*, — рассержено подумала Саммер.

— Ты очень тщательно что-то скрываешь! Ты знаешь мои сны, злейшего врага и рассказываешь мне всё о Севере — истории, которые могут оказаться правдой, а может, и нет. Но как только дело доходит до тебя...

Он настолько внезапно вскочил, что ударился плечом о лампу и стоял на раскачивающемся полу. Его руки сжались в кулаки, а губы превратились в тонкую линию.

— Неужели ты не понимаешь или не хочешь понять? — вырвалось у него. — Я должен был так много заглушить в моём сердце, чтобы выжить в рабстве, и не хочу даже думать об этом! Мне хочется только одного — попасть домой. С тобой. Туда, где мы будем находиться в безопасности.

Это слово «мы» всегда окутывало Саммер, словно тёплое пальто. И всё же сегодня она позволила его словам проникнуть в неё и чуть не расплакалась, потому что они всё ещё имели подозрительный тон.

Анжей вздохнул.

— У всего своё время, Саммер, — устало сказал он. — Я расскажу тебе обо всем и раскрою каждую тайну моей души, если захочешь. Но не сегодня и не завтра.

***

С напрасными усилиями быть как можно дальше от воды, Саммер забралась на верхнюю койку. Её глаза горели из — за температуры, но как только она их закрыла, то обнаружила себя на заднем дворе с куском брусчатки в руках. И услышала звук меча, царапающий мостовую. Одно только воспоминание об этом звуке прошло лихорадочной дрожью сквозь кости. Тем не менее, она снова и снова вспоминала образ Кровавого Мужчины — пальто, маска, меч. Она не знала почему, но что-то в его облике сбивало её с толка и никак не могла понять, что именно.

Должно быть, она задремала, так как очнулась от того, что Анжей аккуратно провёл рукой по её волосам.

— Я нашел нам обоим одежду и ничего из того, в чём можно идти танцевать. Но по крайней мере, вещи теплые и защитят от непогоды. Вот, съешь что-нибудь!

Он протянул ей чашку, от которой исходил пар, а внутри томились стеклообразные куски мяса в густой жиже. От неё доносился странный едкий запах.

— Старый рыбный суп? — пробормотала Саммер, сморщив нос.

— Нет, мясо акулы всегда так пахнет.

— Акулы? В Сером море?

Анжей кивнул.

— Вчера выловили. Корабль преследовала целая стая. Недавно с помощью приманки они заманили ещё одну. Теперь она висит на верхней палубе и скоро её выпотрошат. В длину минимум четыре метра. Рыболовная сеть была такой же толстой как канат и всё же они едва ли умудрились вытянуть монстра из воды.

Саммер покосилась на кусок в чашке, будто он в любой момент мог выпрыгнуть ей на лицо.

— Не волнуйся, — успокаивал Анжей. — В каюте мы в безопасности. Будет лучше всего, если мы останемся здесь и не будем подниматься на палубу.

Саммер промолчала. Она точно не знала, когда это произошло. Может, где — то между вчерашним вечером и сегодняшним днём, но их и без того хрупкая дружба дала трещину. Попробовав на вкус куски мяса, которые оказались на удивление пряными и нежными, она поймала себя на мысли, как внимательно слушает рассказ Анжея о происходящем на палубе, при этом украдкой наблюдая за ним. «*Как же ты изменился*», — подумала она. Ничего больше не напоминало о том неуклюжем мужчине, с которым она познакомилась в многоэтажном здании.

Будто ощутив её подозрение, он остановил свой рассказ, обеспокоенно посмотрел на неё и нежно провёл ладонью по её лбу. Саммер закрыла глаза и почувствовала прохладные пальцы на своей коже.

Тоска по тому, что всё могло бы стать как раньше, когда она безоговорочно доверяла ему и они принадлежали друг другу, горячо и коротко уколола её. Его рука замерла.

— Ты... у тебя жар! — взволнованно воскликнул он.

***

Сновидения не преследовали её и переход от сна к бодрствованию произошел внезапно, будто прыжок из одной темноты в другую. Лампы погасли и страх мгновенно обуял Саммер. Ей казалось, что она лежит в гробу на дне моря — навсегда весь океан обрушился на её грудь. Но потом она услышала глубокое дыхание Анжея рядом с собой и почувствовала его руку, лежащую поперёк её талии. Они вместе лежали на верхней койке. «Как долго они

спали? И когда точно она заснула?» Последнее, что она помнила, это прохладное прикосновение к её лбу и жар как от озноба.

Теперь она, наконец, проснулась и температура исчезла. Тем не менее, она чувствовала в плечах и спине что — то вроде жара. Однако наихудшим был шум воды. Море было беспокойное. Корабль поднимался и всё сильнее опускался. А так как каюта находилась ниже уровня воды, то в недра корабля через древесину глубоко проникали булькающие звуки, которые напоминали о водном дыхании морских чудовищ. Саммер невольно начала воображать: огромные рыбы, химеры как из зверинца мёртвых, наполовину акулы, наполовину мурены, следовавшие стаями за кораблем и скользившие вдоль киля, и кракен, щупальца которого ласкали борт корабля.

Она хватала ртом воздух и попыталась сесть. В темноте она напряженно выискивала в памяти образы. Воспоминание было так близко, но оно не могло найти выход. Всё, что она чувствовала, было знание о далеком ужасе. Страх и ярость — однажды она их ощутила.

Анжей вздохнул и что-то пробормотал, а рука вздрагивала во сне. Соблазн прикоснуться к нему, прижаться лбом к изгибу его шеи и провалиться в туман защищенности, был велик. Но её непокорное сердце забилося быстрее, когда она хотела положить свою руку поверх руки Анжея. Она остановила себя.

— *Он не может видеть нас!*

Саммер вздрогнула. Шёпот прозвучал прямо в её ухе. Но это был не Анжей, а голос из прошлого. Шёпот, который она слышала в переулке! И вдруг её сердце заколотилось. Она начала задыхаться. Каюта, и правда, стала плавающим гробом. А рука Анжея оковами, удерживающими её под водой. *«Я должна выбраться отсюда! Подумать... очистить голову... так, чтобы не разбудить Анжея»*. Скинув с себя его руку, она выбралась из койки настолько быстро, насколько смогла.

***

Первые шаги по раскачивающемуся полу стоили усилий. Её подошвы покалывали, как, если бы она должна была пройти через кожу живого существа, которое в любой момент могло её заметить и схватить.

Она была уверена, что найдет спящую ночную палубу, но вместо этого слышала над головой спешные шаги и голоса. «Уже наступило утро?» Наконец, она достигла подъема, который вёл со средней палубы на свежий воздух, взялась за поручень и полезла вверх.

Первый порыв ветра подействовал как хмельной напиток. Она прижалась к перилам и глубоко вдохнула солёный морской воздух. Холод привел её в сознание, прогнал страх и оставил, наконец, место для ясных мыслей. Над ней раздувались паруса на фоне неба, которое уже не было ночным, но ещё и не утренним. Канаты и верёвки тянулись через стонущую древесину. А вокруг растянулось как кулиса из серо — черного глянцевого шёлка — море!

На палубе множество зажжённых фонарей освещали странную сцену. Если бы не волнение, Саммер поклялась бы, что это самое оживлённое место на корабле. Около ста человек собрались на палубе. Они стояли группами вокруг отдельных мужчин и женщин, но Саммер не могла предположить, что всё — таки там происходило. Но было ещё что — то, на что она сразу не обратила внимание. Где — то на корабле раздавались звуки игры на инструменте, который Саммер никогда раньше не слышала.

Этот струнный инструмент был похож на скрипку, но только звучал грубее и более оживленно, почти как человеческий голос. Хотя суматоха запугала её, Саммер повернулась

на звук. Следующий порыв ветра, словно холодный шелк, обласкал её лицо — и в тот же момент ей будто, наконец, удалось ускользнуть — из темноты и из рук леди Смерти. Ощущение счастья накрыло её так неожиданно, что она улыбнулась. Закрыв глаза, она внимательно слушала музыку и даже слышала смех — такой, будто даже рекруты оставили свою притеснённую молчаливость пристани. *«Так, как я оставила Кровавого Мужчину. Здесь в окружении акул и воды, я впервые в безопасности».*

Она рассмеялась, почувствовав грубые мокрые доски и попробовав брызги на вкус. Где — то между ключицей и диафрагмой забытые образы поднимались и таяли в звуках и красках. На этот раз это было предчувствие прекрасного воспоминания и Саммер протянула к нему все свои чувства, ощущая его, и лучше всего закричала бы, будто она на самом деле что — то нашла.

Она не подвергалась опасности, вдыхая запах кедрового дыма, и ощущала предчувствие грубого поцелуя, который полностью охватил бы её. Под кончиками её пальцев кожа и снег.

— Ты сдаёшься? — воскликнул мужчина, смеясь.

— Что с тобой случилось? Выпила чересчур много вина?

Она недовольно открыла глаза. Перед ней стояла крепкая девушка, которая немного напоминала Анну. Только коротко отрезанные и непослушные волосы не вписывались в картину.

— Нет, я ничего не пила, — ответила Саммер с негодованием.

Незнакомка была не старше шестнадцати лет, даже, если она казалась взрослой. Её щеки покраснелись или от ветра, или от вина, сказать точно Саммер не могла.

— У тебя уже есть твой символ? — спросила она.

— Какой символ?

Девушка протянула Саммер правую руку. Её рукав был засучен, и она сдвинула его ещё выше и открыла свежую татуировку на внутренней стороне предплечья. Чёрные линии легко выделялись на фоне остальной кожи и выглядели надутыми, будто окантованные красным карандашом.

— Отличительный знак наших войск. Липовый лист лорда Термеса, — объяснила девушка. — Термес — северянин! Он оплачивает денежное пособие добровольцев на этом корабле. Вот это — мой порядковый номер, а ниже код моего подразделения. Ты тоже принадлежишь к нам, не так ли?

— Нет. Конечно, нет!

— Точно нет? Я подумала — из — за того, что твои волосы такие короткие. Они отрезают всем нам волосы перед тем, как нанести символ.

Саммер осмотрелась. Теперь происходящее на палубе приобрело смысл. Рекрутам, стоявшим в группах, одному за другим отрезали волосы, прежде чем они подходили к мужчинам, которые набивали знак на коже при помощи игл и темной краски каждому новичку.

Девушка указала на куртку Саммер.

— Вот как, так ты из экипажа! Могла бы сразу заметить.

Саммер взглянула на себя. В темной каюте она на ощупь второпях выискивала предметы одежды, которую принес Анжей. Без разбора из стопки она схватила грубо связанный свитер, брюки и куртку до бёдер.

Теперь она разглядела новую одежду при свете. Её действительно можно было принять

за матроса. На синей куртке из натёртого воском материала было много отверстий и карманов. Шерстяной кончик торчал из одного из них, и когда она вытянула его, он оказался голубой шапкой.

Девушка всё ещё заинтересовано смотрела на Саммер, будто ждала ответ. У неё были ясные водянисто-голубые глаза, будто они ещё никогда в жизни не видели страдания или страха. И, тем не менее, в них отражалась жёсткость. *«Что с тобой произошло? Зачем ты теперь продаёшься этой войне?»* — спросила бы Саммер. — *«Знаешь ли ты, что ты делаешь? Знаешь, что это такое быть жестоким? Страдать и умирать?»*

— Ты родом из моей местности, не так ли? — спросила девушка.

— Как ты сюда попала?

— Из — за слухов. Южане остаются южанами. Нас обоих забросило довольно далеко от дома.

«Юг?» Саммер застыла. Что, если она права? Тогда она осознала, что в каждом разговоре совершенно без размышлений воспринимала манеру речи и произношение своих собеседников. *«Пока не встретила Анжея»*, — подумала она. — *«Это всё меняет»*. И по какой-то причине эта мысль ей не понравилась.

— Скажи, ты из Белтера? — продолжила девушка. — Или из одной их деревушки в Гер — Пассе?

— Мелисса Томлин! — выкрикнул кто — то, и девушка вздрогнула, бросив затравленный взгляд через плечо.

— Здесь! — ответила она. — Я должна вернуться к остальным, — заговорщицки зашептала она Саммер. — Было здорово встретить тебя. Может, мы ещё увидимся. А если нет, удачи во всех твоих делах!

Это прозвучало настолько искренне, что Саммер потеряла дар речи. Внезапно она почувствовала, сколько всего она потеряла в течение прошедших недель: не скрываться от людей, а быть посреди них, говорить с ними, чувствовать жизнь, биение сердца, и даже совершать глупости.

— Мелисса? — тихо позвала она, и девушка, которая уже поспешила уйти, остановилась и повернулась к ней ещё раз. — Почему ты это делаешь?

Мелисса сморщила удивленно лоб, однако тут же улыбка понимания озарила её лицо.

— Ах, так ты имеешь в виду знак? — сказала она, и подняла руку. И прежде чем Саммер смогла объяснить ей, что она подразумевала вовсе не татуировку, девушка объяснила: — У солдат чёрной княгини тоже есть один знак — лилия из белого пепла. Он обладает волшебными силами. Каждый, кому он нанесен, может повиноваться только лишь воле княгини. Знак лорда Термеса защищает нас от этой магии.

И девушка исчезла в толпе. Саммер смотрела ей вслед со смешанными чувствами. *«Изображение лилии с магической силой?»*

Внезапно война стала слишком близка к ней и угрожала вытеснить её воспоминания. В передней части корабля всё ещё звучала эта странная мелодия, которая доносилась ветром. Она неудержимо притягивала её как мотылька на свет.

Она надела на голову шапку и нерешительным шагом отправилась вперёд. У нее не было много вариантов — единственный путь между кормой и носовой частью вёл по краю палубы в ужасающей близости от воды. Здесь в средней части корабля только канаты являлись препятствием от встречи с морем. Только гораздо дальше деревянные перила обрамляли носовую часть корабля. Саммер осторожно передвигалась, опираясь на руки, и

избегала смотреть на воду. Она подавляла испуганные крики, когда судно оседало в ложбину волн, а желудок ухал куда-то вниз, стоило воде достигнуть палубы. Наконец, она прижалась спиной о деревянное сооружение. Теперь музыка звучала совсем близко. Она уже могла различить голоса и ощутила радостное предчувствие. Песня заняла все её чувства. Звуки были как-то связаны с ней: *«Любил тебя безвозмездно, твой смех, твои волосы...»*

И на этот раз она знала, что никогда больше не потеряет эти строки. *«Песню пели для меня!»* — думала она. — *«Я должна рассказать Анжее...»*

Однако она вспомнила, почему стоит снаружи. Потому, что её воспоминания принадлежали ей. Потому, что они были сокровищем, которое она должна оберегать. *Потому, что Анжеей украдёт их у меня?*

— Ну, ты не можешь быть хорошим матросом, если при парочке волн уже цепляешься в древесину как кошка, — мужской голос раздался слева от неё, и она вздрогнула от удивления, но уже в следующую секунду вошла в свою роль.

— Я не являюсь персоналом корабля, а только выгляжу таким образом. В моих собственных вещах я бы здесь замерзла, поэтому отдала несколько монет за куртку и шапку.

— Хмм, вероятно, надо было потратить ещё пару монет на обувь.

Саммер преодолела себя поднять взгляд от пола.

В свете фонаря она разглядела огромного солдата, который опирался рукой о туго натянутый канат, чтобы уравновесить свои движения с кораблём. Он напомнил тонко созданную скульптуру. Этот мужчина казался выдолбленным здесь при помощи топора из древесины. Нет, это не выглядело безобразно. Наоборот. У него были высокие скулы, короткие гладкие волосы, такие густые, что напоминали шкуру пантеры, и темные, несколько раскосые глаза дракона, острый взгляд которых обжигал кожу.

Вскоре Саммер разглядела весь остальной его образ: жилет от униформы из коричневой кожи и тот факт, что на нём не было ни рубашки, ни пальто, несмотря на режущий ветер, но, тем не менее, казалось, что он не замерзал. Его руки были покрыты старыми шрамами и на правом предплечье выделялся липовый лист. Судя по его выправке, он не являлся обычным солдатом. Так как ему не было больше двадцати лет, а татуировка уже была еле заметна, по-видимому, в армию лорда Термеса он вступил ещё в совсем юном возрасте.

— Ты одна из добровольцев? — спросил он у Саммер. — Они там спереди, не потеряйся.

Это прозвучало не грубо, но у Саммер скорее сложилось впечатление, что она пробудила в нём любопытство. Она приподняла руку и показала ему своё неповрежденное предплечье.

— Пассажир, — кратко ответила она. — А именно тот, которому сейчас было бы в тысячу раз лучше на суше.

Солдат одним длинным шагом преодолел дистанцию до перил и бросил взгляд через весь корабль.

— Я тебя чертовски понимаю, — сказал он, поворачиваясь к волнам. — В этом нет ничего веселого. Достаточно небольшого шторма и морская вода как кулак может обрушиться на корабль. Как тебя зовут?

Саммер сильнее прижалась к стене.

— Тая, — ответила она слабым голосом, попытавшись при этом не размышлять над тем, указывают ли облака на шторм. Рваные лоскуты облаков образовывали кулису для особенного зрелища. Словно призрачные корабли, грузовые суда скользили по воде. Все

четыре шли в свободной формации. Огни фонарей оставляли на волнах следы венцов из света. Когда ветер слегка поменял направление, дрейфующие возгласы с других кораблей смешались с волнами и ветром в многоголосое пение сирен.

— И откуда ты? — спросил солдат, не глядя на неё.

— Не слышал, наверное? Юг. Если быть точнее, из Белтера. Есть там одна деревушка Гер — Пасс. — Она старалась точнее сымитировать интонацию и произношение Мелиссы.

Великан присвистнул через зубы.

— Довольно хороший экземпляр оттуда. Что заставило тебя уйти так далеко от дома, Тая?

— Если я скажу, держу пари, ты мне неверишь, не так ли? Однако, послушай, я — ни одна из твоих наёмников, которые должны держать ответ перед тобой. Я тебе говорила, кто я. Теперь твоя очередь.

Сопение в ответ могло обозначать только что — то вроде смеха.

— Фаррин Оклэнд, — ответил он. — Для тебя естественно, только Фаррин.

— И откуда же ты?

— Не слышала, наверное? — проговорил он с той же вызывающей интонацией, как и она. — Ты разыгрываешь меня, не так ли? — Он повернулся к ней, и казалось бы, небрежно опёрся на деревянные перила, но Саммер заметила, как сильно он был напряжен. На мгновение она смутилась. «Должна ли она догадаться, откуда он? Должна ли она узнать, откуда он прибыл?» Странно, в Маймаре и в других городах она с лёгкостью по большей части узнавала диалекты людей. У него напротив она не различила на слух ничего необычного. — И судя по тому, как пристально ты смотришь на мой отличительный знак войск, то давно знаешь, что я принадлежу к армии лорда Термеса, — добавил он.

«Значит северянин!»

— И как же так, северянину не нравится в море? — спросила она наугад. — Судя по тому, как ты хватаешься за перила, можно подумать, ты боишься, что в любой момент рыба запрыгнет тебе в воротник.

Опять раскосые глаза дракона вспыхнули весельем, хотя его серьезное лицо не показывало никаких эмоций.

— Такие внимательные глазки, да? Но если один из нас как раз и подвергается опасности получить несколько зубов акулы в затылок, тогда это однозначно ты.

Ему стоило немалых усилий оторвать руку от перил. Тогда он указал на место над головой Саммер. Она посмотрела вверх и ахнула. Увидев острые треугольные зубы, она через секунду затряслась от страха и просто таращилась на огромную голову акулы. Она была прибита к деревянной стене как трофей, и кажется, злобно скалилась. Только теперь она увидела всю сцену происходящего — это было именно то место, где сегодня разделявали пойманного хищника. В двух хорошо укрепленных бочках куски мяса испытывали килевую качку в шатающемся бульоне, чтобы они стали съедобнее. Вершина хвостового плавника возвышалась над бочкой и передвигалась при каждом движении корабля туда-сюда, будто бы в нём всё ещё была жизнь. Это зрелище окончательно поразило желудок Саммер.

— Ты действительно не матрос, — сказал Фаррин, сфокусировав взор на её белом, словно мел, лице. — На мгновение я подумал, что ты вешаешь мне лапшу на уши.

— На мгновение я подумала, что ты милый!

Он удивил её тем, что вдруг расхохотался — это был неистовый, глубокий и заразительный смех.

— Сейчас ты выглядишь так, будто тебе не мешало бы выпить, — примирительно сказал он. — Это я виноват, что ты испугалась. Пойдём со мной!

Возвышение в носовой части корабля принадлежало матросам, однако в маленьких отделенных местах между ветровыми канатами и деревянной платформой также находились несколько офицеров и совершенно обычных пассажиров. Вероятно, торговцы или путешественники, которые возвращались на свою родину. Матрос, который возился с канатом, на миг насторожился, когда осмотрел одежду Саммер, но всё же молчаливо продолжал работу. Фаррин направился к группе офицеров, которые играли в карты, сидя на полу.

Саммер сразу начала высматривать музыканта и обнаружила его около поручней. Он сидел на перевязанном узелке, который вероятно, представлял весь его багаж. Это был старик с белоснежными волосами и темной кожей, словно корень дерева. Удивившись, Саммер увидела, что его инструментом был удлиненный ящик, на который были натянуты всего четыре струны. Они заканчивались во рту вырезанной головы лошади. «Как он мог извлекать из этого такие ясные звуки?» К её безграничному разочарованию, в этот момент он закончил играть и уставился на море.

— Что ей здесь нужно? — прорычала одна из карточных игроков, не поднимая глаз. Татуировка на её руке была не липовый лист, а змея, извивающаяся вокруг полумесяца.

— Пассажир, — коротко сказал Фаррин. — Она со мной.

Женщина пренебрежительно фыркнула и бросила одну карту в центр, снова погрузившись в игру. Фаррин достаточно близко наклонился к ней, чтобы Саммер почувствовала себя некомфортно.

— Не воспринимай это на личный счет, — шепнул он ей. — У нас, офицеров, узкий круг общения.

— Потому, что никто не должен узнать, что вы играете в карты точно так же, как все остальные?

Фаррин усмехнулся и схватил пузатую бутылку. В свете фонарей жидкость мерцала как красный драгоценный камень. Фаррин всунул в руку Саммер бокал и налил.

— Пожалуй, предлагаю выпить за море. — Он поднял бокал. — И за то, что мы оба скоро будем стоять на твердой земле.

— Пожалуй, я выпью за таинственный Север, — дополнила Саммер. — Страну, в которой запрещено мечтать.

— Неужели? Тогда должно быть, это другой Север, — сказал Фаррин, и сделал большой глоток. Саммер также поднесла бокал к губам. Она никак не могла понять, зависело ли это от холода или от того, что смерть ещё вчера была к ней настолько близка, но вино вдруг обрело вкус жизни — сладкое и игристое, нотки темных ягод и корицы, согревающий её горло жар. — Но ты всё ещё не рассказала мне, чего ты хочешь у нас на Севере? — снова спросил Фаррин.

— Причалить в Торьян и идти воевать. А ты? Ты несёшь ответственность на корабле за наемников?

По его виду, и тому, как он сморщил лоб, она поняла, что с ним не будет так легко отделаться от вопросов. «Будь осторожна», — предостерег её внутренний голос.

— Нет, с добровольцами я не имею ничего общего, — растянуто ответил Фаррин. — Наёмников доставляют к Меловой гавани, а оттуда в лагерь, где их обучают. Мы напротив, плаваем на корабле довольно давно. Мы — эскорт для делегации. Лорд Термес потребовал

несколько сопровождающих.

Он качнул подбородком в направлении носовой части, и Саммер бросила взгляд туда. Она обнаруживала там двоих человек, которые стояли спиной к ним в передней части корабля. На них были одеты длинные плащи и натянутые на голову капюшоны, чтобы защититься от бокового ветра. Саммер предположила, что они вместе изучали какой — то план. «Вероятно, географическую карту?»

— Наверное, это очень важная делегация, если она должна так хорошо охраняться, — сказала она.

Он серьезно кивнул.

Саммер сделала ещё один поспешный глоток, чтобы хоть как — то нарушить наступившее молчание. Однако Фаррин всё также пристально смотрел на неё и ждал ответ на заданный вопрос. Теперь пути назад не было. *«Сама виновата»*, — сердито подумала она. *«Сейчас же нужно что-то придумать. Ну, это ещё был отличный шанс узнать кое-что о Севере»*. И, кроме того, даже, если она никогда в этом не признается, ей понравился Фаррин. В течение всего того времени, в которое она дни и ночи провела вместе с Анжеем, это было полезно для неё, хотя бы несколько минут побыть в покое и пообщаться с другими людьми. И на этот раз, не опасаясь его.

— Я... хочу побыть на Севере всего пару недель. Я сопровождаю друга. В течение нескольких лет мы вместе работали сезонными рабочими в прибрежных городах. Он долго жил на юге и теперь, естественно, беспокоится о своей семье.

— А кто же нет, — пробормотал Фаррин. — Где живет его семья?

— Поблизости Меловой гавани, — неопределенно ответила она. — Я забыла название деревни, но уверена, что он напомним мне. Откуда ты родом?

— Балин.

— Это где — то недалеко от Торьяна?

Фаррин снова поморщился, и Саммер в который раз пожалела о своей болтовне.

— Я совсем ничего не знаю о Севере, — сказала она, извиняясь. — Это было очень спонтанное решение сопровождать моего друга. Но мне нравится, что он рассказывает о своей родине. Он говорил, там существуют целые деревни, которые висят на скалах во фьордах. И магические водопады.

Фаррин недовольно сдвинул брови.

— Это всё, что он рассказал о Севере? Чудесные истории о воде ведьм и народах утесов, из которых делают представления на ваших ярмарках? Он ничего не рассказывал о городах? О грузовых портах в Рексае? У нас есть города и гавани, в сравнении с ваши южными крепостями, словно грубо укрепленные пляжи. И рассказывал ли он тебе о леди Малавинсе, живущей в Кристаллической пещере посреди моря? Об обсерватории в Сейнесе? Нет? Могу себе представить. Так вот поэтому мы и остаемся в ваших глазах дикарями, которые в лесах танцуют вокруг огня.

Её представление о них повергло его, скорее в мрачное удивление, чем заставило обидеться.

— Мой друг любит свою родину, — сказала Саммер. — Он сказал, что это очень красивая страна.

По свету, вспыхнувшему в его глазах, она поняла, что затронула не только правильную струну, но и нашла мелодию Фаррина.

— Только красивая? Нет, это самая прекрасная страна из всех, — сказал он с

уверенностью. — Говорят, когда-то Бог северного ветра собрал самое прекрасное и самое опасное, что нашел в других странах, и перенес через небо. Волки, такие же большие как лошади, хищные кошки, которые имитируют человеческие голоса, чтобы привлечь добычу. Кристально — зеленые реки, горы, наполненные золотыми жилами и алмазами. Обширные леса — и, конечно же, Звериные бегуны. Это люди с двойным естеством диких животных и опасных воинов, которые живут очень скрытно. Для того, чтобы их поймать, он должен был использовать всю свою хитрость. Наконец, он нашел даже деревья, которые цветут только зимой. Всё это Он брал в других странах и доставлял на далекий Север. Там Он собирал свои сокровища и создавал из этого всего нашу страну.

— Звериные бегуны, — задумчиво повторила она. — Деревья, которые цветут зимой. — И спустя ещё мгновение она добавила: — Синие цветки, которые напоминают звезды, и плоды, которые пожинают в конце февраля, такие маленькие как виноград. И их мякоть тоже синяя и тает на языке, словно сладкий снег...

«*Это воспоминание?*» — Саммер сглотнула и пристально посмотрела на своё отражение в вине. — «*Или Анжей рассказал мне это? Или Финн? Или Мия?*»

Фаррин просиял.

— И каждый путешественник или посол отдают целое состояние за семена и саженцы. И не понимают, что это дерево способно уродиться только у нас. Если вы решите остаться до зимы, то ты обязательно должна попробовать эти плоды, Тая. Ты будешь поражена.

— Я... попробую их. Расскажи мне ещё что-нибудь? Я... знаю так мало об этой стране. Честно говоря, я даже не знаю, как выглядит Север на географической карте.

Эта открытость, кажется, обезоружила и одновременно удивила его. Он снова в сомнении сморщил лоб, но всё же уселся на пол, и к неожиданности, Саммер пролил немного вина на доски. Тогда он жестом показал ей присоединиться к нему, и она тоже опустилась рядом с ним на колени.

— Представь себе, что вся страна выглядит похожей на отпечаток человеческой ноги, у которого есть только четыре пальца. Только верхняя часть ноги, вероятнее всего напоминает отпечаток лапки ящерицы — с острыми когтями вместо пальцев ног.

Пальцем он протянул жидкость до тех пор, пока лужа не приняла форму и контур изрезанной ущельями страны, которая действительно отдаленно напоминала отпечаток ноги. — Внизу на изгибе пятки лежит Меловая гавань. Если продвинуться дальше, вдоль внешней кромки ноги, посередине по направлению к маленькому пальцу ноги, можно оказаться в гавани поменьше, перед городом Карс. Здесь проходит внешняя граница Империи лорда Термеса. И ровно посередине ноги находится моя родина — Балин. Как ты видишь, он расположен далеко от моря.

— А Цитаделль? — спросила Саммер.

— Ты даже этого не знаешь? — Фаррин ткнул указательным пальцем на самое северное место — вершину самого большого когтя.

— Торьян — это полуостров? — вырвалось у Саммер само собой.

Её настроение в сию же секунду испортилось. «Намеренно ли умолчал Анжей, что они должны будут путешествовать по всей стране? *«Серьезно? О чём ты все-таки думаешь? С том, что вор говорит правду?»* Сейчас голос новой жизни звучал злорадно.

Фаррин кивнул.

— Самый большой полуостров. Последнее королевство. Король Берас управлял самой северной частью страны, то есть всем Торьяном. Его белая Цитадель была символом

непреодолимости. Высокие здания со стенами, которые настолько гладкие, что в них отражается море. Со стороны гор город окружают крутые склоны скал, которые тянутся до самого моря. Около Торьяна море — это котел, наполненный утесами, вихрями, отмелями и бесчисленными скалами, которые возвышаются как зубы акулы над водой. Поэтому часто полуостров называют «Акуля пасть». Захватить Цитадель с морской стороны фактически невозможно.

— Однако черной Леди это удалось, — заметила Саммер.

Лицо Фаррина помрачнело. Он допил остатки вина и со стуком опустил бокал на пол так, что тот треснул.

— Один из добровольцев сказал, что она — княгиня, — осторожно добавила Саммер. — Весь Анаканд боится её. От трактира к трактиру вокруг неё блуждают авантюрные истории. Говорят, в нескольких лордах она нашла сильных союзников.

Фаррин фыркнул.

— Слишком много, — пробормотал он.

Саммер надеялась, что он расскажет ей что — то ещё, но молодой офицер молчал.

— Может быть такое, что она и вовсе не существует? — спросила она. — Вероятно, она — только страшная сказка, потому что нет ничего страшнее невидимого врага?

В сумерках раннего утра она увидела, что его хищные глаза имели янтарный оттенок. Они были мрачными, будто Фаррин — воин пережил немало бессонных ночей.

— Было бы лучше, чтобы ты поверила в неё, — прорычал он. — И обдумать хорошо, на чьей ты стороне, когда *с ней* встретишься.

Саммер вздрогнула. Это было слишком наивно, как, если бы она своим вопросом нарушила безопасную почву невинной беседы. Теперь она балансирует на тонкой грани между недоверием и дружбой. Его взгляд был настолько пронзителен, что она не решалась отвернуться.

— Что ты хочешь этим сказать? — тихо спросила она.

— То, что мы знаем нашего врага, — отвечал он. — Даже слишком хорошо. То, что мы нуждаемся в каждом мужчине и женщине. Потому, что мы должны победить её. А потом уже ничего не будет таким, как раньше. Ничего, Тая.

— Ты хочешь нанять меня? И убедить меня, чтобы я позволила наколоть себе липовый лист на руку? Чтобы я поверила в волшебство и не думала, что этот самый липовый лист служит только для того, чтобы отличить своих мертвецов на поле сражения? — ещё до того, как она произнесла эту фразу, она поняла, что зашла слишком далеко. — Я не много в этом понимаю, — смягчилась она. — Как я уже говорила, для меня это только короткая поездка. И при этом я определенно не буду становиться на чью-то сторону.

— Пока ещё нет, Тая, — мрачно ответил Фаррин. — Но если ты когда-нибудь попадешь в затруднительное положение, вспомни мои слова. И убегай до тех пор, пока ты ещё можешь.

Саммер выдавила из себя улыбку, которая впрочем не особенно хорошо ей удалась.

— Я... подумаю об этом.

Фаррин встал и протянул руку, чтобы помочь. Саммер сделала вид, что не заметила этот жест, и встала сама, не допуская прикосновения.

— Спасибо за вино. И... удачи.

— Тебе того же, — ответил он со всей серьезностью.

Он хотел уже отвернуться, но Саммер, почему то не смогла отпустить его таким —

грустным и расстроенным, с головой, наполненной негодования и темной опасности.

— Эй, Фаррин! — окликнула она его. — И последний вопрос. Неужели это правда, что вы на Севере не знаете ни одной песни?

Он помедлил, но затем намек на улыбку осветил выражение его лица.

— Ты шутишь, Тая из Белтера? — насмешливо спросил он. — Северяне изобрели пение! Оставьте себе свои грустные и сентиментальные южные баллады.

Когда он пошел к другим офицерам, насвистывая быструю мелодию, на Саммер, словно волны, накатывали образы, и она полностью растворилась в них.

***

Старый мужчина с инструментом всё ещё всматривался в море, над которым уже лежало светлое покрывало утра. Он не выглядел особенно заинтересовано, когда Саммер подошла к нему.

— Мне понравилась твоя музыка! — сказала она. — Почему ты прекратил играть?

Он повернулся спиной к морю, но не сделал ни одного движения, чтобы взять свой инструмент.

— Потому что уже утро, — прозвучал неприветливый ответ. — Время для игр закончено.

— Солнце ещё не взошло. Сыграй ещё одну песню? Для меня?

— У меня не осталось песен для тебя. Если хочешь услышать музыку, будь любезна, спой сама.

— Пожалуйста! — Она надеялась, что её голос не звучал умоляюще, но видимо она не смогла обмануть музыканта. Он поднял брови и посмотрел на неё настолько пристально, что Саммер стало не по себе.

— Ты выглядишь так, будто бы увидела привидение, — заметил он. — Но музыка тебя не спасет.

— Напротив! — воскликнула Саммер. — Я должна услышать несколько тактов одной мелодии. Я забыла кое-что очень важное, но эти воспоминания очень близки — и если я услышу музыку, то они снова придут ко мне на ум. Я знаю это!

Он пожал плечами.

— И почему это должно меня интересовать? Я не благодетель, а просто старый бухгалтер, который выглядит так плохо, что ему пришлось отказаться от своей работы в портовых конторах. Помогает ли мне кто-нибудь?

Саммер сжала руки в кулаки. Лучше бы всего у неё получилось схватить старика за воротник и заставить его повиноваться. Но всё же она взяла себя в руки и повторила ещё раз со всей настойчивостью:

— Пожалуйста!

— Спой. Я послушаю, — покровительственно сказал он, и через некоторое время добавил. — И тогда посмотрим.

Саммер прикусила нижнюю губу и уставилась на странный инструмент, который музыкант держал в руках, словно ребенок. Воспоминание, которое она искала, порхало на краю её сознания, но всё же если она в скором будущем не поймает его, оно снова вылетит в море и утонет навсегда.

— Что же так? — спросил музыкант. — Достаточно храбра, чтобы беспокоить меня, но слишком труслива, чтобы помочь себе?

Саммер оглянулась. Офицеры не обращали на них внимание. Фаррин исчез, и ветер

уносил каждое произнесенное ими слово.

Она встала рядом с мужчиной, глубоко вздохнула и начала напевать. Сначала тихо, но потом, когда она слилась с мелодией, закрыла глаза и осмелилась продолжить дальше. Слово за слово она развивала песню, добавляла строфы, о которых не знала, вспоминала ли она её или сочиняла. Припев следовал за куплетом, потом повторяющаяся строфа. Эта песня была об одноногом мужчине, который хотел быть танцором, а также о женщине, которая всегда ходила на руках, потому что боялась неба.

Как второй голос, внезапно вступил инструмент старика в качестве сопровождения — выше, чем голос Саммер, и настолько наполненный страстью, что у Саммер по спине побежала дрожь.

Когда она услышала смех, она открыла глаза и посмотрела в очарованные лица: несколько матросов, которые на несколько мгновений оставили свою работу, и пара путешественников, отбивающие ногами ритм и теперь начавшие хлопать. На средней палубе наемники вытянули шеи. Это было как на сцене царства мертвых. Переведя дыхание, Саммер продолжила петь, только теперь вызывающе и грудным голосом. Она развеселилась, когда музыкант сыграл вихрь, который звучал, словно ржание лошади. Она притопывала со всеми в такт и кружилась. И во время поворота прямо перед её глазами внезапно появился Анжей и во время перехода в реальность она потеряла равновесие и споткнулась. И на этот раз присутствие Анжея было к месту, чтобы сберечь её от падения и уверенно поймать *корабельные фонари в хрустальных люстрах и черный мрамор моря, окружающий их. Она находилась в празднующем обществе — её окружали мужчины и женщины в нарядах, которые Саммер видела только на старых картинах. Платья с необычным покроем достигали пола. Потрясающий и свежий аромат цветов витал в воздухе, золотые украшения поблескивали на запястьях и при каждом движении на куртках и жилетах звенели серебряные монеты. Лбы женщин были украшены изделиями из ракушек, а у мужчин были черные глаза и длинные темные волосы, словно гривы лошадей. С одним из этих мужчин Саммер и танцевала, но при этом не смотрела ему в лицо, так как она была слишком увлечена разучиванием танцевальных движений.*

— *Не смотри на ноги, слушай только музыку, она поведет тебя!* — сказал он со смешком — *и она позволила ему прижать её плотнее к себе и закружиться с новой силой.*

Волосы, лежавшие на его плечах, щекотали её руки. И всё же, когда она взглянула вверх, то не разглядела его лица. Будто в этом образе присутствовало пустое пятно или специально нечеткое место. Ей нравился он, но ещё больше ей нравилась музыка. Всё это было ново и захватывающе для неё, будто бы она ещё никогда раньше не слышала ни одной мелодии. Её переполняло чувство счастья, вероятно, также впервые, будто трепещущий мотылек в горле. Во время танца она удивленно оглядывалась, рассматривая зал, который теперь она видела со всей четкостью. Ещё она многократно рассмотрела отражение себя в полированных мраморных стенах и узких зеркалах. Она была одета в простое платье, которое, тем не менее, выглядело дорогим — и оно было настолько белым, что казалось, будто одеяние мерцает. Шелковый материал был легким, словно перышко, он клубился и закручивался при каждом движении. Её волосы стекали по спине до самых бедер золотисто-рыжими волнами, в которые были вплетены льдисто-синие цветки, напоминающие звезды. И хотя в зеркальном отражении явно определялись черты внешности Саммер, в её смехе, дымчато-карих глазах, во взгляде и в её манере держаться прослеживалось что-то совершенно чужое. Девушка в отражении была невероятно горда

и вела себя высокомерно и бесстрашно. Босиком она танцевала на каменном полу, и казалось, будто она была пределом мечтаний каждого в этом помещении. Без сомнений, это не было игрой. В этот момент она была сама собой. Внезапно она отстранилась от объятий её партнера по танцам и остановилась посреди толпы. Она посмотрела на свои руки, обнаружив мозоли на правой руке, которые появились от рукояти меча. «Или может, от шпаги или ножа?» Когда взглядом она стала искать мужчину, с которым танцевала, то вместо лиц видела белые пятна, словно маски. У неё было так много вопросов к нему, но она так и не смогла его обнаружить. На одном мужчине в толпе была надета соломенная шляпа, а другой был одет в золотанную форменную куртку матросов. На заднем плане задвигался мрамор, словно растворяясь в воде, и тогда она увидела лицо, которое знала.

Старый музыкант одобрительно ей улыбнулся. Вокруг раздавались аплодисменты.

— Ещё одну песню, — крикнул один из матросов, но Анжей уже безжалостно тянул её из толпы.

— Ты что, с ума сошла? — прошипел он ей в ухо. — Ещё незаметней не можешь себя вести?

Саммер была слишком удивлена, чтобы отреагировать. Перед её глазами еще вспыхивали образы праздничного вечера. *Синие цветы, которые имеют запах снега и ладана... и на окнах ледяные узоры...*

В закутке между палубами Анжей остановился. Его руки железной хваткой сжимал её плечи.

— Что ты тут делаешь? — Его яростный взгляд обрушился на неё, словно пощечина, которая вернула её в реальность.

— Мне нужен был свежий воздух, — вернула она так же неприветливо.

— Но почему тогда ты не разбудила меня, а просто убежала? Саммер, я волновался!

— Почему? Ты боялся, что я спрыгну в воду и уплыву?

От него всё ещё исходил запах каюты — оружейного масла и сырой древесины. И внезапно она больше не смогла терпеть его близость. Резким движением она вырвалась из его хватки.

— Никогда больше не хватай меня таким образом, — прошипела она. — И не смей больше никогда тянуть меня за собой как маленького ребенка, которого ты обличаешь!

Анжей дернулся, будто от удара. Он раздраженно зажмурил глаза и посмотрел на неё. Таким бледным она никогда ещё его не видела и по какой — то причине она ощутила невероятное удовлетворение. Хотя корабль всё ещё качался, она твердо держалась на ногах, полностью заполненная образом из другого времени.

— Что с тобой случилось? — спросил он. — Тебе опять приснился плохой сон? Ты снова... видела страшные вещи?

«Ничего не рассказывай ему!» — мысль вспыхнула в её сознании так внезапно, что она вздрогнула. — «Это не я», — удивленно подумала она. — «Это другая, которой я раньше была! Но почему она предупреждает меня?»

— Ничего не случилось. Я только смешалась с толпой и разузнала кое-какую важную информацию. Всё-таки ты долгое время не был на Севере и не имеешь никакого представления, что происходит там сегодня. Теперь я, по крайней мере, знаю, где происходят боевые действия, и от каких мест мы должны будем держаться подальше.

В ней зародилось страшное подозрение. В этот момент она видела его трезвыми и холодными глазами женщины в белом платье. И больше не увидела в нем безопасность и

привлекательность, но обнаружила скрытую угрозу. В свете восходящего солнца его черты казались враждебнее, чем когда-либо. *«Знал ли ты вообще когда-нибудь, как выглядит Север, Анжей?»*

— Знаешь ли ты, чему я удивляюсь больше всего? — спросила она. — Тому, что существует так много прекрасных вещей на твоей родине, о которых ты ничего мне не рассказал. Кристаллическая пещера, например, обсерватория и дикие люди в горах. Они — захватывающие существа. В младенчестве они связываются со вторым естеством — хищником и покидают людское общество. Только спустя многие годы, если они научились управляться с хищником внутри себя, они возвращаются домой.

«И эту историю я узнала не от тебя», — подумала она, удивляясь. — *«А также не от Фаррина, Мии или Финна».*

— Ты вспоминаешь? — растерянно спросил он. — О Севере?

— Может быть, — ответила она. — А может, и нет.

Анжей громко сглотнул. Он растерянно огляделся, будто бы волны могли нашептать ему на ухо подходящий ответ. Тогда он покачал головой и протянул ей руку.

— Пойдем со мной в каюту, Саммер, — попросил он с той мягкостью в голосе, которая всё ещё трогала её. — Мне очень жаль, что я подвел тебя таким образом. И да, я вел себя как идиот, когда выдернул тебя из твоего маленького представления, но поставь себя на мое место. Я только что успокаивал девочку с лихорадкой, пока она не заснула. И следующее, что я вижу — это пустая сторона кровати. Сначала я действительно подумал, что с тобой произошло что-то ужасное! Но теперь я стою перед женщиной, которая повелевает мной как слугой и выглядит так враждебно, думая, как бы побольней меня ударить. Это, будто бы любить кого-то, в котором находятся два абсолютно разных человека.

Саммер скрестила руки и подняла подбородок.

— Ты любишь меня?

— Рисковал бы я так своей жизнью? И встретился бы я с Кровавым Мужчиной лично, чтобы защищать тебя?

Беда была в том, что он говорил абсолютно искренне. И на мгновение она ничего не хотела больше, чем укрыться в безопасности их дружбы и забыть все сомнения.

— Если бы меня не было, то ты давно бы уже была мертва, — добавил он. — Не забывай это, если уж ты осуждаешь и подозреваешь меня.

Саммер сглотнула и опустила взгляд. У неё закружилась голова, и все картинки смешались в полную неразбериху. Её пульс отдавался в висках.

— Удивительно, как часто ты оказываешься в правильное время и в нужном месте, чтобы спасти меня, — произнесла она. — Ты учишь мой язык настолько быстро, что это пугает. Действительно ли ты... родом с Севера, Анжей? — и еще тише она добавила: — И является ли эта самая страшная тайна твоей души тем, что ты ещё лучший лжец, чем я? Кто... ты, Анжей?

Она увидела, как его скулы стали твердыми, когда он стиснул челюсть.

— Кто *ты*, Саммер? — ответил он грубым голосом. — Может, это *ты* являешься тем, кто выучил мой язык? Или вероятно, меня и вовсе не существует, а ты только воображаешь, что говоришь со мной? Может быть, мы оба сумасшедшие?

В ней вспыхнул страх, когда она взглядела в его лицо. Изменение произошло всего на одну секунду. Тени вокруг его глаз были глубоки как глазницы, искры танцевали по контуру его плеч, а рука всё ещё была протянутой.

— Пойдем со мной в каюту, — повторил он, но на этот раз его обычный тон приобрел тревожные нотки, звучащие возбужденно как предупредительный звонок.

«Не давай ему руку. Не касайся его. Его прикосновения и поцелуи заставляют забыть себя». Это был тот момент, когда она, наконец, поняла, что корабль фактически является тюрьмой с решетками из бесконечно глубокой воды.

— Саммер! — позвал он ещё более настойчиво.

Однако она отступила на шаг, а затем ещё на один. За плечом Анжея она заметила Фаррина. Он стоял наверху в передней части корабля вместе с советниками и другими офицерами. Наблюдая за ними с подозрением, он вопросительно поднял бровь, и страх Саммер немного отступил. На этом корабле она была не одна. Один маленький намек и Фаррин подошел бы к ней.

Она покачала головой и посмотрела прямо в глаза Анжея.

— Нет, — твердо сказала она. — Мое место здесь, наверху.

Оставив руку протянутой ещё на две секунды, Анжей разочарованно опустил её и сжал в кулак.

Без лишних слов он развернулся и оставил её стоять на палубе.

Глава 9

Волны и крылья

Саммер хотела находиться рядом с людьми, и под села к другим пассажирам в передней части корабля. Снова и снова она высматривала Фаррина и других офицеров, однако они покинули палубу и, вероятнее всего, отправились в каюты в кормовой части. При каждом шорохе она оглядывалась, так как боялась, что это мог быть Анжей. Она лихорадочно пыталась придумать план, но всё же, вода вокруг доводила до её сознания мысль, что она оказалась в ловушке. Саммер посмотрела вокруг и увидела верёвочную лестницу, которая была натянута над передней мачтой. И выше, намного выше паруса, обнаружила совершенно неожиданно место, где могла бы спрятаться, по крайней мере, на некоторое время.

Море становилось буйным, воду захлестывало на борт, и она оставляла за собой след из крохотных, трепыхающихся рыб, которых пассажиры спешно подбирали и откладывали как запас продовольствия.

— Быстрее, покиньте палубу! Спускайтесь вниз в грузовые отсеки! — скомандовал матрос. Саммер вскочила вместе со всеми, но тут же свернула в сторону и начала подниматься под паруса.

Она всегда любила высоту, но ещё никогда не чувствовала её с такой уверенностью, которую та давала ей сейчас. Затаив дыхание, она достигала вороньего гнезда (прим. ред.: наблюдательный пост на мачте) и вошла внутрь. Она почувствовала облегчение, будто груз упал с её плеч. Сверху корабль выглядел маленьким, словно скорлупа, едва заметная между парусами, которые словно тёмно-красные облака раздувались под ней. В этот день густой туман плотно поднимался над волнами. Тем не менее, время от времени виднелись другие грузовые суда на довольно большом удалении от их корабля, которые двигались через клубы тумана. *«Точно так же выглядят и мои воспоминания»*, — уныло подумала Саммер.

Она опустилась на пол вороньего гнезда. Здесь было безветренно, почти тепло, маленькая, безопасная кабинка. Она сняла с себя куртку и соорудила из неё подушку. Над ней было только небо, и она представила себе, будто сидит на дереве, которое дрожит от ветра.

Она лихорадочно пыталась вспомнить. Могла ли она на самом деле жить в давно прошедшие времена? Казалось, ответ находился достаточно близко, будто край развевающегося паруса, который хотел поймать ветер, но не нашёл правильного угла.

***

Сегодняшний сон напомнил ей о тархтящем проекторе. Фильм проецировал сцены с Кровавым Мужчиной.

Она стояла напротив него на заднем дворе в Анаканде, но одета была в белое платье, и у нее были длинные волосы. Она знала, что должна была бояться и бежать, но вместо этого она только пристально осматривала его облик, изучала маску, пальто, поведение. Перчатки были испачканы, однако, это были не тёмные пятна, а светлые, как от воды или пива. И было ещё кое-что, совсем не похожее на ужас её ночей.

Меч.

Изображение проектора дрогнуло.

Меч.

Он воспроизвёл это снова.

Меч, в его правой руке.

Его правой руке.

Его правой...

И тогда картинка с грохотом остановилась, как будто бы проектор сломался, и начал воспроизводить другой сон, правильный, который вгонял её в страх до тех пор, пока она могла вспоминать. Осознание нахлынуло на неё как холодная волна из самого глубокого моря.

— Это был не он, — бормотала она. — Это не мог быть он. У него есть меч... в не той руке.

Она выплывала из сна с таким трудом, как будто бы боролась с волнами. И с каждым метром, который она покоряла, она понимала, что стала жертвой обмана. Это оказалось настолько очевидно, что ей стало стыдно за то, что она не поняла всё сразу. Это были перчатки вербовщицы. Анжей должно быть их выкупил. И кому же он заплатил, чтобы тот изобразил Кровавого Мужчину?

Ошеломлённая своей догадкой, она выпрямилась. Одеяло из паруса скользнуло с её плеч. Она почувствовала запах оружейного масла и пропитанной солью древесины. Ещё прежде, чем она раскрыла глаза, с бурлящим страхом она поняла, что это обозначает: Анжей здесь! Её щека ещё была тёплой от его кожи. Потому что она лежала, прижавшись к нему, склонив голову ему на плечо. *С каких пор он здесь? Почему я не проснулась?*

Она открыла глаза. И прижала руку ко рту, чтобы не закричать.

На этот раз она была уверена, что абсолютно бодра и не спит. Под собой она услышала звук трепыхающегося паруса. А за спиной почувствовала стену вороньего гнезда, в которую теперь вжималась со всей силой. Луна освещала всё призрачным светом.

Перед ней предстали две реальности, поражающие, словно двойная экспозиция: Анжей — такой, каким она его знала. Он спал на боку, лицом к ней и с вытянутой в сторону рукой. На нём не было куртки, свитер задрался, и обнажилась часть его спины.

В другой реальности он был обнажён.

Вокруг него, на внутренних стенах вороньего гнезда, она обнаружила гусениц, которых видела уже несколько раз. И посреди этого гнезда, которое выглядело уютно и в то же время таинственно, лежал Анжей под прозрачным, сверкающим потолком. Только это бы не

потолок, а скорее завеса. Мерцающая завеса, которая... казалась живой.

Саммер ахнула. Она немного наклонилась вперёд и застыла. Нет, это не было завесой. Скорее... что-то вроде кожи? Она моргнула, и иллюзия исчезла, словно морской ветер унес её. Гусеницы, это странное мерцание — исчезли. Там остался только Анжей, который заворочался и открыл глаза. Хотя была глубокая ночь, она разглядела каждую деталь.

— Что... ты здесь делаешь? — прошептала она. — Как ты нашел меня?

Кто ты?

— Было не трудно тебя найти, — ответил он, зевая. — В конце концов, мы оба ненавидим воду. — Никаких оправданий, никаких объяснений, почему он не спросил разрешения приблизиться к ней так близко. *Ты и я в доме из карт...* Только Анжей знал эту песню. Сыграл ли он сам роль Кровавого Мужчины, чтобы привести Саммер к гавани? Нет телосложение было больше. Вероятно, это был один из карточных игроков из трактира. И, конечно же, Анжей обучил его и его помощников песне, чтобы сделать иллюзию для Саммер идеальной.

— Ты дрожишь. Тебе холодно? — спросил он озабоченно. — Я принёс одеяла из каюты. Она медленно покачала головой.

— Тебе снова что-то приснилось *о нём*?

Саммер напряглась ещё больше.

— Думаю, да, — ответила она осторожно. — Но я не могу вспомнить, что именно.

— Хорошо, — сказал он улыбаясь. — Здесь ты в безопасности. У тебя ещё есть температура?

Она не должна была вздрагивать, когда он, говоря что — то ещё, потянулся к ней и коснулся её лба. Может быть, это был голод, жажда или истощение, но именно в тот самый момент она снова почувствовала головокружение. Прикосновение ощущалось, словно она вернулась домой, и близость между ними мгновенно возобновилась, как будто кто — то включил свет. И когда он нежно притянул её к себе, она не сопротивлялась. Внезапно весь страх исчез. Когда его губы коснулись её виска, она преодолела совершенно абсурдное желание снова принадлежать Анжею и забыть обо всем.

«*Это всё его поцелуй!*» — мелькнуло у неё в голове. — «*Они одурманивают меня и похищают все мои мысли*».

«*А твои сны?*» — сказал внутренний предостерегающий голос. — «*Следи за своими снами! Защищай их тщательно, Саммер*».

Она надеялась, что он не заметит, как забилось её сердце, пока она с удвоенной силой боролась с сетью, которая плелась липкими нитями из её мыслей.

Под своей щекой она почувствовала замедляющийся пульс Анжея и вдруг, с болезненной ясностью увидела последние прошедшие недели: словно лунатик она последовала за ним. Безоговорочно, со стремлением кому-то принадлежать. «*Идиотка! Ты поверила ему во всем! Во всем!*»

— Ты всё ещё злишься на меня? — прошептал он ей на ушко.

— Нет, — ответила она.

«*Посмотри на него!*» — крикнул голос женщины, которой она была уже так много лет. — «*Посмотри, кто он на самом деле!*» Она повиновалась и открыла глаза. И узнала что-то совершенно новое и невероятное. Это было совсем не сложно — заглянуть в другую реальность. Прямо перед глазами на ажурной поверхности отражался октябрьский свет луны. Тонкая, сияющая структура была, словно крылья стрекозы. Как будто один художник

был вдохновлён создать нечто прекрасное, состоящее из тысячи мерцающих крылышек.

И они окутали Анжея. Нет, ещё лучше, это было частью его. С дрожью она перевела взгляд на маленький участок кожи на его плече, где обнаружила хрупкие стрекозиные чешуйки, сросшиеся с его плотью. От нахлынувшего ужаса у неё перехватило дыхание — это действительно была его кожа. Она выглядела практически прозрачной. Саммер вообразила, что сможет разглядеть кости, скулы под щекой, зубы. «*Леди Смерть*», — промелькнуло у неё в голове. — «*Мои сны намекали не на меня, а на него!*»

Она быстро закрыла глаза и изо всех сил боролась с желанием вскочить на ноги и бежать. Вместо этого с каждым вздохом она позволяла своей голове стать тяжелее, будто снова погружаясь в сон. Очень нежно его кончики пальцев пробежались по её лбу, после чего она должна была призвать все свои силы, чтобы оставаться спокойной.

— Ты доверяешь мне, Саммер? — услышала она его шёпот.

Она подавила внезапный прилив гнева, а затем сосредоточилась на том, что когда — то выучила в театральной труппе Морта.

— Да, я доверяю тебе Анжей, — пробормотала она, словно уже находясь на грани сна.

И по тому, как он начал расслабляться, она поняла, что это была лучшая ложь из всех. Она терпеливо ждала, сдавливая веки и выдерживая спокойное дыхание. Прошла, наверное, целая вечность, когда ослабло последнее напряжение в его руках. Она подождала ещё около ста вздохов, пока окончательно не убедилась, что он снова заснул.

Очень осторожно она отстранилась и перекатилась на колени.

Далёкий шум двигателя напугал её так сильно, что она вскочила на ноги. Анжей спал. Она заглянула через край вороньего гнезда. И увидела на горизонте — Север! Побережье являло собой белую полосу, освещённую лунным светом. И между горизонтом и кораблём на якоре стояла удлинённая моторная лодка. И ещё одна маленькая лодка находилась прямо рядом с кораблём.

Саммер в последний раз взглянула на Анжея, схватила матросскую куртку и спустилась вниз.

***

Ветер сменил направление, и шум больше не доносился до вороньего гнезда. Однако на нижней палубе раздавались голоса. Некоторые матросы разбирались с парусами и в каютах над кормовой частью горели огни. Один матрос держал фонарь над верёвочной лестницей, которая спускалась к воде. Саммер скользнула за один из сундуков, нагнулась и сунула дрожащие руки в карманы куртки. Она удивилась, пальцы нащупали зажигалку. Только теперь она заметила, что куртка была ей слишком велика. В спешке она схватила куртку Анжея вместо своей. И в левом кармане...

***

Металл и бумага? Она сжала руку, аккуратно вытащила — и была ошеломлена. Откуда у Анжея столько денег?

— Поднять якорь! — приказал один матрос.

Саммер поспешно сунула серебряные монеты и деньги обратно в карман и попыталась вникнуть в смысл происходящего. Корабль стоял на якоре — и, очевидно, маленькая лодка перевозила несколько людей в моторную лодку, которая ожидала их неподалёку. Офицеры? Фаррин рассказывал что — то о том, что он и советники направлялись в меловую гавань. Это было её шансом! Она должна поговорить с Фаррином и присоединиться к ним. Она должна ...

Послышался удар веслом и матрос поднял верёвочную лестницу. *Проклятье!* Слишком поздно! Последний человек только что покинул корабль. Саммер прошиб пот. На один момент ей пришла мысль напасть на матроса и самой спустить лестницу, но естественно, это был бы самый глупый поступок, который только она могла совершить. Она нагнулась, и прошмыгнула к перилам. Внизу она разглядела двух человек в большой шлюпке. Волосы, напоминающие шерсть пантеры, поблёскивали в свете фонаря. Саммер облизала пересохшие губы. Самым лучшим было бы окликнуть Фаррина, чтобы он повернулся, но она знала, что не может позвать его. Скорее всего, вместе с тем она разбудила бы Анжея. И в любом случае она бы привлекла к себе слишком много внимания. И для офицеров не было никакой причины поворачивать назад только ради неё. *Но я должна сойти с корабля!*

С каждым удаляющимся метром, который отделял её от шлюпки, исчезала последняя надежда сбежать.

И когда она перевела взгляд на блестящую поверхность воды, то с содроганием поняла, что существует только одна возможность.

Как это ни странно, не было никакого чувства паники. Вероятно потому, что женщина в белом платье была уверена, что не умрёт в воде. И с остротой разбитого стекла Саммер поняла, что единственное, что ещё имело значение — это Северный берег, и решила — никогда снова не закрывать глаза перед правдой.

Быстрым взглядом она удостоверилась, что все матросы заняты своими делами, разогналась — и прыгнула.

Казалось, падение длилось целую вечность. Её диафрагма покалывала, и в тёмном зеркале воды она увидела своё искажённое отражение, которое в тот же миг разбилось. Влага встретила её ударом, который почти что лишил её чувств. Её кожа горела от столкновения. В то время как тяжесть воды со скоростью пробки затягивала её в глубину, она ужаснулась при мысли об акулах в кружащемся вихре из воды и пузырьков. Со всей силы она гребла наверх и захлёбываясь вынырнула. Она ненавидела воду, но, по-видимому, всё же умела плавать.

Хотя очень неловко, скорее по-собачьи, но всё же ей удавалось держаться на поверхности. Из — за солёной воды у неё горело в носу и щипало глаза. В нескольких метрах от неё угрожающе возвышался корабль, словно спящее морское чудовище. И пока её ноги барахтаясь, пытались удержаться на плаву, и не провалиться вниз в чёрную бесконечность, она боролась с тем, чтобы во всё горло не завопить о помощи. Но это ей было не нужно, её и так уже заметили офицеры.

И тогда она всё-таки тихо захныкала, когда поблизости появился блестящий чёрный треугольник, рассекая водную поверхность, затем он нырнул, оставляя позади зловещую воронку. Было достаточно одного момента, чтобы осознать каждую маленькую деталь: треугольный плавник, бело-серая полосатая рыбья кожа. Ногами Саммер почувствовала перемещение воды, словно вибрируя, её вытесняет сильное тело.

— Прекрати дёргаться, — грубо прорычал ей офицер, сидящий в лодке рядом с Фаррином. — Иначе она подумает, что ты раненая рыба и вонзит в тебя свои зубы. — Теперь Саммер готова была завопить, однако накатившаяся волна поглотила каждый звук. Шлюпка была уже совсем рядом, когда она вцепилась в верёвку, хлопнувшуюся об её лоб. И тут же энергично начала грести руками к лодке, в то время как её ноги покалывало в ожидании острых как бритва зубов. Через несколько секунд она лежала в лодке, тяжело дыша, в окружении двух удивлённых лиц.

— Ты? — спросил Фаррин. — Во имя всех морских богов, Тая! Каким образом посреди ночи ты упала с корабля?

Саммер закашлялась.

— Я не падала, — проскрежетала она. — Я спрыгнула. Матрос... не позволил мне... подойти к лестнице. Но я хочу ехать с вами. Я всё хорошо обдумала.

Оба пристально посмотрели на неё, будто она заявила, что среди ночи решила приласкать акулу.

— Мы вернем её обратно, — решил офицер.

Саммер вцепилась в руку Фаррина.

— Ты спрашивал меня, на чьей я стороне, и я размышляла над этим и решила. Ты говорил, что вы нуждаетесь в каждом мужчине и в каждой женщине! Неужели твои слова ничего не значат?

— Что ты ей сказал? — зашипел на него офицер.

Фаррин будто лишился дара речи. Саммер бросила испуганный взгляд на переднюю мачту и воронье гнездо, затем вытащила из своего кармана горсть денег.

— Если я вам не нужна, я заплачу за переправу, — выпалила она. — Высадите меня на берег, а я найду того, кто оценит мои услуги.

— Разве мы выглядим, как перевозчики? Если ты хочешь нести военную службу, будь любезна зарегистрируйся как доброволец и выходи в меловой гавани. — Прорычала женщина, складка между её бровями стала ещё глубже.

— Подожди минутку Люкс, — заговорил снова Фаррин. — Пожалуй, она на самом деле может быть нам полезна.

— Нам не нужно ещё больше сумасшедших.

— Может и так, но всё — таки она говорит на нескольких языках. Она даже беседовала с мужчиной из Никала, стариком с лошадиной мордой, а потом пела песню на северном наречии, я наблюдал за ней. И мы можем это использовать. Ты и сама знаешь, сколько у нас новобранцев и гонцов из различных стран, не говоря уже о советниках.

Саммер невольно задержала дыхание. Значит, Анжей вовсе не учил её язык. Это она была тем, кто постепенно всё лучше стал его понимать. *Или я просто их вспомнила?* Но очевидно, она владела и другими языками, не осознавая этого. Только теперь она поняла, что никогда не задавалась вопросом, почему на самом деле понимает людей во всех городах, где побывала и самое удивительное, воспринимала разные диалекты. Её зубы застучали сами по себе.

Люкс бросила взгляд на моторную лодку. Там кто-то уже мигал светом, будто хотел поторопиться их. Морское течение уже относило шлюпку к карме.

— Как бы то ни было, у нас нет времени возвращать её на корабль. — Ответила офицер и схватилась за ремень. — И ты бы, так или иначе, взял её с собой, так ведь? Ты ещё больший упрямец, чем капитан.

Фаррин рассмеялся.

— Ни слова больше против капитана! И не путай мудрость и силу с упрямством.

Люкс пробормотала что-то, что звучало не очень дружелюбно, а затем ткнула указательным пальцем в направлении Саммер.

— И ты — акулий корм, засунь свои деньги обратно. Там, куда мы отправляемся, они тебе не понадобятся.

Саммер повиновалась, и положила мокрый комок обратно в карман. С каждым ударом

сердца ей становилось легче.

— Не радуйся слишком рано, — сказал Фаррин, как, если бы он прочитал её мысли. — Сможешь ли ты на самом деле сопровождать нас, решит только капитан.

Саммер сглотнула.

— Кажется, будет не так уж просто испытывать к нему симпатию, — хрипло промолвила она.

— Скажем так, его нелегко убедить в чём-то. — Он наклонился вперёд. — А что с твоим другом? — спросил он тихо.

— Лжец, вор и предатель. К сожалению, я поняла это слишком поздно. — Эти слова вырвались из её сердца.

На моторной лодке примерно около дюжины человек ожидали шлюпку. Фаррин первый прыгнул на палубу и большими шагами направился вглубь лодки, к каюте, расположенной в средней части. Саммер пыталась вникнуть в обрывки спора нескольких человек, но ветер уносил слова в другом направлении. И всё же, наконец, она почувствовала бесконечное облегчение, когда Фаррин вернулся и подал ей руку. На этот раз Саммер приняла её и позволила себя вести.

Моторная лодка завелась, шум казался ей оглушительным, быстрое движение отбросило её в сторону. Всё ещё с клацающими зубами она опустилась на ящик. Куртка на её теле встала колом от холода. Через вспенивающуюся борозду, которую создавал мотор, она озабоченно оглянулась назад к кораблю и испытала облегчение, обнаружив, что в вороньем гнезде ничего не двигалось. Ветер был благоприятным. И никто из матросов, кажется, не заметил, что кто — то прыгнул за борт.

«Ты никогда больше не найдёшь меня, Анжей», — размышляла она и тесней натянула мокрую куртку на плечи. Она насторожилась, когда что — то угловатое упёрлось в её ключицы. Некоторое время она ощупывала нечто руками до тех пор, пока не нашла хорошо спрятанный потайной карман. Её указательный палец нащупал картон и гладкий лак. В кармане обнаружилась стопка размягчённых карт. Саммер вытащила их, и ей пришлось бороться со слезами, когда она увидела последнее доказательство фальшивой игры Анжея. В руках она держала игральные карты из трактира в Анаканде. Сверху лежала дама червей, нарисованные усы которой смешались со стекающими каплями воды.

Глава 10

Вторая реальность

Саммер проснулась, окружённая тем же ненавистным шумом воды вокруг себя, только на этот раз к нему присоединился гул мотора, который помог разобраться в том, где она находилась. Пока девушка соображала, что её разбудило, в плечо опять ткнули чем-то жёстким.

— Что это? Не сплю я! — недовольно пробормотала Саммер. Ресницы слиплись от соляной корки, и было тяжело открыть глаза. Солнечный свет падал на мокрые доски, на которых она лежала свернувшись. В нескольких дюймах от своего носа, девушка обнаружила оббитый железом носок сапога, и над ним, против света, стройную фигуру с длинными волосами.

— Доброе утро, — сказала тень. Как эхо ей отозвался резкий, хриплый рык, прямо рядом с Саммер.

Так быстро она ещё никогда не вскакивала на ноги. И когда Саммер окончательно

поняла, кто именно стоит перед ней, ей показалось, что со встречи в Маймаре не прошло и секунды. Снова она стояла лицом к лицу с вооруженной женщиной. Ощущения соответствовали точно тому, что Саммер чувствовала тогда — желание убежать, и, тем не менее, не сдвинулась с места. И внезапно Кровавый Мужчина тоже оказался совсем рядом, его ледяное дыхание, серо-зелёные глаза полные ненависти и лезвие на коже.

Кончиками пальцев она почувствовала дыхание охотничьей собаки, но не решилась отдернуть руку.

— Привет, танцующая девочка, — спокойно сказала женщина. — Много путешествуешь.

Так происходило редко, но в данный момент Саммер не нашлась с ответом. Это советник лорда Термеса? Единственным отличием от их прошлой встречи в Маймаре, был тот факт, что на этот раз её волосы не так туго стянуты. Ветер трепал длинные орехово-коричневые пряди, и она выглядела как невеста ветра.

— Странно. Каждый раз, когда я тебя встречаю, у тебя есть новый друг, от которого ты сбегаешь. И? Что такого совершил красивый блондин, с которым ты спорила вчера на палубе?

Очевидно, женщина давно её узнала, и даже наблюдала за ней.

— Он ... не мой друг, — ответила Саммер. — Мы были только ... спутниками. Послушайте, я могу объяснить вам, что произошло в Маймаре. Я не хотела ...

— Избавь меня от сказок, — резко прервала её женщина. — И оставь эти формальности. Любезничать принято только тем людям, которые уважают друг друга. А у меня очень мало почтения к тем, кто бросает на произвол судьбы своих друзей.

Горячая кровь стремительно прилила к щекам Саммер и обожгла их. Удар попал в цель.

— Впрочем, меня абсолютно не интересует, почему ты сбежала в Маймаре, — продолжила женщина совершенно спокойно. — Во время нашей встречи я говорила тебе, что я — не штатный полицейский. Если ты не совершила ничего противозаконного, хорошо. Если это так, что ж, повезло, что ты сбежала. Это не моё дело.

Саммер поражённо уставилась на неё. И поняла, что внезапно почувствовала облегчение.

Женщина прищурила глаза.

— Рана на виске удивительно хорошо зажила, — заметила она удивлённо. — Странно, даже шрам не остался. — Её взгляд был неприятен, Саммер будто чувствовала прикосновение ко лбу. И неожиданно перед ней предстал образ Финна. Финн, бессознательное тело, будто тряпичная кукла, подпирающая стену дома. И Морт, возможно, его уже нет в живых.

— Что случилось с театром? А с актёрами? С Финном всё в порядке? — вопросы сами собой срывались с её губ. Советник нахмурилась, Саммер уже знала, как должно быть неуместно звучат вопросы, учитывая её поведение.

— Без понятия, девочка. Вероятно, как ты уже вспомнила, я как раз была на пути к пристани. Могу только сказать, что твой друг, когда пришёл в сознание, был больше, чем в тебе разочарован. Не могу его винить.

Она действительно знала, как надавить на больное место. Но, всё же, в новости о том, что Финн не так уж сильно пострадал, было хоть что-то утешительное.

Собака всё так же не сводила с неё пристальных глаз, ожидая дальнейших команд. Её хозяйка также всматривалась в Саммер, будто рассматривая вопрос о том, стоит ли её

скормить акулам.

— Я не знаю, кто ты такая, но я не спущу с тебя глаз, — продолжила она через некоторое время. — Позволишь себе хотя бы одну ошибку или самую маленькую трусость и Ёла с радостью поточит свои клыки о твою глотку.

Это была не пустая угроза и Саммер знала, что любое оправдание звучало бы неуместно. Актриса могла бы испугаться, но женщина в белом платье была уверена, что она и женщина напротив, стоят на одном уровне. Саммер выдержала взгляд сатиново-серых глаз и подняла подбородок.

— Почему ты вообще взяла меня с собой, если не доверяешь мне? — спросила она. — Я действительно могу оказаться шпионом княгини. Или предательницей.

— *Ты сумасшедшая?* — выругалась она. — *Ты рискуешь потерять свое место на лодке.*

Женщина еще сильнее сощурилась и скрестила руки. А потом удивила её ещё раз.

— Иногда предатели на войне не худший выбор. Победы не добиться как на шахматной доске с помощью чёрных и белых фигур. Битвы выигрываются хитростью, из-за решений, которые снова и снова принимаются по — новому. Люди — это люди, всё другое было бы слепым оптимизмом. И хороший предатель может быть ценнее, чем ослеплённый чувством собственного достоинства борец.

Образ Анжея промелькнул в голове у Саммер и внезапно больно её ранил.

— Предатели не заслуживают понимания, — резко сказала она. — И никогда не ценятся.

Впервые настоящий интерес возник во взгляде женщины.

Она подалась вперёд.

— Вот здесь и находится ответ на вопрос, почему я взяла тебя с собой. Возможно, ты являешься в точности тем, кем я посчитала тебя после нашей первой встречи: талантливая предательница, трусливая и двуличная. Но осуждать человека только после одного его поступка, было бы довольно глупо. Гораздо более важно его последнее действие. Это показывает, кто ты на самом деле.

Саммер пришлось признать, что советник не только напугала, но и очаровала её. Её высокомерие и слова имели чёткость отполированного лезвия.

— Можно ли всех людей поделить на чёрное и белое? — осторожно возразила она. — Вероятно, иногда это правильно. Но что последний поступок может рассказать о человеке? Если стоишь лицом к лицу со смертью и нечего терять, каждый сможет проявить смелость.

А ты сама, Саммер? Насколько смелой оказалась ты, когда испытала страх перед смертью?

— Но большинство такими не являются, — тихо сказала женщина и с такой настойчивостью, что у Саммер пробежала дрожь по спине. Она почувствовала себя пойманной, и на этой досадной мысли сконфузилась. — И если их последняя маска падёт, — продолжила советник. — За ней не будет сострадания, никакой отваги, никакой любви.

Маска.

Саммер моргнула. Море на заднем плане вдруг осветилось и стало намного ярче, и по её спине и плечам пробежало что — то вроде электрического импульса. Теперь враждебность собаки была настолько осязаема, что можно было ухватиться за неё руками. Она встопорщила шерсть на загривке и в угрожающе позе отступила на несколько шагов назад. «Собака чувствует мою иную реальность», — подумала Саммер. — «Я должна быть

осторожней». Она глубоко вздохнула и усилием воли прогнала назад все образы, всплывшие на поверхность.

— Что ж, ещё предстоит увидеть, кого я взяла на свою лодку, — задумчиво заключила женщина. — Ах да, есть ещё пара причин, почему я взяла тебя с собой: Во-первых, я безоговорочно доверяю Фаррину. Он думает, что ты — хороший переводчик, и в лагере, конечно, можно будет этим воспользоваться. Для списков продовольствия, палаток, для распоряжений солдатам из других стран. И, во-вторых, — она многозначительно повела бровями, — мне просто любопытно, почему моя собака не может тебя переносить.

— Мойра? — слышались шаги, и перед ними возник Фаррин. Он не улыбался, но едва их взгляды встретились, он незаметно подмигнул Саммер. Было приятно осознавать, что на лодке находится, хотя бы один её доброжелатель. — Я вижу, ты уже познакомилась с Таей, — сказал он советнику. — Она приехала из Белтера.

Мойра приподняла левый уголок рта в ироничной улыбке.

— Значит *Тая*. Ну, хорошо. Может ли она ездить верхом?

Саммер раздражённо покачала головой.

Мойра фыркнула и бросила на Фаррина насмешливый взгляд.

— Ну, тогда повеселись с ней.

— Так это и есть твой капитан, — прошептала Саммер, когда советник оказалась за пределами слышимости.

Фаррин кивнул.

— Правда, только Люкс называет её так, потому что она разговаривает с ней только в повелительном тоне. Они обе терпеть друг друга не могут.

— Почему это я не удивлена? И что это был за вопрос о лошадях?

Фаррин ухмыльнулся.

— Снова что-то, чего ты не знаешь? На Юге это давно уже стало легендой, но на самом деле, на Севере до сих пор обитают дикие табуны лошадей. В армии лорда Термеса имеются кавалерийские войска. И иногда в качестве транспорта мы используем животных.

Саммер попыталась представить себе кавалерию, но всё, что смогла вообразить — это картину, изображающую древнее сражение.

— Тогда получается, что лорд Термес воюет как воин из серого доисторического времени, — заметила она. — И после этого ты ещё утверждаешь, что вы не являетесь лесными дикарями? Разве вы ещё ничего не слышали о современных транспортных средствах? О поездах, например?

Фаррин никак не отреагировал на поддразнивание, только лишь подчеркнуто высокомерно пожал плечами.

— Естественно, южанка. Но на пересечённой местности нашим поездам не проехать, там помогут только четыре копыта или две ноги. Старая гавань спрятана в бухте. Оттуда до первого лагеря в городе Карсе можно добраться только пешком или на лошадях. И для пешего перехода у нас не так много времени.

Саммер глубоко втянула воздух. Сначала вода, теперь ещё и лошади! С замирающим сердцем она посмотрела на Мойру, которая теперь, в носовой части лодки, разговаривала с другими послами. Фаррин должно быть догадался о её мыслях.

— Не всякое лыко в строку, — сказал он. — Мойра не выглядит дружелюбно, но она — лучший стратег в пяти странах. Многие зовут её «острый глаз мира». Её талант — предотвращать войны, даже если для этого она действительно иногда применяет... хм... не

совсем обычные методы.

— Могу себе представить, — пробормотала Саммер.

— Нам повезло, что не упустили её в Анаканде, — продолжал Фаррин. — Лорд Термес послал бы ей в сопровождение лучшую половину всей армии, но она настояла на самостоятельном путешествии из её города, без эскорта — вдоль побережья, от гавани к гавани. Поэтому Люкс считает, что Мойра эксцентричная или сумасшедшая, и считает себя неуязвимой.

Почти не заметно при этих словах его рот приобрёл форму лёгкой улыбки.

— Ты не считаешь её сумасшедшей, — сделала вывод Саммер.

— О нет, — сказал он с явным восхищением. — Она является тем, кто всегда выбирает свой собственный путь. Я думаю, что Мойра хотела посмотреть на людей, наёмников, городских господ, которые платят за эту войну, хотела прочувствовать атмосферу в городах, услышать сплетни, пережить страх. И, конечно, она знает, что не так уж и неуязвима. Но, вероятнее всего, просто не так сильно страшится смерти как мы.

— Если она что-то вроде дипломата и пытается предотвратить войну, почему тогда лорд Термес придаёт такое большое значение её советам? Он же хочет продолжить войну, чтобы завоевать цитадель, или нет?

Фаррин снова стал серьёзным. — Потому, что она единственная, кто уже сталкивался с княгиней.

— Тогда действительно, в этом есть смысл!

Фаррин кивнул.

— Но я дам тебе хороший совет, лучше никогда не расспрашивай её о леди Марс.

***

Путь пролегал в пределах видимости побережья, мимо отмелей и изрезанных ущельями скалистых пик причудливых форм, торчащих из моря. Удивительно, но поздняя осень на севере, всё ещё пылала огненными красками. Дубы обрамляли вдаль линию холмов, будто алой лентой. Вода светилась синим светом, и во время затишья, на глубине, можно было разглядеть акул, которые с любопытством следовали за лодкой, словно стая диких собак.

Саммер испытывала лихорадочные ощущения, которые едва ли позволяли ей заснуть на лодке. Чувство ярости от предательства Анжея было немного затуманенным. Но сбивало с толку то, что вопреки всему, приходилось бороться с одолевающими её эмоциями от потери друга. Даже если она никогда не признала бы этого, ей не хватало Анжея.

Ко всему прочему, при мыслях о Кровавом Мужчине, в ней зарождался новый, более холодный гнев. Это было странно, но во время встречи с фальшивым Кровавым Мужчиной, её страх перед ним превратился в нечто иное. Вместо того чтобы опасаться, она разыскивала его во снах. С тех пор как женщина в белом снова стала её частью, Саммер больше не была бегущей. Но ищущей.

Окунуться в содружество оказалось не так уж и сложно. Саммер впитывала в себя все новости Фаррина о севере и цитадели. Так часто, как получала для этого возможность, она бросала взгляд на географические карты и запоминала каждое имя. Некоторые узнавала, другие, были ей абсолютно чужды. Мойра, большей частью сидела в стороне, вместе со вторым советником — худым военным стратегом, не смотря на это их переговоры было очень хорошо слышно. От Саммер не ускользнуло, как часто Фаррин пытался рассмешить Мойру своими историями. Однако в этом деле у него никогда ещё не было успеха. Саммер,

напротив, часто чувствовала на себе, спокойный, недоверчивый взгляд Мойры. И поймала себя на том, как сама украдкой за ней наблюдает.

Всё чаще она замечала маленькие острова, расположенные вдоль побережья и соединённые с ним длинными отмелями серые пески. Пятнистые тюлени нежились там под осенним солнышком и группками резвились в воде. Порой на них начинали охоту акулы. Тогда из воды внезапно выпрыгивало сильное тело хищной рыбы и крохотное, трепыхающееся тельце тюленя. Они извивались в воздухе в странном танце, элегантно кружась вокруг друг друга, и падали назад, ведя борьбу между выживанием и смертью. Собака Мойры лаяла как сумасшедшая, а Саммер затыкала свои уши и сидела на полу застывшая от ужаса. Но всё же, не могла не позволить себе увлечься зрелищем. И даже больше, где — то внутри неё была уверенность, что она знает этот взгляд тюленя, танцующего за свою жизнь.

В течение первых дней Саммер ещё опасалась заглядывать в эту иную реальность. Вероятно из — за страха, что Анжей появится там, в своём зловещем образе. Но когда она всё же, наконец, решилась на это и прислушалась к шелесту гусениц, к ней медленно вернулись назад некоторые воспоминания — они были почти такие же, когда Фаррин нерешительно вербовал Саммер на роль воительницы и нашёл отклик. *Поцелуй, в котором ощущались вкус дыма и желания, рука на её бедре, кедровый аромат и кровать из слоновой кости, в которой на этот раз она лежала не просто так. Охлаждающий кожу шёлк, и дыхание, ласкающее изгиб её шеи. А так же тёплые губы, изумительный поцелуй которых ощущался как будто впервые.* От этих снов Саммер просыпалась с горящими щеками и, как ни странно, с печалью о бескрайней потере, и ощущением того, что даже акулы были к ней равнодушны.

***

Когда на четвертый день путешествия они достигали старой гавани, Саммер ожидала всего, но только не группу из нескольких солдат с растрёпанными, и уже оседланными лошадьми. Видимо сопровождение расположилось лагерем в нескольких днях пути, в палатках в порту, и на вершине холма, окружённой скалами гавани. — Просто чудесно, — прорычала Мойра, когда лодка вошла в спокойную воду. Скалистые шпили образовали естественные ворота, в заливе за ними вода была гладкая как зеркало и настолько глубока, что выглядела чёрной. — Я говорила лорду Термесу, что он должен прислать мужчину с несколькими лошадьми, но никакой армии, которая бросается в глаза каждому дозорному уже издали.

— Если мы подчинимся лорду Термесу и откажемся от сопровождения между Анакандой и портом Карса, то нам не нужно будет бояться ни одного разведчика, — сказала Люкс. Раздражение сверкнуло в её глазах, когда Мойра прошла мимо неё, не удостоив даже взглядом.

Саммер, вцепившаяся в край лодки, с бухающим сердцем пристально осматривала сушу. Лежащая на каменном пирсе лодка была настолько выветрена и облеплена ракушками, что давно уже стала неотъемлемой частью скалы. Мало что указывало на то, что раньше здесь была пристань. Фаррин и Саммер первыми спрыгнули с корабля, для обоих было бесконечным облегчением, снова ощутить твёрдую землю под ногами. Казалось, что суша качалась ещё хуже, чем корабль. Саммер прошла несколько шагов и дрожащими ногами опустилась на землю. Ракушки и грубые камни вдавливались в её колени и ладони, и неожиданно она поняла, *что просто счастлива быть здесь.*

Под ладонями она ощутила полированную гладкость — редкий мрамор, с зелёными прожилками. Весь пирс был им усеян. В нём отражались красноватые блики заходящего солнца, и мужчина, голос которого был свеж и нежен, шепнул ей: — Видишь, там? Прямо между вершинами скал, в ночное время появляется полярное сияние.

— Ты напишешь об этом песню? — услышала она свой голос. Он звучал несколько более мрачно, и в то же время насмешливо, но всё же в нём проскальзывало что — то мягкое и наполненное тоской.

— Скажи мне слова, а мелодия для неё у меня уже есть, — ответил мужчина. И запел ей тихо на ушко: — Ты и я, уходим мы...

— Тая, пошли, наконец! — крикнул Фаррин.

Саммер начала задыхаться, но заставила себя встать на ноги, борясь с головокружением. С чувством дискомфорта она осознала, что Мойра, которая уже сидела на лошади, пристально за ней наблюдает.

— Ты сможешь пройти и не упасть в воду, или мне понести тебя? — спросил Фаррин.

Саммер покачала головой и сделала шаг вперёд. Из — за резкого всплеска она испуганно оглянулась назад, и подумала, что под судном снова увидела мелькнувшую серо — белую спину акулы с неровным плавником. На мгновение ей показалось, что так же под водой, заметила нежное лицо ребёнка, но должно быть это была всего лишь игра теней от наплывшего облака.

***

Однозначно, коренастая маленькая лошадь возненавидела её точно также, как собака Мойры. Вероятно, даже немного больше. С прижатыми ушами и вытянутой шеей она шагала под ней, напрягая каждую мышцу, будто пыталась насколько возможно увеличить расстояние между собой и всадницей. Дорога от гавани к возвышенности, вдоль побережья, вела через лес и густые заросли, которые впивались в руки и должно быть, буйно разрастались не меньше ста лет. Змеевидная омела, обвивалась вокруг стволов деревьев и затрудняла видимость свисающими ветвями. Лишь изредка, когда копыто лошади натыкалось на камень, можно было лишь представить, что когда — то, здесь, лежала извилистая горная дорога, «тропа пиратов», как называл её Фаррин.

Казалось, что лес имеет глаза, и хотя был тёплый осенний день, Саммер, будто бы ощущала на своём затылке ледяное дыхание. Лошадь также становилась всё беспокойнее. Когда она ухватила за гриву, чтобы не упасть, её пальцы коснулись загривка. Лошадь взбрыкнула, заржала и выгнула спину настолько внезапно, что Саммер потеряла равновесие и свалилась в ветки кустарника. Пытаясь выбраться, она разразилась проклятиями. Кусты царапали ей руки. Копыто топнуло в непосредственной близости от её ноги. Собака Мойры остановилась прямо напротив неё. Саммер поджала губы. Видимо Мойра видела её падение! И, конечно же, держалась в седле естественно и уверенно, как северный воин. Саммер уже было приготовилась к гневному или насмешливому замечанию. Однако Мойра лишь спросила:

— Ушиблась?

Саммер с негодованием покачала головой и встала на ноги.

— Я приведу себе лошадь обратно, — сказал она.

Мойра недовольно махнула рукой.

— Ты не имеешь ни малейшего понятия о лошадях, хотя каждый солдат должен об этом знать. До этих пор мы лишь теряли время. До наступления темноты мы должны быть в

лагере. Поднимайся.

Саммер пристально смотрела на руку, протянутую ей Мойрой. «*Слишком близко*», — подумала она, потом посмотрела в сторону Фаррина и остальных, но они ехали уже далеко впереди. Оба солдата, которые шли следом за Саммер и Мойрой, держали её лошадь, мрачно и нетерпеливо таращились на девушку, как будто предпочли бы продолжить путь с бревном вместо неё.

— Тебе нужно письменное приглашение? — прошипела Мойра.

Помедлив, Саммер схватилась за жилистую руку. Хватка была настолько крепкой, что стало больно. Как только Саммер подтянулась в седло, лошадь Мойры моментально начала нервничать, но воительница с легкостью взяла контроль над животным и без труда удержала его в узде.

— Мне действительно любопытно, почему животные тебя не любят, — пробормотала она.

Когда лошадь пришла в движение и начала взбираться на гору, Саммер не оставалось ничего другого, как только прильнуть к Мойре. Сквозь материал пальто она почувствовала кобуру, которую советник прикрепила к клетчатому жилету. И левой рукой ощутила давление от рукоятки пистолета. Мысль о том, что вероятнее всего он был заряжен, заставила её нервничать.

— Далеко ещё до лагеря?

— Не достаточно далеко для глупых вопросов, — Мойра поцокала языком, подгоняя лошадь.

Чем дальше они забирались, тем ближе становилось небо. Начал подниматься туман и в воздухе запахло влажностью. Спустя час, хотя Саммер казалось, что прошло полжизни, ко всему прочему, начался мелкий моросящий дождик. Все звуки стали приглушёнными. И когда Мойра обратилась к ней, Саммер показалось, что голос пришёл издалека.

— Почему на твоей коже нет знака лорда Термеса?

По крайней мере, на этот раз у Саммер уже имелся подготовленный ответ на данный вопрос. — На корабле у меня не было времени для того, чтобы наколоть его.

— Ну, в таком случае, ты сможешь компенсировать этот недочёт в лагере.

— Да, смогу. — Саммер надеялась, что Мойра не заметит, насколько неловко она ощущала себя от этого притворства. — Однако, с другой стороны, я всё же не являюсь южанкой, — осторожно напомнила она.

— Проще простого, либо ты с нами, либо нет.

Саммер прикусила нижнюю губу и подавила острое замечание.

— Фаррин рассказал, что ты ставишь мир превыше всего, — сменила она тему. — Я всё время задаюсь вопросом, почему тогда ты хочешь помочь лорду Термесу. Ведь таким образом ты поощряешь войну.

Она ожидала, что Мойра тут же поставит её на место, но женщина долгое время молчала, будто бы размышляла над тем, должна ли вообще разговаривать с Саммер. И очевидно пришла к выводу, что Саммер достойна ответа.

— Всегда нужно бороться за мир, — ответила она, в конце концов. — Ничего не происходит само по себе. Это очевидно.

При этих словах её голос больше не звучал так холодно и сдержанно. Что — то печальное и горькое присутствовало в нём, и Саммер многое бы отдала, чтобы узнать её мысли. И всё — таки один ответ она уже получила. Вероятно, это было шансом немного

больше узнать о неприступной женщине? Довольно долго Саммер слушала приглушённый стук копыт о лишайники и мох, потом она прокашлялась:

— Ты знаешь войну слишком хорошо, не так ли?

— Как я могу не знать? Война была моей матерью. А оружие моим отцом.

— Ты была... солдатом?

— Разве ты не достаточно разузнала на лодке? — насмешливо спросила Мойра. — Это не тайна. Более двадцати лет я принадлежала к армии лорда — охотника. Ещё ребенком меня отдали в качестве дани содружеству охотников. В первый раз я вступила в бой за своего лорда, когда ещё с трудом могла удерживать в руках винтовку.

— Тогда, получается, ты была кем-то вроде невольницы?

— Что-то вроде, — ещё раз подстегнув лошадь, сухо ответила Мойра. — Но это в прошлом.

Впереди Фаррин достиг конца извилистой дороги и исчез за вершиной из поля её зрения.

— Поэтому он сказал, что ты не боишься смерти.

— Значит. Так он сказал? — факт того, что Мойра сразу поняла о ком говорит Саммер, показал ей, что та всё время наблюдала за Фаррином. Это и лёгкая улыбка, которые как будто бы усилили её голос при этих словах.

— Ты на своём опыте знаешь чёрную и белую стороны, — сказала Саммер. — Поэтому ты носишь узор в клеточку? Чтобы всегда быть уверенной?

Под своими руками, она почувствовала, что Мойра слегка напряглась. Но к своему удивлению услышала тихий смех.

— Ты действительно не глупа, Тая. Или Саммер... или как там твоё настоящее имя. Да, узор действительно должен мне всегда напоминать о том, чтобы не строить свои стратегии как на игровой доске. Потому что лишь шахматные фигуры или овцы могут быть лишь чёрными или белыми. Но люди — никогда.

Теперь улыбнулась и Саммер. *Если бы мы встретились в другом месте, вероятно у нас получилось бы стать друзьями.*

— Каждая воюющая сторона считает, что принадлежит к белой, — сказала она.

Мойра пожала плечами.

— Естественно, но это не играет никакой роли. Чёрный и белый цвет служит лишь для того, чтобы различить друга от врага. Иначе обе стороны должны были бы признать насколько они похожи друг на друга. Жадность, жестокость и доброта в равной степени присутствуют в каждой из сторон. — И совсем тихо она добавила: — Иногда я думаю, что бывают вещи, которые мы вообще не замечаем. Лишь маленькие различия между этими вещами. Так как они — единственное, что мы действительно можем воспринимать.

— В таком случае княгиня тоже не является светлой фигурой. Леди... Марс?

Мойра резко втянула воздух.

— Я знаю, я не должна была спрашивать о ней, — затараторила Саммер. — Фаррин предупреждал меня не упоминать о ней при тебе.

Мойра молчала, пока лошадь нервно переступала с ноги на ногу. Возможно, Саммер всего лишь почудилось, что воздух на возвышенности внезапно стал холоднее.

Лес сменился луговой полосой. На окраине поляны ждали Фаррин и Люкс на своих лошадях. Как только они убедились в том, что группа подтянулась, мужчины продолжили свой путь, и снова исчезли между деревьями.

— Леди Марс — это совершенно иное, — резко сказала Мойра. Это снова была неприступная, жёсткая женщина, с которой Саммер только познакомилась. — Не найдётся более жестокой властительницы. Некоторые называют её леди Смерть. И на это есть особые причины.

Саммер сглотнула. В один миг ей стало плохо на душе. Близость к Мойре казалась зловещей.

— Правда ли, что ты видела её? — робко спросила она.

— О, да, — пробормотала Мойра. И это прозвучало так, будто она дрожит. — А также нет.

Лошадь начала пританцовывать. Вибрации мыслей и воспоминаний, казалось, окружили Саммер. Может, это были мысли Мойры, которые теперь перешли к ней. Лес и трава снова казались окружёнными этим странным блеском, который делал все очертания нечёткими. Она видела леди Смерть перед собой — красные локоны и череп мертвеца. Кости под стеклянной кожей.

— Если ты и правда видела княгиню, то она не может быть леди Смертью, — сказала она тихо. — У леди Смерть нет лица. А по её венам вместо крови течёт пепел.

По знаку Мойры, лошадь резко остановилась, испуганно вскинула голову вверх, и попыталась вновь пойти, но Мойра сдержала её железной хваткой. С дрожащими боками она стояла там... Мойра перераспределила свой вес, и в полуобороте повернулась к Саммер. Через плечо она могла рассмотреть её с близкого расстояния.

— Кто, чёрт возьми, ты такая? — спросила Мойра.

Саммер сглотнула. В серых глазах она увидел туман. И пепел, который развеивался на ветру.

— Я не знаю, — прошептала Саммер. — Но должна это выяснить.

Предостерегающее рычание Джоласа вырвало её из оцепенения. В тот же самый момент раздался раскат грома, сопровождающийся треском ветвей. Неожиданно, точно рядом с ними вспыхнуло дерево. Лошадь встала на дыбы, и Саммер, словно утопающий, вцепилась в Мойру. В сумерках зазвучали залпы винтовок, и краем глаза Саммер заметила другой столб дыма, который поднимался впереди над деревьями. И снова Саммер получила урок: чтобы получить страх, нужно время, но ужас приходит незамедлительно.

— Дьявол, — процедила Мойра сквозь зубы. — Лагерь! — два солдата, которые ехали верхом позади них закашлялись, и в следующий момент попадали на землю из — за выстрелов, попавших в лошадей.

Мойра круто развернула лошадь, направляя в безопасное место, потом скинула поводья. В следующий момент земля под ними расплылась в ухабистом зигзаге: кустарники, камни и низкие ветви, хлещущие ноги Саммер. Когда они достигли края луга, лошадь напряглась и прыгнула через покорёженный земляной вал, оставленный одним из взрывов. Пыхтя, приземлилась на другой стороне, и поскакала дальше галопом.

Чисто случайно, через плечо Мойры, Саммер заметила в чаще еле уловимое движение. Стрелок в чёрно — серой одежде, едва ли различимый с тенью. Мушкой винтовки он целился непосредственно в Мойру.

— Вниз! — завопила она. И когда Мойра не сразу среагировала, Саммер вцепилась своими пальцами в ремень для кобуры и рванула её со всей силы в сторону. Лошадь на бегу встала на дыбы, и они с удвоенной силой вылетели из седла. Один яркий «пиф», отрикошетивший от стремени, определённо был выстрелом, и наверняка, предназначенным

для сердца Мойры. Упав вместе, они ещё какое — то расстояние покувыркались по неровной земле.

Мойра, ещё не придя в равновесие, вытащила оружие и начала стрельбу из положения лёжа, но противник уже скрылся. В этот момент раздался ещё один взрыв, совсем близко от них. Едкий дым, смешавшийся с туманом, закрыл обзор стрелку. Мойра схватила Саммер за запястье и потянула вверх. Бок о бок, нагнувшись, они бежали к ряду кустов. Затем, прежде чем Саммер поняла, что задумала воительница, она уже ударилась о земляную насыпь и скользила по грязи и листьям, уходящим глубоко в землю. Это была нора под наполовину выкорчёванным деревом.

— Голову вниз и не двигайся с места! — прошептала Мойра ей сверху. — Я приведу помощь.

— Ты сумасшедшая? — зашипела Саммер и вскочила на ноги. — Оставайся здесь, мы спрячемся, пока...

Однако Мойра уже убежала. Последнее, что видела Саммер, выглянув над насыпью, было её развивающееся пальто, которое растворилось в дыме и тумане. Раздались выстрелы, и Саммер бросилась назад в нору, заползая внутрь до тех пор, как могла, и защищая голову руками. Комья земли отрывались от корней и сыпались на неё. Смерть была настолько близка, что она ощущала ледяное дыхание тысячи её крыльев. Она не знала, почему в одну секунду должна была так сильно плакать, что её это потрясло, а в следующий сумасшедший момент, одновременно с этим, она почти... *счастлива?*... была.

Глава 11

Чёрный мёд

Свернувшись, она лежала между корнями и ждала следующей атаки. Казалось, прошла целая вечность, но так ничего и не происходило. Наоборот, шум боя, кажется, удалялся, криков стало меньше. И тогда Саммер кое-что услышала, хотя это было слишком тихо, чтобы понять, что именно. И действительно, она скорее почувствовала это — эхо в её голове, в то время как её уши всё ещё были будто набиты ватой. Кто-то... звал? Какое-то... имя?

Саммер испуганно вздрогнула и внимательно прислушалась. Где-то поблизости: звук, переворачивающий её внутренности, будто кто-то зовет её.

Осторожно, она расслабила свои затёкшие мышцы, и опустила руки, которыми до сих пор защищала голову от падающих комьев.

— Мойра? — позвала она.

Снова этот звук. Теперь он был отчётливее — стон. *«Пожалуйста, только не Мойра! А также не Фаррин или один из группы!»* Осторожно девушка поползла выше, к краю пещеры и выглянула наружу.

По лугу всё ещё плыли клочья дыма, как будто бы призраки павших не смирились со смертью и дезориентировано бродят по траве. Запах разорвавшихся снарядов был удушающе плотным. Поблизости кто-то ещё раз застонал, затем послышался хриплый, медленный вздох, за которым последовало... тихое завывание! Мелодия, переполненная отчаянием. Складывалось впечатление, будто кто-то, шагая по тёмному лесу, пытается придать себе смелости. Саммер желала вернуться в безопасность пещеры, но оказалась не способной бросить в беде человека с таким отчаянием в голосе. Там, снаружи, кому-то было страшно. И этот кто-то нуждался в помощи.

«Спрячься! Оставь его, тебя это не касается, вероятнее всего, он принадлежит к

армии жестокой княгини», — нашептывал ей внутренний голос. Но сегодня Саммер проигнорировала его, на четвереньках она аккуратно спустилась с вала, и, продолжая работать локтями и коленями, продвигалась вперёд по мокрой траве. Оторванные ветви преграждали ей путь. Стволы деревьев всё ещё дымились после взрыва.

Первое, что обнаружила Саммер — это носок сапога, торчащий из травы. Без железной окантовки, значит, не может принадлежать Мойре. Затем она наткнулась на руку. Бледные пальцы, судорожно обхватившие корень, торчащий из земли, словно деревянная петля, будто жаждали удержаться за жизнь. Саммер забыла о Мойре, Фаррине, о войне. А так же об опасности, которая угрожала ей самой. Так быстро, как могла, она поползла до раздробленного дерева. Под ним лежал молодой человек. С первого взгляда Саммер поняла, что он больше не был раненым, а уже умирающим. Пуля попала в правую сторону груди, и он зажимал рану рукой. Его лицо приобрело пепельный цвет, под глазами залегли тёмные круги, а взгляд бессмысленный. Между равными вздохами он всё ещё пытался напевать эту песню.

Саммер поспешно преодолела последние метры и встала на колени рядом с ним. Она не медлила ни секунды, даже когда увидела знак лилии на его предплечье, который свидетельствовал о том, что он солдат леди Марс, и положила свою руку поверх его ледяной левой руки.

— Я здесь! — шептала она ему. — Я не оставлю тебя одного.

Саммер внезапно умолкла. Она не ожидала, что он действительно всё ещё осознанно будет её воспринимать. Тем больше поразила его реакция. Он открыл глаза и рассматривал её ясным взглядом. Бескрайнее облегчение разгладило его обеспокоенное лицо и позволило девушке предположить, как бы он выглядел, когда был счастлив.

— Это ты! — выговорил он с трудом. — Ты вернулась! — и тогда улыбнулся, и всё в нём стало мягким и молодым. Взгляд Саммер затуманился и прояснился снова, только тогда она поняла, что слёзы бегут по её лицу. *Он с кем-то меня перепутал!* И всё же она ответила:

— Да, это я. — Ещё не договорив этих слов, девушка испытала такую нежность к этому юноше, что, не осознавая, ответила на его улыбку. — Лежи очень спокойно. И ничего не бойся, — шепнула она ему. — Я останусь здесь, с тобой.

Его левая рука, которая как раз ещё обхватывала корень, расслабилась. Саммер позволила ему схватить себя за руку и переплела свои пальцы с его. Дыхание юноши стало выравниваться. Осторожно она склонилась над ним и аккуратно откинула ему мокрые волосы со лба. В его глазах Саммер разглядела искажённое отражение раненого дерева и миниатюрную фигурку — саму себя.

— Как же ты прекрасна, Эльяна, — пробормотал он и закрыл глаза.

Безумным было не то, что она оградила себя от всего происходящего дымной завесой из туманного острова. Без страха, без вчера и без завтра. Безумием оказалось то, что Саммер узнала имя.

Потому, что это было её имя.

Потому, что юноша говорил о ней, а не о ком-то другом.

Она почувствовала головокружение. И была рада поддержке, которую обеспечила ей его рука, так как снова вокруг них время пришло в движение. Реальность стала водоворотом, и каждый вздох давался настолько трудно, будто она дышала под водой. И посреди этого течения, чёрным цветком расцвело воспоминание, прекрасное, и в то же время ужасающее. Теперь Саммер абсолютно точно была уверена, что должна делать. И, тем не менее, она

удивилась сама себе, когда наклоняясь к раненному солдату, нежно поцеловала его в губы.

А потом, время, кажется, потекло в обратном направлении.

Из её уст излился тёмный импульс, как чёрный мед или может быть только новая, безмолвная песнь. Хлопанье тысячи крылышек туманных мотыльков шелестело у неё в ушах, она чувствовала ласку пыльных крыльев на своей коже, бровях, на лбу. Затем услышала каждую существующую мысль, видела, и чувствовала, зная: что имя юноши было Норат, и сам он родился и вырос в деревушке, которая лежала на территории лорда по имени Жерес. Саммер до этого никогда не слышала этой информации, но она знала, что деревня называется Инмар, и ещё больше: она видела дома с потрёпанными шиферными крышами. Она видела его ещё ребёнком, на пыльных улицах и в ручье, где он ловил форель. Она видела девочку с веснушками, которую он любил ещё с детства. Старшего брата Нората, который часто избивал его, и мгновение, в которое он без сожалений прощался со своей матерью, чтобы приступить к службе в армии лорда. Саммер чувствовала его тоску, надежды на славу, бескрайнюю жадность к деньгам и глупое желание проявить себя на войне. Его махинации, ложь и желания, все зверства, мечты, радости и печали — всё, через что он прошёл как призрак жизни, которая уже была в прошлом.

Биение сердца Нората, полностью поглотившее её собственное, постепенно ослабевало. В этот момент не было страха, лишь только подарок, который она могла ему сделать: Признание его жизни на последнем отрезке пути. Её губы покалывало от поцелуя, и они стали прохладными, когда сердце юноши перестало биться. Его рука обмякла.

Так же осторожно, как она его поцеловала, Саммер отстранилась от мужских губ.

— Прощай, Норат, — прошептала она. И почувствовала мимолетную боль, от потери любимого человека. Однако отблеск настоящей скорби ослабел так же быстро, как и вспыхнул, и оставил после себя лишь мягкое сожаление.

Она медленно села, ощущая слабость и пустоту во всём теле. *«Я принесла ему смерть. Одним поцелуем. Меня зовут Эльяна и Фирм, и Алма, и у меня тысячи других имен. Каждый, кто меня зовет, даёт мне имя. Но одно всегда остается неизменным: я — дарующая Смерть!»*

Она слышала выстрелы, вдыхая запах дыма и мокрой травы, однако всё это было ей безразлично. Всё казалось ненастоящим и нереальным. Осторожно, как будто он мог ещё что-то почувствовать, Саммер разъединила свою руку с рукой Нората. Она хотела положить его руку ему на грудь, как что-то скользнуло между пальцами юноши и упало на траву. Но он ничего не держал в руках — точно нет. Но теперь окукленная гусеница лежала там, в рубиново-красном коконе. Подарок, из другой её реальности. Не зная почему, она должна была улыбаться. Её пальцы дрожали, пока Саммер поднимала хрупкое творение. Очарованно она разглядывала тонкую структуру и гладкость, которая выглядела блестящей как лак, и шов, который в скором времени выпустит мотылька.

Саммер достала свой кинжал, вытащила его из кожаных ножен и положила на траву. Осторожно она поместила куколку в твёрдую кожаную оболочку. И та подошла идеально, будто была специально подогнана по размеру и изготовлена для её защиты. Она не понимала, для чего всё это делает, но в настоящий момент должна была чем-то занять свой разум, чтобы не сойти с ума. Девушка аккуратно уложила кожаную оболочку рядом с игровыми картами в потайной карман, пока как её мысли кружились словно раскаленный торнадо вокруг того же открытия. *«Поэтому я боюсь, слишком сблизиться с кем-то и целовать его. Потому, что он бы умер. Поэтому только при одной мысли о поцелуе, я уже*

ощущала потерю. Потому, что мой поцелуй принесёт смерть. Финн мог бы умереть!»

«Но почему я могла целовать Анжея?» — она закрыла глаза и сама себе дала ответ: — «Так как он нечто иное, чем Финн. Так как он... такой же, как я».

Внезапно головокружение и путанные мысли прекратились, будто кто-то забрал её проклятие. Она была утомлённой, как после долгого пути, начавшегося с неизвестности в один год и пять месяцев назад. Больше не было и тени страха, когда Саммер подумала о другом облике Анжея. Напротив. Нити находились и переплетались со всем, что она знала о себе и о нём, образуя новую картину. «Мы исходим от одного вида. Поэтому с самого начала мы чувствовали себя рядом друг с другом так знакомо».

«Мы разговаривали на одном языке — и владели всеми другими языками не замечая этого. Вероятно, потому, что смерть говорит на всех языках?» — Саммер сунула руку глубоко под куртку и осторожно накрыла ею потайной карман над левой стороной груди. Казалось, кокон излучал мягкое, пульсирующее тепло — будто маленькое сердечко. Теперь также стало ясно, почему она расплакалась немногим больше минуты назад и ощутила эту безумную искру счастья: потому, что почувствовала близость кого-то другого, как она сама.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Следующие нити также начали приобретать очертания, но теперь цвета имели яркий цвет, казалось, одно не соответствует другому. Поцелуй Анжея. Он даровал ей не смерть, а забвение. «Так много клятв о любви ко мне», — подумала она мрачно. — «Мы не любили друг друга, но я, идиотка, верила каждому его слову, потому что не знала всего. Он воспользовался своей хитростью, чтобы заманить меня на Север — страну, о которой у меня были лишь призрачные воспоминания. Но почему он хотел любой ценой воспрепятствовать возвращению моей памяти?»

— Кто ты? — раздались слова Мойры в её ушах.

— Ты знаешь, я убью тебя, если ты откажешься. — Прошептала леди Смерть.

И голос Мойры сказал:

— Её называют леди Смерть.

Леди Смерть.

Саммер судорожно вздохнула и ошеломленная вскочила на ноги.

... в белой Цитадели?

Как удочка вытаскивает рыбу из воды, так эта мысль выдернула её из этого мира, поляна завертелась вокруг неё. Голоса многих девушек, которыми она являлась, смешались в её голове и выкрикивали свои вопросы. Но среди всех молча стояла женщина в белом платье. Она была ужасающей и вместе с тем прекрасной; она стояла там и рассматривала Саммер с ледяным спокойствием в зеркальном отражении.

«Я должна все обдумать», — размышляла Саммер. — «Я должна снова попасть в пещеру реальности и все обдумать. Я должна...»

Внезапно, она больше не смогла выносить взгляд мёртвого солдата. Девушка подобрала с травы кинжал и отвернулась от него, готовая сбежать на край света.

И наткнулась на серо-зелёные глаза, которые казалось, пылали ненавистью.

***

На этот раз она с уверенностью знала, кем он является. Воспоминание и реальность находились в гармонии. У него была всё та же идеальная фигура. Кровавый Мужчина из её кошмаров был одет в старинный длинный плащ, а его рука в перчатках держалась за рукоять меча. Сегодняшний мужчина был одет в тёмно-серую куртку с расплывчатой камуфляжной

расцветкой. На нём также были тёмные кожаные перчатки. И на этот раз он держал нож в правильной руке.

Страх нахлынул уже как рефлекс, который одолевал её бесчисленными ночами. Каждая деталь выжглась в памяти Саммер. Его лицо, покрытое тёмной земляной краской. Тёмно-коричневые волосы, которые спутанными прядями спадали на его лоб и глаза. И между этими прядями сверкал полный ненависти взгляд.

— *Так я и думал, что ты вернёшься,* — опасно тихо проговорил он. И без предупреждения бросился на неё. Саммер была настолько поражена быстротой его движений, что среагировала слишком поздно. Она ещё хотела воспользоваться ножом, когда мужчина появился совсем рядом и выбил оружие из её руки. В самом дальнем углу сознания Саммер возникли следующие вопросы: *«Может ли он вообще убить меня? Не бессмертен ли посланник смерти?»*

Боль, отбросившая её руку вверх, отрезвляюще пояснила ей, что она была очень даже смертна. Нож Саммер, отлетая всё дальше, поблескивал, ловя золотой огонь вечерней зари. Второй удар выбил из неё весь воздух и сбил с ног. Задышавшись, она пыталась вывернуться из его рук и извивалась, пытаясь избавиться от хватки. Когда рука мужчины сомкнулась вокруг её шеи, перед глазами Саммер возникла темнота. В отчаянии она защищалась от удушения. Он действительно немного ослабил хват — поблизости послышался топот копыт. Саммер перевела дыхание и закричала во все горло: — Фаррин!

И это стало ошибкой.

Лошадь выскочила из подлеска, но наездником оказался не Фаррин, а солдат в такой же камуфляжной куртке, как и Кровавый Мужчина. *«Он один из них!»* — панически закричал голос в её голове. *Один из людей леди Смерть!* Всадник с первого взгляда оценил ситуацию, и Саммер возненавидела его торжествующую ухмылку. Он направил лошадь прямо на Саммер. Кровавый Мужчина отпустил её и оттолкнул в сторону так грубо, что она упала. Затем он подскочил к всаднику.

Саммер не задумываясь, поднялась на ноги и побежала. Её дыхание жгло лёгкие. Позади она слышала поражённый крик наездника. Топот копыт, крики и шум борьбы. Вслед за этим скачущий ритм становился всё громче. Когда Саммер хотела бросить взгляд через плечо, столкновение с лошадью сбilo её с ног. Словно в замедленном действии она видела приближение земли, в тот же миг весь мир растворился в пепле.

Часть 3

Индиго

Глава 12

Голубые оковы

Прежде, чем открыть глаза, она догадалась, что на этот раз не будет милостивого пробуждения из кошмарного сна. Во рту был привкус глинистой, горькой земли. Её плечо болело, а в голове стучало, как будто бы лошадь промчалась прямо по лбу. А так же, очевидно, на рёбрах были ссадины и синяки. Скорее всего, они появились ещё из-за падения с лошади Мойры, хотя она чувствовала себя так, как, если бы лежала поперёк седла. Что вероятно, было правдой. В конце концов, девушка смогла приподнять голову — очевидно... она сидела? Саммер стиснула зубы и попыталась подняться ещё выше. Или прислонилась к дереву? Нет — это скорее была скала. Острые края врезались в её плечи. С трудом Саммер разлепила глаза. И ей сразу же захотелось, чтобы она никогда этого не делала.

Головная боль была неистойой, Саммер чувствовала, как кровь пульсирует в висках. На этот раз всё было настоящее, оковы на её запястьях — и он. Только в нескольких метрах от неё сидел мужчина на скалистой почве, опираясь локтями на колени, клинок находился в его левой руке. На всё ещё покрытом тёмной краской лице выделялись яростные, нечеловеческие светлые серо — зелёные глаза. *«Выглядит как дикое животное»*, — в полном ужасе подумала она.

— Чего ... ты хочешь от меня? — даже её голос звучал, словно пыль и земля и она должна была прокашляться. Тот факт, что он молчал и пристально смотрел на неё, смущал больше, чем любой ответ, который смог бы это сделать. Довольно долго они сидели и безмолвно разглядывали друг друга. Мужчина стянул куртку, однако всё ещё оставался в этих ужасных тёмных перчатках. Напрасно Саммер пыталась набраться уверенности и силы, которые ощущала ещё вчера. Женщина в белом платье была так далеко, как будто никогда и не существовала. Но ведь был ещё поцелуй, который она подарила Норату, или нет?

«Меня зовут Эльяна», — думала Саммер в отчаянии. — *«У меня есть власть убивать!»* Однако трезвым разумом она отметила, что чувствовала себя только лишь беспомощной. С тревогой девушка наблюдала за тем, как Кровавый Мужчина небрежно вертел кинжал в руке. Его правое предплечье было перевязано. А на левом плече она разглядела давно зажившую рану, от которой даже не останется шрама. Вероятно, это было огнестрельное ранение, которое Мойра нанесла ему в Маймаре. Однако этот шрам разве не должен выглядеть немного по — другому? Свежим?

Взгляд Саммер пропутешествовал к предплечью. Там было тоже самое изображение лилии, которое она видела и у Нората.

«Говори, Саммер! Отвлеки его! Выиграй время!» — девушка подняла подбородок, пытаясь сделать свой голос более твёрдым.

— Так ты один из них. Солдат Леди.

Он недоверчиво прищурил глаза, будто пытался понять, имеет ли её вопрос двойное дно.

— Ты... носишь знак лилии, — добавила Саммер.

Он даже не пытался насмеяться над её словами, только лишь более медленно провёл ножом под повязкой на правом предплечье в презрительном жесте. Едва ли можно было различить звуки того, как лезвие разрезает ткань.

— Ты точно знаешь, что эта война абсолютно мне безразлична, — сказал он. Это была ещё одна неожиданность. Его голос. Это был не грубый голос палача, наоборот. У него было приятное звучание, которое так мало подходило к образу Кровавого Мужчины и воинственной внешности, что она совершенно запуталась. Он звучал молодо, и теперь, когда девушка пристально рассмотрела его мускулистые руки и стройное тело, то пришла к выводу, что ему не было ещё и двадцати.

Мужчина поднял руку и Саммер увидела, что бинт скрывал лишь вторую татуировку: знак лорда Термеса — липовый лист. Тем не менее, эта татуировка странным образом поблёкла, будто была готова раствориться.

«Он только лишь маскируется под солдата», — подумала Саммер. Липовый лист и лилия — оба знака были лишь чем — то вроде пропусков. Вероятно, парень украл эту форму у одного из солдат, так же как лошадь и армейский рюкзак, который лежал рядом с ним в пыли.

— Почему ты спас меня от того солдата?

— Почему? — спросил он насмешливо. — Чтобы он не опередил меня.

Её усилие со всей силы дёрнуть оковы он проследил с не весёлой улыбкой. Была ли это только паника, или также волна ярости, которая привела девушку к тому, что она накричала на него? — Ты преследуешь меня с Маймара! Чего ты хочешь от меня? Кто ты такой?

— Ты скажи мне, — ответил он сухо. — Ведь имена так важны для тебя.

— Не знаю я твоего проклятого имени! Я знаю только, что мы уже встречались где — то раньше. Но я не знаю когда, а ещё так же, что мы...

Она дёрнулась назад, когда он вскочил и подбежал к ней. Саммер не знала, что было хуже — лезвие, настолько близко, что девушка могла почувствовать запах металла или его взгляд.

— Ты лжешь! — закричал он. — Прошло так много лет, и ты всё ещё лжешь!

Её глаза наполнились слезами. — Я не лгу!

— Тогда скажи моё имя!

Теперь нож был настолько близко, что она больше не могла считать его острым. Саммер чувствовала только холод лезвия и могла чувствовать только быстрое, прерывистое дыхание мужчины и белый пар, который рассеивался от него. *Безумен ли он? Если парень сумасшедший, то всё уже теперь потеряно.*

— Индиго? — прошептала она. Это было единственное имя из её воспоминания, которое обрушилось на девушку.

Лезвие опустилось. Кровавый Мужчина поднялся и отступил на один шаг назад. Он был высокий, больше чем Анжей, и, конечно же, сильнее. Она ожидала, что мужчина выпустит весь свой гнев на неё, однако он выглядел как жертва вора: удивлённым и озадаченным.

— Я больше ничего не помню, — быстро заговорила она. — Я была ранена и потеряла память. Первое моё воспоминание — это как я спаслась из обломков обрушившегося дома. Было землетрясение в городе Телис. Они вытащили меня из дыры в фундаменте дома. Меня завалило камнями и люди провели много часов устраняя завал, до тех пор, пока не смогли спасти меня. Никто в городе не знал, кто я такая. Они... они развешивали объявления и опрашивали окружающих, которые могли бы знать меня, но в полиции никто не появлялся. Не знаю, кто я. — Она судорожно сглотнула и добавила тише, — иногда... ты снишься мне. У тебя есть меч. И всегда хочешь убить... меня.

— Ты убила меня! — прикрикнул он на неё. — Тысячу раз и больше. И каждый раз, умирая, я клялся себе, что ты отплатишь за это предательство.

Теперь она была тем, кто смотрел на него с недоверием.

— Я что-то тебе сделала?

Его рука взметнулась к ней. Саммер закричала. Мужчина грубо схватил её подбородок и приподнял, принуждая смотреть ему в глаза. Запах кожаной перчатки снова вызывал воспоминание о нападении в Маймаре. Самое позднее, что теперь она знала — это то, что он был настоящий.

— Ты действительно хочешь попытаться убедить меня, что ничего больше не помнишь? *Ничего?*

Из-за его хватки она даже не могла кивнуть. Таким образом, Саммер просто выдерживала его пронзительный взгляд и ненавидела себя за то, что дала себе слабину, чтобы расплакаться перед ним. Каждая секунда растягивалась в бесконечность. Потом он внезапно отпустил её, поднялся и провёл руками по волосам. Взмолнованный, с покрасневшими глазами, парень стоял, и казалось, вёл внутреннюю борьбу, принимая

решение. В одну секунду в девушке вспыхнула надежда, что у неё появился шанс ускользнуть. И в тоже самое мгновение мужчина разразился проклятиями и покачал головой.

— Я не куплюсь на это снова, — прорычал он. — Ни на тебя и ни на твои игры.

Лошадь, которая была привязана к дереву и до сих пор дремала, упираясь копытами, подняла голову и обеспокоено прислушалась. Без сомнений, на расстоянии можно было услышать звуки борьбы. Возможно, взрывы.

— Ты... ты не сможешь скрыться, — заикалась Саммер. — Во время нападения я была не одна. Я путешествую с офицерами лорда Термеса. Они будут искать меня.

Его смех прозвучал настолько цинично, что девушка вздрогнула.

— Твоя подруга в клетчатом жилете? Не надейся, что она достанет меня ещё одной пулей.

— Если бы не она, то я уже давно была бы мертва.

— И вместе с тем я сделал перед ним парню, которого ты полностью одурачила. Я избавил его от ужаснейшей участи. Он должен ползать передо мной на коленях и благодарить.

Снова издалека послышались звуки выстрелов. К её безграничному облегчению, мужчина быстрым движением сунул свой кинжал в кожаные ножны, которые были закреплены на его бедре, и подошёл к лошади. *Выиграть время!* Может всё — таки у неё получилось бы убежать. Если бы она только знала, где они находятся! Только сейчас Саммер охватила взглядом окружающие окрестности. Очевидно, она долго была без сознания, видимо, всю ночь. Было раннее утро, только начало светать, вокруг них была скалистая местность, деревья с бурыми ветвями, которые уже потеряли всю листву. Что, если они давно уже находились на территории княгини? Могли ли в таком случае остальные найти её? Будут ли вообще искать? *«И живы ли они, вообще, до сих пор?»* — прошептал голос в её голове. Снова девушка должна была бороться с подступившими слезами.

Кровавый Мужчина закрепил покрепче подпругу, поправил винтовку, которая была завёрнута в кожаную сумку под седлом, и расстегнул украденный армейский рюкзак. Оттуда он достал верёвку и подошёл к ней. Волоски на её затылке встали дыбом, когда парень подошёл к ней вплотную и потянулся к оковам, которыми она была прикована к скале, и начал их расстёгивать.

— Куда ты меня ведёшь?

— Подальше от военной границы.

— Хочешь опять привязать меня к лошади, словно пойманную добычу?

Он фыркнул.

— Предатели не заслуживают лошади. *Я* еду верхом. А *ты* идёшь пешком.

***

Многих людей Саммер боялась, некоторых из них презирала, другие её раздражали, но она никогда ещё так сильно не ненавидела кого-то. Из-за жажды её язык клеился к нёбу, а запястья пульсировали при каждом движении каната, пока девушка, спотыкаясь, плелась за лошадью.

Дорога вела в гору через скалистые проходы, которые были настолько узкие, что колени Кровавого Мужчины задевали камень. Следы от зубила и резца говорили о том, что проход в скале был пробит человеческими руками, эхо топота копыт был настолько громким, что Саммер была уверена, что они должны были быть уже довольно далеко от боевых линий. Тем не менее, у неё складывалось впечатление, что за ней наблюдают невидимые глаза.

Лихорадочно девушка пыталась найти намеки на то, куда же он её ведёт. Они держались северо-восточного направления. Мысленно она представила себе карту севера — отпечаток ноги с четырьмя пальцами, и тогда поняла, что они двигаются в направлении фьордов.

Тем не менее, не так далеко к северу, они могут натолкнуться на цитадель. Совершенно очевидно, что он пытался избегать боевых линий. Лошадь передвигалась широким шагом — это был тщательно обдуманый умысел соблюдать дистанцию между собой и ней, на сколько было возможным. И Кровавый Мужчина не принимал меры, чтобы сбавить темп. Он только делал остановки, если лошадь нуждалась в отдыхе. Мужчина не отвечал на её вопросы и только молча передавал девушке небольшое количество воды из походной фляги и несколько кусков засушенного мяса, которые обнаружили в украденном рюкзаке.

Как только он отворачивался, она суетливо трудилась над оковами, однако очень быстро поняла, что всё не могло быть настолько лёгким. То, что неразрывно скрепляло её запястья, было чем — то вроде металлического шарнира с крохотным замком. Далее канат обвивался, как пояс вокруг талии Саммери также соединялся с этим замком. *«Как будто он опасался, что я нападут на него сзади»*, — угрюмо подумала она.

Во время их привалов, девушка пыталась воскресить в памяти всё, что могла знать о замках. Как открывались наручники, она выучила в самом начале своей бродячей жизни от одного фокусника, которому однажды помогла. И, кажется, у этого замка был похожий механизм. Однако, как сильно Саммер не старалась разгадать этот механизм, маленькими палочками или косточками животных, которые находила, ей этого не удавалось. Вскоре, она должна была сдаться из — за натёртых запястий. Ей нужна была проволока. Может что-то лежало в одном из многочисленных карманов её матросской куртки?

Накладные карманы были пустые, однако, у неё всё ещё оставались деньги Анжея. Это указывало на то, что Кровавый Мужчина осмотрел её только на наличие оружия. Разумеется, круглые монеты никак не помогут ей в этом деле. Если она наклонялась вперёд, то могла чувствовать в потайном кармане над грудью игральные карты, которые давили на её ключицу. Может быть, Саммер могла бы попробовать подобраться к зажигалке, которую несколько дней назад сунула к картам? Но, как бы сильно девушка не выворачивала руку, она не приблизилась к карману.

Когда в первый вечер её похититель отыскал место для ночлега — впадину у подножья скалистой дороги, которая однажды могла служить складом для инструментов, он также разрушил надежду Саммер на то, что снимет оковы на ночь. Он лишь отвязать её от седла, и она тут же опустилась на кучу высохшей листвы, которую осенний ветер принес с собой вниз к пещере с какой-нибудь возвышенности. Девушка никогда ещё не предполагала, что будет скучать по маленькой раковине и даже не свежей воде из многоэтажного здания в Маймаре. И сейчас она отдала бы все, хотя бы за половину сгнившего матраца. Тем не менее, Саммер быстро провалилась в глубокий сон.

Картинки, которые мелькали в её сознании, больше всего походили на смазанные кадры фильма, чем на сон. Нечёткие лица мелькали мимо неё, не обретая окончательную форму, голоса звучали искажённо, как будто бы фильм протекал слишком медленно. Она проснулась из-за треска поблизости и издала высокий пугливый крик. Было темно, лишь только тонкая полоска лунного света падала на её ноги. Саммер напряжённо и внимательно прислушалась, но слышала только сопение лошади, которая стояла где — то поблизости и дремала. Она тут же снова потянулась к карману, но разочарованно поняла, что парень обвязал верёвку узлом вокруг запястий так умело, что ей едва ли осталось свободы

передвижения. Девушка воздержалась от проклятий, встала на колени и пошарила по земле. Её пальцы провели по гравию. Может после окончания строительных работ здесь что-нибудь осталось? Например, проволока?

— Можешь не утруждаться, — донеслось из глубины пещеры.

Саммер подпрыгнула. Её ночной кошмар снова стал реальностью и сидел в темноте всего в паре метров от неё и всё это время наблюдал за ней. Дрожа, она оттолкнулась от него дальше, на сколько это было возможным. Сухие листья шелестели между её спиной и стеной пещеры.

— Ты вообще не спишь?

— Зачем? — прозвучал недружелюбный ответ.

Всё-таки было действительно проще, если она не видела его угрожающий взгляд, а также его кинжал. *Думай, Саммер! Если бы он хотел убить тебя, то давно бы уже сделал это.*

— Есть ли у меня, по крайней мере, право узнать, почему ты мучаешь и преследуешь меня?

— Ты это серьёзно? — он засмеялся.

Что ж, она не доставит ему удовольствие и не будет реагировать на насмешки.

— В одной из деревень всадник среди ночи — это ведь действительно был ты, не так ли? Ты последовал за мной на следующем поезде из Маймара, затем купил лошадь. Мы передвигались пешком, таким образом, ты мог с лёгкостью догнать нас.

— Возможно.

— Как... ты вышел на мой след?

— Ты имеешь ввиду на ваш след.

Теперь, она охотно взглянула бы ему в лицо. *Но что это даст? «Его выражение лица никогда ничего не передаёт»*, — подумала она подавленно.

Саммер слышала шуршание, как будто бы он копался в рюкзаке, затем секунда тишины — и тогда об её щеку ударилось что — то мягкое и мохнатое. Испуганно она всхлипнула и попыталась увернуться в сторону, однако, веревка воспрепятствовала этому маневру. Волосатое нечто скользнуло по штанине девушки и приземлилось на её лодыжке. Это действительно были волосы! И она уже начала подозревать, откуда они взялись.

— Ты оставила достаточное количество следов, — сказал похититель. — Мне нужно было лишь задавать встречающимся по пути людям правильные вопросы. Парикмахер, которому ты продала свои волосы, был довольно болтлив. А твой белокурый красавчик был замечен многими женщинами. — Её голос снова задрожал от сдерживаемого гнева. Саммер неосознанно приподнялась ещё больше.

— Однако ты искал меня уже давно, не так ли? И в Маймаре ты видел меня на сцене Морта. Зритель в перчатках, это ведь был ты... Индиго?

Она слышала, как он резко втянул воздух. И была почти удивлена, что он всё — таки ей ответил: — Я знал, что найду тебя там, где есть музыка и танцы. И ещё я знал, что ты не сможешь вечно скрываться от меня. Когда — нибудь наши дороги снова пересеклись бы, — его смех вибрировал холодным триумфом. — И на этот раз мне повезло.

Саммер стиснула зубы. Всё — таки было хорошо чувствовать, что она всё ещё может злиться.

— Если бы речь шла только обо мне, зачем тебе понадобилось разрушать ещё и театр? Ты вернулся после представления, чтобы найти меня — и когда не нашел, то сжёг его.

— И как же хорошо старый деревянный сарай горел! Что ж, все равно не жалко. Так или иначе, всё там было лишь дешевым фарсом.

Саммер сжала руки в кулаки. Она планировала оставаться спокойной, но теперь не могла иначе, чем выплюнуть ему в ответ: — Что Морт и остальные сделали тебе? Морт жил в театре. У него была крыша над головой. И он уж точно не был достаточно быстр, чтобы убежать от огня. Человеческая жизнь вообще для тебя ничего не значит?

— Даже меньше, чем твоя, — последовал ответ. — И это о чём-то, да говорит.

Она вскочила на ноги и едва ли почувствовала, как веревки врезались в её запястья.

— Убийца! — закричала она на него. — Чудовище!

Он тихо рассмеялся.

— Ну, что ж. Это всё больше походит на тебя. Ты можешь притворяться, но не стоит обманывать саму себя. Знаешь что? Я не верю ни единому слову твоей слезливой истории о потере памяти.

Когда мужчина встал и приблизился к ней, Саммер затаила дыхание. На короткий миг, в лунном свете она вновь увидела его образ, но тень снова поглотила его. Однако на этот раз девушка не отступила. Неожиданно голос раздался слева от неё.

— Ты снова играешь со мной в свои игры, — шепнул он ей. — Ты точно знаешь, какой вред мне причинила. Мне, и кто знает, скольким ещё. Взять, к примеру, твоего блондинистого красавчика. Его жизнь ты тоже украла?

— Я не крада у тебя твою жизнь! Если то, что мне снится, правда, то ты живёшь уже намного дольше, чем заслужил.

И она поняла, что зашла слишком далеко. Саммер почувствовала это прежде, чем слова слетели с её губ. В следующий момент девушка получила толчок в плечо настолько сильный, что упала на землю. Его гнев был почти осязаем, на краю её сознания синим цветом возник пылающий вихрь, который забирал дыхание. На один панический момент она была уверена, что похититель ударит её или ещё хуже — просто вытащит свой кинжал. Инстинктивно Саммер свернулась в клубок. Но ничего не происходило. Только казалось, что темнота вокруг неё забурлила. Когда мужчина снова заговорил, девушка поняла по его интонации, сколько сил ему стоило оставаться спокойным.

— Ты можешь лгать мне столько, сколько захочешь, — прошипел он. — Но запомни одно — никогда не смей глумиться надо мной!

Шаги заскрежетали по гравию и сухим листьям. Его силуэт появился на выходе из пещеры — лишь контур на тёмно-сером. Он остановился и развернулся к ней ещё раз.

— Говоря о лжи, если ты действительно ничего не помнишь, зачем тогда вернулась на север? Ах, и ещё кое-что — никогда больше не называй меня Индиго!

***

Сначала она ещё пыталась оставлять следы. Подбирала на ходу камни и оставляла царапины на скалах. Однажды ей удалось достать несколько монет, которые всё ещё находились в матросской куртке Анжея, и роняла их на землю в качестве указателя. Но сороки оказались быстрее, чем друзья Саммер и местность, через которую тащил её похититель, была настолько дикой и изрезанной ущельями, что вскоре девушка сдалась и потеряла всякую надежду, что Фаррин и остальные будут здесь её искать.

«Итак, один на один со своим кошмаром», — размышляла она подавлено. Напрасно Саммер старалась вызвать вторую реальность. Всё ощущалось так, будто никогда не было ни Анжея, ни встречи с Норатом. С ночи в пещере она больше не решалась крепко засыпать, а

лишь влачила жалкое существование и при самом малейшем шуме издавала пугливые крики, после чего снова ощущала на себе тёмный, испытующий взгляд. Он больше не разговаривал с ней, но очень часто девушка чувствовала, что мужчина пристально за ней наблюдает.

В день, когда скалистые расщелины стали значительно шире, она обнаруживала под красной осенней листвой железнодорожные шпалы. Очевидно, они перемещались по приостановленной железнодорожной линии. Дорога через скалы была для неё уже пробита, но не закончена. Саммер судорожно отыскивала в своей памяти карту, однако, вспоминала только слова Фаррина о запланированной транспортной линии из второго фьорда к городу Карс. Если это была она, то они приближались к среднему из трёх больших фьордов. Значит, их путь не вел к цитадели.

Поблизости от уступа скалы, послышалось журчание потока воды. Услышав его, Кровавый Мужчина спрыгнул с лошади и направил её к берегу ручья. Саммер не оставалось ничего другого, как последовать за животным. К её облегчению, веревка была достаточно длинной, чтобы ей не пришлось заходить в воду, в отличие от вороного, который остановился только посреди ручья, где сразу же погрузил свой нос в воду. Девушка опустилась коленями на шелестящую осеннюю листву пурпурных дубов, и также наклонилась вперёд, чтобы попить. Из отражения водной глади на неё смотрело утомлённое лицо.

Волосы Саммер, которые уже снова отрасли до самых ушей, сбились в непослушные колтуны из-за пыли и засохшей грязи. *«Я превратилась в дикое животное»*. Она выглядела не лучше Кровавого Мужчины с его боевой окраской. Её лицо стало чёрным, будто бы девушка тоже замаскировалась. Только дорожки от слёз оставили необычные разводы на её щеках. Она черпала воду и жадно пила. Потом как могла, умылась. Ледяная вода облегчила пульсацию на её запястьях. Грязевое облако образовалось в воде, однако довольно быстро течение снова сделало воду чистой.

В надежде снова понаблюдать за этим, Саммер дождалась пока вода успокоится и с криком отскочила назад. Лошадь испугалась и сделала резкое движение в сторону, веревка натянулась и потянула девушку в воду. Краем глаза она увидела, как Кровавый Мужчина в последний момент остановил лошадь.

— Что это значит? — обратился он к ней.

— Там... чудовище! — выпалила она. Над ними, на уступе скалы послышался шелест. Заросли на холме зашевелились, будто кто-то, уходя их коснулся. Должно быть, монстр сидел на дереве и наблюдал за ними.

— Это всего лишь звериный бегун, — недовольно проворчал Кровавый Мужчина.

— Звериный бегун? — Саммер покачала головой. — Нет, этого не может быть! Ведь, это же люди или нет? Но штука в воде, у неё была тёмно-синяя кожа и белые пылающие глаза как у демона. И клыки и когти!

Она не решалась оторвать взгляд от кустов. Кровавый Мужчина, кажется, насторожился, во всяком случае, его голос звучал удивлённо, когда он ответил:

— Конечно. Они — люди. Но их отражение показывает их другое «я».

Саммер повернулась к нему.

— Его отражение выглядело как..., — начала она, и тут же забыла всё, что хотела сказать. Посреди ручья стоял незнакомец и смотрел на неё так же растерянno, как и она на него. По крайней мере, это больше не был Кровавый Мужчина, которого днём, в большинстве случаев девушка видела только со спины, а ночью лишь нечёткий силуэт. И он больше не имел ничего общего, с жестоким палачом её кошмарных снов и страхов.

Похититель отмыл лицо от грязевой корки и боевого раскраса и пальцами отбросил мокрые волосы с лица. Его глаза были немного не ясными. *«И на самом деле, он определённо не старше меня!»*, — подумала она наполовину шокированно, наполовину заинтригованно.

Задумчиво он рассматривал лицо Саммер, будто бы искал в нём ответ на загадку. Его правая рука лежала на шее лошади, на загривке. Успокаивающим движением мужчина поглаживал шерсть, и как всегда мягкость, с которой он обращался с животным, была ошеломляюще контрастной в сравнении с грубостью, которую похититель проявлял в общении с Саммер.

Страннее всего было то, что она не могла отвести от него взгляд. Всматриваясь в его лицо, девушка причудливым образом хотела до него дотронуться. *«Если бы я встретила его в другом месте, не зная, кем он является, я бы улыбнулась ему. Он... даже понравился бы мне»*.

Его брови были чётко очерчены, что ещё больше подчеркивало правильные черты лица. Только на правой скуле находилась небольшая неровность — старый шрам. Он был в форме полумесяца и немного выпуклым, выделяясь легким контрастом от его смуглой кожи.

Внезапно её сердце неистово забилось, и что-то глубокое в памяти зашевелилось и стало достаточно близко, чтобы зацепиться за это. *«Я действительно его знаю! Этот шрам, в виде полумесяца и...»*

Её взгляд пропутешествовал к его левой руке, которой он держал поводья. На ней не было перчатки. Тыльная сторона руки выделялась шрамами. Они также были несколько рельефными, и их форма походила на белые, папоротниковые листья. Были ли это следы от ожогов? Шрамы не выглядели безобразно, их можно было с лёгкостью принять за знак инициации таинства племени, однако, по тому, как быстро он отдёрнул свою руку и сунул её в карман куртки, Саммер чётко поняла, что мужчина считал эти шрамы недостатком.

Резким движением он отвернулся от неё, как будто бы больше не мог вынести её взгляда.

— Привыкай к тому, что они наблюдают за нами, — сказал мужчина в то время, как вытянув из сумки перчатки, поспешно их надел. — Мы на чужой территории — местности звериных бегунов.

Мимолётное подозрение мелькнуло в её голове, но когда она взглянула на своё отражение, оно немедленно исчезло. Нет, если у звериных бегунов отражения как у демонов, тогда он точно не один из них. В воде Саммер видела только его образ.

— Они нам ничего не сделают? — спросила девушка боязливым голосом. — Фаррин рассказывал, что они никого не допускают на свои земли.

Он приподнял левый уголок рта в ироничной улыбке.

— Ну, видела там, старые рельсы? Когда-то здесь планировали провести железнодорожную линию, проходящую прямо посреди их территории. Королю Берасу пришлось отказаться от этой затеи спустя год. Его рабочие больше никогда не были найдены.

Саммер вздрогнула и окинула взглядом возвышенности. Он вывел лошадь из ручья и приготовился снова оседлать её.

— Эй, подожди! — окликнула она его. — Было бы не лучше, если бы мы... оба поехали верхом? Так было бы намного быстрее.

Ещё до того, как произнести это предложение до конца, она уже знала, что это было

ошибкой. Уголки его рта вздрогнули, будто бы он старался сдержаться от насмешливого смеха.

— Естественно, мы были бы быстрее, — сказал мужчина сухо. — Но, во-первых, я не буду снова подвергать лошадь мучению близости с тобой. И, во-вторых, — он подтянул себя в седло и засиял надменной улыбкой, — во время нападения, я должен быть быстрее только тебя.

***

Это был ещё один интересный урок, который Саммер выучила о самой себе. Ей не удавалось одновременно люто ненавидеть Кровавого Мужчину и испытывать страх перед звериными бегунами. Поэтому, она решила полностью сосредоточиться на Кровавом Мужчине. Сегодня, странным образом, они продвигались значительно медленней, но девушка не могла и не хотела представлять себе, что мужчина сдерживал животное только для того, чтобы пощадить её. Всё больше деревьев обрамляли становящиеся более широкими ущелья.

Тут и там Саммер замечала метки на ветвях, палочки и перья, возможно являющиеся указателями звериных бегунов, взгляды которых она ощущала на своём затылке. Как будто бы бог ветра вдохновился её настроением, в течение нескольких часов ветер переменялся и температура понизилась, а небо затянуло свинцово — серыми тучами. Когда ближе к вечеру Кровавый Мужчина остановил лошадь и спрыгнул с седла, под подошвами Саммер уже скрипел иней и первые снежинки закружились в пространстве между тремя елями.

Саммер молча, наблюдала за тем, как он расседлал лошадь и собрал под елью сухие ветки для костра. Мужчина обыскал карманы своей куртки, выругался и начал рыться в армейском рюкзаке. В нём обнаружился спальный мешок, последние остатки сухого мяса, компас, ещё веревки и запасные боеприпасы для винтовки, которая находилась в чехле под седлом. Однако, кажется, он не нашёл то, что искал. Лошадь фыркнула и в воздухе образовалось белое облако, она нетерпеливо била передним копытом о землю, пока не получила остатки овса из мешка. Саммер, прищурив глаза, пристально осмотрела Кровавого Мужчину. Удовлетворенно она заметила, что похититель замёрз сильнее, чем она. Очевидно, парень не рассчитывал на быструю смену погоды. И камуфляжная куртка казалась не достаточно тёплой для ночи под открытым небом.

— Нет зажигалки для костра? — спросила она спустя некоторое время.

И встретилась с уничтожающим взглядом

— По крайней мере, хотя бы её ты не сможешь украсть, — прорычал он.

— Она мне не нужна. У меня есть своя.

Он нахмурился и с подозрением уставился на девушку. Белое дыхание окутало его лицо.

— Серьёзно? Я обыскивал тебя на оружие и ничего у тебя не нашёл.

— Вероятно, ты смотрел в не правильном кармане.

Когда мужчина ничего не ответил, Саммер добавила:

— Развяжешь меня, сможешь развести огонь.

Он рассмеялся и продолжил рыться в сумке.

— Хорошая попытка.

— Я серьёзно! С завязанными руками я не доберусь до потайного кармана...

Теперь похититель встал и подошёл к ней. Когда мужчина присел рядом с ней, она напрягла свои мышцы, чтобы перепрыгнуть через него, пнуть ногой, или нанести удар связанными руками, сжатыми в кулаки, но лезвие, небрежно приставленное к её шее,

остановило девушку.

— Какой карман? — спросил он спокойно.

— Развяжи меня! — настаивала она. — Ты действительно думаешь, что я смогу убежать от тебя здесь, в дикой местности?

— Я не только так думаю, но знаю. Это не первый раз, когда ты выглядишь беспомощно, какой хочешь казаться. Итак, либо ты говоришь мне, где зажигалка, либо я ищу сам до тех пор, пока не найду.

Кровь прилила к её щекам.

— Паршивый предлог, чтобы прикоснуться ко мне!

Он снова рассмеялся и на этот раз его смех не звучал неприязненно.

— Интересная мысль, — сказал мужчина насмешливо. — Но если бы я хотел этого, у меня были лучшие возможности для этого. Итак?

Саммер стиснула зубы.

— Слева, — пробормотала она. — Потайной карман. Третий снизу, с поперечным замком. Но я предупреждаю тебя, держи свои пальцы подальше от меня!

Веселясь, он только приподнял левую бровь и наклонился вперёд. Кинжал не сдвинулся ни на миллиметр.

«Действительно, у него было достаточно возможностей прикоснуться ко мне», — подумала она. — «Но, очевидно, он лишь мимолётно обыскал меня. Чтобы не слишком приближаться и не часто касаться меня?»

Прядь его волос коснулась её щеки. Она хотела отвернуться, но по какой — то причине не стала этого делать. Только один раз Саммер была настолько близка к нему. Но чем больше она пыталась вспомнить случившееся в Маймаре, тем больше приходила в замешательство от того, насколько плохо у неё это получалось. Вместо этого девушка покосилась налево, украдкой рассматривая его профиль: высокий лоб, нос с лёгкой горбинкой, который ещё больше подчеркивал его дикость. Уголки его губ были слегка вздёрнуты, что всегда придавало рту несколько ироничное выражение. И факт того, что она не могла отвести от него взгляд, но была странно — знакомым образом очарована им, запутал её ещё больше, чем хотелось бы это признать. И когда мужчина на мгновение посмотрел на неё и их взгляды встретились, он был тем, кто отвернулся так быстро, как будто её близость сбивала его с толку.

Похититель был талантливым карманником. Она едва ли ощущала прикосновения, лишь только слышала стук ногтя о металлический стержень. Затем он выудил зажигалку, и ещё кожаные ножны и колоду карт. Выражение его лица стало мрачным, когда мужчина стал разглядывать карты. Только теперь Саммер заметила, что он стянул левую перчатку. В руке Индиго оставил только зажигалку, а всё остальное, небрежно бросил на землю. С трепетом в сердце Саммер присмотрелась к ножнам.

Они лежали на камне, по диагонали, рядом с дамой червей со смазанными усами, которая, кажется злорадно ухмылялась Саммер. Последний дневной свет подкрался к чехлу и показал, что он был пуст. Саммер снова захотелось плакать. *«Где моя куколка? Может быть, это было лишь моё воображение?»* И внезапно она так сильно захотела, чтобы Анжей всё же искал её и нашёл — он мог лгать ей, но, видимо, на самом деле был единственной связью с женщиной в белом платье и её второй реальностью.

Когда Кровавый Мужчина убрал кинжал от её шеи, его пальцы случайно задели кожу над левым ухом Саммер. Сердце девушки неистово забилося. Однако не это её испугало.

Вместо этого, будто порыв ветра пронзил тело насквозь и принёс с собой воспоминание.

... аромат, который она любила: пряный дым и зимние цветы. И прикосновение нежной руки к её шее, которая...

Картина исчезала так быстро, как будто бы кто-то заслонил экран перед её глазами. Она ошеломлённо моргнула, когда мир перед глазами снова прояснился.

Кровавый Мужчина отошёл на несколько шагов и опустился на колени перед костром. Он не заметил, как Саммер побледнела и хватала ртом воздух; вся его концентрация была направлена на разжигание пламени, похититель, щёлкая зажигалкой, но вспыхивала только искра. Снова и снова мужчина приводил в действие механизм — напрасно. *«Словно мои воспоминания»*, — подумала Саммер. — *«Бесполезные искры, но никакого света среди темноты»*. Растерянность грозила подавить. Поспешно она пыталась дотянуться до образов, которые ждали в нужном углу, чтобы, наконец, быть обнаруженными. Но что — то ещё живое сидело в этом углу и тёмными, призрачными пальцами дёргало их обратно в забвение, как будто хотело любой ценой воспрепятствовать, чтобы Саммер увидела их.

Он выругался, бросил зажигалку на землю и снова надел перчатку на левую руку. Девушка только мельком увидела шрамы, прежде чем кожа снова их прикрыла.

«Спроси его! Спроси о прошлом, прежде чем оно снова не ускользнуло от тебя!»

— Это... была я? — Саммер удивилась, сколько мужества ей стоило задать ему этот вопрос. И поняла, что, скорее всего вообще не хочет знать ответ. Что, если она действительно является той, кого он видит в ней — воровкой и обманщицей. *И той, которая способна сжечь человеческое лицо и руки?*

Индиго остановился на середине движения и с недоумением посмотрел на неё.

— Эти... травмы на твоих руках, — робко добавила она. — Я тебе их причинила? В то время, когда мы были знакомы?

Он выглядел так, будто её предположение забавляет его, но потом тень упала на мужское лицо.

— Нет. Это последствия несчастного случая, когда я был ещё ребенком. В кузнице моего отца.

Может быть из-за волнения, но она рассмеялась от облегчения, что её страх не подтвердился.

— Твой отец был... *кузнецом*? Из какой ты эпохи?

В тот же момент девушка поняла, как должно быть это послышалось со стороны. Конечно, он мог распознать ошибочный тон.

— Да, кузнецом, — ответил мужчина раздражённо. — Тебе не стоит смеяться над этим. Раньше это была профессия достойная уважения. И представь себе, уже тогда мы могли обходиться ножом и вилкой.

— Я не это имела в виду. Я... просто не помню того времени, когда мы знали друг друга. Я перебираю в памяти воспоминания, но ничего не нахожу. Знаешь, зачем я вернулась на север? Потому что единственное, что помню — синие зимние цветы, которые растут только здесь. И ещё, что я танцевала с кем-то. Это... был ты?

Он снова смотрел на неё с тем удивлением, в которое вплеталась тень сомнения. И на мгновение она подумала, что увидела другую фигуру из сна, которая наложилась на его образ. На этот раз это был не Кровавый Мужчина с мечом, а молодой человек, который смеялся, пока парировал удары шпаги. Саммер не узнавала лицо, но грация его проворных движений была настолько ей знакома, как будто она наблюдала за ним столетия.

— Как... долго ты меня искал?

— Человеческие жизни, — ответил он хриплым голосом. В его голосе преобладала грусть и ещё что — то нежное, чего она в нём не знала. *«Был ли это голос, который пел мне?»* Когда мужчина отвернулся и отвязал поводья от дерева, Саммер должна была напомнить себе, что он всё ещё является Кровавым Мужчиной. *«У тебя к горлу был приставлен нож. Он хочет убить тебя. А ещё Морт и другие тоже на его совести.»*

Когда мужчина схватил гриву лошади, она подумала, что мужчина хочет погладить её, но потом поняла, что он действительно задумал.

— Эй! — позвала она. — Куда ты?

— Подальше от тебя. Ты слишком много болтаешь.

— Нет! Ты не можешь оставить меня одну! — Саммер хотела вскочить и побежать к нему, но заметила, что веревка была обвязана вокруг ели. Теперь, когда оковы впились в её запястья, снова стало легко возненавидеть его.

— Ты, проклятый ублюдок! Здесь полно звериных бегунов! И хищников!

Мужчина небрежно пнул зажигалку, которая лежала на земле. Она описала дугу в воздухе и приземлилась между картами.

— Разведи огонь, — сказал он сухо. — По крайней мере, пламя отпугнет снежных барсов.

Потом с легкостью запрыгнул на расседланную спину вороного и поскакал галопом прочь так быстро, будто хотел быстрее сбежать от неё.

***

Она не знала, как долго проклинала его и сколько оскорбительных прозвищ дала. Но ничего не помогло. Зажигалка действительно была бесполезна. Саммер понимала, что ствол ели был слишком толст, чтобы протереть его при помощи верёвки. И что Кровавый Мужчина разместил узел над её головой так, что она не доберётся до него. Однако поблизости девушка нашла палку, которую смогла схватить обеими руками. Лучше, чем никакого оружия. Тьма опустилась на неё словно ткань чёрного бархата, через которую не проглядывалось ни одной звездочки. За деревьями послышался шум: ползучие шаги, которые только усилили её страх. Треск ветвей. Она пыталась не думать о том, что Фаррин рассказывал ей о звериных бегунах: *«Они ненавидят людей. Но говорят, что они любят человеческое мясо».*

Впрочем, поблизости не оказалось никаких звериных бегунов, и через какое — то время она успокоилась, и позволила своим плечам расслабиться. *«Думай логически, Саммер»,* — призывала она себя. — *«Он скоро вернётся назад. Зачем ему подвергать меня опасности? Мужчина задумал для меня что-то определённое, иначе не оставил бы в живых».* — Закрыв глаза, девушка прислушалась к темноте и услышала падающий снег. Легкий шёпот снежинок, падающих на землю. Которые словно холодная щекотка приземлялись на её голые ноги. Саммер подтянула колени к груди и подумала о Норате, о женщине в белом, обо всём, кем она была, или наоборот, скорее всего не являлась. Однако на этот раз девушка опять напрасно взывала к другой действительности. Вместо этого, одиночество становилось настолько реальным, что она могла чувствовать его физически — медленное, тянущее ощущение в груди. Чтобы отвлечься, она тихо и сбивчиво напевала про себя:

*«Ты и я в доме из карт,
никто не войдет, не выйдет назад...»*

Но потом остановилась и вздохнула. Всё — таки весёлая песня оказалась плохим выбором. И затем, в угрожающей тишине, которая теперь её окружила, ей на ум пришло

несколько слов. Это стало неожиданным подарком, который заставил Саммер улыбнуться. Это были её собственные слова! Она сочинила их сама, и это было так давно. Осторожно, как будто они могли бы сбежать от неё, будто пугливые животные, девушка начала формировать их в шёпот, и осмелела, когда уверилась в том, что они останутся. А потом произнесла стихотворение — своё стихотворение! — снова и снова повторяя про себя, словно заклинание против темноты:

*«Я пою
больше не во тьме,
духи остаются вне,
до тех пор,
пока тревога
не
проложит им дорогу».*

Ей стало спокойней. И благодаря странному утешению, удалось задремать. В то время как она прозябала в этом прохладном полусне, ей казалось, что слышен топот копыт и приглушённые голоса, и когда Саммер проснулась, уже было раннее утро, а рядом с ней лежал завернутый в увядший лист кусок поджаренного мяса. Она схватила его и съела, не поднимая головы. Он был всё ещё тёплый от огня и имел вкус дичи. Девушка ещё никогда не ела ничего вкуснее. Потом она подняла взгляд вверх и удивилась тому, какое огромное облегчение испытала, из-за того, что Кровавый Мужчина действительно вернулся. Даже если она не сразу его узнала. На нём была чёрная меховая куртка. И шапка из шкуры барса. Рюкзак исчез.

Сейчас Саммер чувствовала себя маленьким ребёнком, который смертельно боялся сказки о привидениях. Он осуществил обмен. Очевидно, звериные бегуны ценили спальные мешки и другие вещи гораздо больше человеческого мяса. Вероятно, парень всю ночь просидел у тёплого костра. Подонок!

— И? Хорошо погрелся у звериных бегунов? — крикнула она ему.

— Разумеется, — ответил он, не испытывая ни капли вины, вместе с тем седлая вороного. — У меня не было желания замёрзнуть до смерти. — Прежде чем надеть пояс седла, он провёл рукой по загривку лошади. Гнев вскипел в Саммер так внезапно, что она почувствовала, как кровь отливает от её щек.

— Я могла бы замёрзнуть! — прошипела она.

Он засмеялся, будто девушка действительно сказала очень хорошую шутку.

— Но ведь не замёрзла.

Кивком головы он указал на её голые ноги. Беда в том, что мужчина был прав. У любого другого после такой ночи пальцы ног должны были быть уже синего цвета, однако она чувствовала лишь небольшую прохладу. Неожиданно, Саммер была в высшей степени смущена. Забыла ли она, как в последние несколько дней замерзала? *«Ощущала ли я вообще когда-либо холод?»* Эта мысль испугала её. Однако следующее предположение оказалось гораздо тревожнее: *«Была ли я действительно голодна, когда только что съела мясо? Или я сделала это только потому, что люди реагируют подобным образом? Пытаюсь ли я только вести себя как человек?»*

Саммер представила перед собой лицо Анжея, и машинально посмотрела на свои руки; как она и ожидала — через прозрачную кожу проглядывались кости. Но всё остальное было по — прежнему. Задумчиво девушка провезла ногу по снегу и наткнулась на карты, которые

со вчерашнего дня запорошило снегом. Она подтолкнула их пальцами ног, и они разлетелись перед ней. Что — то крошечное кольнуло её и Саммер вздрогнула. Подняв ногу она ухмыльнулась круглому серебряному изображению с раскосыми глазами. Оно затерялось между карт и было едва ли больше монеты. Кровавый Мужчина пока что не заметил её действий.

Бросив на него быстрый взгляд и убедившись, что всё его внимание направлено на лошадь, она схватила вещицу пальцами ног, подтянула вверх и взяла в руку. Обратная сторона оказалась шершавой, с заострённым концом. Лучше бы это оказалось крепкой проволокой. Вещь была закреплена на лоскуте чёрного материала. Осторожно Саммер сдвинула серебряную пластину между пальцами и внимательно рассмотрела её.

После чего девичий пыл стал быстро угасать.

В руке девушка держала серебряную голову кота, служившую украшением счастливой маски Морта. Глаза и усы были до блеска отполированы частыми прикосновениями старого директора театра. Кто — то грубо содрал значок с матерчатой маски. Саммер задержала дыхание. Парень в Анаканде, который сыграл роль Кровавого Мужчины. Это он принёс чёрную маску. Анжей нанял его, чтобы запугать Саммер. И Анжей тот, кто оторвал значок и спрятал в потайном кармане. Осознание этого стало ударом под дых, который вышиб из неё весь воздух. *То есть, он был в театре Морта. И забрал с собой маску.*

Стук копыта вывел Саммер из задумчивости. Когда её достигла тень Кровавого Мужчины, она быстро сжала голову кота в руке. Пока он нагибался и отвязывал верёвку, девушка слышала скрип кожаного седла и ремня. Пока как она подбирала рассыпавшиеся карты и кожаные ножны, мужчина привязал верёвку к седлу и не глядя на нее, повел лошадь шагом.

— Куда ты меня ведёшь? — крикнула она ему в спину. Ответив, он даже не взглянул через плечо. — Когда ты это увидишь, вспомнишь. И тогда вернешь мне то, что украла — или оплатишь долг.

«Достаточно заплачу я или нет, определишь, конечно же, ты», — в ужасе думала она, вставая и следуя за лошадью босиком по замёрзшей траве. Слова могут запугать, действуя, словно медленный яд или как тянущая боль от удара. Но Саммер поняла, что все слова звучат иначе, когда в твоей руке находится кусочек власти, и пусть даже эта власть размером с металлическую иглу.

Глава 13

Рубцы

В этот день он также ехал верхом, что дало ей возможность сконцентрироваться на проволоке. Согнуть кусок металла на бегу стоило ей сломанного ногтя. Все-таки вторая часть ее задачи — с помощью своих зубов привести это к такому виду, чтобы возник маленький крючок — удалась ей лучше, чем она ожидала. На первом привале она использовала время, когда Кровавый Мужчина поил лошадь в ручье, чтобы продеть проволоку в крошечный замок. Когда она почувствовала, как крючок заскочил, и пружина в механизме замка поддалась под давлением проволоки, и наконец, совсем нажалась, она радостно ликовала. Замок легонько разомкнулся на ее поясе и открылся с легким щелчком. В следующее мгновение оковы на лодыжках ослабли. Саммер вздохнула. Теперь это было уже ощущение свободы. Преодолеть себя и тут же не стряхивать петлю и не бежать от него, а добровольно выносить ещё некоторое время прикосновения каната, стоило ей не малых

усилий.

Когда она двигалась дальше, Саммер держала петли каната руками в своем положении, пока рассматривала Кровавого Мужчину. *«Ищи по дороге пути побега»*, — приказывал ей кошачий голос, который уже помогал ей при многих побегах. *«Обращай внимание на то, чтобы лошадь не могла следовать за тобой. Лучше иди по воде. Берегись Кровавого Мужчину»*.

Они всё ещё передвигались вдоль заброшенных железнодорожных путей, но постепенно терялись и эти признаки цивилизации. Ручей стал шире, плакучие ивы стояли на берегу как женщины с длинными заиндевевшими волосами, которые рассматривали себя в зеркале воды. Позади групп ив выстроились в ряд расщелины в скалах как двери к каменному залу. Саммер выбрала один проход, из которого текла вода, и в который впадал ручей. Это был хороший знак, который все же показывал, что это, в самом деле, был проход и не какая-то закрытая пещера. Теперь она должна была обеспечить себе безопасность, чтобы Кровавый Мужчина не мог озираться на нее, когда она убежит.

Она стала идти медленнее и намеренно спотыкалась, чтобы канат явно двигался рывками. Как ожидалось, он на нее оглянулся. В этот короткий момент, в который встретились их взгляды, в ней сверкнула искра сомнения. Будет ли разумным сейчас убежать? Что-то в прошлом объединяло их?

«И очевидно за это ты должна расплатиться жизнью», — немедленно возразила она. И тем не менее, воспоминание о его близости надоедливо жужжало в ее голове как мотылек, не оставляя в покое. Она даже пыталась найти доказательства того, что он был не таким жестоким, как выглядел. Он ничего не имел общего с пожаром театра. *«Но он убил бы меня в Маймаре! Он похитил меня, и тащит позади своей лошади как рабыню!»*

Наконец, она опять почувствовала злость на него, и порыв далеко убежать, чтобы он никогда не смог отыскать её снова. Она торопливо сняла кандалы и веревку с пояса. Длинный канат следовал за лошадью как змея, волочился по дороге дальше и исчезал с последним ухабистым вилянием в высокой траве. Теперь она не могла удержаться от торжествующей улыбки. *«Свобода!»*

Она пятилась несколько шагов и массировала свои онемевшие запястья, потом втянула голову в плечи и скользнула в сторону к ручью. Холодная вода окружила её колени, а уже при следующем шаге её бедра. Она перешла вброд вверх по течению небольшой участок ручья к скальной расщелине. К её удивлению, вода, которая стремительно вытекала из скальной расщелины, была необычно глубокой. Внезапно она стояла по грудь в вспенивающемся потоке реки и должна была цепляться за края скальной породы, чтобы проталкивать себя вперед. На неё упала тень, когда она, наконец, смогла спастись бегством. Её окружило эхо от капель и смешалось с ее тяжелым дыханием, пока она спешила вперед. На другой стороне она слышала шум похожий на водопад. И крики чаек! Они должны быть уже поблизости от фьордов. Запыхавшись, она достигла конца скалистого прохода и на четвереньках влезла на крутой берег. Её руки оставляли тесные отпечатки на тонком слое заиндевевшего мха. Вода бурлила вокруг нее, распыляя водяные брызги, и по ее левую руку она обнаружила что-то похожее на водопад, который как занавес из воды и пены изливался на скалы. Над низкими каменными порогами впадал поток воды, огибая бурлящий ручей. Поэтому течение было таким сильным! Она быстро обхватила взглядом окрестности и потом побежала направо — туда, где скалы переходили в лабиринт из узких проходов. Только один раз она услышала треск и отогнала мысль о звериных бегунах.

Все же потом она различила... фыркание лошади? Но он едва ли сможет пробраться через узкие расщелины в скалах! Оглянувшись через плечо, она убедилась в обратном. Она как раз увидела, как из воды выскочила лошадь в каскаде сверкающих капель воды. Ручьи стекали с ее гривы, и Кровавый Мужчина на спине лошади был совершенно промокший — он потерял меховую шапку, сквозь каштановые пряди волос его глаза, казалось, особенно ярко горели, и его рот был бледной от ярости линией.

Как ни странно, страх не был первой реакцией Саммер, а безграничное разочарование и яростью на себя саму. И посреди этой обиды, при неудаче в своем побеге, внезапно капли воды сверкнули в блеске этой другой реальности. Это был неожиданный подарок. И момент, в который женщина в белом платье опять была возле неё, как будто бы она никогда не исчезала. *«Сбрось его с лошади»*, — приказала она. — *«Он будет бояться тебя. Концентрируйся на лошади!»* Ещё на бегу Саммер наклонилась и подняла с земли упавшую ветку. Она слышала позади каждый шорох с удвоенной отчётливостью: сопение, мягкий удар копыт по пропитанному водой мху — и даже взмах, с которым канат разрезал воздух. Она отскочила в тот момент, когда канат задел её плечо и высоко вырвал палку. Веревка застряла в ней. Она вертелась вокруг и со всей силы ударила лошадь по шее. В тот же самый момент, в который животное среагировало на ее касание, и испуганно поднялось на задние ноги, она со всей своей силы вцепилась в палку и всем своим весом упала влево. Кружащийся поток мгновенных снимков: переднее копыто, промахнувшееся у ее виска, и задевшее только волосы. Куски мха, которые взлетали высоко в воздух, и потом сыпались вниз на нее. И ошеломленное лицо Кровавого Мужчины, который потерял равновесие и выпал из седла из-за рывка своего кнута.

Саммер набросилась на него прежде, чем он полностью оказался на земле. Затем она вытащила нож из кожаных ножен на его левой ноге и прижала острие к пульсирующей точке на его шее. Воздух все еще мерцал, но все другое казалось, было заморожено. Рев водопада стал шумом ее крови. Потом был еще только взгляд Кровавого Мужчины — гнев, который придавал мерцанию вокруг него темно-синий оттенок, сумрак среди света — и его нож в ее руке. Она могла бы нанести удар, но все же отступила. И женщина в белом тоже молчала.

Боль пронзила ее запястье и правое бедро. Ещё до того, как она заметила, что он застал ее врасплох и оттолкнул от себя, она упала на землю. Нож блеснул в воздухе, перевернулся и отлетел в руку Кровавого Мужчины как собака, которая вернулась к своему господину. Саммер оказалась спиной на мхе, сухая листва и веточки терли ее плечи. Несколько секунд она только лежала там и задыхалась. Краем глаза она увидела лошадь, стоящую рядом. С висящими поводьями, нервно прижатыми ушами, готовую побежать в любое время. Потом в ее поле зрения попал Кровавый Мужчина, с ножом в руке. В другой — веревка. Она хотела оскорбить его, но ей все еще не хватало воздуха. И когда она увидела его дерзкую ухмылку, ярость затопила ее так, что она поверила, что задохнется.

— Ничего не вышло, — сказал он. — Ну, всё, что ты выучила в боях, ты обо мне уже знаешь, забыла? И уже тогда ты была недостаточно быстрой, чтобы бороться с левшой.

Саммер откатилась в сторону и вскочила на ноги. Это был момент для того, чтобы убежать. «Опять?» — горько подумала она. Все-таки кое-что изменилось. Её полностью окружила вторая действительность. Хотя она еще его боялась, но страх перед смертью исчез — и с ним призрак ее ночей. Они стояли друг напротив друга как два противника, оценивающие первый удар.

— Ты должна была бы нанести удар, когда у тебя был для этого шанс, — сказал

Кровавый Мужчина. — Тогда ты, по меньшей мере, ослабила бы меня.

Его губы были синие. Вода стекала с его куртки, и его куртка из черной волчьей шкуры мокро блестела и прилипала к его коже как будто была его частью. Должно быть он замерз, но она не чувствовала никакого ветра. *«Почему ты боялась его когда-то?»* — подумала она преисполненная презрения. — *«Он всего лишь человек».*

Её кровь остывала, сердцебиение было опасно спокойным.

«Человек, который так сильно боится моей близости, что он чувствует себя в безопасности только тогда, когда я не могу к нему приблизиться?»

— Ты слабак! — ответила она. — Не более чем трус. Поэтому ты должен был подкараулить меня в темноте в Маймаре и связать меня как животное. Ты должен очень бояться меня.

Удовлетворенная, она увидела, что его гордость можно так же легко ранить, как и ее. — Запомни, — прошипела она. — Прежде чем ты еще раз свяжешь меня, я тебя убью, — в этот раз ее голос был грубым от угрозы. Кровавый Мужчина остановился на расстоянии вытянутой руки от нее.

— Продолжай, — сказал он.

Саммер подняла подбородок. *«Я — Эльяна и ношу так много других имен. Я могу лишать тебя жизни год за годом. Я призову время на помощь, которое заставит твои руки трястись, а спину согнуться».*

— Ты не знаешь, с кем ты здесь связался!

Его губы изогнулись в саркастичной усмешке.

— Со смертью? — сказал он с презрением. — О, да. Я дрожу от страха.

Его смех снова подхлестнул ее гнев, заставляя кровь в ее жилах становиться еще холоднее.

— Лови! — крикнул он и бросил ей нож. Она дернулась к нему, и это было чудо, что она поймала его за ручку, когда, не раздумывая, ловила в воздухе.

— Сейчас ты более сильная. Убей меня, если ты осмелишься! — сказал он и расставил руки в стороны. Его меховая куртка распахнулась, под ней только мокрая ткань рубашки, прилипшей к телу. — Ты ведь хочешь этого, да? — продолжил он вызывающе. — И кто знает, может я этого только и жду?

«Ну, давай», — сказала женщина в белой одежде и засмеялась. И хотя какой-то другой голос кричал в ней, что это была ошибка, Саммер высоко дернула нож и бросила. Она чувствовала хруст наполовину замерзшего мха под своими ступнями, когда оттолкнулась и бросилась на него. Конечно, он был быстрее. И, естественно, женщина в белом это знала. Он выбросил руку вперед и отнял у нее нож прежде, чем она подумала о правильном движении. Все-таки Саммер быстро схватила веревку с его стороны. Он был слишком удивлен, чтобы оттолкнуть ее, когда веревка сдавила его затылок, заставляя склониться вниз. Потом его рот оказался очень близко. И Саммер больше не знала, что она на самом деле задумала. Она до мозга костей была женщиной в белом, вцепилась в него со всей своей силы — и поцеловала.

«Что я делаю?» — мелькнуло в голове у Саммер. — *«Я совсем не хочу убивать его, я...»* Но было поздно. Ее губы коснулись его, и она так сильно пыталась отступить — женщина в белом так крепко обняла его шею и затылок, как будто не хотела его больше отпускать. В этом не было абсолютно ничего общего с тем, что произошло между ней и Норетом. Это не было темным и могущественным. Это походило на искрящееся море из красного цвета, волны которого увлекали Саммер за собой, и в которых она могла утонуть.

Следующее потрясение было осознанием того, что Женщина в белом вообще не хотела его убивать.

К ее ужасу Кровавый Мужчина после первого удивления обнял ее и притянул к себе. Чтобы ножом ударить ей в спину?

Вместо этого... он вернул поцелуй полный страсти и отчаяния. Все то, что как она считала, она когда-либо знала о себе, сгорело в одном вихре из цветов и вспыхивающих воспоминаний. Это не были картины его жизни, которые она воспринимала — как это было у Норета. Они были ее! Ее сердце билось как сумасшедшее и колени ослабели, однако мужчина, которого она не хотела убивать и продолжала обнимать, в то время как лезвие его ножа лежало между ее лопаток. И потом она не могла ничего другого, как вернуть поцелуй, который неожиданно стал для них совместным. Удивившись, она поняла, что была в его руках кем-то другим. Теперь она была Саммер в белой одежде: сильная и дерзкая как воин, подлая и трусливая как воровка: женщина, которая боялась и пыталась бороться, которая любила и смеялась, и танцевала. Она тонула в его поцелуе и как умирающий от жажды пила прошлое с его губ, и это были воспоминания о...

«... однажды в зимний день, когда он пытался научить ее уворачиваться от шпаги, и они, в конце концов, со смехом целовались в снегу. Снежинки в его волосах и...»

«...его кожа, которая пахла дымом кедрового костра прошедших веков и горстью...»

«...синие зимние цветы, которые он приносил под рубашкой, чтобы подарить ей ...»

«...его руки без перчаток и пальцы, которые танцевали на струнах гитары, и его голос, который пел о двоих людях в картонном домике. И ещё...»

«...его шрамы на руках, легкая шероховатость под ее губами. И нежность, с которой...»

...теперь его рука погладила ее по щеке, когда они неохотно медленно прервали поцелуй. Кожа перчатки была теплой на ее коже, и она прижалась щекой к его руке. Где-то в глубине себя самой она знала, что она боялась его рук, но больше не понимала почему. Она видела только его глаза: серые как чистая горная вода, в глубине которых светилась зелень водорослей и тайн. Там больше не было никакой ненависти, только боль, намного старше, чем человеческая жизнь, которая сделала ее печальной.

Она провела по шраму на его скуле и на мгновение зажгла улыбку на ее лице.

Ее руки скользнули на его грудь и остались лежать там.

«Я знала его, когда он был счастлив, Я так часто видела его смех, я...»

Она насторожилась. Под ее рукой была мокрая рубашка и тепло его кожи, дыхание и шум крови, но...

Её улыбка погасла вместе с его... *«Никаких ударов сердца!»*

Она убрала руку, как будто коснулась чего-то запрещенного.

— Я не могу тебя убить, — прошептала она. — Ты... ты уже мертв!

Он так сильно стиснул зубы, что заходили желваки. С его лица исчезла вся нежность. Он отпустил ее и оттолкнул. Он торопливо стряхнул веревку, которая еще обвивала его шею, и широкими шагами пошел к лошади.

— Что произошло тогда? — крикнула она ему в спину.

Однако он не оглянулся, и она испугалась, что он ее здесь оставит — с воспоминаниями и тысячей вопросов, на которые только он мог ответить. Лошадь испугалась от того, что он грубо схватил поводья.

— Эй! Индиго! Я спросила тебя кое о чем!

Как и следовало ожидать, это имя заставило его отреагировать на ее оклик. Он обернулся. Она была уверена, что он набросится на нее и ударит, но она знала, что никогда снова перед ним не отступит. Он перевел дыхание, чтобы бросить ей что-нибудь в ответ — когда его взгляд отвлекся на что-то, что происходило позади нее. За один вдох его лицо стало пепельно-серым. И прежде чем она смогла повернуться, он подскочил к ней и потянул к земле. Саммер задохнулась, когда он всем весом прижал ее в мох. Где-то вдалеке она услышала глухой удар, потом он схватил ее за плечи, скатился с нее и снова сильно потянул. Только на несколько сантиметров в сторону — туда, где они только что находились, в землю воткнулся... гарпун? Вот только на его скошенном ребре с обеих сторон были нанизаны акулы зубы, которые были крепко затянуты ниткой, и образовывали смертоносно острые зубчатые края.

Секунда, в которую она бросила влево взгляд, растянулся к вечности.

Это были трое нападающих — они стояли на одной из скал и смотрели на них сверху. Это были люди, или, по крайней мере, человекоподобные — однако, их кожа была белее, чем снег, почти полупрозрачная, и их глаза сверкали морем цветов. Здесь, посреди скалы и мшистой зелени, они казались особенно неуместными, как фальшивые элементы.

Она едва ощутила, как вскочил Кровавый Мужчина, как загипнотизированная она наблюдала за существами.

Пятнистая тюленья шкура с нашитыми украшениями («из рыбьей чешуи?») сверкнула на солнце, когда самый большой из низ ловким прыжком спрыгнул со скалы, без труда бодро смягчил удар и снова выпрямился.

Рядом с Саммер пронзительно заржала лошадь. Она увидела закатившиеся глаза и прижатые уши. Когда она поднялась на ноги, животное испуганно метнулось в сторону и пыталось ее схватить, но Кровавый Мужчина все же безжалостно им управлял прямо рядом с ней и сдержал его.

— *Tanahe!* — шипело существо и указывало на Саммер.

— Поднимайся! — приказал Кровавый Мужчина. Она схватила его правую руку и позволила ему затащить себя в седло.

В тот же самый момент, когда двое других нападавших бросили в ее направлении копьа-акулы, Кровавый Мужчина резко развернул лошадь и погнал ее с места галопом. Саммер пальцами вцепилась в гриву. Вода высоко взметнулась брызгами, когда лошадь одним махом прыгнула в ручей и поплыла против течения. Следующее акулье копье попало в воду и погрузилось в нее как смертоносная хищная рыба. Внезапно русло ручья стало мелким. Стремена неудержимо двигались у ног Саммер, и больно ударяли по ее лодыжкам, однако рука Кровавого Мужчины лежала вокруг ее талии и удерживала от того, чтобы она выскользнула из седла.

— Нагнись! — крикнул он ей в ухо, и она подчинилась и услышала только свист, когда мимо нее промахнулись. Потом она видела только то, как они бросились напрямик к водопаду. — Нет! — воскликнула она. — За ним скала...

Затем вода окатила их, насыщая водой каждый сантиметр ее волос и кожи... и также внезапно снова рассеялась. Лошадь бежала дальше. Стук копыт разносился отрывистым нерегулярным эхом. И когда Саммер с удивлением осмотрелась, то она поняла, что они скачут по тоннелю, созданному человеческими руками. Через отверстие в стене падал солнечный свет и тени ивы. «*Это короткий путь, по которому он меня догнал*», — подумала она. — «*Он ехал прямо через водопад*».

Затем они проехали это пришедшее в упадок место в туннеле и погрузились в сумрак, казалось бы, бесконечного пути. Только через некоторое время Кровавый Мужчина направил лошадь медленнее, пока, наконец, она не упала в измученном и нервном движении. Только сейчас Саммер заметила, что она дрожала всем телом.

— Что это было? — спросила она слабым голосом. — Звериные бегуны?

— Нет. Tandraj, — пробормотал он. — Они живут там, где есть вода — в скалистых пещерах фьордов. Как правило, люди никогда не видят их лиц. И если встречаются, то тогда они безобидны. Но против тебя они, очевидно, что-то имеют.

Саммер молчала. Он все еще ее держал — его рука вокруг ее талии. Дыхание, которое касалось ее щеки — *«и никакого сердца»*.

Много долгих ударов копыт она боролась с собой, чтобы задать ему вопрос, ответ на который она вероятнее всего знать не хотела. Но она должна была признаться себе, что была трусливой. *«Слишком малодушной, чтобы услышать из его уст, что в прошлом он, может быть, был не единственной жертвой?»*

— Ты... не сжег театр дотла, — вместо этого едва слышно сказала она.

— Какого черта я должен был убивать невинных людей или сжигать их дома? — недовольно ответил он. Его рука на ее талии сжалась в кулак. И она почувствовала между ним и собой пропасть, которая была так велика, что четыре человеческих жизни не были бы достаточными, чтобы ее преодолеть. Ей стоило огромного мужества, чтобы снова к нему обратиться: — Я не виновата в твоих шрамах. Но виновата в том, что... твое сердце больше не бьется?

Лошадь внезапно остановилась и встряхнула головой, когда она снова вцепилась в гриву. Кровавый Мужчина отодвинул ее от себя, и она не сопротивлялась, когда опустилась из седла. Острые края гравия давили на ее ступни. Лошадь воспользовалась шансом и сразу же переместилась на несколько шагов в сторону, увеличивая расстояние между Саммер и собой.

Кровавый Мужчина не ответил. В полутемном тоннеле он был не более чем силуэтом.

— Мы... любили друг друга, не так ли?

— Я любил *тебя*, — ответил он грубо. — Только *ты* предала меня.

Саммер прикусила нижнюю губу. И груз старых обязательств на ее плечах стал бесконечно тяжелым. — Мне жаль, — тихо сказала она. — И я желаю, я хотела бы еще кое-что узнать об этом. Но я вспоминаю... о гитаре и голубых цветах, которые ты прятал под твоей рубашкой и...

— Прекрати, — в этот раз это не было командой. Боль заставила его голос тихо звучать и эхом отдавалась в ее собственной груди.

Он молчал так долго, что она несколько секунд сомневалась в том, что он вообще был еще здесь, и она не разговаривает всего лишь с фантомом.

— Куда ты хочешь меня отвести? — спросила она в тишину.

— В одно место, которое ты знаешь.

— Туда, где мы были счастливы?

Она ощутила, как эта фраза поразила его. Какой-то синий блеск скорби неожиданно растянулся в темноте.

— И что потом? — спросила она дальше. — Ты хочешь мне отомстить? За события, которые я не помню?

— Я хочу не мести, — ответил он хрипло. — Я хочу вернуть назад своё сердце.

Она вернулась, когда отвязали лошадь. Гравий и кремниевая галька с острыми краями разлеталась под ударами копыт и попала ей в плечо и щеку. Она испугалась и уже ожидала того, что кандалы на ее запястьях тут же натянутся и раздерут ее ноги, что они упадут и будут волочиться по гравию, однако она упала от того, что больше не была в кандалах. Она видела вспышки искр, которые копыта выбивали из земли, и не могла этого понять. Он позволил ей идти?

Стук голопа удалялся, перешел на рысь, пока, наконец, лошадь не остановилась. Саммер приготовилась бежать, однако на этот раз он ее не преследовал. Она могла ощущать его ожидание, движения в воздухе, мелькающие картины как зеркальные отражения, которые дрожали между ними в темноте и проходили. И она поняла, что он, в самом деле, в первый раз ей поверил.

Она нерешительно передвинулась одну ногу перед другой. Сделала шаг. И еще один. Нерешительно остановилась.

Это, по меньшей мере, не ощущалось искаженным, чем снова спастись бегством. Она искала ненависть, которую она ощущала еще вчера. И больше ее не находила.

Она осторожно двинулась вперед, пока ее шаги не стали немного увереннее. Под ее ступнями хрустел гравий, но очевидно он довольно хорошо слышал, чтобы знать в каком направлении она идет. И как только она достигла места, лошадь тут же пошла шагом.

Глава 14

Уста цвета слоновой кости

Она боялась того момента, в который снова при свете посмотрела бы ему в глаза. Может быть, поэтому девушка позволила расстоянию быть настолько большим, что она следовала только за отдаленным стуком копыт как слепая. Он не просил ее идти быстрее, и через некоторое время она предположила, что он был этому даже рад. Саммер была слишком далека от вопросов. Когда стук копыт внезапно прекратился, она вздрогнула от своих мыслей, однако потом увидела, что он только лишь покинул туннель.

Полуденный свет сделал конец туннеля сверкающими воротами в бесконечность, так как она будто смотрела в обратную сторону телескопа. Светящиеся миниатюрные картины: белый с зелеными пятнами луг, на котором тает снежный слой, и за ним глубокую кобальтовую синь Северного моря. Контур Кровавого Мужчины вырисовывался впереди — черный всадник из далекого прошлого. Он как будто почувствовал ее взгляд, придержал лошадь и подждал ее. Саммер опустила голову и рассматривала свои ноги, которые все также не замерзали, и повертела в руках маленький камешек, лихорадочно ища правильные слова.

Она настолько в это погрузилась, что не сразу обнаружила шум. Резкий звук среди далекого крика чаек. Она остановилась. Предупредительный крик, нет, рычание. И дальше... выстрел? Раздалось пронзительное ржание, потом галопом проскакала лошадь без седока, как теневой силуэт на фоне выхода из тоннеля. Раздались еще выстрелы — и Саммер побежала.

Это была как сцена из кошмарного сна, в котором она бежала так быстро, как могла, но вряд ли достигала места. Её сердце стучало в горле и болело при каждом вдохе, и, тем не менее, казалось, что выход из туннеля не приближался ни на метр. Только становились громче шумы. Гвалт и рев команды. И когда она, наконец, смогла увидеть, что происходит снаружи, то сразу же укрылась в защитной тени края туннеля. Слева от нее. Следы копыт и

вздрыбленная земля. И в нескольких метрах в неглубоком укрытии скалы корчился мужчина без сердца и пытался перезарядить винтовку только одной рукой. Другую он сильно прижимал к груди. Оттуда текла кровь между его пальцев и рисовала красные узоры на снегу. Саммер закрыла рот рукой, но видимо издала какой-то ужасный крик, потому что он взглянул вверх и обнаружил ее. В его чертах промелькнуло беспокойство.

— Назад! — прошептал он одними губами. — В тоннель!

Потом его лицо побледнело, винтовка выскользнула из его рук. Задышавшись, он глотал воздух, свалился и остался неподвижно лежать в стороне.

— Кончай с ним! — беспристрастная команда, которая возникла справа. Четверо мужчин. Черные лица, черно-серая форма. Солдаты Леди, которые теперь выступили на свободное пространство. Один поднял винтовку. Не осталось места для плана или благоразумной мысли. Даже для страха.

— Подождите! — крикнула Саммер и побежала к раненому. Она упала рядом с ним на колени и загнула его левый рукав. Боковым зрением она увидела, что правый рукав высоко сдвинут. Страх сковал ей грудь, когда она вспомнила о второй татуировке — липовый лист лорда Теремеса — но потом обнаружила, что она исчезла.

— Он один из нас! — закричала она и высоко отодвинула левый рукав, пока не стал заметен знак лилий. Тяжело дыша, она остановилась. *«Это было самое глупое, что ты могла сделать»*, — мелькнуло у нее в голове. — *«Они застрелят нас обоих»*.

Однако действие ее слов превзошли все ее ожидания. Оружие опустилось вниз так быстро, как будто бы солдату приятнее было бы отбросить его от себя. Четверо смотрели на нее так, как будто бы видели призрака и неожиданно прозрели. Потом они отвели взгляды и поспешно удалились. В затылке Саммер началось покалывание. Теперь кровь отлила от ее щек. *«Позади меня?»* У нее начиналась паника. *«Тандрай? Они следовали за нами через туннель?»*

Кровавый Мужчина застонал, однако она предостерегающе положила руку ему на плечо.

— Не двигайся, — шепнула она ему. Осторожно она искала на ощупь его нож и затем вытянула его из набедренной кобуры. Потом схватила рукоятку ножа так крепко, как могла, и повернулась.

Она ожидала всего, только не маску из отшлифованного малахита.

Мужчина, который ее носил, был строен и высок. Он не был солдатом, уже само его самообладание показывало, что ему не нужно было защищать себя с оружием. Он был похож на лорда. На его строгой рубашке со стоячим воротником блестели серебряные кнопки. Края его узких брюк едва прикрывали босые ноги. Однако, несмотря на маску и его дорогую одежду, она узнала бы его везде. Она не знала, должна ли была испытать облегчение или расслабиться. Только когда он подошел к ней, она вспомнила, почему сбежала от него. Она вскочила и выставила навстречу ему нож. Девушка только хотела, чтобы ее рука при этом не дрожала.

— Ни шагу дальше! — выплюнула она ему навстречу. — Чем бы ты ни был, оставьте тело нам.

«Нам». Последний раз, когда она использовала это слово как само собой разумеющееся, она подразумевала под этим Анжея. Это было почти смешно.

— Это он? — спросил Анжей и указал на лежащего. — Кровавый Мужчина?

В его обычной приветливости было что-то опасное. Было странно, что маска не

смягчила его голос. Саммер ясно слышала слова как будто прямо из каменного рта.

— Конечно, нет! Он только солдат.

«Все-таки я не забыла, как лгать». И с резким сарказмом она добавила:

— Кровавый Мужчина выполнил свою задачу уже в Анаканде. Ты должен лучше знать об этом. В конце концов, ты заплатил ему за это, чтобы снова загнать меня обратно в твои объятия. Это был один из игроков в карты?

— Да. И он стоил денег, — спокойно ответил Анжей.

Саммер стиснула зубы.

— Почему ты это сделал? — выдавила она.

— Это была единственная возможность уговорить тебя идти вместе.

— Уговорить! — она выплюнула это слово полное пренебрежения под ноги. — Леди Смерть приказала тебе найти меня, не так ли? Что вы хотите от меня?

Анжей рассматривал нож. Несмотря на маску, она видела, что его глаза сощурились. Она бросила беспокойный косой взгляд на солдат. Но никто из них не двинулся, чтобы вмешаться. Они стояли на расстоянии, по-прежнему напряженно стараясь не рассматривать Саммер. Как ни странно, они были смертельно бледные. У одного из них с виска стекала капля пота. «Как будто они смертельно боялись».

Итак, это был вопрос между ней и Анжеем. Это было как будто бы она участвовала в игре абсолютно причудливой пьесы, не зная у кого там была какая роль. «Мужчина, который целовал меня и укутывал заботой как коконом — мой враг! И того, кто несколько часов назад тащил меня связанной за собой, и угрожал мне тем, что убьет, теперь я защищаю с обнаженным кинжалом».

— Как ты смог найти меня? — спросила она.

— Ты хотела найтись. Я услышал твой призыв. Ты была в беде и пожелала, чтобы я пришел тебе на помощь.

Девушка вспомнила, что действительно на одно мгновение она пожелала, чтобы Анжей был с ней.

— Ты отчаянно звучала, — продолжил Анжей приветливым голосом, который теперь ее пугал. — Ты действительно уверена, что твой солдат не имел к этому никакого отношения?

От «гусиной кожи» на ее руках стоял каждый волосок. И она слышала внутри себя предостерегающий голос, который говорил ей, что она должна была похоронить каждое воспоминание о днях с Кровавым Мужчиной и поцелуй в самых глубоких уголках своего сознания.

— Конечно, я была в отчаянии! Потому что солдаты лорда Теремеса наступали мне на пятки. Он спас меня от них. И в благодарность за это вы его застрелили?

Сама того не желая, она сказала это громко.

Анжей поднял руки, как будто он сдавался. Она знала этот ироничный жест. Как часто он шутил с ней, и теперь ей было больно это видеть.

— Тебе не нужно кричать на меня, Саммер. Что я тебе сделал?

— Спроси Морт, что ты ему сделал, — ответила она твердым голосом. — Леди Смерти приказала тебе также идти по трупам?

Сейчас она с удовольствием увидела бы его лицо, но маска скрывала каждое движение. Только его тон передавал, что он заметил ее ярость.

— Ты... это поймешь, — тихо ответил он. Он подал рукой знак солдатам, и они бросились оттуда, как будто только и ждали того, чтобы смочь удалиться от Саммер. —

Иногда все совсем не так, как кажется, — добавил Анжей.

Он указал вправо, в сторону моря. Саммер не решалась следовать за его приглашением. Что, если он хочет перевести разговор на другую тему, чтобы достать нож? Только когда он демонстративно отошел на несколько шагов и скрестил руки, она осмелилась оглянуться.

Нескончаемая лужайка вела прямо к вершине фьорда. А на фоне сверкающего дождливо-голубого моря прямо по плоскогорью шла женщина. Княжна? Её сопровождали несколько мужчин. Офицеры, возможно, тоже лорды. Серебряные вышивки сияли на гладкой коже и вышивке. В противоположность этому, платье женщины выглядело простым. Как и Анджей, она также носила маску. Отполированная медь сверкала на полуденном солнце. Порыв ветра растрепал ее каштановые локоны и развеивал ее одежду — черный как ночь шелк без каких-либо украшений.

Женщина на ходу остановилась, когда обнаружила Саммер. Она глубоко вздохнула, как будто бы должна сдерживать себя, однако снова обратилась к своим спутникам. Саммер в замешательстве сдвинула брови. Она... знала женщину! Этот жест, которым она небрежно, но настойчиво указала спутникам удалиться, вздернутый подбородок, линия плеч.

После того, как мужчины ушли, женщина повернулась — и сняла маску.

Нож выпал из руки Саммер и воткнулся в снег. Время перевернулось, закружилось в небе и упало назад на Саммер.

— Бельен! — прошептала она сдавленным голосом. И девушка, чьё подобие она напрасно и тоскливо искала в Анне, в Мие и Хариссе и всех других женщинах, которых она знала, отбросила все королевское в своей осанке и начала бежать.

— Тйамад! — кричала она. — Тйамад!

В следующее мгновение они обнялись. И Саммер закрыла глаза и зарылась в волосах Бельен. Сцены совместного времени снова просыпались к жизни. *Две девочки в сером дворце, шепча, рассказывали себе чужие истории, желая самим испытать все это. Подруги, которые нарушили правила Зори и тайком пели песни для людей.*

«Зоря!» — ее снова охватил радостный ужас признания. «Это я! Нет... это мы!»

— Зоря, — повторила она. Слово со вкусом дома и полной защищенности как в давно забытые времена. Тоска по родине, говорил Анжей в Анаканде — внезапно она поняла, что он подразумевал под этим.

— Наконец, ты снова дома, — шепнула Бейлен. — Я никогда не думала, что ты умерла. Я всегда знала, что ты вернешься! — и серьезно добавила, — Анжей сообщил нам, что ты все забыла. Но ты не должна бояться, у тебя есть я. Я расскажу тебе все. Ты вспомнишь.

«Дома». Тем не менее, девушка не решалась пользоваться этим словом. Это было слишком чуждо и так мимолетно, что она боялась, что сейчас очнется из своей мечты и снова останется в одиночестве.

Кровавый Мужчина застонал и пришел в себя, но прежде чем его рука на ощупь нашла винтовку, Анжей уже был возле него и убрал оружие.

— Он не может умереть! — шепнула Саммер Бельен. — Он спас меня от воинов лорда Теремеса! И от Тандрай. Они убили бы меня, если бы его не было.

Бельен округлила глаза. Она осторожно высвободилась из объятий Саммер и снова надела маску. Потом что-то достала из складок своей одежды. Мягкое, светлое творение, уже слегка пожелтевшее по краям и такое тонкое, что через него просвечивался свет.

— Твоя маска, — сказала она Саммер и прижала ей тончайшее лицо из слоновой кости к коже. — Это первый закон, о котором тебе нужно помнить: мы никогда не показываем

наше лицо человеческим слугителям.

Саммер почувствовала головокружение. Прохладный материал прижимался к ее щекам и лбу, и вбирал в себя мерцающее тепло ее кожи — как будто она на самом деле была его частью. Постепенно она догадалась, почему она была в театре Морта единственной, кому нравилось носить маску.

Как издавека она слышала голос Бельен. Привыкший командовать и звучащий теперь властно. Она выкрикнула имя. И к безграничному удивлению Саммер подошел седой лорд и низко ей поклонился.

— Позаботьтесь о раненых! — приказала Бельен. — Арестуйте его и перевяжите его рану. Но не трогайте его и пальцем, понятно? Ты отвечаешь своей жизнью за то, чтобы с ним ничего не произошло. Леди Тьямад хочет допросить его позже.

«Леди Тьямад».

Саммер смутно вспомнила о том, что Анжей уже один раз произносил ее имя — тогда, когда она нашла его на балконе. *«Итак, мы все-таки были знакомы. С самого начала».*

Кровавый Мужчина, наконец, пришел в себя и изо всех сил боролся, когда несколько солдат подскочили к нему, но рана ослабила его и, в конце концов, с ним справились. Саммер внутри кольнуло от боли, что увидела на его лице.

«*Не сопротивляйся!*» — хотела она ему крикнуть. — «*Подожди, я помогу тебе!*» — но Анжей все еще находился рядом и подозрительно за ней наблюдал. И поэтому она не показывала никакой реакции, а просто стояла и наблюдала, как двое солдат потащили раненого прочь. «*Он не умрет*», — пыталась успокоиться она. — «*Он не может умереть, он только ослаб*». Однако, взгляд, который Кровавый Мужчина бросил ей через плечо сквозь запутанные пряди волос, поразил ее в самое сердце. Обвинение, яростный вопрос. Она знала, что сейчас он думал, что все дни с ним она лишь притворялась, чтобы выиграть время, пока другая Зоря ее найдет. «*Потому что ты убила меня! Тысячу раз и больше*», — слова эхом отдавались в ее воспоминаниях. Она смутно подозревала, что возможно, у него и в самом деле, было больше причин убить ее, чем целовать.

Она судорожно сглотнула и вдруг беспредельно обрадовалась, что имела возможность спрятаться за маской.

Бельен снова подошла к ней.

— С ним ничего не случится, — в ее голосе Саммер услышала улыбку. — У тебя позади длинный путь, маленькая сестра.

Возможно, именно это слово, может быть лишь сочувственный тон Бельен, но теперь с нее спал последний остаток напряжения. Позади осталось бескрайнее истощение и, наконец, подавляющее и оглушительное чувство достижения цели.

— Как долго... я отсутствовала? — робко спросила она. «*Я не чувствую онемения даже во время разговора на моих губах!*»

— Измеряя человеческими годами? Двести лет, — ответила Бельен так равнодушно, как будто говорила о мгновениях. — Я так долго хранила твою маску. И иногда я говорила с ней так, как будто ты могла меня слушать, — она засмеялась и обняла Саммер за плечо. — Пойдем, — шепнула она ей, — Леди Мар ждет тебя.

***

Небольшая флотилия моторных лодок, которые сопровождали конвой, разрезали воду острыми килями. Пока они скользили, носовой волны почти не было — пока не оставили позади фьорд, а затем поехали вдоль длинного удаленного участка суши, рассеченного

трещинами морского берега. Как ни странно, Бельен и Саммер сидели в самой маленькой лодке. Не намного больше, чем плоская шлюпка, с крошечным двигателем, которая сидела ужасно глубоко в воде. Только у них был лодочник. Саммер потеряла счет времени. Как будто она сама собой двигалась в тумане, и явственно воспринимая только Бельен. Но на все ее вопросы Бельен с сожалением качала головой.

— Леди Мар не хочет, чтобы мы говорили друг с другом, прежде чем она не поговорит с тобой. Она даже не хотела, чтобы я приводила тебя в цитадель, но я и представить не могла, чтобы не забрать тебя самой.

— Почему она этого не хотела?

Бельен пожала плечами, Девичий, беспечный жест, который не совсем соответствовал ее королевской роли.

— И ты вспомнишь быстрее о том, что тебе дорого, Тьямад. Настоящих друзей, как правило, не встретишь среди Зори. Ничто человеческое не должно отвлекать нас от нашей задачи.

— Приносить смерть?

Бельен кивнула и положила указательный палец на отполированные бронзовые губы ее маски. Все же, при этом она заговорщицки подмигнула Саммер. *«Тем не менее, мы были друзьями»*, — подумала Саммер. — *«И это еще мы. Мы обе не послушались»*. И по какой-то причине она должна была улыбнуться.

Девушка огляделась, пытаясь угадать, на какой лодке находился Кровавый Мужчина, но потом Бельен призывно сжала ее руку, и указала на Север. И там была только цитадель.

— Ты видела раньше что-то подобное? — прошептала Бельен.

Саммер могла только безмолвно качать головой. Она представляла себе крепость, но то, что стояло у самой оконечности полуострова, пугало ее и сразу очаровывало. Огромный военный город, который производила эффект угрожающей скульптуры из стекла, стали и полированного камня. Восемь высоких небоскребов без единого окна устремлялись головокружительно высоко в небо. Самые удивительные были меньшего размера — а также тот факт, что трещины в некоторых зданиях придавали им форму сот. Стены были настолько чистыми, что в них отражались море и небо.

Девятое высотное здание в середине было приземистым и напоминало, скорее, спальню. Оно возвышалось в облака выше всех. На его вершине было сооружение, похожее на ротонду. Округлые каменные стены, в форме пропорционального тюльпана, надежно закрывали что-то особенное. Здание было единственным, где было окно. Саммер не могла сильно запрокинуть голову назад, чтобы смочь посмотреть до самого верха. Только крепостные стены, которые поднимались ввысь из скал прямо перед ней, казалось, были сорокаметровыми. Она могла только догадываться о высоте домов. Сто пятьдесят метров? Двести? Под небом с плывущими облаками это выглядело так, как будто военный город раскачивал стены изнутри.

Как архаичное отличие, напротив появилась бескрайняя нива острых как зубы скальных пород, которые возвышались над водой возле полуострова. Лодки маневрировали среди них, выполняя сложный план. Был отлив, пахло морскими водорослями и морским грунтом. Однако водовороты и течения наступающего прилива толкали лодки опасно близко к скалам. В нескольких местах солдаты схватили весла и держали лодки на безопасном расстоянии. Постепенно патрульные катера удалились, пока самая маленькая лодка не скрылась с глаз от треугольной скалы в направлении обрыва.

— Мы на них не наедем? — спросила Саммер.

Однако Бельен качала головой.

— Морской отлив благоприятствует. Мы выберем прямую дорогу.

Двигатель был выключен, и тогда сильное течение понесло лодку с собой и вынесло ее точно на широкую расщелину, которая выглядела как тонкий рыбий рот. Во время прилива она, конечно, находится под водой.

— Держись крепче и пригнись, — сказала Бельен.

Саммер затошнило, когда водоворот увлек лодку. Прежде чем повиноваться, она бросила последний взгляд в сторону. Неужели она еще увидит погруженные в воду акульи плавники? Но то, что она видела сейчас, было настолько невероятно, что девушка была уверена в том, что грезит. Посреди одной из скал, увенчанной зубцами, сидел ребенок. Девочка, не старше шести лет, с дикими черными мокрыми кудрями, которые приклеились ко лбу и плечам как витое украшение. Ее глаза были пугающе яркого, почти нечеловеческого синего цвета. Малышка пристально не моргая смотрела на Саммер. Но самое странное было в одежде. Чешуя светилась в дневном свете. Ребенок был покрыт рыбьей кожей. Только лицо и шея были голыми. Лодка рывками перемещалась в сторону. Саммер прижалась к Бельен. И когда она вытянула шею в сторону камня, ребенок уже исчез.

— Ты видела это? — спросила она. — Там была девочка!

В тот же самый момент потемнело, только покалывание в ее животе заставило почувствовать падение. Лодка набирала обороты и вращалась вокруг себя. Пахло гниющими водорослями и ракушками. И все эти звуки раздавались эхом.

— Не волнуйся, — сказала Бельен. — Мы уже почти на месте.

Конус света фонаря скользил по черной отмели из раковин морских моллюсков и гладкой воде. Мелькающие тела акул бросали тень на каменное дно глубоко под водной поверхностью. Лодка дрейфовала дальше и оказалась в большом зале. Огромном подводном соборе. С потолка свисали сталактиты. Рельефы, которые оставили в скальных стенах приливы и отливы выглядели как искаженные сводчатые окна. Водяные пятка также напоминали лица с запавшими глазами. Странную иллюзию дополняли мокрые бороды из странных водорослей.

— Здесь мы это называем Храм Акул, — тихо сказала Бельен. — До Храма можно добраться только несколько недель в году, и только в короткий промежуток времени, когда вода во время отлива такая же глубокая как сейчас. И для этого нужна особенная плоская лодка.

В этот момент лодка ударилась о деревянный причал, который выступал на середину бассейна. Бельен поднялась.

— Пошли! — сказала она. Саммер схватила ее за руку и пыталась не смотреть на воду. Дюжина акул кружила вокруг лодки и причала. Серые тела, чья грубая кожа скреблась о корпус лодки. Матовые рыбы глаза, казалось, выжидательно за ними следили.

— Ты видела ребенка? — прошептала она Бельен. — Она стояла на скале.

— Ребенок? Нет, должно быть, это воспоминание, — ответила удивленно Бельен. — Никто не смеет быть здесь. И никто не выживет так близко к храму акул, лазая по скалам. Король, который строил эту цитадель, держал акул, как стаю сторожевых собак. До сегодняшнего дня их кормят и учат сторониться людей. Они приучаются питаться тем, что падает в воду возле крепости. Возможно, мы слишком близко к ним, хотя животные чувствуют приближение смерти и боятся. Так что держись рядом со мной!

Дорога вела через узкую, вырубленную в скале лестницу, которая предлагала пространство только для одного человека, в головокружительной высоте. Сверху купель акул выглядела еще таинственнее. И за следующим скалистым сводом таинственно мерцало что-то золотистое.

— Это... корабль? — отражающееся эхо окружило Саммер со всех сторон.

— Золотой баркас леди Мар, — прошептала Бельен, не оглядываясь.

Потом она выключила фонарь. Передвигаться в темноте было тягостно. Саммер предположила, что они поднялись вверх ступеней на двести или больше. Ее пальцы скользили по округлой кирпичной стене, которая справа от нее поднималась ввысь. Звучный гул генераторов раздавался эхом откуда-то. Ее ноги были настолько тяжелыми, что она была уверена, что в любой момент упадет, но стиснула зубы и на ощупь искала дорогу все выше, как в лихорадке.

Ошеломленная она осталась, не двигаясь, на месте и тяжело дышала. «Я... действительно дома?» Но облегчение не наступало. Да и радость тоже.

— Ну, наконец-то! — сказала седоволосая женщина в маске из черного эбенового дерева. — Проводите ее наверх.

Глава 15

Трибунал

Она не помнила, какими путями ее доставили в центр цитадели. Слишком много рук трогали и несли ее. Слишком много коридоров разветвлялось, слишком много зеркал ослепляло ее. В ее голове эхом повторялся щелкающий звук механического лифта, также ей казалось, что она видела море. И вот девушка снова оказалась в довольно скромно обустроенном зале. Стена по всему периметру здания состояла из своего рода затененного стекла, сквозь которое невозможно было посмотреть наружу. Вместо этого, в нем отражалась темно-серая поверхность. Саммер удалось разглядеть в нем себя — потрепанная фигура в штанах, покрытых засохшей грязью и куртке моряка. Маска из слоновой кости наряду с растрепанными, спутанными волосами была также неуместна как какая-нибудь ценная вещь, валяющаяся среди сорняков и мелких зарослей.

Возможно, раньше зал был алтарем. По крайней мере, пол украшала черно-белая мозаика, представляющая собой святого Стикса. Казалось, серебристые глаза с портрета с укором смотрели на Саммер. Лорды и слуги, находившиеся в помещении, видимо испытывали глубокое уважение по отношению к святыне. Они следили за тем, чтобы не наступать на мозаику. Зоря напротив не проявляли к ней особого уважения. Они голыми ногами стояли на лбу святого, его седых волосах и плечах. Саммер сглотнула, увидев бесчисленные, ничего не выражающие маски. Их было 50, а может и 100. Станным было то, что никто из них не сказал ни слова. «Почему они не приветствуют меня? Почему никто не рад меня видеть?»

Она не услышала шагов, когда толпа разделилась. Люди низко поклонились и только личности в масках остались стоять прямо. Бельен обняла ее за талию и прижала к себе.

— Не бойся, — прошептала она ей. — А если боишься, не подавай виду.

Саммер хотелось сказать, что ей было бы легче прислушаться к ее совету, если бы рука Бельен так не дрожала. Однако она промолчала, когда вошла Леди.

Как и во сне Саммер, у нее были рыжие, кудрявые волосы. Можно было предположить, что под железной маской скрывается молодая девушка, однако она ходила по рядам

целестремленно и плавно, как настоящая охотница. Саммер не сомневалась, что она была босой, но ее ноги скрывались за длинной, черной накидкой, шелестя волочившейся за ней по мозаике. Ее руки тоже были спрятаны под черными, бархатными перчатками.

Леди Мар остановилась на правом глазу святого, прямо посреди серебряной радужной оболочки. Ее глаза, единственное живое место на строгом железном лице, были будто из серого дыма, а ее взгляд был острым как копьё из льда. Саммер не выдержала и опустила глаза.

— Уйдите, — сказала Леди Мар. Ее резкий голос, как удар хлыста эхом отозвался в зале. Началось поспешное шарканье ног и волочение одежды по полу. И когда Саммер собралась с мужеством и осторожно подняла взгляд, она увидела, что люди покинули помещение. Остался лишь строй замаскированных личностей в черных одеждах. *«Как траурная процессия»*, — содрогнувшись, подумала она. *«Но почему они были такими равнодушными? Я же принадлежу к ним!»* Внезапно ее душу пронзила тоска по родине, нахлынувшее желание принадлежать к этому обществу, и печаль от того, что они все-таки держали дистанцию.

— Спасибо, Бельен, — сказала Леди Мар без тени дружелюбия в голосе. Бельен заметно медлила, но затем все же отпустила руку Саммер и встала к остальным посреди подбородка и рта Стикса. В толпе Саммер обнаружила зеленую маску Анжея. По его глазам она не могла понять, смотрел ли он на нее враждебно или сочувствующе. Леди Мар подошла к ней и сердце Саммер учащенно забилося. Женщина-смерть не источала никакого телесного запаха, от ее одежд исходил лишь запах пепла. Она медленными шагами ходила вокруг Саммер.

Саммер не могла не вспомнить маски из театра и слова чтеца: *«И опустился король в объятия Леди Смерти. Вниз, в подземный мир, с нетерпением ожидающий, когда погаснет огонь его солнечной короны»*.

От страха ее прошиб холодный пот. Она искала женщину в белом, но та спряталась где-то в укромном уголке ее души и не издавала ни звука.

— Что ты видишь, Тьямад?

Леди Мар остановилась прямо перед ней. Так близко, что Саммер почувствовала холодный, металлический запах железной маски. Это от подавляемой ярости в ее голосе были деловые нотки?

Саммер пыталась сглотнуть, но ее горло так пересохло, что в нем чувствовалась боль.

— Маски, — с каким-то странным хрипом выдавила она из себя. — Черные одеяния.

Она не знала, было ли хорошим знаком то, что Зоря начали перешептываться и что-то бормотать. Махнув рукой, Леди Мар заставила их замолчать. Руки Саммер инстинктивно дернулись вверх, когда Леди протянула руку к ее маске из слоновой кости. Однако она опомнилась и позволила женщине-смерти снять с нее маску. Слоновая кость с грохотом упала на пол. Еще никогда она не чувствовала себя такой голой.

Затем Леди руками в перчатках сняла и свою маску. Раздался металлический звук, когда железо покатилося по мозаике и, качаясь из стороны в сторону, остановилось.

— А теперь? — тихо спросила Леди.

Саммер заморгала. Все волоски на ее коже встали дыбом, как будто она стояла в электрическом поле. Вторая реальность появилась так внезапно, словно кто-то в помещении включил свет.

Перед ней: серые глаза и кожа как будто из стекла. Такая прозрачная, что под ней

можно было разглядеть кости черепа. Зубы просвечивали сквозь верхнюю губу, скулы под прозрачной, бескровной кожей. Леди улыбнулась — это было пугающее двойное изображение жизни и смерти — и встала рядом с Саммер. Она сделала жест рукой, охватывая им всех остальных Зоря в помещении. Все схватились за маски и сняли их. И Саммер увидела.

Чернота исчезла, не стало никаких человеческих одежд. Перед ней стояли посланники смерти в их истинном облики. И большинство из них — улыбались ей! Чувство защищенности окутало ее словно объятие, как будто не было больше ничего, что отделяло ее от них. Саммер с трудом глотала, чтобы не заплакать. «*Поэтому я всегда искала театр, группы*». Но никакая преданность театральной труппе даже близко не могла сравниться с тем единением, которое она ощущала по отношению к другим Зоря.

Она рассматривала лица — молодые и старые. Мужчин были единицы, большинство из них были женщины. Многих невозможно было отличить от обычных людей, например Бельен. Но были и такие, которые походили на Леди Смерть. Застекленевшие личности с просвечивающими под кожей костями. Анжей не был таким своеобразным как они, однако, и у него она заметила легкую метаморфозу, которая так испугала ее в вороньем гнезде корабля.

Но у всех Зоря было кое-что общее. Со всей болью, вдруг воспламенившейся в груди, Саммер поняла сама того не осознавая, чего ей так не хватало каждую секунду ее кошачьей жизни.

Каждый Зоря обладал пульсирующим, крылатым плащом.

Бельен была укутана в переливающийся всеми цветами радуги блеск. Глядя на нее, начинали болеть глаза. Тысячи крошечных крыльев бабочек, чьи ряды образовывали драгоценный плащ золотисто-оранжевого цвета с маленькими, черными крапинками. Саммер вспомнила, как часто она называла Бельен «Червонец», в честь бабочки, у которой она позаимствовала эти цвета.

С глазами полными слез, она оглядывалась вокруг. Плащи не были похожи друг на друга. Были и узор стрекозы у Анжея, и матовый коричневый ночного мотылька, и цветное свечение голубянки.

Седовласый Зоря, которому принадлежала маска из черного дерева, носил плащ из тысяч черно-белых бабочек-галатей, глядя на которые Саммер немедленно вспомнила о Мойре. Также были плащи из темных красок траурницы, обрамленных желтыми краями, прозрачные крылья мух и тонкие крылья ос.

Краем глаза Саммер обратила внимание на какое-то движение. Пульсацию в толпе, которую она раньше не замечала. Посреди других, стоявших неподвижно, одна из Зоря медленно поднял руки над головой, скрестив запястья. Плащ закрылся перед ней как занавес, затем она растворилась в воздухе и исчезла. На одну, две секунды ее место оставалось пустым, потом она снова появилась и опустила руки. Воспоминание вернулось к ней внезапно, как будто Саммер и не забывала. Зоря ушла, следуя за зовом умирающего. Это плащ за долю секунды уносил их к умирающим, сквозь пространство и время, в любой уголок мира.

На нее с такой силой нахлынула боль, что она ничего не могла с ней поделать. Она появилась из глубины, осознание неправоты, кражи, глубоко ранившее ее Я. Она хватала ртом воздух, так сильно ее душила потеря. Отвернувшись от Зоря, не в силах вынести все это, она обнаружила перед собой Леди Мар. Повелительница смерти была укутана самым ярким

плащом из кожи. Это были тонкие, едва заметные крылья мухи-подёнки, мухи-однодневки. Миллионы мух, превращенных в прозрачное сияние. Это было чересчур.

Саммер закрыла лицо руками и издала звук, почти не имевший ничего общего с человеческим. Так звучало скопившееся за двести лет горе.

— Мой плащ, — всхлипывала она сдавленным голосом — Его нет! Там только... раны!

И как будто кошмар лишь после этих слов стал реальностью, она почувствовала места, с которых эта ценная вещь, которой она обладала, была отделена от ее тела. Это были тонкие порезы на плечах и руках.

— Я знаю, — сказала повелительница смерти.

Саммер почти не почувствовала прикосновений рук Леди Мар, однако плащ из мух-однодневок охладил ее горящие рубцы и смягчил ужасную боль.

— У меня... тоже был крылатый плащ! Я одна из вас!

— Да, ты все еще Зоря, — ответила Леди Мар. Ее голос был как пепел и дым, нежным и мягким. — У каждого человека своя смерть, со своим именем. Плащ позволяет нам быть с ними и вернуться обратно. Но у тебя его кто-то украл.

Саммер сквозь слезы увидела, как очередная Зоря в толпе исчезла и снова вернулась. Пульс ухода из мира сего, которого она была лишена.

— Знаешь, кто это был? — спросила Леди Мар.

— Нет.

Леди Мар кивнула, как будто и не ожидала другого ответа, и руками обхватила лицо Саммер.

— Тогда вспоминай, — сказала она хриплым голосом.

Она наклонилась и поцеловала Саммер. У ее губ был вкус увядшей тысячи лет назад жизни. Саммер вспомнила, что поцелуй был настоящим элементом Зоря, знак признания, обладания и окончания.

«Осторожно!» — предупредил ее голос новой жизни. Это было лишь незначительное эхо, но оно удержало ее от того, чтобы совсем не забыться и не потеряться. И все-таки все сопротивление ушло из ее мускул. Веки отяжелели. И когда Леди Мар прошептала: «Покажи нам, что произошло. Кто сделал это с тобой?» воспоминания и рассказ стали одним целым.

— Я была... с Бельен в зале из серого камня. Замок на юге. Мебель, накрытая простынями, мы жили в пустых помещениях. Это было поздней осенью.

— Лиманай, — сказала Леди. — Летний дворец королевы, служившей мне в те времена. В том году мы останавливались там. А дальше?

Внутри Саммер что-то сопротивлялось. Как будто Леди посвятила фонариком в те углы, которые Саммер хотела скрыть от нее. Должна была скрыть. «Но почему?»

— Я... не знаю, — пробормотала она.

Руки в бархатных перчатках легли на ее плечи.

— Ты знаешь, — сказала она хриплым голосом. — Потому что ты там! Оглядишься вокруг.

У Саммер закружилась голова. Помещение начало вращаться, а когда она открыла глаза, то обнаружила, что находится...

«... в комнате. Ее звали Тьямад. И с ней была Бельен. Их маски лежали рядом на подоконнике, в то время как они наблюдали за лисицей, спящей по поляне под окном. Саммер окружал рой темных бабочек. Это были бражники «мертвая голова». Она знала, что они принадлежали только ей и были невидимы для Бельен. Так же как она не могла видеть червонцев своей подруги. Каждая Зоря обладала собственным роем, постоянно

окружавшем ее.

Задолго до того, как рой превратился в возбужденное, жужжащее облако, Тьямад слышала зов.

— Ламайя, — прошептал чей-то мужской голос. Она встала и улыбнулась Бельен, которая даже не подняла взгляд, зная, что Тьямад через несколько мгновений вернется назад. Тьямад подняла руки, чтобы плащ укутал ее будто лепестками пыльного, закрытого бутона тюльпана. Последнее, что она увидела, был крошечный узор в виде черепов, составленный из тысяч бархатистых крыльев, темно и светло-коричневого цвета, с вкраплениями золотисто-янтарного.

Она попала в уже знакомый круговорот. Из ее рта вырвалось дыхание, и с высокой скоростью закружило ее во времени и пространстве. Когда она снова смогла вздохнуть, то ощутила под босыми ногами не полированный паркет, а гладкий как зеркало мрамор. Она опустила руки и плащ распахнулся. Время в мире людей остановилось. Перед ней на кровати, похожей на пьедестал, лежал позвавший ее мужчина. Кровать находилась посреди парадного зала».

Странно, что в ее памяти его лицо имело размытые контуры. Но она знала, что он был слишком молод, чтобы умереть от старости. Он был тяжело болен, и страдал от температуры, от которой мог умереть.

«Сквозь белое шелковое покрывало, защищавшее больного от посторонних глаз, Саммер разглядела застывшую сцену, разыгравшуюся в помещении: смеющиеся рты, руки, поднятые в танце, юбки застывшие в движении. Музыканты, чьи музыкальные инструменты отражали свет от свечей. Гитара, отделанная перламутровой инкрустацией, виолы и литавры. Повсюду цветы, люстры и краски, ослепившие и заворожившие ее, как свет заворачивает мотыльков.

Тьямад наклонилась к умирающему, но когда ее губы уже почти коснулись его губ, она в нерешительности остановилась. В воздухе что-то завибрировало и продолжило звучать внутри нее, так расстроив ее, что ей хотелось и плакать и смеяться. Звук...? Нет, отголосок множества звуков, объединенных в одну симфонию. Она помедлила и нарушила первую заповедь Зоря: Никаких вопросов.

— Что это? — спросила она умирающего.

— Музыка, — ответил он слабым голосом. — И танец. Это жизнь.

Он умолял ее:

— Дай мне еще немного времени! Дай мне послушать только одну эту песню.

И когда она кивнула, нарушив тем самым вторую заповедь Зоря, танцоры снова начали двигаться, а музыка утопила Тьямад в светящемся каскаде звуков и доселе невиданных ощущений. Свет танцевал на лепестках роз и зимних астр. Их аромат овладел ею, а звуки музыки полностью наполнили ее. Насколько я должна быть пустой, чтобы вместить в себя все это? — думала она. Став видимой, она смешалась с танцующими. Люди попятились от нее. Она не вписывалась в общую картину — девушка с распущенными волосами, босиком и в черной одежде. Крылатый плащ был невидим для смертных и она больше не чувствовала его веса, когда вступила в центр этой музыкальной симфонии».

Лица людей в зале в ее памяти тоже были лишь пятнами. Сцена потеряла четкость, стала размытой. Саммер нахмурила брови. Внутри нее как будто была натянута пружина, так сильно, словно, она всеми силами пыталась что-то удержать. Болела голова.

Пальцы Леди Мар беспощадно, как клешни, сжимали ее плечи.

— Вспоминай! Что произошло потом?

Хватая ртом воздух, Саммер снова погрузилась в картины из воспоминаний.

«Прошло какое-то время. Она вернулась к постели больного, запыхавшаяся и счастливая, как будто и правда танцевала. Она с тоской посмотрела обратно в зал, но в этот момент больной слабым голосом попросил ее:

— Подари мне еще один день, госпожа. И я покажу тебе всю музыку, танец. Жизнь и свет, я подарю тебе все это!»

Испуг как ледяное дыхание заставил ее содрогнуться.

— Нет, — пробормотала Саммер. — Я не могла этого сделать! Я знаю правила. Я бы никогда...

— Пшт! Покажи мне, что было!

«— Один день! — сказала Зоря властным голосом, стоя возле кровати».

Поднялся испуганный шепот, похожий на шипение змеи и жужжание тысячи крыльев. Задышавшись, Саммер распахнула глаза. Ища помощи она посмотрела через плечо Леди Мар и увидела бледное лицо Бельен, ее огромные глаза и прижатые ко рту руки. Олицетворение испуга, который она сама ощущала. Она стояла перед трибуналом, который разбирал дело о совершенном ее проступке! Анжей прикусил нижнюю губу. Теперь она понимала, почему его поцелуи и близость к ней одурманивали ее мысли. Если бы она вспомнила, что натворила, то никогда не последовала бы за ним.

— Я так и думала, — сказала Леди Мар. Ее голос дрожал от гнева. — А теперь раскрой тайну, которую ты все еще пытаешься от меня скрыть. Скажи, что случилось потом!

Поцелуй прозрачных губ горел на ее лбу белым пламенем. Саммер задышалась, пыталась ослабить хватку женщины-смерти до тех пор, пока у нее подкосились ноги. Однако Леди Мар и не думала отпускать ее. Они вместе опустились на колени. Сошнувшись, Саммер краем глаза увидела отражение: черная фигура с рыжими волосами и костлявыми руками, как темная мать, любяще поддерживающая ослабевшую девушку. Саммер была обессилена, но та девушка из Маймары, которая все еще была частью нее, всеми силами противилась подступающим чужим мыслям, держа дверь потаенной камеры закрытой.

— Я дала ему один день жизни. Потом еще один, — прошептала Саммер. — Я спросила, как его зовут, и он сказал Торс, но друзья называли его Индиго, потому что он любил бабочек-индиго, которых можно увидеть в мае на севере. Уже почти пришла зима, и мне очень захотелось увидеть этих бабочек. Он показал их мне, потому что собирал все виды бабочек, а также засохшие цветы. Но бабочки были мертвы, бледные, маленькие существа под стеклом. Я еще подумала, как грустно, что они больше не летают. Индиго выторговал еще один день, чтобы показать мне всю коллекцию.

Он встал, несмотря на температуру. На следующий день он учил меня танцевать, после чего я подарила ему еще один день, чтобы он обучил меня пению. Я... не могла устоять. Он смеялся вместе со мной. Жизнь людей так отличалась от нашей. Она была такой одинокой и оторванной от других. Но все же... такой удивительной! И я дала ему еще один день и затем еще один. И он вылечился от температуры. Я познакомилась с людьми, они... понравились мне. В какой-то момент мне стало нравиться быть человеком, жить как люди. Индиго научил меня быть таким как он. Я была хозяйкой его замка. Мы ездили в его поместье и...

Во время рассказа, все снова стало таким близким: путешествия, кровать из слоновой кости, которую он приказал вырезать для нее. Запах апельсинов и зимних цветов, и каждую ночь праздники до рассвета. Она сняла черную одежду, носила красные и ярко-синие платья.

Но больше всего ей нравился белый цвет. Она жаждала света и красок, пила их как вино, которое подавал ей Индиго в позолоченных стаканах. Он любил ее за каждый час, который она ему дарила. Он был у ее ног и делал все, чтобы развлечь ее. Она была его смертью, ни дня не сомневавшейся в своей власти над ним.

«До тех пор... пока однажды она не проснулась в своей постели из слоновой кости. Ее схватили и потянули за собой солдаты. Она так сопротивлялась, что даже уронила кувшин со стола. Он с грохотом разбился о каменный пол. Наручники сдавливали ее запястья. И она поняла, что Индиго обманул ее. Был зимний день, когда Индиго приказал вывести ее из своего золотисто — синего дома и привести на эшафот перед замком. На ней было белое платье. Она была слаба, растеряна и наполнена внутренним пламенем, которое бушевало в ее голове, и как птица-феникс сгорало и снова возрождалось из пепла. А перед ней стоял ее палач с мечом в руке».

— Он... лишил меня крыльев, — проскулила она. — Мечом.

Слова прозвучали фальшиво, но в этот раз Леди Смерть не стала задавать вопросов.

— И вместе с крыльями он забрал у тебя силу и воспоминания, — сухо добавила она. — Ты стала слабой и ранимой как человек. Что еще, Тьямад?

— Ящик... Мои колени прижаты к щекам, я не могу дышать, и сердце, кажется, вот-вот перестанет биться. Вокруг темно и мне кажется, что я умерла. И, — ее передернуло, — Треск дерева и шум воды. Плывущий гроб. Он... на корабле переправил меня через море. Потом... запах мокрых камней, цементного раствора. Темнота, тишина. И сон без сновидений. До тех пор пока все вокруг не задрожало, и меня не разбудил солнечный свет. Я... лежу замурованная в Телисе. И ничего не помню и не знаю.

Леди отпустила ее и встала на ноги. А Саммер опустилась на пол как марионетка. Она хотела оперевшись на руки, подняться, но руки больше ей не подчинялись. Она прижалась щекой к холодным, мозаичным камням.

— Теперь мы знаем, кто кукловод в этой игре, — обратилась Леди Мар к стоящим вокруг. — У нас есть бессмертный, обманувший свою Зорю, свою смерть. Очевидно, он многое о нас знает и нашел возможность навредить нам.

— Сам лорд Теремес? — спросила одна из Зорей. — Наверняка, он сменил имя.

— Не думаю, — ответила Леди Мар. — Он умен, у него были столетия, чтобы научиться и разработать свою стратегию. Я думаю, скорее, это кто-то, кто держится в тени.

Саммер слышала весь разговор как будто через стену из ваты, с трудом осознавая весь масштаб катастрофы. Война велась не между лордами и женщиной-хищницей. Лорды были лишь союзниками в борьбе против самой смерти. А человек, чьей смертью должна была быть Саммер, был тем, кто угрожал Зоря. «Кровавый Мужчина?» — пронеслось у нее в голове. — «Он и есть... Индиго?» Она должна была что-то сказать, открыть последнюю тайну, но шепчущий голос внутри нее запретил ей говорить хоть слово. «Почему?» — подумала она. — «Почему я его защищаю?»

— Не убивайте меня.

Еще шепча эти слова, ей стало понятно, что она вновь говорила как человек. Хотя она слишком четко ощущала, что все еще была Зорей. И что смерть было не самым страшным наказанием. Больше всего она боялась быть отвергнутой остальными.

— Я нарушила закон, я позволила себя обмануть, но я не хотела....

— Ты пережила много плохого, — прервала ее Леди Мар удивительно нежным голосом. Раздался шелест ткани, и рука в бархатных перчатках ласково погладила ее волосы. — Не

бойся, Тьямад. Я прощаю тебя. Здесь ты в безопасности.

Саммер содрогнулась от рыданий, непроизвольно подступивших к горлу. Леди Мар успокаивающе положила руку на ее лоб. Даже сквозь бархат Саммер ощущала, какими ледяными и костлявыми были ее пальцы, но само прикосновение было утешительным и теплым.

— Ты настолько ощущаешь себя человеком, что даже думаешь, что у тебя температура? — удивленно спросила Леди Мар. — Ты Зоря! Привыкай к этому.

Глава 16

Внутренний круг

Ни одно сообщество людей не окружало ее таким вниманием, как Зоря. Даже близость к театральной группе была лишь жалким подобием той близости, которую она испытывала здесь и сейчас. Ее кожа словно растворилась, и она чувствовала биение пульса каждой Зори как свое собственное. Не было никакого Я, существовавшего отдельно от других, были только Мы. Зоря не нуждалась в личном пространстве, как это было у людей. Некоторые спали вместе вдвоем или втроем, укрывая друг друга крылатыми плащами.

Саммер вполне естественно окунулась в это общество и стала частью огромного, пульсирующего роя, не знавшего границ и ссор. Руки гладили ее по щекам и лбу, а дремота, в которую она проваливалась на несколько дней подряд, была благотворной и исцеляющей. Вместе со всеми она лежала в огромном, круглом помещении в центре цитадели. Как и в комнате, где находился алтарь святого Стикса, в нем тоже были стеклянные стены. Только они не были зеркальными, а матовыми и лишенными окон. Их освещал лишь свет второй реальности.

Выходя из состояния полузабытья, Саммер наблюдала за другими Зоря в помещении. Как и она сама, они спали не в кроватях, а на голых мраморных глыбах, укрывшись только плащами и черными, шелковыми простынями. Здесь они не носили масок, потому что самый северный дом цитадели, под названием Внутренний круг, принадлежал исключительно Зоря. Бывало, что в помещении не было никого кроме Саммер и Бельен, но в большинстве случаев, она была окружена утешительным для нее присутствием других. Не всегда это были одни и те же Зоря, так как их ритм сна и бодрствования зависел не от дня или ночи, а следовал ритму их заданий. В основном они обходились без сна, а спали лишь после утомительного для них поцелуя смерти. Некоторых Зоря Саммер не видела по два, три дня, затем они возвращались в комнату отдыха, снимали маски и человеческую одежду, и спали так крепко, что даже не было слышно их дыхания.

Саммер узнала, что они не нуждались в питании. Как голод, так и холод были просто иллюзией, которой она охотно следовала, веря в то, что стала человеком. Но никто не мог объяснить температуру, от которой горело все ее тело. Бельен налила ей какой-то напиток, по вкусу напоминавший пепел вперемешку со старым вином, но, тем не менее, укрепивший ее силы. Рана на спине начала заживать, но осталась боль от потери, вспыхивающая каждый раз, когда та или иная Зоря на мгновение испарялась и появлялась вновь.

— У нас всегда так пугающе тихо? — пробормотала Саммер, проснувшись как-то после сна о бабочках и мухах-однодневках. В абсолютной тишине ее голос звучал неестественно громко.

— Пугающе тихо? — удивленно спросила Бельен. — Просто у нас не так невыносимо громко и хаотично как у людей.

Саммер закрыла глаза и снова опустилась на камень. По крайней мере, в одном Анжей не соврал: Зоря не знали что такое музыка. Не знали песен, цветов, развлечений. Все было скучно и прозаично, все говорили приглушенным голосами и двигались бесшумно. И лишь когда они рассказывали друг другу о забранных ими человеческих жизнях, слова лились бесконечным, бормочущим потоком. Но даже в эти моменты Саммер не слышала в них ни тоски, ни страсти, в крайнем случае, удивление.

«Раньше это было все, чего я хотела», — думала она. — «Раньше этого хватало».

Парадоксально, но как бы счастлива она ни была находиться дома, ей не хватало всех этих кабаков, бурных ссор, громкого смеха и даже опасностей. И еще этот поцелуй Кровавого Мужчины, тайна, которую она тщательно скрывала даже от Бельен.

— Споешь мне что-нибудь? — попросила она Бельен, когда на нее снова навалилась эта безрассудная тоска.

Но Бельен решительно покачала головой.

— Песни стоили тебе плаща и бессмертности. Хоть твои раны не так сильно болят и заживают быстрее, чем у людей, но крылатый плащ больше не защищает тебя. Если тебе в сердце попадет пуля, ты умрешь как человек. И все это ради какой-то человеческой музыки!

— В этом виноваты не песни, Бельен. Мы можем петь, не подвергая наши жизни опасности. Испытывая радость, мы не причиняем никому вреда, поверь мне!

Ее подруга огляделась вокруг, чтобы посмотреть, нет ли других Зоря, и вздохнула. Затем наклонилась к ней и едва слышно сказала:

— Ты и правда совсем не изменилась. Тогда ты запоминала каждую песню, которую напевали умирающие. В основном это были грустные песни, но тебя они завораживали. Тайком ты нашептывала их мне.

Саммер улыбнулась.

— Да, я помню.

— Тебя очень интересовали люди.

— Тебя ведь тоже, Бельен! Это же ты прокралась на праздник к этой королеве и потом пыталась показать мне, что такое танец.

— Пст! Не так громко, Тьямад!

Тем не менее, ее подруга не могла сдержать улыбку.

— И ты действительно хотела знать каково это, стареть, — прошептала она, сверкая глазами. — Ты нарисовала сажей морщины на моем лице.

Внезапно ее улыбка исчезла, как будто какая-то мысль погасила ее, как поток холодного воздуха пламя свечи. Она с трудом сглотнула и посмотрела на свои руки.

— Тогда все было по-другому, Тьямад. Мы думали, что мы неприкосновенные и неуязвимые.

И снова он. Индиго. В последние дни никто не произносил его имени или упрекал ее, и все-таки Саммер чувствовала, как все Зоря в помещении повернулись к ней. Вина снова грузом легла на ее душу.

— Я знаю, — четко и ясно произнесла она, переводя взгляд с одного лица на другое. У некоторых из них они были застекленевшие как у Леди, у других похожие на человеческие, и лишь крылья выдавали их. Были и такие, у кого лица менялись то в одну, то в другую сторону, совмещая в себе черты обоих видов. Но среди Зоря не было никого с враждебным лицом, со злостью во взгляде. Наоборот, они окружили ее сочувствием, отчего ей стало стыдно. В глазах снова зажгло от температуры, и Бельен положив руки на ее плечи и

медленно надавливая на них, заставила ее сесть на камень.

— Отдыхай и выздоравливай. Леди Мар хочет, чтобы ты пришла в себя и залечила раны. А там видно будет.

Саммер удрученно кивнула и легла на бок. Было так приятно прикоснуться горячей щекой к холодному камню.

— А сколько нас, Бельен? — пробормотала она. — Я насчитала семьдесят. Но ведь умирает столько людей, каждый день, каждый час...

Своим вопросом ей удалось рассмешить Бельен. Неодобрительно щелкнув языком, как будто Саммер была непонятливым ребенком, ее подруга покачала головой.

— Тогда бы у нас действительно было много работы! Конечно, здесь находятся не все Зоря. И даже не небольшая их часть! Нас бесчисленное количество. Сколько, знает лишь Леди. Большинство просыпаются ради одного единственного поцелуя смерти и потом снова угасают. Другие существуют дольше и следуют зову нескольких смертей. Лишь немногим Леди Мар дарует бессмертное существование. Мы здесь, — она обвела рукой присутствующих в комнате, — принадлежим к окружению Леди Мар. Она охотно находится среди людей, вместе с нами бывает в гостях у королей и лордов, иногда у торговцев или даже в домах бедняков. Иногда ее сопровождают десять Зоря, иногда сто.

— Где мы еще живем?

— Где хотим. Везде и нигде. На золотой барке. Во всем мире. Среди времен. В секундах и минутах. Не могу сказать тебе точно, я с давних пор была с Леди Мар в мире людей. Также как и ты.

Она наклонилась к Саммер и обняла ее.

— Я так рада, что она простила тебя. Мне было страшно за тебя, знаешь?

Саммер закрыла глаза. *«Тебе стало бы еще страшнее, если бы ты знала, что у меня по-прежнему есть тайна».*

***

В первые дни с температурой она постоянно видела во сне крылатые плащи других, как будто вторая реальность просвечивала сквозь ее веки. Но в эту ночь она увидела себя во сне прямо...

«... в снегу. Он был таким глубоким, что ее платье промокло до колен, а подол и вовсе замерз. Она была наполовину погребена под снегом, ощущала снег меж лопаток, так же и как учащенное биение сердца. Она задыхалась от только что прекратившегося смеха и борьбы. Ее холодные губы горели от горячего поцелуя, от прижатых к ее губам губ. Поцелуй был грубым и страстным, рука, лежавшая на ее бедре, была такой горячей, что кожа в этом месте пульсировала.

Когда она сдалась и приоткрыла губы, поцелуй стал нежнее. Ей с трудом удавалось не поддаваться искушению. Она открыла глаза, шаловливо высвободилась из его рук, оттолкнула мужчину, лежащего наполовину на ней, наполовину в снегу. Небо над ними было как ультрамариновое стекло, страшно холодное, готовое вот-вот треснуть. И на фоне этой голубизны — его лицо. Ее похититель с символом в виде лилии. Кровавый Мужчина. Нет, хоть он и выглядел также и был таким же молодым как Кровавый Мужчина, может быть семнадцати или восемнадцати лет. Но он еще не был палачом из ее сна. Он еще был простым человеком, который любил ее и скорее готов был отдать свою руку на отсечение, чем причинить ей боль.

Она смотрела на него с той же нежностью, что и он на нее. Его темно-коричневые

волосы, запорошенные снегом, были намного длиннее и придавали его ауре еще больше дерзости. Затененные ресницами глаза на фоне неба выглядели скорее серыми, чем зелеными. Она впервые увидела, как он смеется. Это был красивый, задорный смех, придававший его лицу одновременно и мягкость и грубость. Отстранившись от него, она задела рукой холодный металл. Рядом с ней в снегу лежала шпага. Они фехтовали, но, конечно же, не выдержали борьбы на разных сторонах. Когда он обезоружил Саммер, она повалила его на землю. Ей почти удалось уложить его на лопатки.

— Ну, что? — спросил он. — Ты, наконец, сдаешься?

Она покачала головой, и он снова набросился на нее, пытаясь побороть ее в снегу, чтобы еще раз урвать поцелуй. Его рука, забравшаяся под платье, гладила ее талию и спину. Его губы были с привкусом снега и чего-то мрачного, пылающего, желанного, со вкусом упоительных ночей, проведенных вместе. Она обхватила руками его шею и грудь, прижалась к нему, чувствуя как от ее поцелуя его сердце забилося быстрее. Где-то поблизости шумело море и...

Они застыли в поцелуе и прислушались.

... Крик. Лошадиный топот.

Оба испугались.

— Он не должен нас увидеть, — прошептал он ей.

Они лихорадочно подскочили, выбрались из снежной ямы и, держась за руки, побежали между цветущими зимними деревьями к белой лошади. Над ними кружила чайка, с любопытством глядя вниз на убегающую пару.

Ее любовник схватил поводья, но когда она дотронулась до шкуры и попыталась забраться в стремя, белая лошадь испугалась и вырвалась. Им ничего не оставалось, как наблюдать за тем как она убегает, подбрасывая копытами снег.

Он выругался и побледнел. Игра закончилась.

— Позади цветочного дома разделимся. Ты возьмешь окно!

Она кивнула, и они вновь побежали по снегу. Бросив загнанный взгляд через плечо, она увидела следы: отпечатки его сапог рядом со следами ее маленьких, голых ног. Последний, быстрый поцелуй, и вот он уже снова должен покинуть ее.

— Подожди! — прошептала она. Но он не услышал тихо произнесенного слова. Прежде чем он скрылся, она открыла рот, чтобы тихо позвать его по имени и...»

... и не сделала этого, а вместо этого проснулась с до боли сжатыми губами и сердцем, бьющимся так быстро, словно она и вправду бежала. Индиго? Его имя вспыхнуло так быстро, что ей не сразу удалось снова толкнуть его обратно в темноту. Постепенно она осознала, где находится. Не в снегу и ни в кровати из слоновой кости, которую она так часто видела во сне, а на каменной глыбе, ставшей ее ложем. Ощущения из сна было не так-то просто прогнать. Тоска и одновременно радость. Она поняла, что все, что она испытывала или думала, что испытывает к Финну или Анжею, на самом деле было робким поиском любви. Любви из ее прежней жизни. «Я подарила ему вечность, потому что любила его?» Она закрыла глаза и снова представила себе снег, убегающую, белую лошадь. Постепенно она расслабилась и нашла...

«... огонь. Теплая комната без окон. Стены покрыты искусно разрисованными кожаными обоями темно-синего цвета. Кожа мерцала в свете камина, единственного источника света в помещении. В этот раз Саммер лежала в кровати из слоновой кости, в изголовье которой восседали две лебединых скульптуры. Нет... она сидела на кровати,

поджав ноги, рядом с молодым человеком, с которым фехтовала несколько часов назад. Он спал, вытянувшись во весь рост. Серо-черные шкуры тюленей, на которых они оба лежали, придавали его лицу более светлый оттенок, чем на самом деле.

Одеяла из подбитого ватой шелка прикрывали его ноги и живот, руки и грудь были обнажены. Его волосы, длинные как у всех северян того времени, перемешались с ее рыжевато-белокурыми волнами. Его веки слегка подергивались, ресницы отбрасывали тени. Брови насупились, как будто он боролся и во сне. Она бесконечно любила наблюдать за ним, пока он спал, в те немногие, запретные часы, которые у них оставались. Однако эта ночь была другой. Сегодня она не разбудила его поцелуями, а только наблюдала за ним с такой холодностью, от которой его знобило. По его рукам и груди пробежали мурашки. Она медленно подняла руку и расправила над ними обоими свой крылатый плащ.

Их окружили тысячи крошечных, золотисто-янтарных черепов. Затем она закрыла глаза и медленно, чтобы не разбудить его, положила кончики пальцев ему на грудь. Он простонал и пробормотал что-то непонятное, но не проснулся. Когда она снова открыла глаза, в ее руке находилось его сердце. В свете второй реальности оно было белым, пульсировало, было тяжелым как мрамор и горячим как кусок раскаленного угля. Ее бабочки-мертвые головы, до сих пор спокойно сидящие на стенах и кровати, испуганно вспорхнули. Зоря, сидевшую на кровати это не волновало.

— Ты принадлежишь мне одной, — прошептала она с бьющимся сердцем в руке. Затем ее взгляд медленно переместился на огонь».

Саммер резко очнулась ото сна. Она дрожала, но впервые проснулась с ясной головой и без температуры. «Я украла его сердце, потому что он Индиго? Чтобы он не умер, даже получив от меня поцелуй Зори? «Рядом с ней заскрипел шелк, когда Бельен повернулась на другой бок, прижавшись щекой к плечу Саммер.

— Снег, — бормотала ее подруга во сне. — Огонь... Индиго.

«Бельен тоже видела это во сне?» Она прогнала то, что только что вспомнила в темноту и испуганно огляделась вокруг. С ходу она насчитала десять Зоря, все глубоко и спокойно спали. Лишь их плащи поднимались и опускались в такт дыханию, от них исходило тусклое свечение. Бельен снова зашевелилась и начала бормотать, как будто видела что-то, что было скрыто от других, находящихся в комнате. Не долго думая, Саммер наклонилась и нежно поцеловала ее веки.

— Забудь этот сон, — прошептала она ей на ухо.

К ее удивлению, черты лица Бельен расслабились, а дыхание стало тише и спокойней.

«Я и вправду такая же как Анжей», — трезво подумала Саммер, одновременно испытывая ужас. «Я одурманиваю свою подругу поцелуем, чтобы она не могла видеть мои сны. Поэтому Анжей постоянно искал со мной близости — когда мы дотрагиваемся друг до друга, границы между нашими снами стираются». Осторожности ради она отодвинулась от Бельен, потому что как бы она ни пыталась, забыть Кровавого Мужчину было нелегко. Она перенесла столько горя. «Он справедливо ненавидит тебя. Ты действительно украла его сердце». Но самое странное было то, что она по-прежнему тосковала по нему. Это была своего рода другая температура, гораздо более опустошающая и сладкая, чем все, что она когда-либо переживала. Это была сумасшедшая, овладевающая любовь женщины в белом.

Вдруг она больше не могла выдерживать эту тишину. Еще несколько минут назад она давала ей ощущение безопасности, но теперь это безграничное бытие среди других, близость к ним, тяготила ее. Она поспешно соскользнула с камня и бесшумно побежала к винтовой

лестнице, находящейся в центре помещения. На полпути вниз она осознала, что на ней не было одежды и плаща, который бы мог защитить ее. Здесь не было никого, кому бы помешала ее нагота, но если она хотела покинуть покои Зоря, ей нужно было одеться. Она, наконец, должна была покинуть круг, чтобы попасть к Кровавому Мужчине.

Девушка уже было собралась броситься вверх по лестнице, но ее остановило оранжевое мерцание. Появилась нога, затем другая. С заспанными глазами, по винтовой лестнице спускалась Бельен.

— Ты куда? — зевнув, пробормотала она.

— Я... не знаю, просто хотела выйти.

В этот раз ее ложь была безвкусной.

Бельен наморщила лоб.

— Ты плохо спала?

Саммер искала в ее интонации какой-то намек, что Бельен что-то помнила, но не услышала ничего указывающего на это.

— Нет. Мне... просто нужен свежий воздух. И какая-нибудь одежда. Я хотела взять шелковое покрывало.

— Сейчас? Ты хочешь посреди ночи на улицу? Но почему?

Вот теперь она действительно балансировала на острие ножа. Каждая последующая ложь все больше отдаляла бы ее от Бельен. Даже одна мысль об этом задевала ее. Но если она все ей расскажет, то предаст *его* — не зная, что произошло на самом деле. Не разгадав тайну, почему все внутри нее противилось выдать его. Нет, она не могла выложить Бельен все карты. Но может быть хватило бы одной карты?

— Бельен, мне нужно кое-кого найти.

— Кого? Анжея? Он сейчас в восьмой башне и...

Саммер покачала головой.

— Нет, это конечно безумная идея, но мне нужно увидеть солдата, который спас меня от Тандрая.

Она рассчитывала на большее удивление. Бельен лишь наморщила лоб.

— И это не может подождать до тех пор, пока ты не вылечишься?

— Я здорова и в своем уме, Бельен!

— Хм, ну тогда тебе во второй дом, к лорду Джорасу. Но что ты хочешь от солдата?

— Просто поговорить. Поблагодарить его. В конце концов, он спас меня. Что в этом такого странного?

Бельен медлила с ответом, видимо напряженно раздумывая. Затем пожала плечами:

— Для Зоря, так долго находившейся среди людей как ты, наверное ничего.

Она улыбнулась, как будто ей понравилась идея и украдкой посмотрела на лестницу.

— Леди Мар запретила без особой нужды показываться людям, — сказала она, заговорщицки подмигнув Саммер. — С другой стороны Леди Мар сейчас в восьмой башне, обсуждает с лордом Калланом новые трупы. Думаю, у нас есть минимум один час. Но, — она улыбнулась еще шире и с ироническим упреком подняла левую бровь. — уважающая себя Зоря ни в коем случае не будет как привидение бродить по комнатам лорда завернутая в простыню.

Видимо кое в чем Зоря все-таки были до смешного похожи на людей. Крошечная кладовка с вещами могла бы быть частью театра Морта. Единственным источником света была голая, тускло светящаяся лампочка. Зеркало в углу было в пятнах от мух. А платья,

развешанные здесь, пахли лавандой, как будто из-за страха, что их съест моль.

— Вот, твое платье.

Бельен протянула ей облако выцветшего черного цвета. Шелковое платье, по своему простому покрою похожее на все другие. Саммер надела его, подпоясавшись черным, широким поясом, тугим и узким как корсет.

— И это тоже для тебя. Ты как-то спрашивала о них в полудреме.

Саммер засияла, когда подруга всучила ей предметы: колоду карт, серебряную голову кошки и пустой, кожаный чехол от складного ножа.

— Леди Мар распорядилась, чтобы твою куртку и все остальное, что у тебя было, сожгли, но я подумала, что эти вещи наверняка что-то для тебя значат.

Бельен захихикала, как девочка, чья шутка удалась. А Саммер в очередной раз поняла, почему она любила свою подругу сильнее, чем человеческая девушка свою сестру.

— Спасибо, — от всего сердца сказала она и спрятала вещи в одном из неприметных карманов в складках юбки. — А теперь вперед!

Бельен подскочила к ней и схватила за руку.

— Момент! Не забудь свою маску!

Саммер бросилась к зеркалу, возле которого на стуле лежала маска. Она испугалась незнакомки с широко раскрытыми карими глазами. Это был как будто снимок из прошлого. Перед ней стояла не загнанная, измученная девушка с короткой стрижкой, а летняя королева из спектакля Морта. Ее волосы как по волшебству за несколько дней снова стали длинными. Кто-то даже заплел рыжевато-белокурые волосы в сложную прическу, чтобы пряди не падали ей на лоб. Когда это произошло? Пока она спала? В черном платье она смотрелась гордо и достойно, и даже своего рода опасно. *«Я снова Зоря»*, — подумала она и улыбнулась. *«Леди Тьямад»*.

— Ты что, заснула? — напомнила ей Бельен. — Время идет!

***

Снаружи цитадель выглядела как странная скульптура, но внутри она была пугающим чудом искусства, возникшим из бредовых снов какого-то безумца, страдающего манией величия. Такое здание мог выдумать только тот, кто в своих фантазиях мечтал править всей страной вплоть до последнего жителя и не терпел никаких тайн. Они покинули внутренний круг через застекленные переходы в виде мостов, связывающие друг с другом башни под крепостной стеной.

Стены лифта во второй башне, с металлическим треском спускавшегося с этажа на этаж, были также стеклянными. Саммер заглядывала через множество прозрачных стен в восьмиугольные помещения, окружавшие лифт как пчелиные соты. Она видела солдат и офицеров, лежавших в комнатах на походных кроватях, склады с оружием, кладовые и скрытые за занавесками ванны комнаты. Бодрствовали лишь немногие слуги, да несколько охранников, которые сквозь стены через бинокли наблюдали за происходящим на улице. Саммер тоже видела через множество стен ночное небо и очертания испещренного ущельями побережья. Поэтому в цитадели не было окон. Стены только снаружи были гладкими и белыми, и никто не мог заглянуть вовнутрь. Но внутри все было по-другому. Цитадель как прозрачными артериями была пронизана соединительными мостами и лифтами.

«Здесь почти ничего нельзя было скрыть», — думала Саммер. Бельен чувствовала ее беспокойство и еще крепче сжала ее руку.

— Позволь мне начать разговор, — уговаривала ее Бельен, когда двери лифта открылись на одиннадцатом этаже. Она поправила юбку и изменилась, сделав буквально один шаг.

Леди в бронзовой маске, уверенным шагом направлявшаяся к закрытой двери, казалось, была окружена темной, угрожающей аурой. Ее голос тоже стал таким глубоким и повелительным, что услышав его, Саммер вздрогнула.

— Открывайте!

Она продолжила идти, не замедляя шаг, и дверь как по волшебству открылась. Саммер поспешила догнать ее.

— Я хочу поговорить с Лордом Джорасом!

Бельен не обращалась к кому-то конкретному. Но слуги в комнате бросились в рассыпную. Не прошло и двух минут как появился лорд в длинном, очевидно наспех накинута халате. Было видно, что его разбудили, и он был совершенно не в восторге от этого. Но лорду удалось скрыть свой гнев, когда он увидел, кто стоял перед ним.

— Леди Бельен!

Он поклонился.

— Я направила к вам пострадавшего, — начала Бельен без обиняков. — Мы хотим его видеть. Немедленно.

Лорд медленно выпрямился после поклона. *«Плохой знак»*, — подумала Саммер.

— Его... здесь нет.

— Разве тюрьмы находятся не в Вашем крыле? — огрызнулась Бельен.

— Это так, — растягивая слова, ответил лорд. — Но было решено... в связи с особыми обстоятельствами... что он будет содержаться под стражей в другом месте.

— Особые обстоятельства? — крикнула Саммер. — Что это значит?

Бельен попыталась строгим взглядом заставить ее замолчать, но Саммер выступила вперед и продолжила:

— Он был ранен. Вы это имеете в виду? Он в больнице?

«Соберись», — приказала она себе. Но ей не удавалось даже от самой себя скрыть беспокойство.

Лоб лорда начал подозрительно блестеть. Будучи начеку, он ответил:

— Ну, он... видел Ваше лицо, Леди Тьямад. Насколько Вам известно, это карается смертью. Но так как Вы хотели допросить его, и Леди Бельен приказала не трогать его, мы не стали помещать его к солдатам, которые были казнены вчера.

Саммер похолодела.

— Солдаты, ранившие его?

— И угрожавшие Вам, Леди Тьямад, — особо подчеркнул лорд Джорас. — Да. Они получили свое наказание.

— Вы казнили их, лишь потому что они видели меня без маски?

Ее голос эхом отдавался в комнате. Лорд Джорас побледнел, капля пота скатилась за ворот его халата.

Пальцы Бельен больно сжали запястье Саммер.

— Таков закон лордов, — сказала она лорду Джонасу почти что дружелюбным тоном.

— Вернемся к моему вопросу, где раненый?

Лорд Джовас стиснул челюсти. В комнате стояла мертвая тишина, но Саммер знала, что все слуги наблюдали за этой сценой затаив дыхание.

— В камерах ветров, — в конце концов, сказал лорд Джорас. — В первой башне. Ему не

причинили вреда. Его раны перевязаны. Так как Вы и приказывали.

— Хорошо, — сказала Бельен.

Саммер явно видела, как у лорда Джораса упал камень с души. Она удержалась от дальнейших комментариев, но не успели они покинуть помещения, как ее прорвало.

— Вы убиваете людей, потому что они видят наши лица?

— Не мы, лорды, — возразила Бельен. — У них свои законы по отношению к Зоря. Мы не вмешиваемся.

— Но эти парни всего лишь увидели мое лицо! Абсолютно бессмысленная смерть!

— Уже поздно, — лаконично ответила Бельен. — Как я уже сказала, не вмешивайся к людям.

— Жизнь здесь что, ничего не стоит? — вырвалось у Саммер.

— Не понимаю о чем ты, Тьямад!

Бельен с таким недоумением смотрела на нее, что все ее возмущение куда-то пропало.

— Разве ты... совсем не испытываешь сочувствие? — в растерянности спросила она.

Бельен пожала плечами.

— Конечно, я сожалею. Им просто не повезло. Но сочувствие к человеку? Нет. Да это и не моя задача. Все люди умирают тем или иным образом, некоторые бессмысленно, другие в подходящий момент и по соответствующим причинам. Мы здесь не для того, чтобы спасать их.

Саммер с трудом сглотнула, спрятала руки в карманы и обхватила кошачью голову Морта. Где-то глубоко внутри нее было что-то вроде маленькой пропасти, все еще — или снова? — отделявшей ее от Зоря. И как бы она с этим не боролась, ей не удавалось полностью наладить контакт с Бельен.

Однако подруга взяла ее за руку, напомнив ей, что они все еще были вместе.

— Твой солдат еще жив, — прошептала она ей. — Я и здесь не должна была вмешиваться. И это должно оставаться нашей тайной!

***

Первая башня была однозначно старше остальных. Она почти целиком состояла из настоящей каменной кладки, немногие прозрачные стены были возведены уже по прошествии времени. В задней части наверх вела узкая лестница. Саммер видела ее через дополнительную дверь. Видимо это был старый вход со ступенями, так как в центре башни работал лифт.

— Еще сорок лет назад существовала одна эта оборонная башня, — рассказала Бельен. — Она была цитаделью. Остальные восемь были построены при короле Берасе. Сегодня старая башня почти не используется, разве что в качестве наблюдательного пункта. Но из-за сильных порывов ветра стоять на крыше опасно.

Саммер почти не слушала рассказы Бельен, а с нетерпением ждала каждый этаж, на который взбирался невыносимо медленный лифт. Он был отделан деревом, и при каждом толчке металлическая решетка, служившая дверью, издавала жалобный скрип. Скрипнув в последний раз, лифт остановился перед лестницей, которая слегка покачивалась, потому что висела только на тросах.

Оставив Бельен позади, Саммер ринулась по ступеням наверх. Задыхаясь, она достигла темной галереи с узкими бойницами, но они были такими грязными, что днем туда совсем не проникал свет. Металлическая лестница вела к люку в крыше, покрытому паутиной. *«Еще дальше наверху находилась ротонда, которую я видела из лодки»*, — подумала Саммер,

взобравшись по металлической лестнице. Внезапно она почувствовала биение пульса в висках, а на губах его поцелуй.

— Тьямад, подожди! — крикнула Бельен. Однако Саммер уже толкнула дрожащими руками люк и забралась на перекошенный дощатый пол. Вторая площадка. Она обратила внимание на запах спирта, хотя нигде не было видно бутылки. В полутьме старомодная, керосиновая лампа освещала стол, на котором, почти полностью накрытая брошенной кем-то тряпкой, лежала связка ключей. По крайней мере можно было разглядеть часть медного колечка, а под ним зазубрины ключа.

— Миледи, — сказал глубокий, хриплый голос. Стражник, вышедший из-за стола, слегка поклонился. Саммер еще никогда не видела такого упитанного человека. Надетый на нем кожаный плащ был похож на палатку, в которой бы поместились четверо солдат. В юности он наверняка был жилистым и сильным, но об этом напоминали лишь мускулистые руки, усеянные выцветшими татуировками.

Бельен подошла к ней, немного запыхавшаяся, но такая же строгая и преисполненная достоинства, как и раньше.

— Имя? — коротко спросила она, разглаживая юбку.

Мужчина посмотрел на нее темными, почти черными глазами, прежде чем кивнуть головой, сделав второй раз едва заметный поклон. Видимо он редко брился. Подбородок был покрыт белой щетиной, плавно переходящей на шею. Поперек его совершенно лысого черепа тянулся шрам.

— Теллус Кансен. Всегда к Вашим услугам, миледи, — пробурчал он. Бельен, кажется, не заметила его слегка саркастического тона. А вот Саммер сразу же насторожилась.

— Хорошо, Теллус. Отведи Леди Тьямад к заключенному, — приказала Бельен.

Саммер показалось или его густые, белые брови издевательски приподнялись? Колючие, внимательные глаза совсем не подходили к его опухшему лицу. Скорее это были глаза проворного, молодого человека.

Он спросил так медленно, как будто не понимал о чем речь:

— В камеры ветров?

— А что, есть какие-то другие? — резко ответила Бельен.

Стражник отвернулся и оперся об стол. Затем указал на стальную дверь, наполовину погруженную в стену.

— Я бы и рад вам подчиниться, миледи, — сказал он и закашлял. — Но у меня нет ключей от камер. Они у тюремного начальства лорда Джораса. Я здесь отвечаю только за то, чтобы никто не умер от голода, а зимой не замерзал водопровод. Первую проблему я решаю с помощью лифта для транспортировки еды, — еще один жест в сторону люка на другом конце комнаты. — А трубопровод я регулирую здесь внизу. Заключенных я не вижу.

Саммер украдкой покосилась на стол. Тряпка исчезла, а вместе с ней и ключ. Ловкий трюк. Она разозлилась, но сдержалась, предоставив слово Бельен.

— Сожалею, что не могу Вам помочь, — продолжил он. — Но я всего лишь слуга и...

Пока он говорил, Бельен вздрогнула и повернулась, как будто слышала крик. Сделав шаг назад, она, словно в трансе подняла руки и растворилась в воздухе. Еще секунду легкое поблёскивание напоминало о ее присутствии. Оно и бронзовая маска, оставшаяся на полу. Саммер беспокойно взглянула на старого стражника и удивилась, что исчезновение Бельен не произвело на него никакого впечатления. Он смотрел на нее так, как будто она с самого начала была здесь одна. Прошла секунда, другая, но Бельен не появлялась.

— Могу я еще что-нибудь сделать, миледи?

Это не прозвучало как подчинением а скорее как требование, наконец, уйти. Саммер поджала губы под маской. «*Да, тебя бы это устроило, старик!*» Вести себя как Зоря было легко. Она подошла к нему совсем близко, чтобы он воспринял это как угрозу. Ее тут же обдало запахом старой кожи и курительного табака.

— Прекрати играть со мной в эти игры, — угрожающе сказала она. — Я видела, что у тебя есть ключ. И я приказываю тебе отвести меня к заключенному.

Лорд Джорас от этих слов уже бы начал потеть, но этому стражнику, очевидно, было нечего терять. Если бы он был волком, его шерсть бы уже угрожающе встала дыбом. Он не сдвинулся ни на сантиметр, а просто смотрел Саммер прямо в глаза.

— Приказывайте сколько хотите. И я скажу Вам во второй и в третий раз. Я не могу привести Вас в камеры ветров. Если только вам удастся пройти сквозь стальную дверь там сзади, а потом еще через другие две двери.

— Ты лжешь! — накричала на него Саммер. — За это я бы могла приказать арестовать тебя.

Он засмеялся. Это был хриплый, задыхающийся смех, переходящий в нездоровый кашель.

— Ну, давай! — сказал он. — Кровати в камерах ветров удобнее, чем нары стражника здесь внизу. Или, — его толстые губы скривились в улыбке, — Вы думаете, я трясусь над тем, что осталось от моей жизни? Посмотрите на меня, миледи. Они заставляют меня сидеть здесь наверху, в этой продуваемой дыре и охранять заключенных, потому что я единственный, кто может выдержать холод и умеет чинить этот ветхий лифт для транспортировки еды. А если палачу не повезет, — он похлопал себя по груди, вызвав новый приступ громкого кашля, — у него будет мало работы. Так что продолжайте веселить меня своими угрозами. У меня тут давно не было повода для смеха. Или просто позовите заведующего тюрьмой с ключами.

Держа руки в карманах, Саммер так сильно сжала их в кулаки, что кошачья голова Морта впиалась в ее ладонь. Они молча обменивались взглядами. В ледяном воздухе замерзло дыхание.

Хотя Саммер хотелось сдавить толстую шею старика руками, она неохотно созналась себе, что он ей импонировал. «*Морт был таким же*», — пронеслось у нее в голове. Так же внезапно она поняла, что, будучи Зоря у нее не было шансов. Она должна вернуться. Без Бельен. Она с трудом поборолла гнев и разочарование.

— Скажи мне, по крайней мере, все ли у него хорошо? — спросила она более дружелюбным голосом. — Я имею в виду заключенного с огнестрельной раной. Ты ведь должен был видеть, как его доставили.

В его темных глазах впервые вспыхнуло нечто похожее на интерес.

— Парень, да, — ответил он. — Он наверху. Честно говоря: *только* он там наверху.

Осознание того, что Кровавый Мужчина находится на расстоянии нескольких метров от нее, заставило ее сердце биться чаще.

— И? — Она еле сдерживала дрожь в голосе.

— Я думаю, с ним все в порядке, — продолжил старик. — По крайней мере, он вырывался и ругался как сапожник, когда его доставили сюда несколько дней назад. Одному солдату он поставил синяк под глазом.

Она не смогла сдержаться и слегка улыбнулась под маской. Старик заметил, как

засияли ее глаза. Его это удивило и одновременно сбило с толку. Он наморщил лоб, с отсутствующим видом покручивая кольцо на указательном пальце левой руки. Саммер заметила вставку из другого металла, чтобы кольцо стало шире и надевалось на растолстевший палец. А под узкой, натянутой рубашкой, видневшейся из-под плаща, просматривались очертания другого кольца, висящего на цепочке или ошейнике. Теперь Саммер знала все, что нужно было знать.

Она почувствовала мерцание, еще до того как Бельен глубоко выдохнув появилась рядом с ней. Прямо в том месте, где лежала ее маска. Опустив руки, она вновь появилась перед стражником с маской на лице.

Пока она не успела ничего сказать, Саммер взяла ее за руку.

— Мы можем идти, — сказала она и просто потянула Бельен за собой. — Я узнала, все что нужно. Теллус Кансен передаст солдату мою благодарность.

Она довольно посмотрела через плечо. Старик нервно смотрел ей вслед, будто бы точно зная, что это было не последнее слово Зоря в маске из слоновой кости.

Глава 17

Камеры Ветров

Поцелуй смерти утомил Бельен. Во время долгой дороги обратно во внутренний круг Саммер поддерживала ее за талию. Когда она опустилась на мраморное ложе и сняла маску, ее сердцевидное лицо было бледным, а под глазами образовались темные круги. Саммер села рядом и обняла ее.

— Я была на поле боя, — пробормотала Бельен. — Это была девушка-солдат, воюющая за лорда Теремеса. Она позвала меня, но когда я поцеловала ее, она стала так цепляться за жизнь, что я почти совсем ослабела, чтобы суметь вернуться обратно.

— Тогда поспи, — сказала Саммер и погладила ее локоны.

Голова Бельен отяжелела и опустилась на плечо Саммер. Она осторожно уложила подругу на камень, легла рядом и расправила над ними обоими плащ из бабочек-червонцев. Когда Саммер сама закрыла глаза, она уловила фрагменты сна Бельен: опустевшее поле, воюющие друг с другом трупы. Солдаты Леди, с серо-черной защитной краской на лице. И трупы лорда Теремеса, чьи лица напротив выглядели белыми. «*Шахматные фигуры*», — подумала Саммер. И хотя она и знала, на чьей стороне была, ее задела мысль о Мойре и Фаррине.

В эту ночь все было просто. Зоря в комнате крепко спали, так же как и Бельен, неподвижно как статуи. Никто не дернулся, когда Саммер выскользнула наружу. Сегодня ее волосы были распущены и ниспадали длинными волнами до пояса. Направляясь к первой башне, она держала в руке тяжелый фонарик, который нашла в раздевалке.

Девушка не удивилась, увидев свет в комнате стражника.

Нары с кучей одеял были нетронуты. Теллус сидел за столом, на грубо выструганном деревянном чурбане, служившем ему стулом.

— Опаздываете, миледи, — пробурчал он.

— Тем не менее, ты ждал меня.

Она выключила фонарик и подошла к нему.

— Ну, что, Теллус. Сегодня мы договоримся? Чего ты хочешь? Подарок?

Он презрительно фыркнул.

— Деньги? Которые бы я мог тратить здесь, чтобы иметь хорошую жизнь? Я полагал,

что Вы умнее. Нет, Ваши деньги ничего Вам здесь не дадут, так же как и Ваши угрозы.

Саммер улыбнулась.

— Я знаю. Я имела в виду вот это, когда говорила о подарке.

Она вытащила колоду карт и положила ее перед ним на стол. Он издевательски хмыкнул.

— Набор помятых, старых карт? Так высоко Вы оцениваете мои услуги?

— Не смейся надо мной! — сказала она с нажимом. — Эти карты много для меня значат. Может столько же много, сколько тебе твоя гордость. Хотя ты и не можешь себе представить, но они достались мне дорогой ценой.

Темно-карие глаза выжидающе смотрели на нее.

— Одна из вас, которая так быстро обижается из-за пары грязных карт. Что-то новенькое. Ну, что же, в таком случае большое спасибо.

Саммер кивнула. Ставка в их игре лежала на столе. В нем пробудилось любопытство. Но это не означало, что она выиграла игру. Сначала нужно было сделать так, чтобы он проявил активность.

— Теперь я могу его увидеть?

Он ожидаемо нанес ответный удар. Скрестив руки, что при его весе было не так-то просто, он недружелюбно сказал:

— У меня и, правда, нет ключей от стальных дверей. Я здесь всего лишь заведующий над прошлым и над мертвыми. Точнее говоря над будущими мертвецами.

Саммер наморщила лоб.

— Что это значит?

— Вам никто не рассказывал? Эта башня раньше была цитаделью. А там наверху, на круглой площадке, где находятся камеры, было самое безопасное место во всей стране. В мирные времена там совещался король Берас со своими людьми. Во время войны они там баррикадировались. Лестницу можно снять. И даже если здесь наверху все что из дерева сгорит, камеры ветров останутся целыми. Н-да, раньше оттуда управляли судьбой государства. Но сейчас это место, в котором всеми забытые заканчивают свою жизнь.

Саммер почувствовала легкий страх.

— Заключенных убивают?

Теллус громко засмеялся.

— Ну, что вы, миледи. В камерах даже окна не зарешечены. Но стены слишком гладкие, чтобы спуститься по ним. А ветер, ох, это настоящая пытка. Он срывает с губ каждое слово. Ни одно слово из соседних камер не проникает внутрь, а каждого кто высунет голову из окна, порыв ветра сначала поднимет вверх как тряпичную куклу, а потом бросит вниз на скалы. Даже чайки боятся попасть в этот вихревой поток воздуха. А теперь представьте себе, Вы изо дня в день слышите только вой ветра и находитесь наедине с бесконечными просторами неба и холодными звездами. Так далеко от других, что через какое-то время Вы и сами забудете, кто Вы. Когда-нибудь Вы услышите, что ветер говорит с Вами. Шепчет Вам, что Вы должны спрыгнуть.

Голос Теллуса стал тише, как будто он говорил сам с собой. *«И то, что он рассказывает, это его собственная история»*, — подумала Саммер. *«Хоть, может быть, он этого и не осознает»*. Каким одиноким он должен быть, рассказывая все это посторонней девушке с такой горечью в голосе? Наверняка он уже много месяцев или даже лет не слышал ни одного дружелюбного слова.

— Вот так-то, миледи, — подытожил Теллус и глухо закашлял. — Рано или поздно камеры пустеют. Никто не выдерживает там наверху дольше пары месяцев.

— Никто кроме тебя, — тихо сказала она.

Он слишком часто заморгал и сглотнул. Смущенно толкнул карты и посмотрел на даму червей. Затем он снова взял себя в руки, на его лице опять появилось недоверие.

— Почему Вы так срочно хотите увидеть этого солдата?

— Он спас меня.

— О, он наверняка обрадуется Вашему визиту! — с издевкой сказал Теллус. — Отличная благодарность за Ваше спасение, провести остаток дней там наверху. Какое преступление он совершил? Украл маску, чтобы увидеть Ваше лицо?

Саммер опустила голову.

Теллус презрительно фыркнул, и резким движением смахнул карты со стола. Казалось, он весь стал твердым как гранит.

— Заберите Ваши карты, Миледи. Если хотите от меня чего-то, тогда взамен дайте мне то, что Вам действительно дорого!

Саммер пришлось сдержаться, чтобы продолжить играть свою роль. Или может это была совсем не роль, так как при мысли о том, что возможно ей не удастся попасть в камеры, у нее действительно выступили слезы на глазах. Ей хотелось накричать на старика, но вместо этого она судорожно вдохнула воздух, как будто борясь с собой, торопливо нащупала маску и сняла лицо из слоновой кости. Она сощурилась и дала волю слезам, которые покатались вниз по щекам. *«Морт гордился бы мной»*. Она подняла голову и с несчастным видом посмотрела на Теллуса.

— Теперь ты доволен? Большого я не могу тебе дать!

Театральный жест произвел желаемый эффект.

Стражник открыл рот, сначала побледнел и хотел вскочить, но с оханьем упал обратно на деревянную колоду. Саммер могла видеть его мысли, словно они мигали на его лбу как на экране. Запретный взгляд на лицо Зори. Смертная казнь. Тот маленький шаг, который мог отправить его самого в камеры ветров. Только, очевидно, он все-таки хотел жить.

Вдруг старик безмерно удивил ее.

— Боже мой, да ты же еще практически ребенок, — растерявшись, пробормотал он. — Не старше того парня наверху. И ты умеешь плакать? Но ведь... ведь говорят, что вы не люди!

Теперь они оба удивленно смотрели друг на друга. Затем Саммер взяла себя в руки и вытерла рукавом щеки.

— Я могу плакать, — сказала она прерывающимся голосом. — И ты можешь представить себе о ком. Теперь ты знаешь мою тайну. Да, мы можем быть человеческими, может быть даже человечнее, чем ваши лорды. Мы любим и страдаем как вы. И мы плачем, когда разрывается наше сердце. Возможно, мы менее могущественны, чем ты думаешь. Это не леди Мар приказала запереть его здесь, а лорд Джорас! Представь себе, у меня появилась сумасшедшая идея, спасти этого солдата или, по крайней мере, утешить его. Я сделаю все — все! — чтобы избавить его от такой судьбы. Он ничего не сделал, кроме как спас мне жизнь. И при этом я к несчастью потеряла свою маску. Это... была не его вина, а моя.

Теллус смущенно погладил кожаный ворот своего плаща и украдкой дотронулся до кольца, висящего на цепочке на шее. Сегодня оно лежало на рубашке. Как Саммер и предполагала, это было кольцо, чье место было на узком, женском пальчике. Некоторое

время она колебалась, стоит ли вытаскивать из рукава последний козырь и беречь старую рану, но затем она поняла, что это был ее последний и единственный шанс. Ей уже удалось немного приоткрыть дверь в темницу его сердца. Теперь ей нужно было найти подходящий пароль, чтобы переступить через порог. *«Он одинок. Он любил и проиграл. Но в глубине души он все еще боец, которого покинули силы и которого никто не воспринимает всерьез».*

— Я знаю, в твоих глазах должно быть это выглядит смешно, — сказала она. — Да и как тебе понять? Ты воин. Наверняка ты никогда в своей жизни не любил и не знаешь, каково это потерять того, кого любишь. Но знаешь, что? Можешь глумиться надо мной, сколько хочешь. Мне все равно.

Она действительно заплакала, подхваченная потоком высвободившегося горя, сделавшего сцену еще более убедительной. Саммер отвернулась, как бы намереваясь уйти, но при этом тянула время, нервно разглаживая юбку, чтобы взять себя в руки.

Уже подойдя к двери, она услышала смущенное покашливание.

— Эй, подожди-ка!

Она медленно повернулась и бросила на него робкий, недоверчивый взгляд. Он сжимал пальцы, показывая, как непросто ему дается принять решение. В конце концов, он насупил брови и снова стал сердитым стражником.

— Ах, иди уже сюда, — крикнул он ей и подозвал к столу. — Терпеть не могу плачущих баб. Вот, для начала сядь и сделай глоток. Это успокоит.

Это была не совсем та реакция, на которую рассчитывала Саммер, но, тем не менее, она повиновалась и села за маленький стол, в то время как Теллус пошел к полке и вернулся с двумя стаканами и полупустой бутылкой без этикетки. Кряхтя он сел на свой чурбан, налил в стакан и пододвинул его ей.

— Пей, — сказал Теллус. — Давненько я ни с кем не выпивал.

Саммер наблюдала за тем как он опрокинул прозрачную жидкость и сделала тоже самое. Однако в ту же секунду пожалела, что тайком не вылила эту гадость под стол. Это был жидкий эквивалент взрыву пороха и еловых шишек. Прямо в носу и горле. Теллус хрипло смеялся, пока она, скрючившись на стуле, кашляла.

— Вовсе не смешно, — напустилась она на него, как только смогла дышать. — Это твой способ медленно убивать себя?

Теллус все еще улыбался.

— Прогоняет печаль, — только и сказал он, прислонившись к стене. — Давай, — потребовал он. — Расскажи мне что-нибудь. Все равно что, по мне так хоть вранье. Я уже сто лет не слышал никаких историй.

Саммер хотела возразить, но потом поняла, что он ей только что предложил. В этот раз это была не игра, а сделка. Она кашлянула и кивнула.

— Ты знаешь, что я была актрисой? — начала она. — В театре в Маймаре.

— Не может быть, — иронично сказал Теллус. — Леди на сцене.

Вокруг его глаз образовался веер из морщинок.

— Это на самом деле правда, — настаивала Саммер. — Послушай!

***

Самое удивительное, что она сама забыла о времени. Ее радовало созерцание того, как Теллус проживал спектакль Морта, видел перед собой летнюю королеву и прекрасную Шерис с длинными ногами. Убогая комнатуха стражника наполнилась песнями, которые

она напевала ему, заметив при этом, как их не хватало. Когда Саммер закончила, они оба долго молчали.

— У меня... не так много времени, — настойчиво сказала Саммер. — Теллус, ты действительно не можешь пустить меня к нему? Только на пять минут. Я должна его увидеть.

Старик вздохнул и протер глаза.

— Сначала я тебе тоже кое-что расскажу, леди Тьямад.

Она сжала кулаки под столом. «*У меня нет времени!*» Но когда он заговорил, она поняла, что ему важно было сохранить свою честь стражника.

— Я знал старого короля Бераса, — начал он. — И присутствовал при строительстве других башен цитадели. Вся эта постройка просто чудо, потому что может управлять ветром, превращая его в оружие. Внизу над водой дует лишь легкий ветерок, но там наверху, между отдельными башнями, воздушные потоки настолько сильны, что ни один враг никогда не сможет приставить лестницу к стенам. Недаром цитадель долгое время считалась неприступной. Но... и у нее есть слабые места.

Саммер еле сдерживалась, чтобы не засыпать его вопросами. Вместо этого она просто кивнула, ожидая, что будет дальше.

— Возьми, например, это старое крыло здания, — продолжил Теллус. — Раньше за первой стальной дверью находился своего рода лифт. Все остальные лифты получают энергию из генераторных помещений внизу, в скале. Течение под водой приводит в действие турбины. Но этот лифт являлся чисто механическим чудом техники, работавшим при помощи весов и противовесов. Но однажды король Берас приказал убрать его. Не знаю, почему. Единственное, что осталось это «кошачья шахта», проход для технического обслуживания, которым пользовались техники. По крайней мере, я думаю, что он еще существует. Прошло уже почти двадцать лет, с тех пор как я в последний раз входил туда. Было еще отверстие в одно из помещений там наверху. Но чтобы пробраться через него, нужно действительно быть очень гибким. Ну вот, даже, если эта шахта еще на месте, все равно понадобятся ключи для дополнительных дверей камер. Если, например, нужно попасть в камеру, помеченную крестом из белого мела.

Сердце Саммер бешено колотилось. Но она по-прежнему сдерживала себя, прикусив губу.

— Не знаю, могу ли я просить Леди кое о чем, — сказал Теллус после мучительно длинной паузы. — Но как видишь, мне тяжело наклоняться. Не будешь ли ты так добра снова положить карты на стол?

Саммер подпрыгнула и собрала карты, не видя, что Теллус с трудом поднялся. Раздались шаркающие шаги и треск. Она поднялась, положила колоду карт на стол и обнаружила, что там лежала связка ключей с тремя ключами.

— Ну, что ж, пришло время сделать обход, — сказал Теллус и зевнул. — Был рад познакомиться с тобой, Леди Тьямад. По возможности заглядывай ко мне.

Не глядя на нее, он, тяжело ступая, прошел мимо нар и исчез в длинном коридоре. Саммер хотелось кричать от радости.

У нее так тряслись руки, что ключи зазвенели, когда она взяла их. Не теряя ни секунды, она ринулась в ту сторону, откуда донесся звук защелкнувшейся на замок двери. В нише она обнаружила щель, кусочек подвижной стены, которую отодвинул для нее Теллус. За ней находилось крохотное помещение, не больше одного квадратного метра. Свет от ее

фонарика выхватил несколько стальных прутьев для подъема, вмонтированных в стену. А наверху находилась еще более узкая шахта со ржавой металлической лестницей.

***

В шахте пахло как в склепе, где десятилетиями тлели кости. Ржавчина скрипела под ее ногами, а плечи задевали шероховатые камни. Ей было трудно забираться по лестнице в шелковом платье. В конце концов, она заправила подол, насколько это было возможно, за пояс. Пройдя примерно двадцать метров, а может и больше, она действительно обнаружила маленькую дверцу в потолке. Два металлических рамочных замка были соединены с навесным замком. Саммер достала связку и вставила меньший по размеру ключ в замок, висевший над ее головой. Когда ключ со скрипом повернулся, прямо ей на лицо осыпалась ржавчина.

Она с отвращением сплюнула ржавчину и металлические осколки и плечом надела на крышку. Та был удивительно тяжелой. Саммер выругалась и стиснула зубы. Наконец заскрипел невидимый шарнир. Откидная крышка оказалась каменной плитой в полу в своего рода — нише? Если она закрыта, никто и не заподозрит, что внизу находится шахта. Саммер отодвинула камень в сторону и вылезла, опираясь на руки и колени, из шахты. Было ощущение, словно она из подземелья попала в парящий мир, состоящий из лунного света и ледяного, свежего воздуха. Воздух благоухал! Пах морем и проплывающими мимо дождевыми тучами. Саммер села на пятки, чтобы немного отдышаться и насладиться видом.

Перед ее глазами предстали не мрачные застенки, а скорее дворец. И хотя новые, грубо построенные перегородки разделяли огромную площадку на сегменты, было четко видно, что раньше парадные комнаты, как огромные цветки, были сгруппированы вокруг открытой винтовой лестницы. Также обращали на себя внимание высокие окна с заостренными фронтонами. Их верхнюю часть украшали выдолбленные орнаменты из камня, в которых угадывалась былая роскошь королевских палат. А на сводчатых потолках фонарик Саммер высветил золотисто-красный мозаичный узор.

Порыв ветра задел окно. У Саммер по спине побежали мурашки. Это действительно был шепот и вой, как будто призраки заключенных все еще бродили вокруг стен. От страха у нее на мгновение перехватило дыхание, когда она представила, что Кровавого Мужчины уже больше здесь не было, что он давно выпал из окна при попытке спуститься вниз. Она вскочила и начала бегать от двери к двери. Наконец Саммер наткнулась на металлическую дверь, которая открылась одним из ключей. А дверь с белым крестом находилась прямо напротив.

В один момент у нее так пересохло в горле, что стало больно глотать. Некоторое мгновение она раздумывала, действительно ли ей стоит отважиться пойти в его камеру. Не подвергалась ли она опасности быть немедленно выкинутой им из окна, но потом она вспомнила сон о снеге и его смехе и тут же забыла о благоразумии и осторожности. Саммер быстро вытащила юбку из-за пояса, вставила ключ в замок, резко повернула его, так что он затрещал. И удивилась, когда тяжелая дверь бесшумно и легко открылась.

***

Парадоксально, но в первое мгновение она была просто бесконечно счастлива увидеть его. Он не выбросился из окна, а сидел, подтянув к себе ноги, на широком подоконнике. Слишком близко к воздушному потоку, который трепал его куртку и волосы, при каждом порыве ветра, падающими ему на лоб. Он застыл в одной позе, неподвижно как статуя, в то время как мимо него проплывали облака со светящимся краешком луны. Раньше здесь могла

находиться роскошная, королевская кровать, а теперь на матраце, лежавшем на полу, валялась лишь груда одеял и мехов. Станный контраст по отношению к позолоченным мозаичным полам. Каменные орнаменты на окне разрезали лунный свет на пыльные полосы. В матовом свете силуэт мужчины, смотрящего вдаль, выглядел как нарисованный. Саммер затаила дыхание.

«Если я позову его, он потеряет равновесие и упадет», — подумала она.

«Или набросится на тебя и отомстит за то, что ты украла у него сердце, как орел нападает на лисицу», — сказал не такой отважный голос.

Как будто прочитав ее мысли, он повернулся, но не вздрогнул и не потерял равновесие. Ловким движением он скинул ноги с подоконника и встал перед окном. Его лицо было в тени луны, она смогла разглядеть только повязку на теле. Внезапно она почувствовала волнение, хотела подойти к нему, но не решалась. Хотела увидеть его лицо, поговорить с ним, но словно забыла, как разговаривать.

— Как ты сюда попала? — спросил он хриплым голосом.

— Я подкупила стражника.

И из трусости добавила:

— Он... стоит за дверью.

Мужчина выдохнул через нос, как будто ее ответ был не достоин даже его смеха.

— Ну, вот, нам обоим снова известно, где мы находимся.

По крайней мере, в тюрьме он не утратил своего сарказма. Саммер хотела ответить, но он резко отвернулся от нее. На его лицо падал лунный свет. И она поняла, что на самом деле означали недружелюбные нотки в его голосе. Он не мог вынести того, чтобы посмотреть на нее. И она могла понять, почему. Еще несколько дней назад он предостерегал девчонку с короткими волосами и матросской куртке от солдат Леди. Теперь перед ним стояла женщина, которую он столетия назад полюбил и затем возненавидел. Леди с длинными волосами. *«Возможно, он и не заметит, что мое платье сегодня было черным, а не белым»*.

Или он тоже видел их вместе в снегу? Смеющихся, обнимающихся?

Их поцелуй у водопада снова стал совсем близким. *«И самое безумное заключается в том, что я по-прежнему хочу обнять его»*.

Она осторожно сделала шаг в сторону, затем еще один, приближалась к нему со стороны, до тех пор, пока не встала рядом с ним к окну. На этот раз он выдержал ее взгляд. И впервые, она призналась себе в том, что он ей нравился. Таким, каким он был сегодня, со всей его дерзостью, и даже гневом и болью на лице. Тоска по нему, быть с ним рядом и прикоснуться к нему, так стремительно расцвела в ней, что теперь ей самой пришлось отвести взгляд.

— Ты — Индиго, — сказала она.

— Может да, а, может, и нет, — твердо ответил он. — Я был бы глупцом, сказав тебе это.

Его враждебность была словно пощечина.

— Я не обманывала тебя. И не знала, что другие Зоря ищут меня. Я даже не знала, что принадлежу к ним.

Он задрал подбородок и посмотрел на нее свысока.

— Зоря, — холодно сказал он. — Интересно. Через столько времени я узнаю, кто ты на самом деле.

— Ну, тогда скажи мне, ты ли тот мужчина, который обманул меня и хотел убить.

— Мужчина, который обманул *тебя*? — вскипел он. — Ты сама слышишь, что говоришь? Что ты сделала с моим сердцем? Проглотила как демон?

— Я не знаю! — огрызнулась она. — Вполне возможно. Может быть. Как я могу это выяснить, если ты ничего не рассказываешь мне о себе... о нас?

— Чего стоит заключенный, который все рассказывает? Что касается сердечных дел, может тебе лучше спросить своего белокурого друга?

Саммер прикусила губу. Теперь ей снова захотелось прибить его за высокомерие. Даже Анжею не удавалось так быстро рассердить её.

Казалось, что воздух между ними состоит из кипящей воды. Внезапно стало понятно, что у них было два пути. Первый вел из тюрьмы. Второй вел к ссоре, которая как течение оттолкнуло бы их друг от друга, пока они окончательно не потерялись.

Саммер колебалась. Может это был обман, отражение лунного света в его глазах. Но в его взгляде было что-то, что задевало ее как искра. Выражение, которое изобличало его враждебность. И Саммер забыла о своем гневе и выбрала третий путь.

Опустив фонарик на пол, она подошла к нему, и осторожно, чтобы не задеть рану, обняла его.

— Не кричи на меня, просто выслушай. Я видела нас во сне. Я помню. Это не была ложью. Я действительно любила тебя.

Было странно не чувствовать сердцебиения, и все же она почувствовала, что в нем что-то поменялось. Он с трудом сглотнул, и ненависть, которая только что вибрировала в нем, сменилась чем-то другим, что она не могла назвать. Ей так хотелось, чтобы и он обнял ее, однако он просто стоял и не двигался.

— Почему я должен тебе верить? — спросил он хриплым голосом.

— Потому что это правда! — ответила она, слегка рассердившись. — Я забыла, но всегда искала твои поцелуи, искала тебя!

— Ты уверена, что это был я?

— Ну, а кто же еще? — возмущенно выкрикнула она.

— Мужчина, в чьих объятиях ты лежала.

— Это были *твои* руки! Я уверена, что ты был тем, кого я любила. Я была счастлива с *тобой*!

«И так стремилась владеть тобой, что хотела забрать себе твое сердце».

Она закрыла глаза, продолжая удерживать его, как будто хотела не дать ему броситься в пропасть.

И вот, когда ее уже покидала смелость, она почувствовала, как его напряжение спало. Осторожно, как будто действительно боясь потерять равновесие и упасть в бесконечно глубокую пропасть, он приобнял ее.

Его рука скользнула к ее затылку. Кожаная перчатка на ее коже, но сегодня ее это не волновало. Напротив. Саммер улыбалась, впитывая тепло его тела, каждый вздох и каждое прикосновение. Она подняла голову и посмотрела в его глаза и снова увидела снег и зимние цветы. Не долго думая, она обхватила его лицо руками, нежно притянула к себе и поцеловала. В этот раз нежно, без той безумной страсти во время их встречи у водопада. И без малейшего страха. Почти не колеблясь, он ответил на ее поцелуй. Она даже не подозревала, каким нежным он мог быть. Его губы были мягкими и теплыми, так что теперь и Саммер потеряла равновесие, но упала не глубоко — теплый поток чувств подхватил ее и унес прочь. Неохотно она все-таки вернулась в реальность.

— Пожалуйста, скажи мне, — прошептала она. — Я должна это знать. Ты... Индиго?

Он долго медлил, после чего сказал:

— Нет.

У нее были небольшие сомнения, но здесь и сейчас она не хотела прислушиваться к ним.

— Тогда как тебя зовут?

Он не улыбался, но когда она посмотрела на его лицо, в его взгляде таилась тоска, окутавшая ее как теплое дыхание.

— Любимый, — тихо сказал он. — Ты называла меня так. Ты, правда, этого не помнишь?

Услышав его имя, Саммер оцепенела. Как будто уловила музыку, еще до того как услышала ее.

— А кто я?

— Шена — пламя. Я называл тебя так из-за твоих волос и, потому что ты была вспыльчивой, гордой и всей душой пылала любовью к жизни.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее. Их губы почти соприкоснулись, но в последний момент он замер. По его лицу пробежала хорошо знакомая ей тень. Он резко отпустил ее, отвернулся и твердым голосом сказал:

— Уходи.

Глава 18

Цорва

Первые лучи утренней зари осветили горизонт, когда она вернулась к Зоря и в подавленном настроении стряхнула с платья пыль и остатки грязи из шахты. *Любимый*. Его имя отзывалось эхом в ее голове, производилось тысячами голосов — шепотом, нежно, яростно, грустно. Она не помнила ситуации, в которых когда-то произносила его, но зато помнила каждую интонацию. *А Шена?* С Шеной все было по-другому. Имя Шена было ей незнакомо, как будто она слышала его в первый раз. *«Это не то имя, которым он позвал меня к своей постели во время болезни. И он говорит, что не является Индиго. Но могут ли меня обманывать собственные воспоминания?»*

Странно, но, несмотря на все сомнения и все что она пережила, Саммер не могла перестать думать о том выражении его глаз. И о том, какие ощущения она испытывала, держа в руках его лицо. *«Я... влюбилась? Или это тоже всего лишь воспоминание?»* Ее сердце учащенно забилося, когда она подумала о поцелуе, его руках. Нет, это не был поцелуй из настоящего. *«И он оттолкнул тебя»*. Сейчас она ужасно себя чувствовала и хотела только одного: вернуться к Зоря, быть одной из них, окунуться в их созвучие, где не было боли и задетой гордости. Расправив помятую юбку, она побежала.

Добравшись до прохода к Зоря-башне, она перескочила через две ступеньки и одним прыжком приземлилась на каменном полу. Затем метнулась направо, к лестнице, и с размаху столкнулась с кем-то, кто также быстро бежал навстречу, не замечая ее. Малахит ударился о ее маску из слоновой кости, в результате чего они оба упали на пол. Анжей тут же поднялся на ноги и сорвал маску с лица. Тяжело дыша, он набрал в легкие воздуха.

— Вот ты где, ну наконец-то! Я повсюду ищу тебя! Ты... — его взгляд удивленно скользнул по ее платью. — Где ты была?

«Тебя это не касается!» — ее так и подмывало бросить ему эту фразу.

— Я просто осмотрелась тут.

Анжей с сомнением приподнял брови.

— В подвале, где лежит всякая рухлядь? Или, — он указал на ее ноги, покрытые ржавой пылью и грязью, — в каком-нибудь машинном отделении?

Он протянул руку, чтобы помочь Саммер встать, но она проигнорировала ее и встала сама. Недоверие на его лице ясно показало ей, что он не удовлетворится ее смутным объяснением. Но прежде чем она успела что-нибудь придумать, он сказал:

— Леди Мар хочет тебя видеть. В восьмом доме. Немедленно.

Даже под маской она почувствовала, что побледнела.

— Немедленно? Но я не могу пойти к ней в таком виде. Я должна переодеться. Я потороплюсь...

— На это у тебя уже нет времени, — нетерпеливо прервал ее Анжей. — Она уже и так ждет. И одно я тебе могу сказать точно, она не любит ждать.

***

Восьмой дом был самым западным домом в обращенной к земле части цитадели. Даже проходы здесь имели прозрачные полы. На самом верхнем этаже Анжей остановился перед металлической дверью и повернулся к Саммер.

— Речь пойдет об Индиго, — просто сказал он.

Сердце Саммер на мгновение замерло, а потом начало бешено колотиться. «*Может, она уже давно все знает?*»

Анжей нажал на тяжелую ручку в форме акульего плавника. Саммер тщетно попыталась в последний раз разгладить платье и привести в порядок волосы. Затем выпрямив спину, она перешагнула следом за ним через порог.

Она ожидала увидеть нечто вроде тронного зала, но оказалось, что самое верхнее помещение башни представляло собой восьмиугольный зал заседаний с отделанными бархатом стульями и столом в форме подковы. На нем стояла модель северной страны, на которой флажками и красками были отмечены линии фронта, лагеря и захваченные области. Леди Мар и дюжина офицеров стояли с биноклями у стеклянной витрины и наблюдали за клубами дыма, поднимавшимися вдалеке в окрашенное розовым светом утреннее небо.

Никто не повернулся к Анжею и Саммер.

— Иди сюда! — только лишь сказала Леди Мар, не опуская бинокль. — А вы можете идти. И ты тоже, Анжей. Подожди за дверью.

Анжей бросил Саммер ободряющий взгляд и вышел вместе с другими людьми. Становилось жутко от того, что их шаги тоже были бесшумными. Черный ковер поглощал все звуки. Дверь закрылась с глухим щелчком.

Саммер осталась с женщиной-смертью наедине.

Леди Мар повернулась к Саммер и протянула ей бинокль.

— Вот! Посмотри на военный лагерь лорда Теремеса. Южнее линии фронта.

Ее голос звучал грубо, было хорошо заметно ее недовольство по поводу опоздания Саммер. Саммер боязливо подошла к ней и взяла бинокль. Испещренные ущельями берега освещала утренняя заря. В бинокль она сначала увидела холмистую местность, затем слишком близко, черные клубы дыма. А дальше на юге она смогла распознать поле, заполненное палатками.

— Это только начало, — объяснила Леди Мар. — До сих пор это были лишь приграничные бои, но Лорду Теремесу действительно удалось отодвинуть назад трупы

моих лордов. В данный момент он покинул свои укрепления и продвигается на северо-восток. Он хочет захватить самую знаменитую из всех крепостей. Только потому что я здесь.

Саммер схватилась за бинокль в надежде, что Леди не почувствует ее нервозности. Она чувствовала на себе взгляд ее серых глаз и покраснела под маской от стыда и страха. Интересно, что думала Леди о Зоря, которая отважилась предстать перед ней со спутанными волосами и в помятом, пыльном платье? *«Если бы она знала, у кого я только что была...»*

Саммер ощущала, что ей не хватает воздуха.

— Без маски ты сможешь лучше видеть, — остро заметила Леди Мар.

— Я... вижу достаточно, — ответила Саммер. И как бы между прочим добавила, — чего Лорд Теремес хочет добиться этой войной?

— Ты, правда, не знаешь? Лорд Теремес всего лишь марионетка. Так же как и все эти наемники с юга и городские главы из Маймара, Анаканда и других городов, которые оплачивают эту войну.

Пауза, во время которой Леди рассматривала ее со стороны, бесконечно затянулась. Саммер вздрогнула, когда последовал приказ:

— Посмотри на меня, Тьямад!

Она нерешительно опустила бинокль и повернулась к женщине-смерти. В ее глазах вспыхнуло нечто угрожающее, мрачное, в остальном железная маска была тусклой и ничего не выражающей.

— Только ты знаешь человека, который за всем этим стоит, — сказала Леди Мар. — Видимо, твой Индиго честолобив. Он стал бессмертным и вошел во вкус войны. Полагает что может нас победить и властвовать над жизнью и смертью. И он долго к этому готовился. Я подозревала это уже в те годы, когда ты исчезла. Я чувствовала, что ты жива. Где-то. Я была рассержена на тебя, Тьямад. Я думала, ты обманула меня и намеренно скрываешься от нас. Поисковики выяснили, что ты на севере, но не смогли напасть на твой след. Как будто ты специально замечала их.

— Я... не скрывалась от вас намеренно. Вы же узнали об этом! Индиго тяжело ранил меня, и в бессознательном состоянии похитил меня по морю.

— Неподвижной, да, без сердцебиения, как будто в зимней спячке. Я верю тебе, что все было так, как ты рассказывала. Тем не менее, мы должны посмотреть фактам в глаза. Индиго в это время не спал. Некоторое время назад снова исчезла Зоря, а три года назад еще одна. Обе были во время их последнего поцелуя где-то на севере. И вот прошло уже десять дней с тех пор как четыре Зори не вернулись во внутренний круг! Таким образом, Индиго объявил мне войну. Полагаю, что их постигла та же судьба, что и тебя. Их поиски ничем не увенчались. Может быть, уже есть шестеро человек, которые таким способом украли бессмертие. Может Лорд Теремес один из них. Когда ты очнулась чуть больше года назад, я уже чувствовала, что что-то происходит. Уже тогда я подозревала, что ты являешься ключом ко всему происходящему.

Саммер опустила голову. Чувство вины захлестнуло ее сильнее, чем когда-либо. Больше всего ей хотелось сбежать к другим Зоря. Она страстно желала просто окунуться в их мир и стать их частью. А не той девушкой, на которую так пристально смотрела Леди Мар, как будто хотела проникнуть в самые потайные уголки ее души.

— Когда ты пришла в себя после землетрясения в Телисе, я ощутила твой страх и замешательство, — продолжила Леди Мар. — Тогда я поняла, что, по крайней мере, в этот момент ты не вела со мной нечестную игру, что с тобой действительно произошло что-то

ужасное. Я снова послала поисковиков, чтобы найти тебя, а сама в это время объединилась с некоторыми лордами, чтобы создать хороший опорный пункт на севере, там, где пропали ты и другие Зоря.

«*Нечестная игра*». Если Леди знала о ее тайне, то сейчас это было ее последнее предложение Саммер, все ей рассказать.

— Сними маску, Тьямад!

«*Видит ли она, как сильно дрожат мои руки? Соберись!*» Ее руки были такими горячими, что слоновая кость казалась холодной как лед.

— Я вижу, ты восстановилась, — заметила женщина-смерть. — Ну и как обстоят дела с твоими воспоминаниями? Ты вспомнила, чем мог ранить тебя Индиго? Как он смог лишить тебя плаща?

Не только суровый голос Леди Мар заставил Саммер вздрогнуть.

— Меч, — тихо сказала она.

Плащ Леди Мар зашелестел как миллионы крыльев, когда она отвернулась и нетерпеливо прошлась вдоль прозрачной стены. Когда она остановилась и снова повернулась к Саммер, она выглядела так, будто парила прямо над далекими полями битв.

— Мало вероятно, Тьямад, — крикнула она ей. — Нас нельзя ранить, с нашим плащом ничего нельзя сделать. Ничего! Его не берет ни огонь, ни меч, ни кислота. Значит наш тщеславный друг с твоей помощью выведал что-то такое, что действительно может навредить нам. Что-то, что делает нас ранимыми, как видно по тебе и другим исчезнувшим Зоря. Видимо, он долгое время экспериментировал и теперь чувствует себя достаточно сильным, чтобы ополчиться против меня. Мы должны положить этому конец, пока он не натворил еще больше бед.

Она сняла маску и предстала перед Саммер гневной повелительницей смерти. Ее серые глаза пылали. Тем не менее, Саммер почувствовала облегчение. Дело было не в ее тайне, а в ее задании в качестве Зоря.

Крылатый плащ затрещал, когда Леди Мар указала на полевые лагеря.

— Он где-то там, в лагере Лорда Теремеса.

— И Вы хотите, чтобы я нашла его.

— Дело не о том, что я от тебя хочу, — прогремела Леди Мар. — Речь идет о том, что ты должна понести ответственность за свой проступок и довести работу до конца. Я создала вас только для этой цели. Он начинает ослаблять нас.

Странно, но Саммер в этот момент не удалось наблюдать за происходящим только глазами Зоря. Там было намного больше. Ей на ум пришли Фаррин и Мойра, знаменитая тем, что могла предотвращать войны. Под предлогом посмотреть на маску, она поспешно опустила взгляд. Любимый. «*Или Индиго? На самом ли деле это не он? И какую роль играла я во всем этом?*» Вопреки ее воле, в мыслях Саммер промелькнула сцена из сна. В ее руке билось его сердце.

— Сначала я должна все вспомнить, — сказала она. — Но... если я найду его, Вы закончите эту войну?

Она робко подняла взгляд. Леди скрестила руки на груди и наклонила голову, как будто размышляя над нелепым вопросом.

— Войну? Почему я? Войну ведут лорды.

— Но они воюют за Вас, во имя Вас. На побережье Вас знают как разбойницу победившую короля Бераса.

Сказав это, Саммер удалось удивить Леди Мар.

— Я не знала, как много ты забыла, — удивленно сказала она. — Ты, правда, думаешь, я хочу выиграть войны людей? Только потому что они изображают меня на своих боевых знаменах?

Она рассмеялась.

— Значит... для Вас это всего лишь игра?

Казалось, и этот вопрос развеселил Леди.

— Поле битвы — это шахматная доска смерти, если уж на то пошло, — не долго думая ответила она. — Ты же вроде бы должна меня знать. Я люблю наблюдать за игрой и изучаю стратегию людей. Она очаровывает меня, но по-другому, не как тебя. А иногда, я выбираю себе несколько королей, пешек или ферзей, и посылаю их на игровое поле.

В одно мгновение она вновь стала серьезной.

— Но сейчас речь о другом! Об Индиго. О тебе и, тем самым, о всех Зоря. Мои Лорды были ослеплены перспективой получить власть. Они уже давно ведут свою собственную игру.

Саммер молчала, и она добавила:

— Будь честна со мной, Тьямад. Говори откровенно. Мы, Зоря, не должны иметь друг от друга секретов.

Это предложение стало для нее ударом. Саммер сглотнула, вертя в руках маску. Пауза затянулась, она судорожно искала какой бы еще вопрос задать.

— Значит... это мы виноваты, что в этой войне гибнет столько людей?

Леди Мар засмеялась. И в этом смехе были и доброта и жестокость, совсем близко друг к другу.

— Ты бы тоже сказала, что это ветер виноват, если во время штурма погибают люди? Или море, когда оно разрушает дамбу? Нет, Тьямад. Лорды думают, что повинуются моим приказам. На самом деле, они сами принимают решения. Я ничего не требую и не противоречу. Они воспринимают это как согласие или отказ, смотря как им удобнее и как это вписывается в их планы. Они сами создают правила, а считают что это моя идея. Возьми, например, Лорда Джораса. Я говорю ему, что никогда не буду снимать маску в присутствии людей, а он сделал из этого закон, что никому не разрешено видеть лицо Зоря. Это он был тем, кто ввел за это смертную казнь. А почему? Чтобы показать свое уважение, чтобы пресмыкаться передо мной в надежде, что я дам своему самому усердному слуге немного больше власти. Я говорю, хочу цитадель, и он и другие союзники начинают воевать и приносят ее к моим ногам. Хотя я бы и сама могла получить ее, достаточно было бы спросить короля Бераса. Уверена, что ему бы так понравилось иметь такую владычицу как я, что он бы немедленно стал моим союзником.

— Значит, мы соблазняем людей? — сказала Саммер. *«Как Индиго соблазнил меня жизнью?»*

Ее пронзил острый взгляд.

— Я могу вытянуть из людей только то, что они носят в себе. В большинстве случаев это алчность и стремление к власти. Я пытаюсь выяснить, что их так в этом привлекает. Может они надеются таким образом получить бессмертие? Но не все люди одинаковы. Я была у некоторых в гостях, для которых мое присутствие послужило поводом противостоять жадности. Другие обращались со мной и с вами как с друзьями, а не как с повелительницами. А еще другие через меня научились по настоящему ценить и любить

жизнь, вместо того чтобы тратить ее на получение власти. Я была в гостях у бедных и богатых, и все эти люди постоянно удивляют меня. Я скажу тебе кое-что: кто хочет быть соблазненным, не нуждается в соблазнителе, ему нужен лишь повод. И такой повод они, конечно же, получают от меня. Видимо Индиго думает точно также. Иначе, почему он так легко справился с тобой?

Саммер прикусила нижнюю губу и молчала. Леди сняла бархатные перчатки и уронила их на пол, там, где стояла. Затем подошла к Саммер и дотронулась до ее щеки. Ее рука была холодной и теплой одновременно. Несмотря ни на что, было приятно ощущать связь друг с другом.

— Думаешь, я тебя упрекаю? — приветливо сказала Леди. — Да и нет, Тьямад. Ты еще совсем молода. Когда Индиго позвал тебя, ты только недавно пробудилась для того, чтобы стать Зорей. Ты позволила себя обмануть. Такое может произойти. Бельен тоже не была бы от этого застрахована. Как ты понимаешь, я вполне разделяю твое очарование всем, что связано с людьми.

— Я пробудилась? Что это значит?

Пальцы Леди Мар нежно погладили ее по щеке.

— Моя бедная Зоря, — тихо сказала она. — Лишившись плаща, ты потеряла столько самой себя. По тебе видно, как сильно ты пытаешься быть человеком. Но все уляжется. Уже скоро.

Взгляд серых глаз был интенсивным как прикосновение. Прикосновение к ее мыслям. Саммер непроизвольно вздрогнула, отпрянув от ласкающей ее костлявой руки. *«Спроси ее что-нибудь, смени тему!»*

— Леди Мар, кто мы на самом деле? Откуда мы? Мы рождаемся как люди?

— Совершенно точно нет. Большинство из вас создают себя сами.

— Как?

— Ты была кем-то, кто так отчаянно хотел жить, что украл у другой Зори существование. Так вы и возникаете. Я дарю вам что-то вроде жизни. За это вы приносите смерть. До тех пор, пока вы не поцелуете девушку или женщину, чье желание жить сильнее вас.

— Значит я была человеком, до того как стала Зорей? — спросила она дрожащим голосом. — Кем?

— Дочерью рыбака. Ты утонула. И под водой цеплялась за Зорю, которая хотела избавить тебя от страданий.

— Значит, поэтому я боюсь воды.

— О нет, не поэтому, — сказала Леди Смерть. — В общем-то, все Зоря не любят воду. Мы воздушные создания. Воздух наш элемент. У нас крылья, а не плавники. Пепел на ветру нам нравится больше, чем пена на морском песке. В воде правят другие силы. Это элемент Тандрай. Они настолько чужды нам, что мы даже не понимаем их язык. У них совсем другие формы угасания жизни, не смерть в нашем понимании этого слова. Вода, их элемент, олицетворяет жизнь. Мы можем использовать ее, чтобы унести прочь, но такие существа как Тандрай ненавидят нас, а мы их. Иногда мы ведем с ними войну — за города, области, господство. Это единственные битвы, которые я довожу до конца ради нас. Так было с испокон веков и так будет и в дальнейшем. Нет, твоя человеческая жизнь тогда окончательно угасла, так же как и воспоминания об этом. Я превратила тебя в нечто другое, в тебе осталась лишь искра жизни. И я придала ей форму, которая бы понравилась людям.

Она понизила голос.

— Если бы вы действительно вспомнили, что были людьми, тем самым вы бы просто пытались бы стать тем, кем были.

— Только девушки и женщины могут таким способом стать Зорей? А что... с Анжеем? Он не приносит смерть?

Леди Мар покачала головой.

— У мужских Зоря другие задачи. Они мое связующее звено с людьми. Они сделаны из ветра, и сами нашли искру жизни. Они связаны с нами, могут выследить любую Зоря, которая позволяет себя найти. Они единственные, кто способны укрыть другую Зоря крылатым плащом и перенести ее в любое другое место. Иногда случается, что Зоря не сразу находит дорогу назад. Тогда она зовет поисковика. Кроме того, это поисковики приносят ко мне каждую вновь пробудившуюся Зоря.

— Но каждый раз, когда одна Зоря пробуждается, другая умирает, — сказала Саммер. — А кто... посылает нам эту смерть?

Леди Мар сделала шаг назад и посмотрела на свою руку, торчащие из под прозрачной кожи кости. Затем обвела взглядом местность. Вдалеке по-прежнему поднимался дым.

— Мы просто угасаем, как искры в воде, — сказала она глухим голосом. — Мы перестаем существовать. А последнее, что мы чувствуем — одиночество.

— А люди? Что происходит с ними? Я имею в виду... после нашего поцелуя?

Леди Мар пожала плечами, что, в общем-то, было человеческим жестом.

— Кто знает? Говорят, у них есть души.

— А у нас нет?

В атмосфере почувствовалось незначительное изменение. Вибрация подавляемого гнева. Леди Мар скрестила руки и уставилась на нее, как будто ее терпение вышло.

— Может, ты знаешь ответ на это, Тьямад! Ты же стремилась к человеческому бытию. Носительницы смерти должны быть похожи на людей, но никогда не должны желать стать человеком. Они никогда не должны распоряжаться жизнью и смертью. Вы в этом мире для того, чтобы чтить жизнь смертных и завершать ее. А не для того, чтобы влюбляться и давать себя обманывать.

Саммер не могла сдержать выступившие на глаза слезы. Странно, но обе ее личности в этот момент буквально разрывали ее. С одной стороны Зоря, которая не хотела ничего, кроме как принадлежать Леди Мар и другим Зоря. И которая снова почувствовала себя такой виноватой, что, казалось, ее сердце горело от боли. И другая личность, девушка, слишком хорошо помнившая поцелуй и не желавшая ничего, кроме как убежать прочь из этой комнаты.

— Это... еще один трибунал? — наконец сказала она. — Вы же простили меня!

— Только поэтому ты еще существуешь, — грубо ответила она. — Мне не нравится, когда мои Зоря влюбляются как человеческие женщины. Я заглянула в твои воспоминания. Ты вся горела от любви.

Женщина смерть стала казаться больше. Такой высокой, что перекрывала землю и море. У Саммер болели пальцы, так сильно она сплела их. Еще никогда она не ощущала себя такой маленькой и беззащитной. Леди Мар раскусила ее. *«Но этого не может быть. Она не может этого знать»*. Одновременно голос Зоря предупредил ее: *«Ты обманываешь Леди Мар! Повелительницу над всем, что ты из себя представляешь!»* Саммер отчаянно искала ответ, что-нибудь чтобы отвлечь ее, но невидимая рука, казалось, сдавила ей горло.

— Ты должна найти его, — настойчиво сказала Леди Мар. — Поверь мне, я бы хотела, чтобы кто-то другой из нас мог взять на себя это задание. Но он позвал тебя, произнес твое имя, поэтому только ты можешь быть смертью Индиго. Кроме того, ты единственная, кто может его узнать.

— В моих воспоминаниях его лицо просто белое пятно, — прошептала она. По крайней мере, это не было ложью.

Леди Мар сухо засмеялась.

— Конечно. Ты намеренно стерла из памяти его лицо, чтобы никто из нас не мог найти его, заглянув в твои сны. Что в прямом смысле слова было напрасным трудом, потому что даже, если бы я знала, кто он, я бы не смогла убить его. Самое большее на что я была бы способна, это надоумить одного из Лордов до тех пор пытаться и заставлять его страдать, пока он не проклянет свое бессмертие и не позовет свою Зоря.

Ее голос стал тихим и опасным.

— Поверь мне, я бы это сделала. Но дать ему смерть можешь только ты. Ты узнаешь его. Саммер учила, что Зоря не мерзнет, но, тем не менее, все ее тело онемело от холода. Она не могла воспрепятствовать тому, чтобы увидеть перед собой Любимого. *«Она посмотрит тебе в глаза и найдет его...»*

Но Леди отвернулась и уставилась на местность.

— Ты все еще слишком человечна, Тьямад. Но это пройдет. Мои трупы еще какое-то время смогут сдерживать трупы лорда Теремеса. Я могу дать тебе время. Но не много.

Она надела железную маску и пошла к двери. Возле нее она еще раз обернулась.

— Мы стали ранимыми, Тьямад, — тихо сказала она. — Твой враг не дремлет. Подумай, это всего лишь вопрос времени, пока Бельен или какую-нибудь другую Зоря постигнет та же участь, что и тебя. Только ты можешь вернуть нам нашу неуязвимость.

***

Она не знала, как долго стояла возле стены, держа в руке маску, растерянная и придавленная этим старым чувством вины. *«Это не мог быть меч»*, — слова Леди Мар эхом прозвучали в ее голове. *«Может, это и правда был не он»*, — думала она.

Саммер вздрогнула, когда кто-то встал рядом. Это был Анжей.

— С тобой все в порядке? — приветливо спросил он. — Ты бледная.

Она поспешно надела маску и сделала шаг в сторону, уклонившись от его руки, которой он хотел дотронуться до нее.

— Оставь меня!

Правой рукой Анжей крепче схватился за малахитовую маску.

— Ты все еще сердишься на меня?

— Конечно! Ты еще больший лжец, чем я.

— Это ты предложила мне всю эту ложь, — невозмутимо ответил он. — Например, про рудник. Ты говорила ключевые слова, а от меня требовалось, так сказать, только кивать. И я не лгал, когда утверждал, что ты будешь здесь в безопасности.

Она неохотно была вынуждена признать, что он был прав. «Тоже самое я делала с Финном и другими. Все истории, которые я про себя рассказывала, возникли из картинок, которые они сами предложили».

— Шрамы на твоей спине... Это ее рук дело, Леди Мар, не так ли?

По его лицу пробежала тень.

— Она нетрогает людей, но над нами у нее есть власть, это да. Я был единственный

поисковик, кто знал тебя. Когда ты очнулась, я доставил тебя к ней. Ты этого не помнишь, потому что твое существование в качестве Зоря началось с первой встречи с Леди Мар. Когда ты исчезла, она послала меня на север, чтобы найти тебя. Но тебя там уже не было. Леди Мар думала, что я лгу, и ты обманула ее во второй раз. Она была так рассержена, что наказала меня и оставила в пещере. А после твоего второго пробуждения полтора года назад, она отправила на поиски других. Но когда они не нашли тебя, она разбудила меня.

— Поэтому ты был голым, и с головы до ног покрытым пылью.

Он кивнул и пожал плечами.

— Она не дала мне времени. Мы оба не думали, что мне придется передвигаться среди людей. Я должен был просто появиться рядом и тут же забрать тебя. Но я нашел тебя в этом высотном здании, раненую, без плаща. Ты не имела ни малейшего понятия, кто ты.

Он кивнул, и Саммер была уверена, что воспоминание об этом действительно завладело им.

— Без плаща тебя невозможно было забрать оттуда. Поэтому я вынужден был доставить тебя в цитадель по дороге людей. Это было опасно для меня. Видимо Индиго уже преследовал тебя. Но... — он улыбнулся, — ты тоже не всегда облегчала мне задачу.

Что-то в ней хотело ответить на улыбку. Время, проведенное среди людей, связывало их намного больше, чем она хотела признать.

«Он действовал так, как бы действовала я. Не считая одного».

— Почему ты сжег театр? Из злости, что не нашел меня?

Его улыбка исчезла.

— А если и так, Тьямад? У меня на карту было поставлено все. Думаешь, я бы стоял сейчас здесь, если бы и в этот раз разочаровал Леди Мар? Я был так уверен, что напал на твой след — твой блеск был повсюду! Я искал, перерыл все шкафы и сундуки, потому что боялся, что ты лежишь там где-нибудь, запертая, а может и связанная. Потом я подошел к клеткам. Ты знаешь, как животные реагируют на меня. Они слишком шумели, поэтому я выгнал их наружу и потом обыскал еще и чердак. На самом верху была комнатка. А в ней стол, на котором горела лампа. Но тебя и там не было.

У Саммер был ком в горле, и ей было не по себе, так что она даже не отваживалась задавать вопросы.

— Это была комната Морта. Он был там?

Анжей наморщил лоб.

— Нет, комната была пуста, только горел свет. И когда я не нашел тебя там наверху, то так рассердился, что сбросил лампу со стола. Старое дерево тут же загорелось.

Саммер выдохнула. Морт наверняка спустился вниз, чтобы посмотреть все ли в порядке. И если сначала загорелся верхний этаж, то может он успел выбежать.

— Почему маска? Я имею в виду черную маску, приносящую удачу, которую ты забрал из театра. Для чего?

Анжей скривил уголок рта в дерзкую улыбку, которая так нравилась ей, и затем пожал плечами.

— Для тебя. Леди Мар не оставила мне времени, взять твою маску из слоновой кости. Ни одна Зоря не выходит к людям без маски. Я представил себе, что ты чувствуешь себя несчастной и беспомощной.

«Значит, Зоря так заботятся друг о друге», — подумала она. В какой-то момент она растерялась. По-своему она могла понять поведение Анжея, но простить ему не могла.

— Ты разрушил жизнь человека. Театр был всем, что было у Морта.

Он смотрел на нее совершенно непонимающим взглядом.

Как ни странно для Саммер это выглядело как предательство.

— Значит это правда было всего лишь заданием, Анжей. Хорошо. У тебя хорошо получалось прикидываться человеком.

Анжей быстро опустил взгляд. Затем сердито покачал головой.

— Дались тебе эти люди? Ты что, до сих пор не поняла, в чем здесь действительно дело? Ты не знаешь, что наделала?

Теперь она и вправду была рада, что носила маску. *«Он видел Любимого. Бельен не выдаст ее, но что, если он подойдет поближе и поймет, что у меня есть тайна? Что если он наведет справки?»*

Здрав подбородок, она посмотрела ему прямо в глаза.

— Тебе не нужно мне об этом напоминать, — напала она на него. — Хорошо, ты выполнил свое задание. Леди Мар довольна тобой. И я счастлива, что снова дома. За это я благодарна тебе.

Она все еще искала на его лице выражение каких-нибудь чувств, но Анжей лишь надел зеленую маску и указал на дверь.

— Я отведу тебя назад, Тьямад.

— Спасибо, я сама найду дорогу в круг. И с сегодняшнего дня я больше не нуждаюсь в твоей помощи. Так что не стой у меня на пути.

Он тяжело сглотнул. Его взгляд упал на ее руки, которыми она вцепилась в шелковый материал своей юбки. Он насторожился, рассматривая пыль на дорогой ткани.

— Где ты была на самом деле? — спросил он, пытаясь подловить ее.

За секунду она взвесила все возможности. *«Он и так все выяснит. Поэтому попытаемся сказать правду. По крайней мере, половину правды».*

— В тюрьме, — ответила она. — Я искала солдата, который спас меня от Тандрай. Лорд Джорас арестовал его. Но сегодня я опоздала.

Теперь даже было хорошо, что ее голос дрожал.

— Лорд Джорас приказал казнить его. Его и других солдат, которые видели меня без маски.

— Что ты хотела от него?

— Ты что, все забыл? — вырвалось у Саммер. — Жизнь среди людей так мало для тебя значила? Я просто хотела поблагодарить его!

Анжей фыркнул.

— Как человечно, — презрительно сказал он и ушел, оставив ее одну.

Часть 4

Любимый

Глава 19

Золотая барка

После разговора с Леди Мар Зоря стали еще внимательнее наблюдать за Саммер и еще плотнее окружали ее. В воздухе повисло ожидание и надежда, что к ней вернутся последние воспоминания об Индиго. В эти дни Саммер не отваживалась ходить к камерам, кроме того она не спала и часу, волнуясь, как бы другая Зоря не увидела ее сны и то, над чем она ломала голову. Она сторожила сон Бельен, и при этом всеми силами пыталась восстановить в

памяти лицо Индиго. Но оно по-прежнему оставалось расплывчатым пятном. Однако девушка знала, что у него были темные волосы. Он был высоким и сильным мужчиной, и чем-то действительно походил на Любимого. Он носил перчатки, но это ни о чем не говорило, так как многие мужчины того времени были одеты похоже. Она поймала себя на том, что искала объяснение и хотела верить Любимому.

Леди Мар видимо хорошо ее знала. Час за часом, она все больше вплеталась в их общину. Уже через два дня она знала по имени каждого Зоря, которого встречала, и могла чувствовать особую близость каждой в отдельности, даже с закрытыми глазами. Гилам со светящимся голубым плащом, хрупкая Вий с крыльями пчелы и Халимар, чей волос был такого же цвета как ее крылья мотылька. Изю дня в день она находила частичку самой себя. То, что сила, которую она излучала, будучи Зоря, не играла никакой роли, Саммер заметила в тот день, когда ей снова удалось улизнуть и прокрасться к первой башне.

В этот раз на нижнем этаже ей повстречались слуги. Стоя в лифте, ей стало понятно, что она рассматривала их глазами Леди Мар. Как очаровывающие человеческие фигуры на шахматной доске жизни, но так далеко от нее, что их судьба ее совершенно не трогала.

Но была и другая сторона. Когда несколько минут спустя Саммер с нетерпением бросилась наверх к камере стражника, она не знала, кто больше радовался их встрече. Теллус или она. Не то, чтобы старый охранник показал ей это.

— А, Леди Тьямад, — пробурчал он, сделав угрюмое лицо. — Ну, что же, можешь присесть, только не вздумай снова залить мой стол слезами.

Его глаза светились, и она даже заметила, что он тщательно побрился. Карты, собранные в стопку, лежали на столе, как будто он надеялся, что в скором времени у него будут гости. Саммер сняла маску и положила ее на деревянный стол, на котором виднелись пятна от вина.

— Единственный, кто сегодня будет плакать, это ты, Теллус, — она схватила карты. — Когда увидишь, что нашел свою чемпионку.

***

В камерах стало холодно. Скоро рассветет, и Саммер сможет намного лучше разглядеть мозаичные полы и орнаменты на окнах. Прежде чем пойти к Любимому, она заглянула в помещения, которые не были закрыты, и нашла в одном из них сложенные друг на друга одеяла и стулья. С двумя одеялами в руках, она на цыпочках вошла в камеру Любимого. Теллус был не единственным, кто надеялся на ее возвращение. Любимый тоже не спал. Он сидел под окном, прислонившись спиной к стене, оперев руки на колени, и смотрел на дверь. Ей сразу же бросилось в глаза, что на нем не было повязки. Хоть он и не улыбнулся и не поприветствовал ее, Саммер заметила, как его лицо на мгновение засияло.

Он ничего не сказал, когда она подошла к нему и молча села рядом. Со страхом в сердце она сидела и искала подходящие слова, украдкой поглядывая налево и сравнивая его с мужчиной, который лежал на кровати в тронном зале. «Он так похож на него», — удрученно думала Саммер. И одновременно она наслаждалась его близостью и мечтала о том, чтобы просто взять его за руку и забыть обо всем.

— Я хочу тебе верить, что ты не Индиго, — сказала она некоторое время спустя. — Пожалуйста, расскажи мне, что тогда произошло.

Любимый покачал головой.

— Мы не на одном уровне, Шена, — спокойно ответил он. — Я заключенный. Черта с два я дам тебе нож, которым ты перережешь мне горло.

— Это же ты хотел перерезать *мне* горло в Маймаре! Напомнить тебе, что это я несколько дней назад была твоей пленницей?

К своему удивлению, Саммер заметила, что он слегка покраснел, теребя при этом перчатки. Казалось, его окружает что-то мрачное. Во второй реальности она ощущала это как затененную вибрацию, как будто он вел сам с собой внутреннюю борьбу.

Собравшись с духом, она продолжила:

— Ты двести лет подряд так ненавидел меня и искал?

— Не каждый день, — помедлив, ответил он. — Конечно, бывали годы, когда я не делал ничего другого, кроме как искать тебя. Года и столетия я был занят тем, чтобы забыть тебя. Я пытался получить от вечности самое лучшее. Много путешествовал. Но ты была как лихорадка, возвращающаяся снова и снова. Всегда когда я слышал музыку, я выходил и искал тебя среди публики.

— До тех пор пока не нашел меня.

— Я бы узнал тебя под любой маской.

Он посмотрел на нее со стороны. Его взгляд был как прикосновение.

Нападение на улице Маймары снова предстало перед ее глазами и заставило содрогнуться. Как будто почувствовав это, он отвел взгляд в сторону и прикусил губу.

— Я не смог находиться в театре, — тихо сказал он. — Одно дело кого-то долго искать и совсем другое, внезапно найти его. Да еще... так. В длинном платье и с украшением в волосах.

Его голос стих, потерял звучание, словно кто-то сдавил ему горло.

— Это было так, как будто не прошло и дня... с тех пор.

— И ты последовал за мной. Чтобы убить меня.

«За то, что я взяла твое сердце».

— Да и нет. Я убедил себя, что хочу лишь отомстить. Я ушел из театра, после чего напился в каком-то кабаке. Я был не в себе, и когда вернулся в театр, тебя там уже не было. Но я знал, где тебя искать. Там, где играла музыка. Там я тебя и увидел. Танцующей с этим... светловолосым парнем со сцены.

Последние слова он буквально выплюнул с таким презрением, что Саммер насторожилась.

— И когда я пошел за вами и увидел, что ты хотела его поцеловать, то... я снова осознал, что ненавижу тебя.

— Скорее всего, ты просто не мог вынести, что я кого-то целую, — медленно сказала Саммер. — Честно говоря, мне даже кажется, что ты все еще... меня любишь.

— Нет, — ответил Любимый. — Я просто думал, что ты сделаешь с этим парнем тоже, что и со мной.

Саммер готова была рассмеяться.

— Точно. И поэтому ты его побил. Признайся, ты был безумно ревнив. Может ты и правда хотел меня убить, но не сделал бы этого. Тогда ты бы упустил все шансы найти свое сердце.

Видимо она зашла слишком далеко. Он соскочил и начал мерить комнату большими шагами. Когда он повернулся к ней, его глаза сверкали от ярости, которую она слишком хорошо знала. *«Странно, что я его совсем не боюсь».*

— Чего ты хочешь от меня, Шена?

— Помоги мне вспомнить! Тебя. И... нас.

— Тогда вытаски меня отсюда! До этого я не скажу ни слова, — он поднял брови. — И уже тем более про... Индиго.

Он засмеялся, когда она побледнела и в возмущении вскочила на ноги.

— Именно такой я и знаю тебя, Шена, — сказал он с таким дружелюбием, которое еще больше завело ее. — Так быстро впадаешь в ярость, когда человек не повинуется тебе.

— Не называй меня Шена! — напала она на него. — Я не знаю ее и не помню этого имени. Меня зовут Саммер.

Она оторопела. *«Почему не Тьямад?»*

— Саммер, ага. Твое имя на сцене, — он снисходительно улыбнулся. — Значит, хочешь поиграть со мной в игру? Ты свое получишь!

Сделав два шага, он подошел к хрупкому стулу, стоящему в углу комнаты. Он схватился за спинку, наклонил его и со всей силы ударил по ножке стула. Раздался треск, когда она отломилась от рамки.

Саммер вздрогнула. *«Что он собирается делать? Уж не наброситься ли на меня?»* Тем временем он отламывал другую ножку. Ее рука скользнула к ключам в кармане юбки, но даже если бы она сейчас бросилась прочь, то не смогла бы пробежать мимо него. А он уже шел к ней с деревяшками в руках. Саммер отпрыгнула на несколько шагов назад.

— Что это значит? Стражник будет...

Он бросил ей одну ножку. Она поймала ее и с еще большим недоумением посмотрела на него.

— Ты же хочешь все вспомнить, — сказал он. — А я не хочу разговаривать. Так что покажи мне, на что ты еще способна!

Он подался вперед, и ножка так быстро полетела в ее сторону, что Саммер неловким движением кое-как отбила ее. Дерево ударилось о дерево. Ее рука опустела, а ножка лежала на полу.

— Ужасное начало, — сухо заметил он. — Ты забыла, что я дерусь левой рукой?

Саммер сжала кулаки. Затем подняла ножку, прикинула расстояние и бросилась на него.

Саммер редко так не хватало воздуха, как сейчас. К ее удивлению с ней что-то произошло. И с Любимым тоже. Их начальное противостояние все больше превращалось в игру.

— Наклонись в сторону, — поправлял ее Любимый, когда ножка стула в очередной раз летела по воздуху. — В тот момент, когда ты видишь, что я поднял вверх руку, ты уже должна подставлять плечо.

Он улыбнулся, когда она запнулась о собственную юбку. Но после двадцатой попытки его веселье прекратилось.

Ему уже не так легко удавалось обезоружить ее, а когда она смогла заставить его отступить на несколько шагов назад, Саммер увидела, как он признательно поднял брови. Несколько секунд спустя они стояли друг против друга скрестив оружие, разгоряченные, запыхавшиеся, в восторге от борьбы. В его глазах она видела маленькое, искаженное отражение самой себя. А на его губах играла ироничная улыбка.

— Видимо ты еще не все забыла.

Деревяшка со стуком ударилась о мозаику, когда он неожиданно резким движением обезоружил ее. Но когда он подошел и притянул ее к себе, она поняла, что и он выбросил свое оружие.

Вдруг стало не важно, кем они оба были. Они утонули в этом поцелуе. В этот раз он не отталкивал ее от себя, а крепко держал, даже тогда, когда их губы нерешительно оторвались друг от друга. Они стояли, крепко обнявшись, поглощая близость друг друга. Его рука гладила ее волосы, а она прижималась к нему, наслаждаясь каждой секундой. Лишь когда она открыла глаза и увидела, что утренняя заря отражалась от золота мозаики, она осторожно высвободилась из его объятий.

— Я должна идти, Любимый. Но я... я вернусь. Как только смогу.

Она хотела отвернуться, но он держал ее за руку.

— Саммер?

Она улыбнулась, когда он назвал это имя. «*Это я*», — думала она. — «*Также как и Тьямад*».

Он грустно посмотрел на нее.

— Я тогда говорил серьезно. Вы можете запереть меня как зверя, но никто — никто! — не заставит меня рассказать то, чего я не хочу рассказывать. Поэтому не спрашивай меня о месте казни!

***

У нее было ощущение, что она вернулась в совершенно другой мир. Взмолвленная его поцелуем и чувствами, которые она больше не могла отрицать, разрываясь между тоской и сомнениями, Саммер чувствовала себя такой чужой среди Зоря, что боялась, что выдаст себя.

— Трупы лорда Теремеса продвигаются все дальше, — рассказала ей в этот день взволнованная Вий, девушка с каштановыми волосами. — Лорд Джорас сегодня утром усилил трупы, но долго он не выдержит.

Она замолчала и вопросительно и с надеждой посмотрела на Саммер.

— Мне... нужно время, — тихо сказала Саммер. «*Предам ли я его, если он окажется Индиго?*» Сама мысль об этом испугала ее.

Вий положила ей руку на спину, на то место, где были невидимые шрамы. Затем к ней подошли еще две женщины, нежно дотронулись до плеча и погладили ее волосы. И вдруг ей снова стало легко окунуться в эту манящую близость сообщества.

В эту ночь она видимо забыла, что является Зорей, потому что действительно смогла заснуть. И до того, как Саммер поняла, что делала, она почувствовала губы Любимого на своей коже, его поцелуй, вдохнула его запах тепла и чего-то дикого, и была счастлива. Слишком поздно предупреждающий голос сказал ей о том, что она находилась не в том месте, чтобы видеть сны. В тоже мгновение чья-то рука схватила ее за плечо и так энергично начала трясти ее, чтобы разбудить, что Саммер подскочила на месте.

Побледневшая Бельен смотрела на нее огромными глазами. Она приложила указательный палец к губам, схватила Саммер за руку, стащила ее с камня и побежала вместе с ней наружу и вниз по лестнице.

— Бельен, я могу все объяснить...

— Шшш! — ответила она. — Ни слова!

В следующее мгновение подруга толкнула ее в гардеробную. Холодный свет лампочки ослепил Саммер.

— Ты целовалась во сне с человеком, — в полной растерянности прошептала Бельен. Саммер тут же покраснела.

— Это что, солдат?

— Нет! Это актер из Маймары, которого я когда-то знала.

Она сама удивилась тому, как легко далась ей ложь.

— Это просто воспоминание, Бельен, — уверяла она. — Оно ничего не значит.

— Но ты на самом деле его целовала. Ты что... любила его? Ты? Зоря? Человека?

Саммер едва выдерживала пронизывающий взгляд Бельен. Она посмотрела на руки и затем произнесла:

— Да.

Бельен сделала глубокий вдох и упала на стул рядом с вешалкой.

— Леди Мар говорила нам, что ты, возможно, была влюблена в Индиго. Но это было нечто другое. Ты была его Зоря и он мог обольстить тебя. Но как ты могла полюбить другого...

— Я думала, я человек, Бельен. Ты не можешь упрекать меня в этом. Я думала также, что испытываю голод или холод. И я больше ничего не знала про Индиго. И еще меньше про наши законы.

Бельен подпрыгнула и положила руки на ее плечи.

— Я же не упрекаю тебя! Я просто не хочу, чтобы это видели остальные и рассказали Леди Мар. Она дает тебе столько времени, сколько нужно, но она придет в ярость, если узнает, что ты видишь во сне поцелуй с человеком, вместо того, чтобы, наконец, вспомнить кто такой Индиго.

Она еще крепче сжала ее плечи.

— Ты должна быть осторожней!

Саммер подняла взгляд.

— Как я могу это сделать?

— Просто больше не спи, — сказала Бельен, сделав заговорщицкое лицо, отчего ее сердцевидное личико стало еще красивее. — А... если тебе все-таки понадобится покой, ты должна найти такое место, где поблизости от тебя никого не будет. Пойдем со мной!

Немного погодя они вышли из внутреннего круга. Саммер занервничала, увидев, что Бельен целеустремленно направилась к мосту, ведущему к первой башне. «Она все знает», — подумала она. Но целью Бельен оказались не лифт и камеры ветров, а наполовину скрытая лестница на заднем плане, которую Саммер однажды уже видела.

— Сначала нам нужно в колодезную комнату, — объяснила Бельен. — Она немного смещена под башню. Из подводных скал на морском дне бьет ключом пресная вода. Отцу короля Бераса удалось построить колодец. Он до сих пор обеспечивает водой всю цитадель.

Саммер сразу же узнала комнату с колодцем. Но узкая железная дверь, которая еще несколько дней назад открывалась для нее и Бельен, была заперта. Бельен прошла мимо нее, села на край колодца и недолго думая перебросила туда ноги. Странно было наблюдать за тем, как Леди в маске и черном платье, словно школьница перелезает через край колодца.

— Никогда не делай этого в присутствии слуг, — предупредила Бельен Саммер, после чего исчезла в колодце. Саммер бросилась к ней и обнаружила железные ступени, вмонтированные в стены колодца и ведущие вниз. Бельен постепенно спускалась все ниже вглубь колодца. Саммер поспешно завязала в узел подол юбки на уровне бедра и последовала за ней. Дорога вела в темноту, навстречу эхо падающих капель. Каждые десять метров располагался широкий выступ, на котором они могли отдохнуть. Когда отверстие колодца высоко над ними стало выглядеть как затухающее солнце, Бельен остановилась и схватила Саммер за руку.

— Здесь, чувствуешь?

Кончиками пальцев Саммер погладила кирпичи. В каждом из них торчала железная дуга, которую можно было удобно обхватить рукой.

— Слабо закрепленный камень, — сказала она. — Кто-то прикрепил к камням нечто вроде ручек.

— Не кто-то, — триумфально заметила Бельен. — Это были Халимар, Вий и я. Чтобы нам не приходилось проходить мимо людей по дороге к баркасу.

— Значит, туда ты меня ведешь!

— Конечно. Одной рукой вытаскивай кирпичи и складывай их на выступе. Но не забудь на обратном пути снова вставить их на место, когда будешь одна внизу!

Вместе они вытащили камни из стены и действительно, после того как они убрали десять камней, возник узкий проход. Бельен пошла вперед, включив фонарик. Свет упал на головокружительно крутую, ветхую лестницу, протянувшуюся вдоль выложенной камнем шахты колодца. Каждый шаг отзывался эхом, пока они спускались вниз.

Спуск был затоплен, вода доходила до верхней губы лиц святых, запечатленных на стенах, а их бороды из водорослей двигались вперед назад по течению. Раздавался плеск воды, как будто в узком резервуаре нетерпеливо плавали акулы. Бельен повела ее не к находившемуся внизу храму, а через боковой мостик в следующее соборное помещение. Даже без света фонарика, Саммер сразу же увидела теплое, золотое поблескивание баркаса. Корабль заполнял все пространство комнаты. Нос корабля, в виде загнутого, узкого серпа луны, только и ждал того, чтобы разрезать волны.

— Как вы поместили его сюда?

— Баркас всегда такого размера, какой хочет Леди Мар, — ответила Бельен. — И он принадлежит всем нам.

Бельен грациозно прыгнула с высокого выступа в скале на позолоченную палубу.

Баркас действительно не соответствовал помещению. Когда Саммер с удивленным видом ходила вслед за Бельен по палубе, она увидела казавшуюся бесконечной парадную комнату, украшенную отшлифованным янтарем. Золотисто-желтые пластинки как мозаика покрывали даже ложе, выросшее прямо из пола, как плоский, тесаный камень кубической формы.

— Вы приходите сюда, когда хотите побыть наедине с собой?

— Это наш дом, — засмеявшись, ответила Бельен. — У баркаса своя душа, но в отличие от Зори, он хранит увиденные тайны. Если ты захочешь где-нибудь вернуть воспоминания о прошлом, то здесь у тебя это получится лучше всего. Приходи сюда, если захочешь спать и видеть сны. Другие знают, что время от времени одна из нас уходит на баркас.

Саммер улыбнулась.

— Спасибо!

Бельен кивнула и тут же стала серьезной.

— Вспомни Индиго! — настойчиво сказала она. — Ты ведь выполнишь свое задание? Не так ли? Не подведешь нас.

Вот он снова. Этот безжалостный груз на ее душе.

— Я... должна вспомнить, — нерешительно сказала она.

Бельен не могла скрыть разочарования.

— Не жди долго, — с печалью сказала она.

Саммер смотрела вслед подруге, когда та пошла назад той же дорогой. Ловкая,

грациозная фигура, чей крылатый плащ окунул пещеру в теплый свет. На лестнице она еще раз обернулась и помахала Саммер.

— Не забудь вернуться до тех пор, пока утром в комнату с колодцем не придут слуги!

Ее голос зловещим эхом отзывался в помещении. Саммер лишь кивнула. Она только собралась вернуться в янтарную комнату, как вдруг застыла на месте. Ее взгляд упал на скальный порог рядом с баркасом. На нем были крошечные, мокрые отпечатки детских ног.

Они вели прямо в воду, оставляя за собой след из капель. Саммер наклонилась через перила, обошла всю палубу, но никого не нашла. В воде также не было видно никаких движений. Она задумчиво перебирала предметы в кармане. Ее пальцы коснулись прохладной и гладкой кошачьей головы Морта. Она вытащила ее и некоторое время рассматривала улыбающуюся морду. Затем прыгнула с борта на выступ в скале и положила украшение рядом с отпечатками ног.

***

Бельен была права. У баркаса была душа, и он хранил воспоминания о всех Зоря, не выдавая их. Саммер ощущала присутствие остальных, словно был частью огромной толпы. Чувствуя себя в безопасности, она заснула так глубоко, что никакой сон не тревожил ее.

Проснувшись несколько часов спустя и с тяжелым сердцем покинув баркас, она увидела, что кошачья голова пропала. Но взамен, рядом со свежими отпечатками ног, лежало что-то белое, крошечное. Саммер наклонилась и подняла странный предмет. Он едва умещался меж пальцев и выглядел на первый взгляд как коралл. Но когда Саммер поднесла его поближе к глазам и рассмотрела со всех сторон, она с удивлением обнаружила, что держала в руке молочный зуб.

Глава 20

Дайе

С баркасом все стало проще, и одновременно сложнее. Было такое ощущение, что стоишь на натянутой веревке, с трудом балансируя. Одна сторона вела к Зоря, в сообщество, заманивавшее отсутствием своего Я, где она была в безопасности, как нигде в другом месте. На другой стороне находился Любимый. Саммер пыталась удерживать равновесие посередине, угнетаемая своей виной и желанием полностью принадлежать Зоря. При этом она испытывала страх за любовь, которую с каждым днем ощущала все больше и больше, но в которой не решалась признаться.

Для своих запретных походов Саммер всегда выбирала ночь. Но каждый раз Теллус уже ждал ее. И каждый раз Любимый не спал. Они оба были постоянно начеку. То темное, что его окружало, недоверие между ними не уменьшалось, иногда они даже ссорились, потому что Саммер приставала к нему с вопросами.

Каждый раз, скрестив руки на груди, он качал головой.

— Тогда давай заключим сделку, — предложил он. — Скажи мне, что ты сделала с моим сердцем, а я расскажу тебе все, что ты хочешь знать.

И Саммер, прикусив губы, молчала. Ей хотелось прямо-таки побить его за то, что она была в отчаянии и ощущала себя беспомощной.

Но все же между ними было нечто другое, как только они замолкали и устало отпускали прошлое, наступало Здесь и Сейчас. Было достаточно пространства, чтобы они нашли руки друг друга и крепко держались, словно были безнадежно потеряны и опирались лишь друг на друга.

— Если ты ничего не говоришь о себе, то, по крайней мере, расскажи обо мне, — потребовала Саммер после одной из этих трудных битв.

Они сидели у стены, прислонившись, друг к другу, на одеялах, которые принесла Саммер и наблюдали за тем, как порыв ветра крутыми спиралями поднимал вверх пелену дождя, словно развевающуюся вуаль.

Любимый вздохнул.

— Я впервые увидел тебя в парадном зале. Была глубокая зима, а на тебе не было обуви. Ты ходила по мрамору босиком.

«Праздник Индиго. Он был там! Значит это все-таки он».

«Если бы я знала, кто он, то подала бы идею одному из Лордов, попытать его», — слова Леди Мар прозвучали в голове Саммер. Ее затрясло от страха и она еще крепче сжала руку Любимого.

— Я подумал, наверное, эта девушка с юга, должно быть, она сумасшедшая, — продолжил он. — Ты не знала, что суп может быть очень горячим. Не знала вкуса хлеба. Иногда мне казалось, что ты только что родилась на свет и должна научиться жизни. Ты выдавала себя во всем, что делала. Некоторое время я думал, что ты морозная фея, изучающая мир людей, — он рассмеялся. — Но феи мягкие и приветливые, ты же была надменной, холодной, и в то же время вспыльчивой. Поначалу мы так часто ссорились, что я думал, ты меня терпеть не можешь. Ты не хотела слушать моих советов, развлекалась тем, что пугала мою лошадь. Животные не любили тебя. И только декоративные птицы были равнодушны к тебе.

— Если ты мне не нравился, почему тогда я нравилась тебе?

— Кто сказал, что ты мне нравилась? Сказать тебе правду? Я поцеловал тебя только для того чтобы, наконец, заставить замолчать во время очередной ссоры.

Саммер вспыхнула.

— Что?

На его лице появилась плутовская улыбка.

— Вот это, — он указал на место между сдвинутыми бровями, — я любил в тебе. Маленькую, гневную складку, когда ты злилась или была растерянной. И то, как ты смотрела на меня. Как сейчас. Как будто хочешь меня придушить.

Щеки Саммер зарделись, и она опустила взгляд.

— И...тебе удалось... заставить меня замолчать?

— Нет. Ты так часто надо мной смеялась, что мне тоже хотелось придушить тебя. Тебе доставляло удовольствие дразнить меня. Однажды ты вызвала меня на фехтовальный бой. Я победил, и ты так разозлилась, что взяла мою шпагу и сломала ее.

Саммер закрыла глаза. В ее воспоминаниях появилась любовная пара. Поцелуи и никаких ссор. Песни и стихи. Это никак не сочеталось с тем, что он рассказывал.

— Я по-прежнему не понимаю! Если мы так не нравились друг другу, то, как нас угораздило влюбиться?

Саммер подняла взгляд и заметила, что все это время он смотрел на нее таким странным, интенсивным взглядом, который еще больше чем раньше притягивал ее и одновременно приводил в замешательство. Казалось, что воздух замельтешил, как будто была и третья реальность, которую она лишь видела во сне. Ее обдало жаром, когда Любимый кончиками пальцев дотронулся до мягкого места за ее ухом и затем нежно погладил затылок.

— Например, так! — сказал он и поцеловал ее.

В этот раз всё было по-другому. Незнакомо и от этого еще более завораживающе.

Она даже не заметила, что уже не сидели, а обнявшись, опустились на одеяла и шкуры на полу. И когда его рука коснулась ее плеча и немного приспустила платье, она почувствовала кожу, а не перчатки. Он медленно целовал ее плечи, в то время как она рассматривала шрамы на его руке. И когда он не отпрянул, когда Саммер погладила их, для нее это был особенный подарок. Он не принуждал ее, а шаг за шагом заманивал все дальше, в неизведанную местность, которую она до этого наблюдала лишь издалека. Она помнила об этом, тем не менее, для нее было ново переступить через порог.

Он улыбнулся, когда Саммер расшнуровала его рубашку и кончиками пальцев исследовала кожу, робко обходя стороной лишь одно место на его теле, там, где не билось сердце. Губы Любимого коснулись ее шеи, и она полностью растворилась в ощущениях, которые не имели ничего, совсем ничего общего с ее существованием в качестве Зори. Еще никогда она не осознавала так четко, что жила, что у нее было тело, удивительным образом расцветшее в объятиях Любимого. Это и вправду была третья реальность, вечная и бесконечно прекрасная. И когда они вынырнули из своих объятий, было не важно, что она была Зорей без крыльев, а он человеком без сердца. Здесь они были просто людьми.

Сегодня сияние его серо-зеленых глаз было светлым и теплым.

— Теперь ты помнишь? — спросил он.

Саммер улыбнулась.

— Я... не уверена, — пробормотала она. — Поцелуй меня еще раз.

***

В эту ночь она была слишком взволнована и растеряна, чтобы возвращаться к Зоря. Вместо этого девушка сбежала на баркас, где свернувшись калачиком, легла на янтарное ложе. Саммер была до боли счастлива, но и одновременно несчастлива, как будто снова совершила предательство.

— Кто я? — прошептала она баркасу. — Я хочу быть Зорей, я одна из них. Я знаю, что должна выполнить задание. Но тогда почему я люблю как человек?

«И что бы я ни делала, я всегда буду выдавать одну из своих сторон», — мысленно добавила она.

Даже находясь в утешительных объятиях корабля, она не могла успокоиться. Саммер пришла в голову песня, показавшая ей, что и женщина в белом задавалась тем же вопросом, что и она.

— Мое настоящее Я, — прошептала она, села, притянула ноги к телу и запела. И пела она до тех пор, пока не устала как человек и, наконец, не заснула.

Летние листья

темным вечером

поглощают

мысли —

в их венах кружится

мое настоящее Я.

Ее разбудил странный звук, как будто кто-то что-то скоблил или тер с наружной стороны баркаса. Выбравшись из янтарного помещения, Саммер обнаружила в воде огромную акулу с зазубренным спинным плавником, словно наблюдающую за ней тусклым взглядом. Затем позади нее раздалось шлёпанье маленьких ног. Вода фонтаном брызнула до

самой палубы.

— Ты жена Танцора Света? — послышался детский голос.

Саммер бросилась на корму и наклонилась через перила. Под водой плавала девочка с черными локонами, которую она уже как-то раз видела на скале. Акула лениво подплыла к ней, и девочка, не боясь ловко оттолкнулась от массивного тела и забралась на выступ в скале. На ней был своего рода купальник с пришитыми рыбными чешуйками и местами для каждого пальца в отдельности. Только теперь Саммер поняла, что девочка была очень похожа на светлые образы Тандрай. Глаза потрясающе голубого цвета и белая кожа. Но почему Тандрай-девочка отважилась приблизиться к Зоря? *«Может я все-таки человечнее, чем мне казалось? Я ведь должна ненавидеть Тандрай».*

— Танцор Свет? Я... точно не знаю. Может я смогу тебе ответить, если ты расскажешь, кто это?

Ребенок наморщил лоб, как будто не мог представить, что кто-то мог не знать, о ком шла речь.

— Ну, человек, забирающий мертвых! Он единственный, кто сам не умирает. А ты кладёшь ему мертвых на еловый порог.

Саммер была так ошарашена, что даже засмеялась.

— О, — сказала она. — Ну, если так, то... да. Я однозначно жена Танцора Света.

Девочка засияла и так широко улыбнулась, что позволило Саммер увидеть отсутствие у нее некоторых зубов. Это объясняло появление крошечного молочного зуба, который она получила взамен кошачьей головы Морта.

— Знаешь, я тебя сразу узнала, — гордо сказала девочка. — Когда ты спрыгнула с парохода. Ты блестела как бабочка, летящая над водой. Ты принесла в море свет. Все другие акулы уплыли от тебя прочь. Тогда я поняла, что ты наверняка имеешь отношение к Танцору Свету.

— Да, я знаю, ты довольно давно следишь за мной.

— Мы! — обидевшись, сказала девочка. — Зия тоже еще здесь.

— Твою акулу зовут Зия?

Теперь ребенок был действительно рассержен.

— Это не «моя акула», а моя сестра. Мы неразлучны.

— Ты приходишь от рыб? Или Тандрай могут менять личность?

Девочка посмотрела на Саммер так, как будто у нее были не все дома.

— Мой отец и моя мать однозначно не рыбы, — ответила она с достоинством.

— Извини, я не хотела тебя обидеть, — сказала Саммер и, улыбнувшись, добавила, — тебе не холодно? Может, поднимешься ко мне на баркас?

Ребенок возмущено покачал головой. Зия нервно плавала вокруг него. Саммер задрожала, когда огромная голова вынырнула из-под воды. Акула разинула пасть и показала красную глотку с двумя рядами зубов, величиной с палец Саммер. Однако девочка не глядя протянула руку к чудовищу и похлопала по треугольному носу.

— Все хорошо, Зия, она ничего тебе не сделает!

Она наклонилась вперед, когда акула погрузилась под воду. В этот момент Саммер увидела отражение девочки. Белые, горящие глаза и такие же белые волосы, темно-синяя кожа и дьявольские черты лица. Саммер непроизвольно сделала шаг назад.

— Ты... вовсе не Тандрай-девочка. Ты принадлежишь к животным-бегунам.

Ребенок сел на скалу и улыбнулся.

— Я и Тандрай тоже! В моей матери течет кровь Тандрай. Но мой отец животное-бегун. И словно доверяя Саммер большую тайну, девочка добавила:

— Я нечто особенное. Животные-бегуны и Тандрай — враги. Животные-бегуны чувят кровь Тандрай и охотятся на них. Но, тем не менее, есть я. Хотя по идее это невозможно.

С лица Саммер сошла улыбка. *«Она может быть и тем и другим»*, — с горечью подумала она. *«Почему я должна выбирать?»* Саммер поймала себя на том, что безумно завидовала девочке.

Малышка указала на Зию.

— У настоящего животного-бегуна акула не может быть сестрой или братом. Только животные из леса. Но Зия все время приплывала в порт, когда я была там. И однажды я подплыла к ней.

Саммер огляделась.

— А твои родители? Они тоже где-то поблизости?

— Не, они в Анаканде.

Саммер потеряла дар речи. Малышка действительно была предоставлена сама себе.

— Тебе не одиноко? И вообще как тебя зовут?

— Дайе. Нет, мне не одиноко, у меня есть Зия. А когда здесь станет слишком холодно, мы уплывем назад в Анаканд. Ты часто была в обратной стране?

Саммер покачала головой.

— Эту часть царства Танцора Света я еще не знаю. Я... просто кладу мертвых ему на порог. И он не говорит мне о том, что с ними происходит потом. А ты скажешь мне?

Девочка покраснела от гордости, что знает больше чем женщина на золотом корабле.

— Танцор Свет забирает их с порога из еловых веток и приносит в лес, в котором все наоборот. Все цветы там завядшие и день ото дня становятся все красивее. Плоды, висящие на деревьях, сначала созревают, а потом становятся зелеными. Они сморщиваются и затем превращаются в цветки. А бабочки складывают крылья и забираются обратно в кокон, чтобы превратиться в гусеницу.

— Но какой смысл приносить их туда? Что мертвые там делают?

— Чтобы учиться! Танцор Свет обучает всех мертвых искусству жизни наоборот. Они остаются у него до тех пор, пока не становятся детьми. Затем Танцор Свет приносит каждого ребенка обратно к порогу из еловых веток, и ты забираешь его и кладешь возле пещеры, где живут мужчина и женщина, мечтающие иметь ребенка. С этого момента дети снова проходят нормальный путь развития.

— Значит, таким образом, вы в конце каждой жизни снова появляетесь на свет.

Странно, но именно эта история тронула Саммер до слез, и утешила ее во внутренних противоречиях. *«Кто сказал, что я должна решить окончательно? Есть столько миров и столько способов умереть. Может история Дайе такая же правдивая, как представления Зоря о смерти? Возможно»*, — робко добавила она, — *«если он не Индиго... Я могу быть тем и другим. Гусеницей и бабочкой»*.

— Эй, малышка, — крикнула она ребенку. — Ты еще навестишь меня? Но смотри, приходи только когда я одна. А то есть несколько... танцовщиц, которые недолюбливают Тандрай.

Ребенок засиял от радости, которая тут же передалась Саммер.

— Принесешь мне еще что-нибудь? Мне нравятся кролики, — крикнула она и прыгнула в воду. Саммер задрожала, увидев крошечную руку на огромном спинном плавнике акулы.

Они вместе нырнули и превратились в тени под водой.

***

— На что играем сегодня? — пробурчал Теллус и с отвращением посмотрел на три крошечных, белых конуса рядом со стопкой карт. — Зубы? Ты в своем уме, Леди Тьямад?

— Они мне дорого обошлись, — невозмутимо ответила Саммер. — Принесешь мне кролика из кухни Лорда Джораса, но так чтобы никто не заметил.

Старый стражник покачал головой.

— Мне этого не понять, — сказал он, раздавая карты.

Еще до того, как Саммер преисполненная радостью и ожиданием вошла, она почувствовала, что воздух в камерах был словно наэлектризован, как перед грозой. Любимый сидел у окна с мрачным взглядом, беспокойный, как пойманный хищник. Он едва взглянул, когда Саммер вошла.

— Давно не виделись, — коротко заметил он.

После последней совместной ночи, это было как прыжок из горячей воды в ледяную. Она сжала руки в кулаки, пытаясь оставаться спокойной, хотя на самом деле ей захотелось немедленно уйти.

— Ты же знаешь, я не могу пробираться сюда каждую ночь.

— Да и зачем тебе? — саркастически ответил он. — Я все равно обречен, сидеть здесь и ждать тебя.

Он спрыгнул с подоконника, схватил ножку стула и выбросил ее из окна. Ветер тут же подхватил кусок дерева и с такой силой поднял его вверх, что Саммер практически не успела проследить за ним.

— Как долго это должно продолжаться? Я просто дурак, с которым ты играешь?

— Прекрати! — теперь крикнула и она. — То же самое я и тебя могу спросить. Твои поцелуи, это всего лишь способ добиться цели и выбраться отсюда?

«Пожалуйста, нет», — подумала она в ту же секунду. — «Не говори неправду. Не разбивай мне сердце».

Он тяжело сглотнул и провел рукой по волосам, после чего посмотрел на нее грустным взглядом пойманного зверя.

— Ничего не поделаешь, — хрипло сказал он. — Просто здесь не то место, где двое людей могут или должны доверять друг другу. Иногда я забываю об этом. Прости.

Это был не тот ответ, который Саммер надеялась получить. Но его слова задели ее еще и по-другому. *«Я не доверяю ему», — удрученно подумала она. — «Хотя мне так этого хочется».* У нее на языке снова крутился вопрос, но она промолчала. — *«Не будь идиоткой», — подумала она. — «Он всегда будет говорить, нет, если я спрошу его об Индиго. Если это не он. А если он, то будет опасаться признаваться в этом. Ведь тогда я была бы его смертью».*

«Была бы я?» — добавила она. — «Могла я принести ему смерть?» Это был тот же вопрос, который она задавала себе сто раз в день. И сто раз отвечала отрицательно.

Она посмотрела на его руки и шрамы, которые он больше не прятал под перчатками.

— Ты не дурак, — рассерженно сказала она. — И я не играю с тобой. Так же как ты не играешь со мной, я права?

Саммер с облегчением почувствовала, что грозовое потрескивание исчезло. Ни слова, ни говоря, Любимый взял ее за руку и подошел ближе. Его поцелуя хватило в качестве ответа.

— Мы любили друг друга только из-за поцелуев? — спросила она. — Из-за проведенных вместе ночей?

На его губах появилась веселая улыбка. *«Он как день и ночь»*, — подумала она.

— Иди сюда, — сказал он. — Я расскажу тебе одну историю.

Саммер позволила отвести себя к окну. Не мешкая, она села напротив него, так близко к вихрю, и все-таки в безопасности в широкой каменной раме окна. Отсюда она могла видеть лишь море. В эту ночь оно было прозрачное и далекое.

— Я был ребенком, когда обжег руки, — начал Любимый. — Из-за шрамов я больше не мог работать в кузнице. Мой отец был твердым человеком. Он боялся потерять меня как рабочую силу. Только поэтому он прислушался к совету врача. Меня удивляло, что врач беседовал со мной, вместо того, чтобы лечить мои руки и шрам на лице. Впервые кто-то не давал мне приказы, а действительно хотел знать, кто я. Он дал моему отцу совет купить мне гитару, потому что это была единственная возможность тренировать мои руки. Также он должен был давать мне свободные часы для занятий фехтованием, чтобы сделать запястья крепкими и гибкими, иначе в скором времени я больше не смогу ничего делать в кузнице.

Он положил руки перед собой и задумчиво рассматривал их.

— Так я стал заниматься музыкой и научился играть на гитаре. Я ничего не любил так, как эти часы, в которые тренировался и играл. В один прекрасный день я познакомился с морозной феей. Я думал, у нас нет ничего общего, кроме наших ночей и ссор. Но когда я сыграл ей на гитаре, ее лицо засияло. У нас было намного больше общего, чем мы могли себе представить. Однажды ночью она встала и взяла бумагу и перо.

Он улыбнулся, как будто только что что-то вспомнил.

— Ах да! Это тоже всегда мне нравилось в тебе! Что ты никогда не набрасывала халат.

— Я не была голой! На мне был крылатый плащ. Но ты не мог его видеть.

— Точно. Я забыл, — сказал он и кивнул. — Невидимый плащ это конечно совсем другое. В любом случае, в ту ночь ты начала писать слова для новых песен. Это были странные стихи, своеобразные как какой-нибудь экзотический язык. В них не было рифмы, но была мелодия. Я полюбил твои слова сразу, как только услышал их. В этом была вся ты. И я решил показать тебе свой настоящий голос и придумал музыку для твоих стихов. Поцелуи угасают так быстро. Но наши души слышали друг друга.

«Души». Она любила его за одно это предложение.

— Итак, это были не только поцелуи, — серьезно продолжил он. — Скорее все вместе. Твой смех, твоя злость и манера ссориться, как будто тебе нужно было выиграть битву. Серьезность, с которой ты пыталась научиться фехтовать. Осторожность, с которой ты держала в руках зимние цветы, твое восхищение всем, что живет и умирает.

«Значит, это песни», — подумала она. — «Теперь все начинает вставать на свои места».

— Споешь для меня песню? — попросила она. — Одну из тех, для которых я написала слова?

К ее удивлению его настроение внезапно изменилось. Как будто ледяной ветер погасил все тепло, его лицо помрачнело, и Саммер при всем желании не могла понять, что такого сказала. Он бросил на нее такой взгляд, как будто она попросила его выпрыгнуть из окна.

— Сожалею, — пробормотал он. — Заточенная в клетку птица не поет на публику.

Саммер покачала головой и спрыгнула с подоконника.

— Тогда я пойду, — также холодно ответила она. — Не буду мешать тебе петь песни

для себя.

— Саммер?

Она была уже в дверях и неохотно остановилась.

— Ты все еще не веришь мне, верно?

Это было скорее утверждение, чем вопрос. Она повернулась.

— Не совсем, — призналась она. — Я бы очень хотела, но в моих снах я не могу разглядеть лицо Индиго. Однако он такого же роста и с такими же темными волосами как у тебя. И он любил музыку.

— И? — сказал Любимый. — Он тоже был левшой?

Саммер насторожилась, затем открыла рот от удивления.

— Нет! — выкрикнула она.

Любимый скривил рот в иронической улыбке и снова посмотрел на море.

— Ну, так подумай об этом.

***

Саммер чуть не сорвалась, когда спускалась по лестнице, такой рассеянной она была. Спустившись вниз, она не открыла засов спрятанного прохода, а осталась стоять, прислонившись к стене. Саммер закрыла глаза и последовательно прокрутила в голове, все, что пережила во время трибунала.

«Индиго на троне. Его руки в перчатках, как у всех мужчин того времени. Он обвел рукой все, что она видела и слышала, пообещал ей музыку и свет — и это была правая рука. Несколько дней спустя Индиго сидел в своей роскошной комнате за столом. Она по-прежнему не видела лица, но четко видела, что он писал письмо лебединым пером, как в стародавние времена, и тоже правой рукой. Той же рукой он протягивал ей бокал с вином, выпивал сам, дирижировал музыкантами, срывал зимние цветы с дерева и играл с ней в шахматы».

— Любимый не Индиго! — сказала она в темноту и почувствовала такое облегчение, что у нее подкосились ноги, и она сползла по стене на пол. Саммер почувствовала, насколько тяжел был этот груз, только сейчас, когда сбросила его и легко и свободно смотрела в темноту и просто была счастлива. *«Я действительно могу быть и тем и другим! Я люблю — и я всем сердцем и душой Зоря. Я могу выполнить свою задачу и, несмотря на это, целовать Любимого».*

Потрескивание заставило ее насторожиться. Идя на звук, она вытащила юбку из-за пояса, и та снова прикрыла ее ноги. Треск стал громче и доносился однозначно из ее правого кармана. Там, где она до сих пор хранила пустой кожаный футляр от перочинного ножа. Как давно она не вспоминала о красной кукле, которую нашла на поле битвы и спрятала там? Футляр был по-прежнему пустой, но ей на руку выпало что-то сверкавшее янтарным цветом. Она поморгала и присмотрелась внимательнее.

И чуть не вскрикнула от радости. Сначала показались усики, затем крошечные лапки насекомого. Из футляра вылез бражник «мертвая голова», светившийся во второй реальности и такой красивый, что у Саммер перехватило дыхание. Она смотрела ему вслед, когда он поднялся в воздух, и радовалась тому, как дрожали его медового цвета крылья, когда касались стен шахты. Затем из футляра выбралась вторая бабочка, потом третья. Одна за другой они вылуплялись из этого странного кокона и присоединялись к другим. С каждым из них сердце Саммер все больше наполнялось радостью.

— Вы снова у меня есть! — прошептала она. *«Как будто они только и ждали, что я*

удостоверюсь во всем». И когда весь этот рой призрачных бабочек окружил ее, щекоча крыльями щеки, Саммер начала смеяться и плакать одновременно. Плащ она потеряла навсегда, но ее Зоря-бабочки вернулись к ней.

***

Выйдя из тайной комнаты, у нее было ощущение, что только в эту секунду она выбралась из могилы, в которую заточил ее Индиго двести лет назад. Отнюдь не чувство вины теперь заставляло ее искать Индиго, а неистовое желание выполнить задание. В один момент все стало просто и понятно.

Бабочки следовали за ней, когда она подошла к столу и положила ключи рядом с картами. Теллус как всегда делал обход и делал вид, что не заметил, что его ключи находили применение. Но сегодня Саммер не дала ему возможности улизнуть.

— Теллус! Мне нужно с тобой поговорить!

Шарканье ног где-то в проходе резко прекратилось. Она прямо таки чувствовала его нерешительность, но затем он все-таки сдвинулся с места. Его обиженное лицо говорило о многом, когда он появился из-за угла галереи. Хотя он и недолго бежал, но был бледным и тяжело дышал.

— Что? — пробурчал он. Затем его глаза расширились. Он уставился на нее, как будто спрашивая себя, она ли это.

— Что произошло там наверху, Леди Тьямад? Ты выглядишь так, как будто проглотила несколько счастливых звезд и одновременно безумно испугалась!

Саммер улыбнулась. *«Почти угадал, Теллус. Как всегда».*

— Мне нужна твоя помощь. Чтобы решить один важный вопрос, который так беспокоит меня, что я наверняка не смогу уснуть в ближайшие два дня.

— Почему ты проигрываешь в картах, как новичок?

— Это имеет отношение к игре, — осторожно ответила она. — К игре разума. Предположим, ты делаешь свой обход. Опускаешь лифт для еды вниз и видишь, что заключенный там наверху, в который раз не притронулся к еде. Что бы было тогда?

Ей показалось, что Теллус в одно мгновение изменился. Это был другой Теллус, воин с острым взглядом, которого нельзя было обмануть. Он наморщил лоб, и у Саммер создалось впечатление, что он мысленно создавал планы и рисовал стрелочки, в точности продумывая каждую уловку в своих ответах. Теллус медленно подошел к столу и взял одну карту со стопки. Затем обстоятельно прокашлялся, как всегда, прежде чем начать разговор.

— Тогда... я бы сообщил, что он, наверное, выпрыгнул из окна. Лорд Джорас прислал бы ко мне солдат, которые бы пошли наверх и открыли бы камеру. И нашли бы ее пустой. Он был бы не первым. Уже идет снег, скоро в камерах будет ужасно холодно. Может какой-нибудь несчастный рыбак однажды выловил бы со дна морского останки бедного парня. Но, скорее всего, нет, потому что его бы уже давно съели угри и крабы.

Сердце Саммер забилось учащеннее. Призрачные бабочки взволнованно кружили вокруг нее. Но она знала, что на него нельзя было давить.

— Ужасная судьба.

Теллус пожал плечами.

— Такова жизнь. В Камерах Забвения никто не выдерживает долго, не сходя с ума. Я бы мог его понять. В конце концов, он уже несколько недель не видел ни одной живой души. И у него не было ни малейшей надежды на спасение. Но люди нуждаются в надежде больше, чем во всем остальном. Без нее они умрут. Таким способом или другим.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Ведь речь об этом. О надежде, — повторил он. Она сглотнула и ответила на его скрытое прощание кивком.

Он отвернулся и поднял стопку карт со стола.

— Ах, старость не радость. Я становлюсь забывчивым. Надеюсь, самое позднее послезавтра я вспомню, куда положил ключи от межкомнатных дверей.

Не глядя на нее, он положил карты обратно на середину стола, зевнул как лев и, кряхтя, потянулся.

— В последнее время у меня возникли проблемы с костями. Мне нужно все больше времени, чтобы сделать обход. Кашель тоже усиливается день ото дня, да и сердце сдает. Если так и дальше пойдет, то завтра мне понадобится целый час, а то и два, для одного единственного обхода.

Он кряхтя подошел к полке и достал из коробки рукавицы и меховую шапку. Саммер посмотрела на стопку карт. Последняя совместная игра. Верхние карты сдвинулись, и когда она задела их указательным пальцем, они и вовсе соскользнули на пол. На черном, червовом тузе, напомнившем Саммер знак Лорда Теремеса в виде листочка липы, лежали ключи.

Ей так хотелось поблагодарить старого стражника за доброту. Но Саммер знала, что тем самым забрала бы все, что у него осталось — остатки его чести как стражника. Или, может быть, иллюзию этого. Поэтому она молча взяла ключи. Саммер спиной чувствовала его взгляд, но не обернулась. Он кашлянул, пока она колебалась.

— Ты... хороший человек Леди Тьямад, — пробурчал он.

«Человек».

Вот теперь у нее на глазах все же выступили слезы. Она быстро надела маску.

— Это ты хороший человек, Теллус, — искренне ответила она. — Лучше тебя еще никогда никого не было.

Глава 21

Кровавое сердце

Ей не нужно было говорить ни слова. Когда она с гордо поднятой головой и в окружении бабочек вошла во внутренний круг, все Зоря проснулись, сели и соскользнули со своих камней. Крылатые плащи надулись и затрещали. И словно услышав немой призыв, в дверях появились остальные Зоря, которых не было в комнате, а также те, что вернулись в помещение после поцелуя смерти. Саммер остановилась, сняла маску и ждала. С красными от волнения щеками, появилась Вий. Халимар тоже была здесь, и Анжей, бледный и серьезный. Он улыбнулся ей, и сегодня девушка ответила на его улыбку.

И конечно вскоре появилась Бельен. Она подбежала и обняла ее. Это прикосновение разрядило обстановку. В следующий момент все остальные окружили ее. Руки легли на плечи Саммер, пальцы гладили ее по щекам и лбу. Подолы плащей щекотали ее ноги, щиколотки и руки. Ей не нужно было ничего делать, кроме как закрыть глаза и наслаждаться тем, как стирались границы между нею и ими. В этот момент она не думала о Любимом. Она видела и в то же время не видела мужчину. «Индиго».

— Индиго, — шептали Зоря. Хор, окружавший ее все плотнее и плотнее. Она почувствовала, что перед ней стояла Леди Мар, еще до того как открыла глаза. Зоря немного отстранились, чтобы уступить Леди место.

— Я готова, — сказала Саммер твердым голосом.

Сегодня женщина-смерть улыбалась.

— Добро пожаловать домой, Тьямад. Я вижу, ты нашла себя. Ты действительно сможешь узнать его?

— Я смогу, как только попаду в лагерь Лорда Теремеса и увижу его. И я знаю, как попасть к нему.

Зоря стали такими тихими, что ее собственный голос казался ей громким как раскат грома.

— Мне нужна татуировка и униформа солдата армии Лорда Теремеса.

Началось перешептывание, которое, впрочем, тут же стихло, когда Леди Мар подошла к ней и положила руки ей на плечи.

— Я поручу Лордам обо всем позаботиться.

Прежде чем уйти, она поцеловала Саммер в лоб. Сегодня этот поцелуй не ощущался как острое железо, а был скорее теплым, легким прикосновением, окончательно приветствующим ее.

***

Как будто до сих пор время в цитадели стояло, сейчас начались быстрые приготовления. Такие быстрые, что у Саммер почти не было времени строить собственные планы. Уже через несколько часов после восхода солнца, ее снова вырвали из окружения Зори, в которое она только что вернулась, и вызвали к Лорду Джорасу во вторую башню. В сопровождении бабочек и Бельен, Саммер в маске из слоновой кости, поспешила по вымазанным маслом лестницам в темный мир башни.

Там один из офицеров провел ее в комнату с солдатской одеждой и оставил одну. Саммер выбрала одежду, которая подходила ей. В основном она была светло-коричневого цвета и напомнила ей Фаррина и Люкс. Некоторые из жилетов и курток были уже заштопаны. Саммер старалась не думать о том, что это были вещи взятых в плен солдат, сидевших где-то здесь в тюрьмах. В двери появилась Халимар в серебряной маске, чтобы поторопить ее.

— В восьмой башне тебя ждут советники Лорда Джораса.

Когда Саммер через несколько часов снова вернулась во внутренний круг, ее голова была полна планов, указаний и сообщений, а на правой руке пульсировала еще красная татуировка в виде цветка липы Лорда Джораса и несколькими кодами и цифрами.

— Подстричь тебе волосы? — спросила Вий, пока Саммер собирала в гардеробной рюкзак.

— Нет, не сегодня. Оставь меня одну. Мне еще нужно собраться.

Вий сморщила лоб.

— До завтра у тебя не остается времени. Через четыре часа Леди Мар ждет тебя в восьмой башне.

Это была плохая новость. В один миг все могло выйти из-под контроля. Она лихорадочно перечислила в уме все возможности, которые приготовила для себя. Саммер выпрямилась, сделав вид, что новость ее не удивила, и кивнула.

— Хорошо. Я... еще схожу на баркас. Одна. Пожалуйста, не мешайте мне.

Вий кивнула, подошла к Саммер и коротко прижала ее к себе.

— Спасибо, — сказала она. — Я всегда знала, что ты не оставишь своих в беде.

Саммер очень надеялась, что Дайе будет находиться где-нибудь возле баркаса, но увидела лишь несколько акул, скользящих под водой. Она вспомнила, что девочка как-то

рассказывала ей, как ее можно позвать. Саммер решительно подняла камень, разбила его, чтобы возник острый край и порезала себе палец. «Надеюсь, это правда, что Зия может найти меня везде», — подумала она и окунула палец в воду. Небольшая акула видимо поджидала где-то поблизости, она так быстро подплыла, что Саммер едва успела отпрянуть. Акула и вправду хотела схватить ее, хотя она была Зорей. Видимо хищные рыбы уже привыкли к ее присутствию. Саммер уже хотела сдаться и пошла к мостику, лихорадочно подыскивая другой план, как вдруг ребенок вынырнул из-под воды. У Дайе было красное лицо, и она задыхалась.

— Дайе! Я ждала тебя.

— Я знаю, — тяжело дыша, сказала малышка. — Но здешние акулы такие вредные.

— Спасибо, что ты все-таки приплыла. Слушай, у меня немного времени. Танцор Свет просит тебя о помощи. Ты поможешь ему?

Малышка открыла рот от удивления. Затем восторженно кивнула.

***

Теллус слышал ее шаги, так как его не было видно, когда она два часа спустя ворвалась в комнату стражника и начала торопливо искать потайной рычаг, с помощью которого можно было немного сдвинуть стену. Теллус сдержал свое невысказанное обещание. Встроенный в стену замок был открыт. Ее призрачные бабочки, кружа вокруг нее, полетели вперед, словно торопя ее. Саммер оставили сумку, с которой пришла, внизу в шахте, и даже не сняла маску.

Сегодня она удивила Любимого, когда ворвалась в его камеру. Поначалу он улыбался, но затем внезапно стал серьезным.

— Что-то случилось?

— Еще бы! Я вытащу тебя отсюда. Все готово. Но нам нужно поторопиться, уже начинается отлив.

В этот раз ей действительно удалось лишить его дара речи.

— Сними свое пальто, — потребовала она. — А теперь выброси несколько одеял из окна. И еще какую-нибудь одежду. Они должны подумать, что ты выпрыгнул из башни.

Любимый все еще с недоверием смотрел на нее. Но затем отреагировал и вскочил на ноги.

Он не задавал вопросов, даже когда увидел узкую шахту.

— Брось пальто вниз и вылезай первым! — приказала Саммер. — Внизу стоит сумка. В ней лежит пальто слуги. Надень его, а свое пальто спрячь в сумке. Я пойду следом!

Любимый кивнул и бросился к шахте. Он выругался, ударив колено, но сумел как-то протиснуться. Саммер подождала, пока он спустится вниз, затем полезла следом. Собрав все силы, она сдвинула вниз каменную крышку, чей вес лег на ее затылок плечи. Опустив ее, она вытащила кусок мрамора и кольшек, которым заблокировала засов, а камнем как молотком вогнала его внутрь.

Теллус все еще делал обход. Она слышала, как он нарочито громко дергал за двери подъемника. Саммер быстро положила ключи на стол рядом с картами. И обнаружила свернутую записку, которой раньше там не было. Она развернула ее и улыбнулась, увидев рисунок со множеством стрелочек и обозначениями этажей. План всеми забытых шахт с тех времен, когда первая башня была единственной.

Немного погодя они уже спускались вниз. Любимый в одежде слуги, она в черном одеянии Зори и в маске из слоновой кости. Саммер выбрала самую заднюю, винтовую

лестницу. Она хоть и была заметна, но, по крайней мере, находилась на стороне с видом на море, а в данный момент все взгляды, и взгляды Зори в том числе, были направлены на сушу. Ей казалось, что прошло очень много времени, прежде чем они достигли нижних помещений. Кроме нескольких слуг, моющих полы, в комнате с колодцем никого не было. Они подняли головы и испугались, увидев Зорю, после чего немедленно вскочили на ноги и поклонились.

— Исчезните, — грубо сказала Саммер. — И не вздумайте появляться здесь раньше чем через час.

Она не видела себя со стороны, но могла предположить, какое впечатление производила на Любимого. Зоря из прошлого, полностью осознающая свою силу и власть. Слуги испарились так быстро, словно она подула на одуванчик.

Саммер не стала терять время, а сняла маску и засунула ее в складку юбки.

— Быстро! Мы должны спуститься в колодец!

Достигнув, наконец, прохода, Саммер немного расслабилась и посветила фонариком на кругую лестницу.

— Туда вниз! К храму акул, — прошептала она, одарив Любимого триумфальной улыбкой.

На полпути Саммер пошатнулась, когда кусочек камня отломился под ее ногой, и вот уже руки Любимого поддерживают ее, обхватив за талию. Она не дыша на несколько секунд застыла в его объятиях. Свет фонарика осветил его шрам на щеке в виде полумесяца. Его губы оставались в тени и были такими красивыми, что Саммер поймала себя на том, что жаждет поцелуя. В его глазах отражался водоем с акулами.

— Спасибо, — сказал он.

— Ты не должен меня благодарить. Просто поторопись!

Саммер пришлось собрать всю свою решительность, чтобы оттолкнуть его от себя. Хотя ступеньки были узкими, она протиснулась мимо него и пошла вперед. Через несколько минут, они, тяжело дыша, достигли деревянного мостика. В водоеме уже виднелись контуры огромной акулы. И на мостике, где уже ждала совсем маленькая лодка, которую Дайе украла у какого-то рыбака, она обнаружила крошечные, мокрые следы. Видимо Дайе была слишком скромной, чтобы показаться сразу, но зато Зия подплыла так близко, что ее можно было схватить за плавник. Саммер быстро вытащила из сумки веревку и побежала к мостику. В воде она увидела крошечную руку Дайе, которой она обхватила боковой плавник акулы, а другой продела петлю веревки через голову акулы.

Любимый помедлил, когда хищная рыба пастью толкнула лодку. Другие акулы плавали вокруг, приводя воду в движение, но держась на расстоянии от Зии.

— Просто следуй за ней, — объяснила Саммер. — Она вытащит тебя против течения из отверстия в скале. Оттуда ты поплывешь к скале, похожей на перекатывающуюся волну. Там ты должен будешь сидеть, пока не стемнеет. Только тогда можешь плыть к суше. Зия покажет тебе дорогу через выступы в скалах. Если течение будет слишком сильным, держись за ее спинной плавник. И...

— Я один? — спросил он. — А как же ты?

Она провела рукой по лбу.

— Я... не могу. Пока не могу.

Избегая его взгляда, Саммер дала ему веревку.

— Это единственный путь из цитадели. Когда стемнеет, кое-кто будет наверху у

надсмотрщика, наблюдающего за морем, и будет отвлекать его насколько это возможно. Если повезет, ты сможешь добраться до бухты незамеченным.

— Но...

— Пожалуйста, ничего не спрашивай, — тихо попросила она. — Я рискую всем, пытаюсь вытащить тебя отсюда. Сегодня я не могу пойти с тобой.

— Однажды я уже потерял тебя, — серьезно сказал он. — И не хочу ждать еще двести лет, пока найду тебя.

— Я разыщу тебя. Весной. В старом порту, — так же тихо ответила она. — И я найду и верну тебе твое сердце! Обещаю.

Он кивнул и они замолчали. Больше нечего было сказать, и не было причин медлить с прощанием. Вдруг Саммер захотелось расплакаться.

— Дайе? — спросила она. — Иди сюда, не бойся. Он не кусается.

Ребенок, прячущийся за огромным акульим плавником, выбрался из своего укрытия и уставился большими глазами на Любимого.

Затем девочка открыла рот от удивления.

— Но это вовсе не Танцор Свет!

— Конечно это он, — ответила Саммер. — Человек, который не умирает.

— Нет! — Дайе так громко крикнула, что ее голос эхом отозвался от стен. — У Танцора Света длинная, зеленая борода!

— Он только что побрился.

От возмущения малышка открыла рот и побледнела.

— Танцор Свет никогда не стал бы бриться! Иначе мертвые не узнали бы его.

Саммер вдруг обдало жаром. *«Нельзя все испортить! Успокой ее! Быстро!»*

— Ну, хорошо, ты меня поймала, — уступила она. — Он не смог прийти. Но это его... брат.

Дайе сердито надула губы. *«Черт, этого не может быть!»* — пронеслось у Саммер в голове. — *«Я лгу половине мира, а тут терплю неудачу и не могу справиться с ребенком?»*

— Ему я не буду помогать! — крикнула Дайе — Ты сказала, что сюда придет Танцор Свет!

Она вскочила на ноги.

— Эй, подожди!

Саммер едва успела схватить ребенка за руку, до того, как она успела прыгнуть в воду. И тут же поняла, что девочка посчитала это плохой идеей. Колющая боль прошла руку Саммер.

— Ай, ты с ума сошла?

На ее запястье остались отпечатки маленьких зубов. Дайе сверкнула глазами.

— Ты не должна трогать меня! — закричала она. Со всех сторон раздалось эхо.

— Я ведь просто хочу, чтобы ты оказала мне небольшую услугу, — возмущенно крикнула Саммер. — Ты обещала!

Но лицо Дайе все больше превращалось в гневную гримасу, отчего она стала выглядеть как обычный, рассерженный ребенок.

— А я не буду тебе помогать! — крикнула она. — И у него уродливый брат!

Акула начала плескаться в воде, после чего девочка просто исчезла, бросив потерявшую дар речи Саммер.

Она ожидала всего, но не того, что Любимый рассмеялся.

— Я мог сразу сказать тебе, что так будет. Почему ты мне не сказала, что привлекла к этому делу девочку-бегуна? Я бы мог поведать тебе правильную историю, в которую бы она поверила.

— Ах, неужели?

— Ну да, как-никак я тридцать лет прожил в горах, где обитают животные-бегуны.

Саммер с удивлением уставилась на него.

— И почему ты рассказываешь мне все это только сейчас?

— Ты действительно пошла на риск ради меня, — ответил он. — Теперь я больше не пленник, поэтому мы с тобой равны. Доверие за доверие, Саммер.

Он взял ее пострадавшую руку и повернул ладонью вверх, рассматривая укус. Когда он начал закатывать ей рукав, Саммер вспомнила про татуировку.

— Ничего страшного, — сказала она и отдернула руку. Она наморщил лоб. Увидел ли он листок липы?

— К сожалению, ты по-прежнему пленник, — поспешно продолжила Саммер. — И что нам теперь делать? Может мне еще удастся приманить Дайе. Или...

Внезапно раздавшийся крик заставил их обоих вздрогнуть.

— Тьямад?

Голос откуда-то издалека. Саммер обхватила рукой лампу. *«Черт, все насмарку!»*

Любимый отреагировал быстро, схватил лампу и отключил ее.

— Они уже ищут меня, — в отчаянии прошептала Саммер. — Слишком рано. Давай, я спрячу тебя. В генераторных помещениях в это время обычно нет никого, кто...

— Саммер, подожди!

Его губы были прямо у ее уха, слова лишь шепот.

— Не волнуйся обо мне. Я справлюсь.

— Тьямад? Ты внизу?

Она вздрогнула оттого, что эхо сверху было таким громким. Саммер узнала голос. Это была Халимар.

— Да! — прокричала она в ответ. — Я... сейчас приду. Я уронила мой... мой фонарик.

Саммер понизила голос до едва слышимого шепота.

— Но, акулы! И встречное течение. Как ты собираешься справиться со всем этим?

— Я же сказал, что справлюсь.

— Поторопись! — крикнула Халимар.

Саммер вздрогнула. Теперь у нее не было выбора. Она сунула Любимому фонарик.

— Спрячься, пока мы не уйдем!

Она развернулась и хотела ринуться прочь, но ей не удалось убежать далеко. Он схватил ее за запястье и остановил. Все, что было потом, это лишь темнота, руки Любимого и запах его кожи. Горячее дыхание коснулось ее губ.

— Не хочу тебя обижать, — прошептал он. — Но ты не имеешь никакого понятия, как нужно правильно прощаться.

Саммер хотела что-то ответить, но не успела. От его нежного, но страстного поцелуя у нее перехватило дыхание.

— Видишь?

Она слышала улыбку даже в его шепоте.

— Это прощание любящих друг друга!

«Любящие друг друга». Она не знала, что эти слова могли быть любовью и болью

одновременно. И хотя она уже стала настоящей Зорей, все чего ей хотелось это вцепиться в Любимого и никогда не отпускать его.

— Уже иду! — крикнула она Халимар и отпустила Любимого. Она старалась как можно больше шуметь, поднимаясь по лестнице.

— Я потеряла фонарик где-то там внизу! Наверное, его съела акула.

Добравшись до Заря в плаще из крыльев мотыльков, она улыбнулась, хотя на самом деле ей хотелось плакать. После чего последовала за ней с пылающим сердцем, печалась от того, что пришлось прервать поцелуй, который все еще ощущался на ее губах. *«Это и есть жизнь»*, — думала она, надевая маску. *«Любовь и печаль, тесно связанные между собой, как влюбленные. Именно этого я и жаждала во время каждого поцелуя смерти. Но почему тогда сейчас мне стало страшно?»*

***

Она расслабилась только когда рассмотрела в зеркало свое новое Я. Короткие волосы, армейская одежда и бледное лицо.

— Привет Бласса, — сказала Саммер своему отражению. У нее было ощущение, словно Тайя вернулась из Белетера. Она в последний раз помолилась о том, чтобы Любимый смог сбежать из храма акул целым и невредимым, затем отпустила все, что могло выдать ее Леди Мар, и встала. Рой бабочек полетел вперед, пока она надевала маску, которая смотрелась явно не к месту. Немного погодя Саммер отправилась в путь.

Восьмая башня сегодня казалась безлюдной. Внизу, перед главными воротами, в которые Саммер еще никогда не входила, молча стояли Зоря.

Леди Мар подозвала ее.

— Бельен и Анжей проводят тебя до военной границы и оставят на таком месте, где тебя быстро обнаружат. Все остальное... в твоих руках

Обеспокоенность остальных нахлынула на нее как поток ветра с тяжелым запахом цветов. В связи с наступившим молчанием Саммер еще отчетливее поняла, насколько ей не хватало плаща. Бабочки так плотно окружили ее, словно хотели утешить.

В толпе она увидела озабоченное лицо Анжея и даже почувствовала нечто вроде симпатии, отблеск их прежней дружбы. На его лице отражалось опасение, что на поле битвы Саммер ждал плохой исход.

— Ты знаешь наш план, — продолжила Леди Мар. — Индиго по доброй воле не смирится со своей судьбой. Поэтому не рискуй. Найди его. Подожди, пока он уснет. А потом зови поисковиков.

Она подняла руку, и Анжей выступил вперед. А с ним еще трое мужчин Зоря. Двое из них носили такие же плащи из крыльев стрекоз, как и Анжей. И лишь четвертый был укутан в желто-черные цвета бабочки-кардинала.

— Талид, Кор, Рилай — Анжея ты уже знаешь. Они будут ждать твоего зова. Но учитывай то, что они сыны ветра и не могу добраться до тебя быстрее, чем понадобится ветру принести к тебе перышко через такое расстояние. Поэтому выбирай подходящее время. Тебе также известно, что они ослабят Индиго и расчистят тебе путь к нему, чтобы ты могла выполнить свое задание, но забрать тебя обратно они не смогут.

— Я знаю, — сказала Саммер. — Я буду в безопасности и сама найду дорогу домой. Не переживайте.

Ледяные и одновременно теплые руки Леди Мар легли на плечи Саммер. Бабочки успокоились и почувствовали себя в безопасности в этом прикосновении.

— Ты также получишь жилетку, — сказала Леди Мар. — Носи ее под одеждой, прямо на теле. Она отражает пули и будет защищать твое сердце.

— Спасибо, Леди Мар.

Женщина-смерть вздохнула.

— Не благодари меня. Я бы хотела лучше оберегать тебя. И жалею о том, что когда создавала тебя, не забрала у тебя кровавое сердце. Может быть, тогда ты бы лучше сопротивлялась зову Индиго.

Саммер наморщила лоб.

— Что Вы имеете в виду?

Узкие губы Леди Мар скривились в стеклянной улыбке, также как и череп мертвеца под кожей улыбался своей вечной улыбкой. Ее рука погладила рыжеватые волосы Саммер.

— Раньше я была очень на тебя похожа, — нежно сказала она. — Тогда Зоря были ближе к людям, чем сейчас. И это подвергало нас опасности. Не думай, что Торс Индиго был первым, кто сопротивлялся смерти. О, нет! Большинству не удавалось ранить нас, но некоторые ослабляли нас через соблазн и ложь, в которую наши сердца готовы были верить. Я решила, что стану неприступной, буду не огнем, а пеплом. Тогда я отказалась от сердца, вынула его из груди и смотрела, как оно сгорает, чувствовала, как прекратилось течение крови в артериях. То, что имело сходство с людьми, умерло в ту ночь.

Саммер смотрела на мертвое лицо и почувствовала, что побледнела. Осторожно, как будто смущаясь, она отпрянула назад и высвободилась из рук Леди Мар. Она не хотела думать о Любимом, но теперь Саммер снова увидела себя сидящей на кровати из слоновой кости с сердцем Любимого в руке. Она вспомнила, с какой решительностью ее взгляд метнулся тогда к огню.

— Это пугает тебя? — удивленно спросила Леди Мар.

— Да, — ответила Саммер.

— Многие из нас выбрали этот путь. Нам лучше жить без сердца. Но ты, к сожалению, не сможешь пойти этим путем, потому что у тебя украли плащ.

Саммер посмотрела на стеклянные лица, которые многих Зоря делали похожими на Леди Мар.

— Без защищающего нас плаща мы становимся похожи на людей, имеем с ними много общего.

Леди медленно дотронулась до своей груди, там, где было ее сердце.

— Мы становимся ранимыми в одном и том же месте. Люди охотно теряют свое сердце, отдают его другим людям или даже не олицетворенным вещам. Страсти или деньгам. Посмотри на Лордов, воюющих под моим началом. Они отдают свое сердце ради власти и денег, которые я им обещаю. Но часто хватает и любовной клятвы.

— Мы можем... похищать сердца? — спросила Саммер слабым голосом. — Я имею в виду у людей?

Зоря начали шумно перешептываться. Это было возмущение, передавшееся даже Бельен.

— Конечно, можем, — весело ответила Леди Мар. — Но Зоря никогда не стала бы делать такого.

Саммер поспешно опустила взгляд. «Я сделала это!»

— Что бы произошло, если бы Зоря сожгла сердце?

— Это было бы проклятием. Человек жил бы дальше, но его жизнь стояла бы на месте, года были бы как будто заморожены. Все это продолжалось бы до тех пор, пока его Зоря не

перестала бы существовать. Была бы она бессмертной, то и человек был бы обречен жить вечно. Только когда Зори не станет, человек мог бы снова обрести свои года, которые продолжили бы идти. Он бы прожил отведенное ему время, а потом умер. Но поверь мне, без сердца это была бы несчастливая жизнь.

Глава 22

Черное и белое

Было непривычно покидать цитадель через северные ворота сухопутной дорогой. С каждым шагом, отдалявшим ее от Зоря, Саммер чувствовала себя все более одинокой. Они молча попрощались с ней. Провожали ее только Бельен и Анжей, а также трупы Лорда Джораса. Солдаты старались не смотреть на нее, хотя она по-прежнему носила маску.

Пуленепробиваемый жилет был слишком узким, но Саммер не по этой причине казалось, что не хватает воздуха. Скорее это было новое чувство вины, тяжелым грузом лежавшее на душе. *«Думай об Индиго», — уговаривала она себя. — «Если ты во время последнего поцелуя увидишь его жизнь, то поймешь, что произошло тогда на месте казни, и может быть тебе также станет понятно, почему ты сотворила с Любимым такую ужасную вещь».*

Лишь окончательно покинув полуостров, она поняла, в каком безопасном коконе жила все прошедшие дни и недели. Трупы Лорда Теремеса продвинулись далеко. Вдали раздавались взрывы, и в этот раз дым уже был не только живописной, темной колонной, которую можно было наблюдать в бинокль на безопасном расстоянии. Он был пугающе близок, а его резкий запах висел в воздухе.

— Мы обойдем первый лагерь и через два дня продвинемся к реке, — объяснила Бельен. — Там отвлечем солдат на приграничной полосе. А потом нам придется тебя покинуть.

Она пыталась говорить непринужденно, но при этих словах так крепко сжимала руку Саммер, что той стало больно.

***

До реки они добрались поздно ночью, утомленные напряжением последних дней. Трупы, занимавшие позицию у реки, были проинформированы посыльным. Было даже страшновато, как точно и не мешкая они приводили в действие план, разработанный Лордом Джорасом и Леди Мар. Саммер тоже знала свою роль. Задолго до рассвета, когда солдаты Лорда Джораса уже были наготове и заряжали оружие, Саммер в последний раз обняла подругу.

То, что Бельен надела бросающееся в глаза платье цвета слоновой кости, было частью плана и контрастировало с винтовкой в ее правой руке.

— Мне бы так хотелось подарить тебе свою неуязвимость, — сказала Бельен сдавленным голосом, а потом, к удивлению Саммер, и вовсе расплакалась. Саммер поцеловала ее и погладила по волосам, но сама бы ни за что не призналась, как тяжело ей давалось прощание.

— Не волнуйся обо мне, — добавила она. — Скоро я найду его. И через несколько дней снова буду с вами.

Анжей тоже выглядел бледным. Он остался стоять в стороне, но Саммер подошла к нему и также обняла. «Две Зоря, разделяющие кусочек человеческой жизни», — думала она улыбаясь.

— Удачи, — прошептал он ей на ухо.

Она кивнула, всучила ему свою маску и ускользнула прочь. Она бежала в тени защитной стены, возведенной из кусков скалы и стволов деревьев, пока не удалилась на достаточное расстояние от всего происходящего. На противоположной стороне она разглядела еще одну стену с бойницами и отверстием, из которого наблюдали люди Лорда Джораса. Первый взрыв сотряс воздух, после чего взлетел на воздух кусок стены противника. Однако Саммер ждала, когда труппа Лорда Теремеса отреагирует на неожиданное нападение среди ночи, и также откроет огонь. Издалека она заметила, как Бельен, прячась за стеной, подала ей знак.

Саммер досчитала до десяти и пригнувшись ринулась вперед.

В это время года вода уже была слишком холодной, чтобы человек мог выдержать в ней дольше нескольких минут. Течение ожидало относило ее в сторону, но Саммер старалась не делать слишком заметных движений. Несколько бесконечных минут она лежала в прибрежной воде.

Над рекой раздавались крики.

— Там! Одна из них!

За этими словами последовал залп из огнестрельных орудий. Саммер выползла из воды на другом берегу и посмотрела в сторону Бельен. Отвлекающий манёвр был захватывающим дух зрелищем. Бельен гордо выпрямившись, стояла на насыпи. Ее светлое платье светилось в свете прожекторов и развевалось на ветру. Ничего не выражающая бронзовая маска и винтовка через плечо придавали ей сходства со свирепой богиней войны. Она стреляла очередью, но при этом ни одна пуля с противоположной стороны не задевала ее. Саммер добралась до насыпи и на коленях взобралась до пробоины в валу. Прежде чем пролезть внутрь, девушка в последний раз бросила взгляд через плечо и увидела, как Анжей встал позади Бельен. Она отбросила винтовку и подняла руки. Анжей обнял ее и укутал своим плащом. После этого они растворились в воздухе и исчезли.

***

В лагере царила деловая суeta хорошо скоординированной борьбы. Все глаза были направлены на противоположный берег, когда Саммер пробиралась между палатками. Когда один из солдат обнаружил ее и пошел к ней навстречу, она упала на землю, сделав вид, что сильно переутомилась.

— Блесса Томлин!

Девушка показала ему татуировку и номер.

— Они взяли меня в плен. Но мне удалось сбежать.

Глаза молодого солдата округлились, и он убежал прочь. Теперь Саммер могла только надеяться, что ее двойник находился не в этом лагере, но шансы на это были невелики. Если верить шпионам Лорда Джораса, четвертый полк в данный момент находился гораздо дальше, в северном направлении.

План удался. Несколько часов спустя Саммер уже сидела в одном из ближайших лагерей в армейской палатке, напротив пожилой женщины-офицера. Она рассматривала татуировку, которая уже зажила и выглядела так, словно была наколота несколько недель или месяцев назад. Затем женщина снова посмотрела в свои бумаги и, наморщив лоб, сравнила числа.

— Ты была в четвертом полку, Блесса. Но здесь написано, что ты погибла две недели назад.

Саммер опустила взгляд на руки. Она должна была бы радоваться, что это совпадение уже не испортит ее планы, но, тем не менее, ей было жаль девушку.

— Я тоже так думала, — ответила она, в точности имитируя голос Блисссы. — Но это не так. Меня ударили по голове и несколько дней я вообще ничего не знала. Я очнулась связанная, совсем в другом месте. Лишь вчера мне удалось освободиться и сбежать, перебравшись через реку.

— Замечательное достижение, — сказала офицерша. — Расскажи мне, что конкретно произошло.

Саммер выдала весь текст, который выучила вместе с Лордом Джорасом. Это была надежная история о плене и побеге, с точными указаниями мест и другими ценными для офицерши наводками, однако которые должны были пустить ее по ложному следу в том, что касалось следующей стратегии Лорда Джораса. Закончив рассказ, она уже знала, что выиграла.

С пропуском в руках, Саммер покинула заградительную зону у реки, в сопровождении солдата, который нашел ее, дошла до военных казарм и уже окончательно попала на вражескую сторону.

Уже несколько часов спустя девушка проскользнула между палатками и направилась дальше, удаляясь от линии фронта в сторону лагеря Лорда Теремеса. Она шла ночью, в сопровождении света второй реальности, который дарили ей бабочки, а днем пряталась. Саммер шла через опустошенные поля, уже покрытые снегом. На бегу она мысленно постоянно возвращалась к модели северной страны, пометкам и прежде всего к лагерю Лорда Теремеса.

Шаг за шагом она следовала по дорожной карте, которую держала в уме. Однако расположение сил за последние дни изменилось. Она была удивлена тем, что в скором времени увидела на возвышенности лагерь Лорда Теремеса. На серо-зеленых палатках красовался знак Лорда Теремеса в виде листочка липы. Кроме того были видны знак города Маймара и другие гербы страны. Саммер на некоторое время остановилась, чтобы сделать передышку. *«Он там, внизу»*, — подумала она. — *«Где-то поблизости от Лорда Теремеса»*.

***

Саммер уже почти дошла до первых палаток охраны, как услышала сзади щелчок, заставивший ее остановиться.

— Руки вверх! — сказал довольно нервный, молодой голос. Саммер послушалась и медленно повернулась. Худой солдат держал ее на прицеле. И видимо у него сдавали нервы.

— Откуда ты? — крикнул он. — Никому нельзя покидать лагерь!

Указательный палец мужчины дрогнул на спусковом крючке. Вот теперь Саммер была рада, что под армейской курткой носила бронежилет.

— С прифронтового лагеря, — сказала она. — У меня есть пропуск. И я...

— Заткнись! — крикнул он. — Имя?

В его покрасневших глазах блуждало что-то роковое. Как будто он видел слишком много такого, чего не мог вынести.

— Блисса Томлин.

— Код?

— 24AZ98.

— Номер?

— 343/4

У него были впавшие щеки, которые с каждым вздохом проваливались еще больше. Не опуская винтовку, он подошел к ней и левой рукой грубо задрал рукав. Его взгляд метался

между татуировкой и ее лицом.

— Чего тебе здесь нужно?

— У меня есть информация о цитадели. Подробный доклад только уполномоченному начальнику.

— И кто является им здесь?

— Фаррин Окланд, — сказала она как можно спокойнее.

«Даже если он тебя арестует, это тоже способ попасть в лагерь. У меня есть пропуск, я зарегистрирована. И если парень до сих пор не выстрелил, то уже не сделает этого».

Саммер практически видела, как крутились мысли в его голове.

— Ты лжешь, — пролаял он. — Окланд больше не на службе.

— Опустит оружие, Каллас! — крикнула какая-то женщина. Солдат заметно вздрогнул и действительно нерешительно опустил винтовку. Саммер посмотрела направо и к своему облегчению увидела знакомое лицо.

Люкс. Она вышла из одной из палаток и большими шагами направлялась к Саммер. Ее гневная складка стала еще глубже с момента их последней встречи.

— Ты только посмотри, — сказала офицерша. — Переводчица вернулась.

Она махнула солдату, что он может быть свободен.

— Все в порядке, Каллас. Я займусь ею.

Он неохотно удалился. После его ухода, она снова повернулась к Саммер и осмотрела ее с ног до головы.

— Привет Тайя! Мы думали, что никогда больше не увидим тебя. Где ты была?

— Длинная история. Во время нападения я спряталась, а потом меня взяли в плен, но я смогла сбежать. А что с Фаррином? С ним что-то случилось?

Люкс пожала плечами.

— Как сказать. Мойра осложняет ему жизнь. И я не знаю, что его больше бесит. Ранение в ногу или тот факт, что Мойра уволила его со службы. Они ссорятся каждый раз, когда видят друг друга. Ну, по крайней мере, то, что ты жива, могло бы взбодрить его.

***

Фаррин сидел позади одной из палаток. Саммер едва узнала его. Он был небритым, с глубокими кругами под глазами, выглядел угрюмым и, согнувшись, опирался на стол. Перед ним стояла полупустая бутылка спирта. А рядом лежали стопки бумаг.

— Фаррин! — ее голос заставил его взглянуть. Не веря своим глазам, он поморгал, затем подскочил с места. По крайней мере, попытался встать, однако его левая нога была перебинтована в колене. Своим движением он вспугнул Джолу, лежавшую под столом. Конечно же, она зарычала, обнаружив Саммер. Зато Фаррин поприветствовал ее очень искренне.

— Тайя из Белетера! А мы все думали, что больше никогда не увидим тебя! Где же ты пропадала?

Саммер засмеялась и бросилась к нему. Его объятия были слишком крепкими, да и сам он весь пропах спиртом, но все-таки это был Фаррин, и она была невероятно счастлива увидеть его.

— Сначала на поле, потом в бегах. А ты? Что тебя ранило? — спросила она.

Он опустился на лавку.

— Можешь выбрать. Мойра. Или пуля, предназначавшаяся ей.

— Ты спас ее? От кого?

— Шпионы из цитадели не дремлют. Советники Лорда Теремса стали востребованной мишенью, — он горько засмеялся. — И вот благодарность. Она отстранила меня от службы до поры до времени.

— Но ты же ранен.

Драконьи глаза Фаррина стали еще темнее.

— Ты что не понимаешь, Тайя? Она больше не хочет, чтобы я был рядом с ней. Мне вообще больше нельзя с ней на фронт. И Лорд Теремес слушается ее. Поэтому мне можно только возиться с бумагами, больше мне нечего делать. Я больше ни на что не годен, кроме как приглядывать за ее чертовой собакой.

«Собаку она никому не доверяет», — подумала про себя Саммер. — *«Только тебе»*.

— Где Мойра?

— Ее нет, — Фаррин сделал глоток из бутылки. — Ушла с лордом Теремесом. Вернется через несколько дней.

***

С одной стороны ей не составило труда разместиться среди солдат. Но, с другой стороны, находясь среди всех этих людей, она больше чем когда-либо чувствовала, что снова стала Зоря. Бывали моменты, когда она ловила себя на том, что наблюдала за солдатами, соблюдая ту же дистанцию, что и леди Мар. И только с Фаррином все было по-другому. Люкс обеспечила ей место поблизости от Фаррина. У переводчика в этом лагере было много работы. Люкс брала ее с собой, когда нуждалась в ее услугах, но у Саммер закралось подозрение, что на самом деле девушка должна была развлекать огорченного офицера.

Лучшего места ей было не найти. Усилившийся холод стал для нее хорошей отговоркой, чтобы скрывать лицо, насколько это было возможно. Она натягивала шалевый воротник своего пуловера до самого рта, как будто мерзла, и носила шапку. Саммер могла, таким образом, украдкой изучать каждое лицо в отдельности. Ни одно из них не было ей знакомо, лишь однажды она увидела Калласа, который с недоверием посмотрел на нее, после чего развернулся и ушел. Люкс и Фаррин не видели ее татуировку. Также она не упоминала имени Блисссы.

На третий день девушка набралась смелости, когда лорд Теремес вернулся с фронта. В этот вечер праздновали победу, но Саммер пыталась не думать о том, что это означало для Зоря, а еще внимательнее начала искать Индиго. Даже Фаррин был в приподнятом настроении. В воздухе висело сдержанное, праздничное настроение, зажглись первые огни. А на небе светила полоса странного бело-зеленого света, взглянув на которую Фаррин, наконец, улыбнулся.

— Северное сияние, — сказал он Саммер. — На юге у вас такого нет.

В этот вечер Саммер сняла бронежилет, который все это время сдавливал ее, и смешалась вместе с Фаррином с празднующими. Свет от огня, на котором жарилась дичь, освещал лица. Издалека она увидела светловолосого воина богатырского телосложения, со сбритыми волосами и светлой бородой. На его виске красовалась татуировка — лист липы.

— Это лорд Теремес? — прошептала она Фаррину. Джола снова зарычала, услышав голос Саммер.

— Да, это он.

Саммер выпрямилась, наблюдая за тем, как лорд ходил от костра к костру и жал руки солдатам, говорил и пил с ними. Ее взгляд скользнул к сопровождавшим его людям. И тут

она насторожилась.

Она видела мужчину только наполовину и сзади, тем не менее, выглядело так, словно вспышка молнии осветила то место, где он стоял. В какой-то момент ее охватил страх. «Любимый?»

Мужчина, одетый в простой, поношенный плащ подошел к огню поблизости. Она так хорошо знала его плавные движения, длинные ноги, да и фигуру в целом, как будто покинула его только что.

«Конечно», — успокаивала она себя. — *«Любимый и Индиго были похожи. Это не он, он бы не предал меня».*

— Кто это? — спросила она слабым голосом.

— Вон тот? Гереза. Не представляет никакой важности. Какой-то писарь лорда Теремеса.

Это прозвучало как-то уж слишком безразлично, и заставило Саммер насторожиться. Это должен быть Индиго. Все совпадало: он сопровождал лорда Теремеса и держался в тени. *«И Фаррин знает, что человек, который называет себя Гереза, является самым важным советником лорда Теремеса, но, конечно же, он мне этого не скажет».*

В этот момент мужчина вытащил нож и отрезал себе кусок дичи — левой рукой. Саммер не могла ничего поделать, она не ответила на то, что сказал Фаррин, потому что у нее земля ушла из под ног, и девушка как будто провалилась в черную дыру. У нее было ощущение, что ее собственное сердце горит. *«Он все-таки обманул меня! А ведь я так хотела верить ему».*

***

Саммер последовала за ним, держась на расстоянии. С ножом в руке, не зная, что делать. Где-то в уголке сердца она так надеялась, что глаза сыграли с ней злую шутку. Что этому можно было найти объяснение. Какое-то другое, но не это. *«Любое другое!»* Он шел к самому краю лагеря. Недалеко от длинной палатки в загоне дремали лошади. Почуввав Саммер, они прижали уши, и отошли на некоторое расстояние. Мужчина исчез в одной из убогих палаток. Саммер подкралась к входу в палатку, и осторожно перерезала шнур, удерживавший откидное отверстие. С колотящимся сердцем она заглянула внутрь.

Он снова сидел в пол-оборота, изучал какие-то бумаги. Затем положил их на стол и исчез за занавесом в задней части этой импровизированной канцелярии.

— Эй!

Вздрогнув, Саммер услышала, как перезарядилась винтовка.

В пяти метрах от нее стояла Мойра. Она с одного взгляда оценила ситуацию: перерезанный шнур, нож в руках Саммер.

— Что, черт побери, ты здесь делаешь?

Саммер выдавила из себя улыбку.

— Мойра! Это же я.

— Опусти нож. Брось его.

«Он держится в тени, а Мойра лично охраняет его и разрабатывает с ним стратегии. Он знал только меня, а вот она уже однажды встречалась с леди Мар».

Покосившись на палатку, она удостоверилась, что мужчина не слышит их разговор. Он все еще находился в задней части палатки. Саммер повиновалась и нерешительно бросила нож на землю.

— Ну и? Ты уже знаешь, кто ты? Блисса из Белетера? — ледяным тоном сказала

Мойра. — В этот раз ты взяла солдатское имя, чтобы прокрасться к нам? Н-да, нужно внимательно слушать и тогда, когда неопытный солдат замечает нечто странное.

Саммер облизала губы.

— Нет, это мое настоящее имя. Тайя это моя кличка для друзей.

— Тогда покажи мне листок липы.

Саммер опустила рукав.

— Все верно, Мойра. Я могу объяснить, я действительно Блисса!

Глаза Мойры сузились. Она подняла винтовку и направила ее на Саммер.

— Значит, ты заметно изменилась. Блисса из Белетера также была на борту Нимфы. Какая неприятность для тебя, что я с ней разговаривала. Одного взгляда в бумаги будет достаточно, чтобы узнать, что Блисса погибла.

Теперь Саммер поняла, что стояла напротив врага. Черное и белое, сегодня не было ничего посередине.

— Странно, что твоя татуировка так быстро выцветает, — строго добавила Мойра. — Она же должна держаться всю человеческую жизнь. Ты одна из *них*!

Вдруг, буквально за секунду произошло сразу несколько вещей. Глухой удар, от которого Мойра упала на землю. Саммер, напрягая все мускулы и бросившаяся в сторону. Выстрел, который она слышала еще во время падения. Столкновение с землей. И винтовка, брошенная в ее сторону и приземлившаяся в траву, и лежавшая без сознания Мойра. *«Она мертва? Кто...»*

В то же мгновение темнота вокруг палатки словно закипела. Послышались громкие шаги, прибежали солдаты.

— Он побежал к ручью, — крикнул кто-то, странным образом, показавшимся ей знакомым голосом. Саммер поползла на четвереньках в укрытие ближайшей палатки. Раздался лай собак, солдаты ринулись в сторону ручья. Зажглись фонарики. Их свет осветил двоих людей, подскочивших к Мойре и перевернувших ее на спину. Человек, который был Индиго, встал перед палаткой и огляделся. В свете фонарика его лицо осветилось, словно парящая на темном фоне маска. Ослепленный светом, он посмотрел Саммер прямо в глаза, не узнавая ее в темноте.

«Не Любимый», — было ее первой мыслью.

Время закрутилось и в ту же секунду замерло. Как по щелчку из ее памяти исчезли все размытые пятна, она снова вспомнила все лица.

Она бы узнала его повсюду. Темно-каштановые волосы, похожие на волосы Любимого, но только с отдельными седыми прядками на лбу. Почти черные, немного раскосые глаза, наряду с острым подбородком придававшие его лицу сходство с рысью. Одну из его бровей пересекал шрам от пореза. Ее удивляло, насколько его движения напоминали ей Любимого. Она знала улыбку Индиго, его голос, его обещания и жестокость. Особенно жестокость.

В следующее мгновение она вновь стала Зоря, трезво разрабатывающей свой план. *«Не было времени ждать поисковиков. Я должна сама попасть к нему»*. Свет от фонарика метнулся к другой палатке. Индиго снова ушел. Саммер схватила нож, думая только о том месте на его груди, где нанесенная рана могла надолго ослабить его. *«Я должна обойти палатку. Сзади никого нет. Сейчас он там один»*. Саммер отползла в сторону и побежала. Но кто-то застал ее врасплох, грубо схватив за спину так, что она даже не почувствовала боль. Ее первой и единственной мыслью было: *«палатка! У меня больше нет времени!»* Она извивалась как змея и кулаком ударила кому-то в подбородок. Этот кто-то закричал от боли.

Ножом она почти достала до плеча противника, но он придавил коленом ее запястье.

— Прекрати, наконец! — прошипел нападавший. Он показался ей знакомым, но Зоря продолжала всеми силами защищаться.

— Пусти меня! — шипела она. — Мне надо к нему!

Он выругался и еще крепче схватил Саммер. Нож выскользнул из ее пальцев в траву.

— У ручья никого нет! — крикнул кто-то с другой стороны палатки.

— Что с советчицей?

— Убита.

— Ищите на другой стороне!

Как будто последние слова вывели ее из транса, Саммер очнулась и увидела лицо Любимого.

— Отпусти... меня! — процедила она сквозь зубы. — Это Индиго.

— Я знаю.

— Мне нужно к нему!

— Нет!

Наконец ей удалось освободиться из его хватки. Она вскочила на ноги и побежала. Однако за палаткой мужчина нагнал ее. Склон так резко оборвался, что Саммер подвернула ногу. Она упала и потянула за собой Любимого, они скатились в канаву, отделявшую лошадиное стойло от палаток. Кустарники поцарапали ей лоб и руки, одежда цеплялась за колючки. Она тяжело дышала при попытке подняться, держась за ветку, так как Любимый своим весом давил ей на бедро. Наверху в лагере кто-то громко ссорился, в траве слышались шаги.

— Мойра!

Это был голос Фаррина.

«Все кончено», — думала Саммер. Она была безумно расстроена и ужасно рассержена на Любимого.

— Знаешь, что ты наделал? — прошипела она ему.

— Да, я предотвратил твою смерть. Если ты его поцелуешь, он умрет. Но и ты тоже.

Она непонимающе хлопала глазами.

— Что?

Быстрый, незаметный кивок. К ее злости добавилось еще и возмущение.

— О чем ты говоришь? Леди Мар простила меня. Я одна из них! Зачем им меня убивать?

— Потому что таков ход событий, — прошептал он. — Так ты мне тогда рассказывала. Закон для тех из вас, кто нарушает порядок. Ты знала об этом и все равно не хотела отрекаться от жизни.

Смысл этих слов медленно проникал в сознание Саммер. Любимый видимо неправильно истолковал ее молчание. В его голосе слышалось отчаяние, когда он снова заговорил.

— У нас нет времени на объяснения. Тебе что-нибудь говорит имя Вий? Она говорила об этом с другой Зоря возле баркаса.

Внутри нее все сопротивлялось, но потом она вспомнила про Бельен и Анжея, слезы вс время прощания. И Зоря, молчаливые... как будто скорбящие. И когда Саммер окончательно поняла, у нее было ощущение, что её ударили кулаком в живот и лишили возможности дышать.

— Поверь мне, нет никого, кто бы желал Индиго смерти больше чем я, — поспешно сказал Любимый. — Но не такой ценой! Теперь решай, ты хочешь жить или умереть? Она схватила его за воротник, до боли вонзив ногти в кожу его куртки.

— Любимый! — прошептала она сдавленным голосом, — я не хочу умирать!

Глава 23

Зимние цветы

Частичка ее сбежала вместе с Любимым и хотела выжить любой ценой. Частичка была начеку, нагибалась и ползла, открыла дверь лошадиного стойла, вошла, загнала ее в угол и заставила паниковать, снова выбежать и устроить суматоху в лагере. Это была та же часть нее, которая не раздумывая забралась следом за Любимым на украденную верховую лошадь, и та с пеной у рта ринулась прочь, подгоняемая страхом. Но другая часть нее воспринимала все это как сон. Она словно издалека наблюдала за двумя убегающими, которым удалось покинуть лагерь и затеряться в густой полосе леса за линией фронта.

Только на рассвете, когда они искали пристанище под ветками ивы, наступил шок. Она долго плакала, а Любимый, ничего не спрашивая, просто держал ее в объятиях. Ее бабочек нигде не было видно, и Саммер была бесконечно этому рада.

— Они все знали, что я не помню, что меня ожидает! — шептала она. — Но заставили поверить, что я просто до конца выполняю свое задание. Они подвергли мою жизнь опасности! Почему меня не удивил тот факт, что Бельен и другие никогда не говорили, что мы скоро увидимся? Знаешь, почему?

Любимый молча покачал головой. Саммер шмыгнула носом и продолжила.

— Потому что для меня было очевидно, что я вернусь! Потому что я доверяла им и была частью их. А для Зоря также очевидно было, что я погасну за свой проступок.

Она горько засмеялась.

— Леди Мар прощает, о да! Но она не меняет ход жизни ради одной Зоря. У меня вообще не было выбора! Мне уже давно был вынесен приговор.

— Это называется предательство, — спокойно сказал Любимый и погладил ее по щеке. — Это больно, но боль пройдет.

Саммер испытала еще один шок. Именно в эту секунду ей стало ясно, что она сотворила с ним. *«Ты должна сказать ему»*. Но она, стиснув зубы, молчала. *«Только не он, я не вынесу, если потеряю еще и его»*.

— Как ты меня нашел? — спросила она вместо этого.

— Я сидел один день в пещерах. Когда начался прилив, я забрался в заднюю часть пещеры, туда, где стоит баркас. Там были две Зоря. Они говорили о том, что тебя ожидает, когда ты найдешь Индиго. Так я узнал, что он еще жив. К счастью они сказали, какими путями ты должна попасть в лагерь лорда Теремеса. Когда во время следующего отлива я выбрался из пещер, и сделал все возможное, чтобы окольными путями животных-бегунов быстрее тебя попасть в лагерь и найти Индиго до того, как его найдешь ты, — он понизил голос. — И я чуть не опоздал!

— Почему ты раньше не сказал, что обо мне знаешь?

— Мы еще слишком мало времени доверяем друг другу, — серьезно сказал он. — Я все еще был заключенным, полностью в вашей власти. Сейчас мы впервые просто ты и я.

«Ты и я». Саммер некоторое время раздумывала над этими словами. Звучало красиво. Но одновременно существовало еще и *«Мы»* Зоря, которое волновало ее и от которого ей

хотелось избавиться.

— Теперь ты скажешь мне, что тогда произошло на самом деле? С... Индиго?

Она почувствовала, как отяжелели его руки, державшие ее, как будто на него давил груз воспоминаний.

— Ну, хорошо, — сказал он через некоторое время. — Я служил у него. Я... был кем-то вроде адъютанта, его доверенным лицом. Я научил его фехтовать левой рукой, потому что он был ранен. Он еще мог писать правой рукой, но был не в состоянии поднять полную бутылку вина.

— Он выкупил тебя из кузницы?

— О, да. И я любил его за это. Сегодня мне кажется, что во мне он увидел себя. Мы немного похожи.

Он кашлянул и продолжил говорить тихим и дрожащим голосом.

— Он дал мне поручение защищать тебя и проводить с тобой время. Сказал, что ты его невеста. Но мы влюбились друг в друга, и я каждый раз сгорал от ревности, когда видел, как ты смеялась и танцевала с ним. Индиго был не тем, кто прощает. Я знал, он убьет меня, если узнает, что мы целовались. А потом... ты рассказала мне, что ты предвестница смерти Индиго. И что у тебя есть крылатый плащ. Не знаю, поверил ли я тебе. Я не видел этого плаща. Ты говорила, что хочешь стать человеком и боишься быть наказанной своей хозяйкой. Еще ты сказала, что даже готова украсть жизнь, чтобы стать человеком. Я посмеялся над этим. Однажды... мы были вдвоем в порту, и я показал тебе место, где находится южная звезда.

— Я помню об этом, — тихо сказала Саммер. — Мы хотели вместе уехать.

— Скорее это должен был быть побег. Туда, где бы нас не нашли ни Индиго и ни твоя повелительница. В ту ночь, когда мы приняли это решение, я был счастлив.

Саммер опустила взгляд и склонила голову на плечо Любимого. *«Ночь, в которую я украла его сердце»*. Ее щеки пылали, но при этом она чувствовала озноб как при температуре.

— Как всегда я покинул тебя еще до рассвета. Ушел обратно в замок. Не прошло и секунды после моего возвращения, как в комнату вошел Индиго...

— Он приказал связать меня. Это было утро, которое я тоже еще помню. Они привели меня к месту казни. И там был ты!

Голос Любимого стал тихим и монотонным, когда он продолжил говорить.

— Он приказал мне казнить тебя. Палач дал мне свой плащ и меч. И даже перчатки. И я сыграл в эту игру. Потому что это была единственная возможность уберечь тебя, — он с трудом сглотнул. — Тайком я развязал тебе руки. Меня еще удивило, что они были слабо завязаны. Ты бы могла сама освободиться. Я шепнул тебе на ухо, что намеренно промахнусь и затем брошусь на солдат. А ты должна была убежать. Но ты... была какая-то странная. Вела себя так холодно. У тебя даже страха не было.

— У меня был страх! Смертельный страх!

— Индиго стоял наверху у окна и наблюдал за сценой. Я бесконечно ненавидел его. Я поднял меч, прикидывая как бы мне убить палача, стоявшего неподалеку и освободить тебе дорогу. Но потом... я выронил меч, от пронзившей меня боли. Я успел почувствовать, как мне вонзили кинжал меж лопаток, после чего я упал. А когда... пришел в себя, то понял, что меня несли. Несколько человек тащили меня в сторону рва как мертвую собаку. Я не мог ни говорить, ни даже моргать. Я и вправду был как будто мертв, но мои глаза еще видели. И то,

что я увидел, разрушило все, во что я верил в своей жизни. Индиго и ты на эшафоте. Он помог тебе подняться, обнял тебя. Вы стояли, прижавшись друг к другу, как влюбленная парочка. Ты улыбалась ему, а потом твой взгляд скользнул ко мне. В этот момент я умер во второй раз. В твоём взгляде читалось холодное презрение. И триумф.

Он тяжело сглотнул.

— И тогда я понял, что ты все это время играла со мной, а на самом деле любила Индиго. Я пришел к выводу, что ты украла мое сердце, чтобы получить человеческую жизнь. И что Индиго с самого начала знал об этом.

— Как ты можешь в это верить? Я помню, что *мы* любили друг друга!

— Но может быть воспоминания и у вас, Зоря, бывают обманчивыми?

Мысль об этом была равносильна пощечине ледяной рукой. *«Что, если так и было на самом деле? Я стерла из памяти лицо Индиго. И все остальные лица. Что, если меня выкрал и увез на корабле вовсе не Индиго? Что если я использовала воспоминание о поездке на Нимфе, чтобы обмануть Леди Мар? Но почему?»*

— Я пришел в себя несколько дней спустя, лежа в канаве, с запорошенной снегом грудью, — продолжил Любимый прерывающимся голосом. — Вокруг меня сидело несколько ворон. Я не знал, почему еще мог видеть, слышать и даже подняться. У меня больше не было сердца.

Он взял ее руку и положил себе на грудь.

— Так же как сейчас.

Саммер поспешно одернула руку и обхватила руками колени. Ей хотелось забраться в самый дальний угол, подальше от него. *«Что я наделала? Почему я ничего не знаю об этом?»*

— Я дополз до двора замка, — продолжил Любимый через некоторое время. — Там лежало несколько слуг, по столам прыгали вороны, доедая остатки пиршества. Однако все люди... были мертвы. Умерли прямо там, где сидели или лежали. Во всем доме больше никто не жил. А ты и Индиго, вы оба исчезли.

Саммер подняла голову. Ей стоило невероятных усилий посмотреть ему в глаза. Она увидела в них печаль, но не ненависть.

— Когда ты увидел в лагере Индиго, как ты сдержался, чтобы не отомстить?

— Я люблю тебя больше, чем ненавижу его, — просто ответил он. — Можешь мне поверить, когда я вчера увидел его, у меня снова было ощущение кинжала в спине. Я не спускал с него глаз. И пока я наблюдал за тем, как он разговаривал с Лордом Теремесом, смеялся и жил своей жизнью, я все это время представлял, как похищаю его, чтобы в каком-нибудь укромном месте выжечь каленым железом его предательскую душонку.

Его глаза пугающе запылали.

— Но дело было в тебе.

Он задумчиво посмотрел на лошадь, привязанную к дереву и нервно дергавшую ушами.

— До тех пор пока ты его не убьешь, с тобой ничего не случится. Поэтому он должен жить. Вечно.

Он сказал это с горечью, но спокойно. Тишина, последовавшая за этими словами, была зловещей. Казалось, время остановилось. Не шевелилась ни одна ветка, даже не падал снег. *«Как в странном сне»*, — подумала Саммер. — *«От которого я не могу пробудиться»*.

Она вздрогнула, когда он резко повернул голову и снова посмотрел на нее.

— Пойдем, не будем терять времени. Пойщем пристанище, где мы будем в

безопасности, пока не закончится битва.

— Ты имеешь в виду место, куда ты хотел меня утащить?

На его лице появилась широкая улыбка.

— Тоже вариант. Доверься мне, я знаю, как нам пробраться мимо линий фронта.

«Доверься мне». Она вымученно улыбнулась, хотя в тот же момент у нее возникло неприятное подозрение. Саммер наблюдала, как он подошел к лошади и привязал к седлу украденный армейский рюкзак.

— Любимый?

Он остановился и обернулся к ней.

— Скажи правду. Ты... только поэтому забрал меня оттуда? Чтобы привести туда, где я все вспомню?

Поначалу Саммер показалось, что он разозлился, так растерянно он смотрел на нее. Но потом Любимый удивил ее ироническим смехом, напомнив ей, что она любила его и за юмор тоже.

— Нет, — коротко ответил он. — Если быть честным, по одной единственной причине, — он улыбнулся. — Я не могу допустить, чтобы ты целовалась с другим! Ты *моя* девушка, не забывай об этом.

***

На этот раз Любимый не обращал внимания на лошадь. Когда Саммер сидела позади него на спине буланой лошади, животное нервно потело и бежало так, как будто спасало свою жизнь. Они скакали на юго-восток, через покинутые после битв поля, на которых толпами собирались вороны вокруг свежих могил. На третий день дорога стала крутой и скалистой, поэтому Любимый вел лошадь за поводья.

— Держись рядом со мной, — сказал он Саммер, когда они остановились перед узким проходом. — И скажи, когда увидишь на дереве знак в виде пера.

Они вошли в другой мир. Лабиринт, полный окольных путей, переходов и лесов, которые были такими густыми и непроходимыми, что война оставила их нетронутыми. К своему удивлению Саммер узнала за эти дни совсем другого Любимого. Человека, так уверенно ориентирующегося в чаще, словно он был ее частью. Вечерами, разбив лагерь в какой-нибудь пещере или лежа в обнимку под деревьями на еловых ветках, он рассказывал истории о севере, чтобы помочь ей забыть Зоря. Шок и разочарование глубоко засели внутри Саммер. Закрыв глаза, она видела перед собой Бельен. Видела во сне Анжея, целовавшего ее и Леди Мар, склонившуюся над ними и положившую свою костлявую руку на грудь Любимого.

— *Одолженное время!* — прошептала она.

— Они опять тебе снились? — спросил Любимый, разбудив ее. Она лишь кивнула. Ей было невыносимо, слышать пустоту в его груди.

— Спи дальше, — сказал Любимый. — Я уберегу тебя от снов.

Закрыв глаза, Саммер задалась вопросом, когда она успела привыкнуть уставать и хотеть спать как человек.

***

Еще до того, как Саммер открыла глаза, она знала, что они были не одни. Где-то хрустнула ветка. Совсем близко раздалось шипение. «*Анжей?*» Она подскочила и с широко открытыми глазами уставилась на вход в пещеру. Резкий хлопок напугал ее до мозга костей. Ввысь устремились искры и потерялись в ночном небе. Любимый развел костер прямо перед

пещерой. Его темный силуэт был виден на фоне пламени. И когда пламя уменьшилось, она разглядела другие лица в свете огня — животные-бегуны. Две черноволосые, удивительно красивые девочки с темными глазами хищных зверей и пожилой мужчина, своими плавными движениями и синевой глаз так сильно напомилавший снежного барса, что Саммер показалось, что он наполовину человек, наполовину зверь. На них были надеты меховые пальто и сапоги, их лица покраснели от огня. Когда Саммер подошла к входу в пещеру, все прекратили разговор и повернулись к ней.

— Она и вправду выглядит как человек, — прошептала старшая девушка мужчине. Другая молодая девушка засмеялась. На ней была надета шуба из медвежьей шкуры, такой же черной, как ее длинные волосы.

— Скажи ей, что она может подойти поближе, — сказала она Любимому. — Мы не кусаемся.

— Скажи ей сама. Она понимает ваш язык. Точнее говоря, она понимает любой язык.

Эта новость им явно не понравилась. Саммер заметила, что они внутренне ушли в себя. Стали серьезными, рассматривали ее, как будто хотели оценить, была ли она другом или врагом. *«Также как Дайе»*.

Она попыталась изобразить улыбку и под села к огню рядом с Любимым.

— Я Саммер, — сказала она.

— Соквад, — пробормотал мужчина. — А это мои дочери, Килья и Пала.

Саммер рассматривала светлую кожу этих людей, гладкие черты лица, но потом с содроганием представила другую сторону их сущности. Они не особо обращали внимание на Саммер, но каждый раз, когда девушка поднимала голову, она видела направленные на нее черные глаза девушек. Их ноздри дрожали, как будто они что-то чуяли. Саммер спрашивала себя, не потому ли она не понравилась им, что они как звери не выносили ее близости. В какой-то короткий момент она ощутила тоску по Зоря, к которым она никогда не будет принадлежать. Вдруг перед Саммер снова появились бабочки «Мертвая голова», словно ее мысли позвали их. Они танцевали прямо в огне, не сгорая, как будто хотели напомнить ей, кем она была.

Старик требовательно хлопнул в ладоши.

— Разве ты не обещал нам что-нибудь спеть?

Любимый улыбнулся Саммер и к ее удивлению начал петь хорошо знакомую ей песню.

— Я и ты в карточном домике...

Она вспомнила камеры ветров и улыбнулась этому особенному подарку. У него был чистый, энергично звучащий голос, который Саммер могла чувствовать кожей и диафрагмой. Он пел слова с иронией, а между строк читалась нежность. В свете огня лицо Любимого выглядело мягким и одновременно каким-то чуждо прекрасным. *«Он счастлив»*, — очарованно думала Саммер. — *«И если бы я сейчас впервые увидела его, то снова влюбилась бы без памяти»*. Но видимо она была не одинока. Девушки тоже наблюдали за ним с блеском в глазах. В воздухе была вибрация между взглядами, черноволосая девушка одарила Любимого улыбкой, и он слегка улыбнулся в ответ.

***

Угли все еще теплились в потухающем костре, когда бегуны исчезли, а Саммер и Любимый ушли обратно в пещеру. Любимый — опьяненный песнями, Саммер со странным ощущением пустоты в груди, испортившем ей настроение.

— Я отдал им лошадь, — объяснил Любимый. — Взамен мы завтра получим четыре или

пять шкур и шубу для меня.

Он вздохнул.

— В отличие от тебя я могу замерзнуть. Зимние штурмы еще впереди.

Он устроился поудобнее на ветках, потянулся и отодвинулся в сторону, уступая ей место. Однако она села подальше от него.

— Ты так близко знаком с бегунами, как будто сам принадлежишь к ним.

— С этими троими я познакомился по дороге в лагерь Лорда Теремеса. Благодаря им я смог попасть туда быстро. Кроме того, я долгое время был частью их племен. Я постоянно возвращаюсь на север, не знаю почему, но меня сюда тянет.

Он вздохнул, взял армейский рюкзак и подложил себе под голову. Из его рта шел пар.

— Может, потому что здесь ты счастлив?

Он засмеялся.

— Я всегда счастлив, когда пою. Но ты права. Горы, где живут бегуны стали для меня чем-то вроде дома.

Он стал серьезным и долго смотрел на нее.

— Мы можем остаться здесь, пока все не закончится.

— Что?

— Не смотри на меня с таким ужасом. Разве это так плохо? Они предложили нам перезимовать в их племени. Я просто подумал... если ты не хочешь к фьорду.

— Чтобы ты всю зиму мог строить глазки этим девушкам?

Эти слова вырвались у Саммер непроизвольно, и она тут же отругала себя. Но с другой стороны ее рассердила та ухмылка, которая появилась на его лице.

Он медленно, с наслаждением скрестил руки над головой и небрежно закинул ногу на ногу.

— Ревнуешь, ледяная фея? — он поднял брови. — Мне это нравится! — улыбка стала еще шире.

У Саммер кровь прильнула к щекам.

— Не ревнивей тебя, — холодно ответила она. — Ты хотел убить меня только за то, что я хотела поцеловать Финна! Скольких девушек-бегунов ты уже поцеловал?

— Наверное, столько же, сколько и ты молодых, красивых актеров, — ответил он с вялой иронией. — Каждую неделю другую, если быть точным. Посмотрим, в году пятьдесят две недели. Умножаем на двести...

Он разразился смехом, когда она вскочила и бросилась на него.

— Ай, — закричал он, получив удар в ребра. — Я все исправлю. Ты получишь столько ночей и поцелуев, сколько потребуется, чтобы искупить мою вину, обещаю!

Его дыхание коснулось ее лица.

— Тогда начинай прямо сейчас, — прошипела Саммер. Запустив руки в его волосы, она так страстно поцеловала Любимого, что он вздрогнул.

— Ты хочешь меня убить или поцеловать? — пожаловался он. Пока Саммер обдумывала, действительно ли сделала ему больно, его рука уже лежала на ее спине — кожа на коже, под свитером.

— Знаешь, что удобно? — сказал он. — Что ты не замерзнешь, даже, если я раздену тебя в снегу!

Его рука скользнула вверх, но Саммер увернулась.

— Единственный, кто здесь мерзнет, это ты!

Он сопротивлялся, когда она засунула холодные руки ему под свитер, но Саммер не сдавалась. Вскоре они оба забыли о сильном холоде и, смеясь, боролись друг с другом, погрузившись в теплоту украденных поцелуев, до тех пор пока их прикосновения постепенно не стали нежнее.

Они впервые беззаботно занялись любовью, без тайн и страха быть обнаруженными, без недоверия, которое в цитадели омрачало все их мысли. И хотя была ночь, у Саммер было ощущение, что до сих пор они встречались в полутьме и впервые увидели друг друга в свете солнца — смеющиеся и счастливые.

Еще долго Саммер сохраняла эти ощущения после того, как Любимый уснул. Пальто, которым Любимый укрыл ее, сползло до бедер, и она в свою очередь накрыла им его. Ее обнаженная кожа тускло сияла на фоне снега. Она видела очертания руки Любимого на своем бедре. Улыбнувшись, Саммер провела кончиками пальцев по шрамам на ней.

— *Ты и я*, — сказал тихий, радостный голос в ее голове.

А строгий, возмущенный голос уговаривал ее: «*Скажи ему, скажи ему поскорее!*»

***

Через несколько дней лес поредел, и они вышли к длинному ущелью.

— Здесь можно даже услышать море, — сказал Любимый. — А вот это ты должна вспомнить.

Саммер скептически огляделась. Нависающие края скал образовывали нечто вроде туннеля в ущелье. Она была уверена, что никогда здесь не была. Но затем она вдруг поняла, что Любимый имел в виду вовсе не ущелье, а зимние деревья. Примерно тридцать деревьев уходили корнями в скалистую почву. У них были скрученные, светлые ветки, на которых не было листьев, как у всех деревьев зимой, но зато были почки и цветки. Синие цветки, размером не больше монеты, словно кто-то рассыпал над ветвями мешок голубых звезд. Ветер поменялся, и Саммер уловила их запах. Он был свежим, как только что выпавший снег, немного фруктовый, с дурманящей ноткой ладана. И с этим запахом Саммер вернулась в парадный зал, в котором танцевала. Вспомнила зиму, наполненную тайными поцелуями. Она улыбнулась и взяла Любимого за руку.

— Да, цветы я помню хорошо.

После четырех часов ходьбы они достигли самого южного фьорда северной страны. Они обошли его кругом и спустились вниз по возвышенностям со множеством расщелин.

К обеду Саммер и Любимый добрались до скрытого, полукруглого плато. Раньше оно было больше, но сто лет назад, а может и раньше у него отломился кусок возвышенности. Очертания развалин замка были хорошо заметны, черные остатки камней, возвышающиеся в снегу. Половина стены еще стояла между зимними деревьями, также как и остатки башни.

— Место... казни, — прошептала Саммер. Для нее это был очередной шок, по всему телу пробежал холодок. Она отпустила руку Любимого и побежала к руинам. Рой ее бабочек сначала летел впереди, а затем завис в воздухе на определенном месте. Двести лет исчезли за секунду. Времена смешались в ее голове, как это было в мучивших ее кошмарах. И лишь снег был в обеих реальностях. Руины и просевшая земля, а над ними как прозрачная картина, замок, построенный из новых, светлых камней, и возвышающийся к небесам. Прямо перед ним располагалась квадратная площадь, на которой она стояла на коленях.

Саммер ожидала, что на нее нахлынут чувства, но не испытывала ничего кроме ледящего холода.

«Еще вчера она украла его сердце. А сегодня ей казалось, что все, что с ней

происходит, это наказание за это. Она хотела сказать ему правду, но жгучие оковы сводили ее с ума. В тени она увидела, как он поднял меч, и закрыла глаза. Несколько секунд спустя лезвие, пронзившее крылатый плащ, лишило ее последних воспоминаний».

«И это все?» Саммер все еще смотрела на место казни, но это было все, что она видела. «Но Леди Смерть говорила, что это не мог быть меч. И я знаю, что это был не Любимый. Это был Индиго». Она представляла лицо Индиго, снова и снова проигрывала в памяти эту сцену. Но что-то не сходилось.

Она вздрогнула, когда Любимый положил ей руку на плечо.

— Ты помнишь? Индиго...?

Она уверенно покачала головой.

— Нет! Никаких воспоминаний об Индиго, связанных с этим местом.

— Пойдем — Любимый улыбнулся и сказал, скрывая разочарование. — Оставим эти руины. Я покажу тебе место, где мы были счастливы.

Держась за руки, они оставили позади обрывистый склон, уводящий налево от развалин. Возможно, раньше здесь была дорога, но за последние столетия природа сбросила с себя бремя из камней и стриженных деревьев и кустов. Тем не менее, Саммер сразу же узнала парцельную структуру старой рощи, где росли зимние деревья. Она располагалась внизу, спрятанная на втором плато, заключенная между отвесными скалами. Рощу не было видно с возвышенности, только когда они обошли скалы и забрались с другой стороны наверх, показались деревья. Раньше их было сотни, а теперь в этом месте не было куска скалы. Тем не менее, от открывшегося перед ними вида захватывало дух: море переплетенных веток и корявых стволов. Корни, цепляющиеся за склон. И невероятное количество голубых звезд на фоне бело-синего моря.

— Странно, — сказал Любимый. — Я не вижу ни одной снежной бабочки. Их должно быть полно здесь. Они вылупляются как в раз в это время года.

— Цветочный дом!

Саммер указала на яму, которая была слишком правильной, геометрической формы, чтобы возникнуть естественным путем.

— Он стоял здесь. Крошечный дворец, всего восемь комнат, украшенный голубой плиткой и сусальным золотом, как дома на юге.

Пока Саммер говорила, перед ее мысленным взором предстал призрак миниатюрного дворца.

Любимый кивнул.

— Индиго очень гордился им. Его работники потратили два года, а кто-то даже лишился жизни, чтобы уложить фундамент так глубоко в скале. Ты жила в нем. Индиго предоставил его тебе. Мы оба называли его нашим карточным домиком. В самом низу, в подвале, для тебя соорудили спальню.

«Чтобы спрятаться от Леди Мар?» — подумала Саммер, и ей стало не по себе.

— Чтобы Индиго не делал, он всегда оставлял себе возможность побега. Он был одержим идеей, что кто-то может попытаться убить его. Даже мне он не доверял, — Любимый оглядел территорию. — Поэтому он приказал проложить здесь подземный проход. Мне повезло, ночью я мог незаметно пробираться по нему к тебе. Пойдем!

— Любимый? Тебе нравился Индиго? Или ты только боялся его?

По его лицу пробежала тень, которой не было в последние дни.

— Когда я был моложе, я восхищался им как своим отцом. Гордился тем, что похож на

него. А потом... он был убежден в том, что я такой же, как и он. Но, несмотря на то, что мы любили одинаковые вещи, я был совершенно другим. Он просто не замечал этого. И я боялся, что он почувствует это.

Он вздохнул и недовольно убрал волосы со лба, как будто хотел прогнать призрак Индиго.

— Давай не будем говорить о нем, — сказал он. — Лучше посмотрим, сохранился ли вход.

***

Он был хорошо скрыт, что никто кроме Любимого не смог бы его найти. Мужчина освободил место между краями скал от камней и достал из рюкзака складную лопату. Мы попеременно копали, и когда наткнулись в полузамерзшей земле на дерево, уже наступил вечер. Это был черный мореный дуб, который за прошедшие столетия не разбух и не почернел. Любимый достал из армейского рюкзака контейнер со взрывчаткой, но в этот момент Саммер удалось разбить ржавый железный замок лопатой и сильным ударом взломать крышку. Земля неохотно открыла ворота в подземный мир.

Любимый серьезно посмотрел на нее.

— Ты готова? — спросил он. Она поспешно кивнула и вытерла мокрые, ободранные пальцы об куртку.

— Готова. Ты пойдешь вперед?

Каменная лестница вела глубоко под землю. Не говоря ни слова, они взялись за руки и, подсвечивая фонариком, на ощупь, шаг за шагом возвращались в прошлое. Первое, что они почувствовали, это запах камней, старого дерева и чего-то сухого и слегка подгнившего. Старая кожа? Пергамент? Узкий коридор вел мимо двух крошечных камер и оттуда к проходу, начинавшемуся на уровне колен. Для Саммер все это по-прежнему было незнакомым.

— Это был вход за зеркалом.

Голос Любимого звучал глухо, пыль оставила светлую полосу на его пальто, когда он протиснулся в щель. Саммер, набравшись смелости, последовала за ним. Первым, что бросилось ей в глаза, были своды и кожаные обои. Воспоминание наконец-то отважилось выбраться из темноты на свет.

— Голубой и золотистый, — прошептала она. — Индиго приказал разрисовать их по моим эскизам. Я любила этот голубой цвет!

Саммер взяла у Любимого фонарик. Когда она, войдя в огромную комнату, медленно поворачивалась кругом, фонарик постепенно освещал ее прошлое.

Самое странное заключалось в том, что время здесь внизу словно остановилось, как последняя секунда жизни. Зеркало рядом с камином хоть и потускнело, но осталось целым. Камин был забит. За все эти годы в шахту надуло много всего, землю, листву и камни, перекрывавшие своды наверху. Вид камина оставил след в душе Саммер. «Сердце Любимого. Здесь оно билось в последний раз».

Саммер быстро отвернулась. И обнаружила кровать. У изголовья две скульптуры в виде пытающихся подняться в воздух лебедей. Филигранные перья были вырезаны из тысяч пластинок из слоновой кости. На кровати, конечно же, не было матраца, она была гладкой и жесткой как спальное место Зори. Это был самый дорогой подарок Индиго. У Саммер было ощущение, что она только что встала с кровати из слоновой кости — нет, как будто ее застали врасплох и стащили с нее. На рассвете, когда ворвались солдаты и связали ее,

полусонную, когда место рядом с ней еще было теплым от кожи Любимого. Пыльное, шелковое одеяло потеряло цвет и тонкую структуру, но все еще лежало на полу. Рядом лежали потускневшие осколки графина, который она сбросила со стола в борьбе с солдатами.

«Я не чувствую... ничего», — удивленно подумала она. — «Как будто я совершенно пуста!»

Любимый не выдержал увиденного. Он решительно подошел к кровати и в ярости сбросил на пол, все, что лежало на ней: меха, шелк и смятые подушки. В воздух поднялось облако пыли. Гнилой, животный запах, и запах земли. Любимый достал зажигалку и свечи, подаренные ему животными-бегунами, зажег их и поставил возле камина.

— Я должен разгрести камин, — неохотно сказал он. — Мы не можем рисковать и разводить костер, но нам нужна хотя бы шахта, через которую проходил бы воздух.

***

Это было необычное ощущение поздно ночью забраться в кровать. Они придвинули ее к стене, словно хотели изменить что-то в комнате и положили на нее свои меха и пальто, а остатки мебели и зеркало убрали в маленькие помещения. Таким образом, камин более менее освободился.

— Здесь нас никто не найдет, — сказал Любимый. — По крайней мере, до тех пор, пока не закончится штурм цитадели. Потом можем переночевать у бегунов. Или попытаемся через несколько недель попасть в Карс. Если повезет, успеем перед снежными штурмами, корабли еще будут плавать.

— На юг?

Ее собственный шепот показался ей очень громким.

Саммер представила будущее, заманчивое, красочное и теплое. «Если ты не скажешь, он никогда не узнает», — прошептал заговорщицкий голос в ней. Все было бы так просто. «Еще одна ложь, но ей даже не нужно открывать рот. Настанет день, и он забудет свое сердце». Но когда Саммер открыла глаза, её взгляд уперся в камин, похожий на зияющую глотку монстра. Ее бабочки сидели на каминной полке как напоминание в виде черепов, для того чтобы она не забывала, кем была. Немое обвинение, дававшее ей понять, что она была на дне, в подвале своей души.

Теплая рука Любимого лежала на пульсирующей ямке между ее горлом и ключицами. Он задумчиво гладил ее кожу. И, конечно же, сразу почувствовал, как ее пульс забился учащеннее.

— Что такое?

Еще никогда ей не требовалось столько смелости. Но все-таки она не могла при этом смотреть ему в глаза.

— Твое... твоё сердце...

Любимый резко перестал гладить ее.

— Да? Ты помнишь?

Надежда в его голосе была невыносима для Саммер.

«Дороги назад нет. Большие никакой лжи».

— Теперь я... знаю, что с ним сделала. Я сожгла его.

Тишина в комнате приобрела вес гранита. Бабочки так быстро скрылись в темноте, как будто открылись двери самых темных комнат. Рука на ее шее напряглась.

— Сожгла? — спросил Любимый, не веря своим ушам.

Больше не было возможности объясниться, никаких отговорок.

— Да. Мне бы очень хотелось сказать, что я сделала это, только чтобы спасти тебя. Но мои воспоминания говорят о другом. Я была Зоря, хотела владеть тобой. И украла твое сердце, чтобы ты не мог умереть. Ты любил приключения, в каждом бою был в первых рядах. В те времена Индиго вел много войн. Я боялась, что ты можешь умереть. Я не хотела потерять тебя и испытывала ревность при одной мысли, что тебя могла поцеловать другая Зоря. Это я была той женщиной в белом, Зорей, которая считала, что ты принадлежишь ей, и только ей.

Любимый так медленно убрал руку, словно это была рука старого человека. Только сейчас Саммер отважилась бросить на него робкий взгляд.

Любимый смотрел в старый камин, он был бледен и так сильно стиснул зубы, что на его челюсти выступили мускулы. Саммер хотела обнять его, но ей не хватало смелости сделать это.

— Это значит, мое сердце... навсегда...?

— Да.

Ее голос был едва слышен.

— Потеряно. Пока я существую, отведенное тебе время стоит. Если бы ты не помешал мне довести дело с Индиго до конца, твоя жизнь продолжалась бы, пока однажды...

— Прекрати!

Его крик глухим рокотом отразился от стен. Он вскочил, сверкая на нее глазами.

— Как долго ты уже это знаешь?

В глазах Любимого читалась боль от пережитого предательства и безграничная злость на Саммер. Но в этот раз у нее не было возможности спрятаться за какой-то ролью, которая бы защитила ее.

— Несколько дней... незадолго до того как отправиться в лагерь. Я часто хотела сказать тебе, но...

— Знаешь, что ты наделала?

— Я тоже кое-что потеряла! — крикнула она. — Мы уже не те люди, что были раньше, Любимый! Те двое, которые тогда любили друг друга, были...

Он цинично рассмеялся и покачал головой.

— И это твое извинение?

— Нет, просто вопрос. Мы любим лишь то, что уже прошло?

Любимый выругался, развернулся и, не говоря ни слова, выбежал из комнаты.

***

В эту ночь он не вернулся. Она думала, что была одинока в Маймаре и других городах, но только сейчас поняла, что такое истинное одиночество. Без него, без Зоря, которых ей, несмотря ни на что, не хватало.

Сегодня она лежала в обнимку с женщиной в белом. Близнецы, но при этом такие разные — Тьямад и Саммер, каждая по-своему любившие одного мужчину. Одна, желавшая владеть им, бескомпромиссная как Зоря, другая, преданная, смеющаяся и ссорившаяся, балансирующая между близостью и дистанцией, как человек. Обе стороны были по-своему правы, что заставляло Саммер больше чем когда-либо разрываться между ними.

Когда потухла последняя свеча, помещение освещалось только второй реальностью. Но разглядеть своих бабочек, забравшихся в ниши и щели, Саммер смогла лишь приглядевшись внимательнее.

— Придите ко мне, — прошептала она, но на этот раз её бабочки не послушались её.

Она не могла мерзнуть, но, тем не менее, укрылась всеми мехами, которые смогла найти. Предоставленная самой себе, Саммер заснула. Она увидела во сне то мгновение, когда держала в руках сердце Любимого, чтобы полностью завладеть им, еще не подозревая, что это был самый быстрый способ потерять человека.

Глава 24

Песня о вещах

В эту ночь Саммер так крепко спала, что проснувшись, долго не могла понять, где находится. Сон и явь перемешались в ее голове, пока она, наконец, не пришла в себя. Девушка вспомнила, что вчера человеческая сущность в ней ничего так не желала, как последовать за Любимым. И о том, что Зоря сделать это не позволяла гордость.

Саммер поняла, что, по крайней мере, сегодня в ней победил человек.

Безветренная ночь не замела следы. На рассвете Саммер увидела в снегу отпечатки сапог Любимого. Они вели не к руинам, а к краю плато. На мгновение Саммер подумала, что он мог броситься вниз, но когда она, с трудом переводя дух, подбежала к краю обрыва, то увидела крутой спуск в скале, зигзагами ведущий вниз. По меньшей мере, это было нечто похожее на дорогу. Вырванные с корнем растения показывали, что Любимый спускался вниз, цепляясь за них руками. Рискованный спуск вниз привел Саммер к выступу у фьорда в виде полумесяца. Гравий и песок образовывали в этом месте вытянутую яму. А впереди, на вершине, она увидела его. Любимый сидел на прибрежной скале спиной к ней и смотрел на море. В нескольких шагах от него лежал рюкзак, как будто он небрежно бросил его в сторону.

Саммер пошла не через скалы, а сократив дорогу, прошла по колено в ледяной морской воде и забралась на камень рядом с Любимым. Он не обернулся к ней, лишь слегка выпрямился. Сначала она хотела сесть на край скалы, но затем придвинулась поближе к нему, так что их руки соприкоснулись.

— Тебе было бы лучше, если бы я солгала? — спросила она.

От южного ветра по поверхности воды пробежала рябь. Недалеко от них из-под воды ненадолго появился зазубренный, акулий плавник и снова исчез. Саммер смотрела на волны, но Дайе не появлялась. Может она и ошиблась.

— Знаешь, что самое странное? — хриплым голосом сказал Любимый. — Совершенно неважно, что ты говоришь или делаешь. Вчера я так разозлился, что готов был задушить тебя. И я, правда, собирался уйти, но не смог. Словно я нахожусь под действием чар, которые заставляют меня всю жизнь бегать за тобой.

Несмотря ни на что Саммер улыбнулась.

— Это я в данный момент бегая за тобой. Я знаю, что не могу исправить то, что натворила. Но, пожалуйста, ответь мне на вопрос, просто чтобы я правильно поняла тебя. Ты всем сердцем ненавидел меня, хотя в твоей груди ничего не билось. Ты так сильно любишь меня, что даже дал Индиго уйти. Ты тоже любишь музыку и поэзию, но по-другому. Ты был счастлив, когда я видела тебя с бегунами. И все эти чувства ты испытываешь, несмотря на то, что в твоей груди больше нет сердца. Может...

— ... мое счастье или несчастье вовсе не зависит от этого? — он рассматривал шрамы на руках. Затем взял ее руку и задумчиво погладил. Невидимые для Любимого бабочки летали над водой возле скалы.

— То, что я вчера сказала тебе, правда, — сказала Саммер. — Я тоже кое-что потеряла, что было также ценно для меня. Мои шрамы находятся на спине. Шрамы, оставшиеся после ран.

— Я всю ночь раздумывал над тем, почему тогда на месте казни ты смотрела на меня с таким презрением. Ломал себе голову над тем, почему ты лежала в руках Индиго. Но потом я понял, что ответ не играет ни какой роли. Ты права! Мы оба уже не те, что были раньше. Много лет назад меня звали Аманд. Я был сыном кузнеца, семнадцати лет от роду, парень с мечтами о приключениях в голове. Я влюбился в невесту хозяина, гордую девушку, холоднее и прекраснее чем ледяная фея. Непреклонная и властная, даже ужасная и ревнивая, но с душой полной стихов, которую она открыла вместе со мной. Но сегодня я Любимый. А рядом со мной сидит девушка, у которой тысяча лиц, которая рассказывает истории, любит музыку и танцы, у которой нежная, но глубоко раненая душа, и которая, ни смотря, ни на что, не разучилась смеяться. Девушка, которая доверяет мне и не предаст. И эту девушку я люблю больше всего на свете.

У Саммер было ощущение, что он поцеловал ее.

— А я люблю парня, который вчера хотел задушить меня.

Любимый посмотрел на нее и засмеялся. Затем поднес ее руку к губам и поцеловал пальцы.

— Ну, так что, как ты думаешь? Попробуем поладить друг с другом? Упрямый, вспыльчивый северянин и актриса из Маймары, которой нравится убегать от него.

«Убегать». Ее улыбка исчезла, на душе помрачнело. Бабочки так быстро исчезли, словно их прогнал холодный ветер.

— Я по-прежнему Зоря. И никогда не буду кем-то другим. Я... живу взятым займом временем. Мы всегда будем в бегах.

Слова Саммер, кажется, не произвели на Любимого особого впечатления.

— Значит, будем жить одним днем. И каждую минуту проводить с пользой, насколько это возможно. Неплохой план, не так ли?

Саммер подумала и поняла, что женщина в белом по-прежнему владела большей частью ее души. Потому что теперь она со всей страстью и жадностью цеплялась за жизнь с Любимым. «Она принадлежит мне», — думала Саммерс яростной решимостью. — «Жизнь с ним. Однажды я забуду, кто я!»

Девушка повернулась к нему, убрала с его лба прядь волос и провела указательным пальцем по линии подбородка.

— Я предупреждаю тебя, — сказала она. — У нас могут сложиться серьезные отношения. В худшем случае, тебе целую вечность не удастся избавиться от меня. Я конечно актриса, но это не означает, что меня можно рассматривать как девушку на одну ночь!

Любимый недоуменно посмотрел на нее, после чего запрокинул голову и громко рассмеялся.

***

Было непривычно говорить не о прошлом, а о том, что было в данный момент, и о том, что еще будет. Они не упоминали прошлое, даже когда Любимый вернулся от бегунов вместе с белой лошастью. Она бродила кругом без хозяина. Когда лошадь испугалась Саммер, они оба вспомнили другого коня, ускакавшего прочь по снегу, но не обмолвились об этом ни слова. Любимый снял с нее седло и завел в руины, оставшиеся от башни. Позднее, уже ближе к вечеру, Саммер издали наблюдала за тем, как это сильное животное било копытами,

сметая в сторону снег, чтобы добраться до спрятанной под ним травы.

Саммер снова вспомнила о Зоря, может быть вид этой боевой лошади напомнил ей об этом. В этот день она прогнала бабочек так далеко, что они не вернулись, а следовали за ней на расстоянии. Она всеми силами пыталась забыть о них, убеждая себя, что это были всего лишь удивительно темные, снежные бабочки.

В ясные дни Саммер спускалась к морю и оставляла между скалами подарки для Дайе. То кроличью ножку, то белую куропатку, которую поймал Любимый. Она не ошиблась. Интуитивно как во сне, акулья девочка следовала за ней. Еда исчезала каждый раз. Разбросанные по всему пляжу куски шкур и окровавленные перья, свидетельствовали о том, с какой жадностью она поела все, что было съедобным. Лишь однажды Саммер видела девочку на пляже и испытала беспокойство, увидев ее посиневшие губы.

— Дайе, подожди! — крикнула она. Девочка остановилась, согнулась, готовая в любой момент прыгнуть в воду к акуле, которая нервно плавала взад вперед перед скалой.

— Я не сержусь на тебя, за то, что ты укусила меня. Не хочешь пойти ко мне, там, хотя бы сухо? По крайней мере, на ночь, когда особенно холодно. Я... расскажу тебе какие-нибудь истории. И дам чего-нибудь поесть.

Девочка с таким негодованием помотала головой, что ее мокрые волосы разлетелись в разные стороны.

— Иди ты ко мне, — вызывающе крикнула она. — Я нашла красивую пещеру в скалах. Со множеством раков! А еще там водятся протеи, которых очень легко поймать. Они впадают в спячку и никуда не уплывают.

— Нет, спасибо.

Саммер ответила с таким отвращением, что девочка запрокинула голову и расхохоталась. Саммер могла пересчитать у нее все отверстия на месте выпавших зубов.

— Разве вы с Зией не поплывете на юг? — спросила она. — Море скоро замерзнет!

Но дикарка уже бросилась прочь, плюхнулась животом в воду и плавными движениями уплыла вместе с большой акулой.

— Не волнуйся о ребенке бегунов, — тем же вечером попытался успокоить ее Любимый. — У нее есть свои инстинкты. И если в ней действительно течет кровь Тандрай, то воде она ближе, чем воздуху. Лучше позаботься обо мне. Я ужасно мерзну.

— Такой чувствительный, северянин? — иронично спросила она.

Она просунула руку под меховое одеяло, немного приподняла его и поцеловала грудь Любимого. Аромат кедра, который она так любила столетия назад, остался в прошлом. Саммер еще больше любила запах, который его кожа источала сейчас: зимние цветы и дикость.

***

Шел десятый день, когда в воздухе что-то изменилось. Острый запах дыма смешался с морским ветром. Когда они подошли к краю плато и посмотрели на север, то увидели вдалеке очертания столба дыма, поднимающегося в небо. Не прошло и трех часов, как течение с севера выбросило на берег мертвых рыб. Их белые животы качались на волнах.

— Цитадель, — сказал Любимый. — Рыбы выглядят так, как будто их убило взрывной волной.

Саммер лишь кивнула, после чего они молча вернулись в пещеру. В этот раз рой бабочек следовал за ней так близко, как будто искал у нее защиты.

— Может все-таки будет лучше, если мы спрячемся у бегунов, — предложил

Любимый. — Оттуда мы можем пойти через горы. И как только все успокоится, найдем для нас корабль.

Саммер молчала.

— Ты скучаешь по ним? — тихо спросил Любимый. — Не смотря ни на что?

— Нет, — грубо ответила она. В ее голове эхом отзывались всего два слова, как издевательский припев: *одолженное время*.

Любимый поцеловал ее меж бровей, но в этот раз это не вызвало у Саммер улыбки.

— Знаешь что? Я попробую отвлечь тебя от этих мыслей. Сыграю тебе песню.

— Сыграешь? Но у нас нет гитары.

По блеску в его глазах Саммер поняла, что он только и ждал от нее этих слов. Он притянул ее к кровати, и они легли рядом. Любимый обнял ее, его теплая грудь упиралась в ее лопатки.

— Есть, — сказал он. — Ты!

Кончиками пальцев он стучал по мягкому месту под ее ключицей. А левой рукой гладил ее живот, как будто действительно нежно прикасался к гитарным струнам. Саммер стало смешно.

— Мне щекотно.

— Нет, это звучит! Представь, что ты вибрируешь как струна. Прислушайся!

Она закрыла глаза, чувствовала лишь его руки и голос, напевавший ей на ухо какую-то северную, веселую мелодию. Саммер расслабилась и мрачные мысли, в самом деле, покинули ее, по крайней мере, на несколько минут.

— Думаю, я действительно звучу, — прошептала она через некоторое время.

— Хорошо, — прошептал Любимый. — Теперь у тебя есть мелодия. А вот и подходящий текст. Моя песня о вещах, таких, какие они есть в данный момент.

Он кашлянул и начал петь мягким, чистым голосом:

*«Унесла с собой
частичку
моего сердца,
в котором ты живешь
всю мою жизнь...»*

Часть 5

Снег и пепел

Глава 25

Полночь

Саммер увидела мерцание даже с закрытыми глазами. И конечно сразу поняла, кто это был. Более того, ей стало ясно, что она тайком ждала и боялась этого момента. Тем не менее, у нее на глаза навернулись слезы ярости и разочарования.

— Это *она* отправила тебя? — спросила девушка, не открывая глаз.

— Нет, — так же тихо ответил Анжей.

«Как странно», — подумала Саммер. — «Мы оба стараемся не разбудить Любимого, как будто сейчас это так важно».

— Невозможно, чтобы ты нашел меня, — прошептала она — Я не звала тебя. Наоборот, я вычеркнула тебя из своих мыслей, как будто ты умер!

Она приготовилась к тому, что он даст издевательский или резкий ответ, но его голос

был каким-то подавленным.

— Я бы тебя и не нашел, если бы тогда, на корабле ты не рассказала бы мне и голубых цветках. Помнишь? Один из пассажиров играл на скрипке, украшенной лошадиной головой. Ты пела песню, и в этот момент воспоминание вернулось к тебе.

Саммер промолчала, но снова почувствовала морской ветер и непривычные звуки инструмента. *«Было бы проще, если бы я действительно могла возненавидеть Анжея и сожалеть о проведенном вместе времени»*, — подавленно думала она.

— Я долго раздумывал об этих цветках, — продолжил Анжей. — Есть совсем немного мест на севере, где растет много зимних деревьев. Больше всего их растет в первом фьорде и в горах, где живут бегуны. Мне не долго пришлось искать в хрониках короля Бераса, чтобы выяснить, кому двести лет назад принадлежали руины замка на склоне. Недалеко от замка он посадил рощу зимних деревьев. Внизу на пляже были следы в снегу. Может, я бы и не нашел тебя, если бы ты носила обувь. Но я понял, что следы ног принадлежат Зоря. Потом я заметил следы на дороге. В остальном мне помогли удача и инстинкт.

Только теперь Саммер открыла глаза. В мех, который служил ей подушкой, скатилась слеза. Ее призрачные бабочки, не шевелясь сидели на стенах. Она осторожно села, чтобы не разбудить Любимого.

Анжей стоял, небрежно прислонившись к стене. Его осторожная улыбка напомнила Саммер, что когда-то он ей нравился и был ее другом.

«И он бы стоял и смотрел, как я целую Индиго и после этого умираю! Он даже не предупредил тебя».

Гнев снова взял верх над Саммер. Она бесшумно соскользнула с кровати и большими шагами направилась к проходу в стене. Ей даже не нужно было смотреть, куда наступать, так как ее ноги знали каждый стык и каждый камень. Вместе со следовавшим за ней роем бабочек, Саммер прошла по длинному коридору и начала подниматься вверх по лестнице. Она ни разу не огляделась, потому что знала, что Анжей бесшумно шел за ней. Посреди лестницы она остановилась и повернулась к нему. Он был так близко, что Саммер испугалась.

— Тьямад, — тихо сказал он. — Пожалуйста, хотя бы выслушай меня. Я...

— Ты с самого начала знал, что я умру, если выполню приказ Леди Мар. Что ты еще хочешь мне сказать?

— Да, я знал, — спокойно ответил Анжей. — Также как и другие Зоря. Каждый из нас знает цену подаренной человеческой жизни. Таков закон Зоря с самого сотворения мира.

— Надо же, как удобно, воспользоваться тем, что я не помнила об этом законе.

— Это бы что-то изменило?

У Саммер перехватило дыхание от такого хладнокровия.

— Это бы все изменило! Просто все! Тогда бы у меня был выбор!

— У нас его никогда нет, — мягко сказал он. — И ты тоже решила довести начатое до конца.

— И при этом умереть? Вам бы так этого хотелось!

Саммер поняла, что ее голос слишком громко отзывался эхом от старых каменных стен.

— Что ты собираешься делать? Опять потащишь меня к Леди Мар? Только попробуй! И передай ей и остальным, что я от всего сердца желаю Торсу Индиго долгой жизни.

Это был демонстративный бой, Саммер практически могла чувствовать горечь своих слов, но, тем не менее, испытывала удовлетворение от того, что решилась все ему высказать.

«Может, я как Теллус», — подумала она. — «Мне нужна, хотя бы иллюзия власти, которую я давно потеряла».

Анжей прикусил нижнюю губу и опустил голову.

— Остальные ждут снаружи? — бросила Саммер Анжею. — Она опять послала Лордов чтобы поймать меня? Или в этот раз Леди Мар снизошла до того, чтобы явиться самой?

— Леди Мар вообще не знает, что я здесь, — пробормотал он. — Я просто прошу тебя выслушать меня. Если после этого ты скажешь, что я должен уйти, я уйду. Я не собираюсь выдавать Леди Мар место твоего нахождения.

Саммер ожидала чего угодно, но только не этого. «Не верь ему», — прошептал кошачий голос, который она уже давно не слышала. — «Он лжет, чтобы обвести тебя вокруг пальца».

— Хорошо, я тебя слушаю, — осторожно сказала девушка. — Говори, если есть что сказать. А потом исчезни и оставь меня в покое.

Он с трудом сглотнул и уставшей рукой убрал волосы со лба. Впервые Саммер бросился в глаза его усталый вид. Даже его крылатый плащ выглядел... каким-то блеклым?

— Мы терпим поражение, — объяснил он. — Вчера произошло нападение. Лорд Теремес и его союзники захватили цитадель. Мы не знаем, как им это удалось. Некоторые предполагают, что им удалось переманить на свою сторону Тандрай, чтобы контролировать акул и течения. Часть наших трюпов смогла отойти назад. Но половина башен была взорвана.

«Столпы дыма. И мертвые рыбы». — Любимый сразу все понял. — «А Теллус? Смог ли он спастись?»

— Все Лорды понесли большие потери. А Леди Мар вместе с Зоря сбежали на баркас.

Саммер не могла иначе, все ее мысли были о Бельен и остальных. Ее бабочки мелькали в воздухе, а затем скрылись в темноте. Саммер пожала плечами и попыталась придать своему голосу равнодушный тон.

— Леди Мар должна была это предвидеть. У цитадели тоже есть слабые места. Ну, что же? Урон понесли только люди. Она найдет себе другую крепость, и служащие ей Лорды тоже. Так было, есть и будет, не правда ли?

В свете Зоря глаза Анжея светились пугающим зеленым светом, напоминающим фосфоресцирующих существ, обитающих в морских глубинах.

— Поражение это еще не самое страшное, — монотонно сказал он. — Мы умираем. Тьямад. Индиго забирает у Зоря не только крылья... он убивает их.

У Саммер похолодело все внутри, хотя она вовсе не могла мерзнуть.

— Одна за другой Зоря безвозвратно исчезают. Исчезли еще две из наших. И пять других, которых знает только Леди Мар. И их будет больше с каждым днем. Она чувствует, что... они испытывают ужасные мучения. Страх. И жжение, как будто от огня. Бесконечное одиночество. А потом: ничего. Они угасают. От руки человека!

Саммер нащупала оконную раму и оперлась на нее.

«Это действительно происходит. Кошмары становятся реальностью».

— Столько сочувствия парочке умершим Зоря? Мы же все равно все угаснем, если Леди Мар прикажет это сделать.

Саммер не удался саркастический тон. Анжей ничего не ответил на это.

— Но как он может...? — спросила она.

— Если ты этого не знаешь, то не знает никто, — спокойно ответил он.

— Бельен? Он ее... тоже...?

— Нет, она еще с нами.

«Еще».

Теперь Саммер стало действительно страшно.

— Это означает, уже есть несколько бессмертных? И их Зоря мертвы?

— Да. Все указывает на это. Леди Мар собирает последние трупы для большого штурма. Она надеется, по крайней мере, освободить взятых в плен Зоря, прежде чем они будут убиты. Или найти Индиго. Она не может убить его, но может заковать в цепи, чтобы он не совершил еще больше убийств. Убить его можешь только ты. Но не мне тебе это рассказывать.

— Я понимаю, — сказала Саммер сильным голосом. — Моя жизнь против жизней Зоря. Поэтому ты здесь. Изысканное приглашение на пляску смерти?

Анжей одарил ее ослепительной улыбкой, и на мгновение она снова увидела в нем мужчину, с которым могла и поссориться и посмеяться. Но по-другому, не как Любимый.

— Нет. Я пришел сказать прощай. Просто хотел, чтобы ты знала, что происходит. Если тебе все это не важно, я не буду уговаривать тебя, помочь нам. Может, наше время прошло, и настало время бессмертных.

— Я не могу вам помочь, Анжей! Но вы найдете его. В лагере он взял себе имя Гереза и скрывается там под видом писаря. У него раскосые глаза и острый подбородок, он напоминает рысь. А на левой брови у него шрам.

В ее собственных ушах эти объяснения звучали как-то странно. Анжей неподвижно смотрел на нее, так что она замолчала.

— Твое решение, — сказал Анжей.

Саммер опустила голову, сжала кулаки и закрыла ими глаза. У нее вдруг заболела голова, как будто она не спала несколько дней.

— Мне... надо подумать, Анжей.

Он больше ничего не ответил. А когда она опустила руки и открыла глаза, то увидела, что была одна.

Саммер на цыпочках вернулась в комнату с камином и забралась в кровать к Любимому. Ее бабочки сели на стойки из слоновой кости, ее руки и волосы. Редко она могла долго находиться во второй реальности, но сейчас в ее свете девушка рассматривала профиль Любимого, его мягкий, слегка улыбающийся рот. Он не проснулся, когда Саммер прильнула к нему и уткнулась лицом в его шею, но он как всегда обнял ее и притянул к себе. Несколько шкур соскользнули вниз, и ее правая нога лежала на гладкой слоновой кости. «Это началось здесь», — подумала она. — «Именно в этой кровати, после нашей совместной ночи, я решила, что хочу быть человеком и не вернуться к Зоря».

Одна из бабочек ползла по ее руке.

— Убирайтесь! — прошептала она, и все бабочки взлетели и растворились в воздухе. Теперь ее окружала темнота человеческой ночи. Но самое ужасное было то, что она все еще — или снова? — чувствовала себя Зорей. В темноте ночи она видела Бельен, Халимар, Вий и остальных.

«Украденное время. Мы оба живем им, Индиго и я».

Еще ни разу она не признавалась себе в этом, но она и Индиго были не такими уж разными. *«Мы оба сделали все, чтобы обмануть Леди Смерть».*

Любимый почувствовал ее беспокойство, пошевелился и в полусне погладил ее волосы.

— Что такое, ледяная фея? — пробормотал он. — Снова не можешь уснуть?

— Могу. Я просто... плохо спала. Спи дальше.

«Любимый и я всегда будем в бегах, пойманные в бессмертии».

Самое ужасное в сомнениях было то, что они подкрадывались как снежная кошка и крепко хватали добычу.

Лежа рядом с Любимым и прислушиваясь к его дыханию, девушка попыталась представить себе мир без смерти. Пыталась понять, каково было бы быть бессмертным. Не сегодня, а через сто или двести лет. Когда Зоря исчезнут одна за другой. А люди станут новыми богами. Хотя ей было жаль подругу, Саммер представила как она, раненая, лежит при смерти. В одиночестве, которое делало последние часы Зоря такими ужасными. А потом она увидела перед собой Любимого, как он проснулся в пустой постели. Представив это, она еще больше чем когда-либо почувствовала себя человеком.

Саммер не знала, сколько часов прошло, должно быть была уже полночь, когда она, поцеловав спящие губы любимого, встала.

— Спи дальше, — прошептала она голосом Зоря. — Я люблю тебя, Любимый!

***

Ее окружил дурманящий, свежий запах ледяных цветов, когда она пошла босыми ногами по снегу к освещенному луной плато.

Анжей сидел спиной к ней в снегу и смотрел на море. Он выглядел каким-то сказочным персонажем. Крылатый плащ укутывал его и, казалось, сливался с мерцанием снега. Зимний ветер трепал его волосы. Саммер села рядом с ним. Так они и сидели некоторое время, глядя на горизонт. Постепенно к ней возвратились бабочки, отважились подлететь поближе, пока, наконец, снова не окружили ее. Саммер знала, что Анжея тоже сопровождал рой, который принадлежал только ему.

— Нет, это не обычные стрекозы, — сказал он, хотя она и не спрашивала. — Это королевские стрекозы, зеленые и лазурные, с прозрачными крыльями. Ты знала, что многие люди считают их предвестниками бессмертия?

Саммер улыбнулась, но на сердце у нее было тяжело.

— Ты и вправду никогда не сомневался? Ни разу не возникало мысли, что ты мог бы меня спасти или уберечь? Ни разу, Анжей?

Он вздохнул.

— Возникало. Хотя ты мне, наверное, не веришь. Я страдал и много раз сомневался. В тот вечер, до того как мы поднялись на корабль, я почти решил окончательно отпустить тебя. Я по-своему любил тебя. Так, как может любить Зоря.

— Этого было недостаточно! — выпалила я.

Только теперь он повернул голову. Его глаза пылали, тени от крыльев невидимых стрекоз промелькнули над его лбом.

— Я любил тебя не как человек. Не упрекай меня в этом. Я такой, какой есть, Тьямад. Я никогда не хотел быть человеком. Даже когда с разрешения Леди Мар был человеком среди вас. Как ни крути, для нас с тобой не было другого выхода. Это было твое решение обмануть Леди Мар. Я был твоим поисковиком. Ты нарушила наш закон.

Его голос был подавленным, когда он произнес эти слова, но в нем не было виноватых ноток.

«Я никогда хорошо его не знала», — подумала Саммер. — «Потому что смотрела на него глазами человека».

Девушка попыталась ощутить злость по отношению к Анжею, но не находила ее в себе.

— Каждой Зоря отведено свое время, — продолжил Анжей. — Некоторые живут вечно. Некоторые только ради одного поцелуя. Они не должны погибать как люди, от чужих рук. Никто не должен менять мир и ход событий.

— Нет! Люди, — вырвалось у Саммер. — Индиго. Другие бессмертные. Они свергнут Леди Смерть с престола.

— Н-да, это и отличает нас от тебя, — парировал Анжей. — У тебя единственной из нас есть выбор. Это все, что я могу тебе дать, Саммер.

Ее потрясло то, что он назвал ее этим именем. Имена обладали собственной силой в ее и его мире. Возможно, это и имело решающее значение.

«У меня действительно есть выбор. Впервые в жизни я не спасаюсь бегством, а могу решать. И что бы я ни сделала, это будет иметь ужасные последствия. Окончательно и бесповоротно».

Саммер схватила руку Анжея. Их руки сомкнулись так крепко, как будто они хотели удержать друг друга.

— Ты знаешь меня лучше, но не хочешь признаваться в этом, — сказала она.

— Возможно. В любом случае я понял, что бесполезно не оставлять тебе выбора. Ты всегда будешь делать, что захочешь. Наверное, это мне в тебе и нравится.

Саммер улыбнулась.

— Помнишь, как мы запрыгнули на поезд?

Он тихо засмеялся.

— О, да. Ты бы хладнокровно сдала меня полицейским в Маймаре.

— Нет, я честно дала тебе шанс сбежать. По крайней мере... один шанс у тебя был. Но ты все равно пришел на перрон, да еще и подрался с контролером.

— Он дал тебе пинка, уже забыла? Я подумал, что не следует обращаться так с Зоря. Кроме того, у нас был всего один выход. Мы должны были попасть на поезд, чтобы сбежать от нашего преследователя. Который... теперь лежит в твоей постели. Это ведь он, не так ли?

Остатки хорошего настроения мгновенно улетучились. Оба смущенно замолчали. *«Только один выход. Дороги назад нет».*

— Какое бы решение я не приняла, мы больше никогда не увидимся.

Это был не вопрос, а констатация факта.

— Нет, — едва слышно ответил Анжей. — Наши пути разойдутся навсегда. Здесь и сейчас.

«Может быть, Любимый когда-нибудь простит меня. Вечности не хватит, чтобы преодолеть эту ненависть. Но человеческой жизни хватит, чтобы излечить горе и потери. Должно хватить!»

— Ты мне кое-что должен, Анжей, — сказала она сдавленным голосом. — Не как Зоря, а как человек, который целовал меня.

— Почему ты плачешь, Саммер?

— Потому что, ни смотря ни на что, я человек! — крикнула она. — С сердцем Зоря. И потому что я только сейчас поняла, что это означает. Человек живет, пока однажды не умрет. Одни раньше, другие позже. Я... пойду к Торсу Индиго и заберу его жизнь, которой он обманом лишил меня.

Рука Анжея еще крепче сжала руку Саммер.

— Скажи Леди, что я найду Индиго, — торопливо продолжила она. — Пусть она остается в укрытии и не планирует новых нападений. По крайней мере, в ближайшие два

дня.

— Но это не то одолжение, о котором ты просишь меня, — тихо сказал он.

Она всхлипнула. В ее груди ощущалась бесконечная пустота, лишь утрата пульсировала в ней как умирающее солнце.

Анжей придвинулся ближе и обнял ее.

— Ты простишься с ним?

— Нет!

Саммер энергично помотала головой и вытерла слезы со щек.

— Любимый был прав. У меня никогда не получалось прощаться.

«Кроме того, я была слишком труслива, чтобы сделать это. Если я увижу его еще раз, то уже не смогу уйти».

— Анжей, зайди в дом и возьми рюкзак, висящий на двери. Потом замети мои следы, когда я пойду к морю. Поклянись, что останешься и защитишь его, как защитил бы свою собственную жизнь. А когда... все закончится, покажись ему и скажи, что его жизнь снова полностью принадлежит ему. Я не могла вернуть ему сердце, но он должен жить за нас двоих. Попроси его, чтобы он простил меня. И скажи, что я любила его.

***

Саммер было трудно идти по снегу. Она держалась за ветки зимних деревьев, пока шла к дороге и постоянно оглядывалась, опасаясь, что Любимый несмотря на поцелуй мог проснуться и отправиться на ее поиски. Однако в скором времени она оставила спуск позади и поползла в сторону пляжа. Еще была глубокая ночь, когда девушка с изодранными руками и ногами наконец добралась до него.

Береговые скалы были покрыты тонким слоем инея. Они были слишком скользкими, чтобы уверенно стоять на ногах, поэтому она, проваливаясь в грунт, вошла в воду. Острые, похожие на ракушки панцири морских желудей, вонзились ей в пятки.

Саммер еще глубже зашла в воду, пытаясь отогнать от себя неприятное ощущение от мокрого дыхания моря. Пальцами она нащупала остроконечную ракушку, нагнулась и подняла ее. Немного подумав, она быстрым движением полоснула ей по руке. Ее кожа настолько онемела от холода, что даже не было больно. Кровь из пореза закапала в море. «Поторопись, Дайе», — подумала она и окунула руку в воду.

Они появились так быстро, что испугали Саммер. Не Зия, а три другие акулы. Саммер затаила дыхание. *«Пожалуйста»*, — умоляла она. — *«Только бы это были не акулы короля Бераса»*.

Огромная акуля туша ринулась к Саммер и прямо перед ней повернула в сторону. Образовавшаяся волна заставила ее сделать шаг назад. В свете луны девушка увидела под водой тусклые, словно мертвые глаза другой хищницы. Она тоже отпрянула от Зоря и исчезла в глубине. Саммер набралась смелости и пошла еще дальше в море. Вода уже достигала ее груди, а потом и плеч. Под ногами грубые камни. Вдруг следующая волна мягко подхватила ее, и она неуклюже поплыла.

Неприятие воды было настолько сильным, что ее соленый привкус вызвал у нее тошноту. «И в такой воде я когда-то утонула?» При этой мысли девушка почувствовала панику, но убедила себя, что может плыть и не утонет. Побережье было еще достаточно близко, видимо не было никаких опасных течений. Только бесконечные волны и темный блеск поверхности воды.

Саммер задалась вопросом, как человек испытывает холод. Сколько времени он

вынужден будет замерзший и без сознания ждать, когда перестанет биться сердце? Пять минут? Дольше? Она непроизвольно начала грести быстрее. Акулы кружили вокруг, но не решались подплывать ближе. Движение воды и воронки от их плавников мешали Саммер двигаться дальше. Она глотнула воды и закашлялась. Начала хаотично махать руками и ногами, когда волна накрыла ее с головой.

Какое-то время девушка не понимала где верх, а где низ, и не уходила ли она с каждым новым движением еще глубже под воду. Вдруг маленькая рука схватила ее за лодыжку. Саммер выдохнула, от чего по воде пошли пузырьки. Соль обжигала ей нос и глаза. Давясь и кашляя, она вынырнула на поверхность, но тотчас же снова бы ушла под воду, если бы тонкая рука, обхватившая ее шею, не держала ее над водой.

— Если будешь так дергаться, то прогонишь Зию. Что ты делаешь в воде? Я думала, ты не любишь ее?

В то же мгновение огромная туша акулы так близко подплыла к ее ноге, что Саммер замерла на месте.

Бабочки взволнованно кружили над ее головой.

— Зия разбудила меня, — сказала Дайе без большого энтузиазма и зевнула. — Я так крепко спала на острове. Я уж подумала, с тобой что-то случилось. А потом увидела твое свечение в воде.

Ее лицо казалось крошечным, а локоны как черные водоросли плавали вокруг плеч. Чешуйки ее купальника блестели серебристым цветом в свете луны.

— Я так благодарна, что вы пришли на помощь, — сказала Саммер от всей души.

— Тебе повезло, что я еще здесь, — остро заметила малышка. — Зия уже давно хотела уплыть в южное море, туда, где зимы теплее, чем здесь. Но я хотела подождать до завтра. Почему ты позвала меня?

В ее глазах блеснула надежда.

— Ты что-нибудь принесла мне?

— Дайе, я... нет, на этот раз у меня нет для тебя подарка. Но мне нужна твоя помощь. Пожалуйста! Я должна попасть в цитадель. В храм акул.

Девочка распахнула глаза и отпустила ее.

— Ты с ума сошла? — ее лицо помрачнело. — Они взорвали ее. Зия ощущала волны у самых островов. Разве ты не видела множество мертвых рыб...

— Видела. Поэтому мне нужно туда! Я должна... кое-что уладить.

— Тогда иди пешком!

— Эй! — крикнула Саммер. Она едва успела схватить девочку за лодыжку, до того как та уплыла, и рывком потянула ее назад.

— Отпусти меня! — кричала Дайе, пиная Саммер.

— Не отпущу, пока не поможешь мне! — накричала на нее Саммер. Вода снова попала ей в нос, вызвав жжение как от огня. — Это не для меня... это... для дочерей Танцора Света.

Дайе наконец прекратила вырываться.

— Дочери? — недоверчиво спросила она. — У него же нет дочерей.

— Да неужели? Мне, наверное, виднее, не правда ли? — задыхаясь от волнения сказала Саммер. — В конце концов, я его жена.

Слова Саммер заставили малышку задуматься.

— Дочери такие же страшные, как его брат? — спросила она.

— Еще страшнее. Поэтому их никто не знает. А то бы все испугались. Но Танцор Свет

любит их.

У Саммер уже жгло мускулы, отплеываясь, она старалась удержаться на поверхности. Но, несмотря на это, девушка старалась придать своим словам весомость и авторитет взрослой девушки.

— Если ты сейчас не приведешь меня к цитадели, Танцор Свет будет несчастен. Потому что все его дочери должны будут умереть. В отличие от людей они не смогут начать новую жизнь. Я скажу тебе одно, Танцор Свет так разозлится на людей, что ни одному из вас — ни одному! — не покажет страну после смерти. Больше никакой обратной жизни, Дайе. И никакого возвращения. И когда они спросят меня, почему это произошло, я скажу им, что не смогла этому помешать, так как одна маленькая девочка по имени Дайе, которая с удовольствием поедает кур и кроликов, которые я приношу ей на пляж, не захотела помочь мне, когда речь зашла о бедных дочерях.

Конечно, это было непорядочно со стороны Саммер, но, тем не менее, ей удалось потрясти малышку. Зия нервно нарезала круги, что, по крайней мере, держало других акул на расстоянии.

Дайе долго жевала нижнюю губу, после чего пришла к выводу, что ей было бы лучше помочь Саммер, чем разозлить Танцора Света.

— Я не знаю, получится ли это, — сказала она. — Тебе придется надолго задержать воздух.

— Не волнуйся за меня. Просто приведи меня туда.

Девочка громко втянула носом воздух.

— Ну, хорошо, — угрюмо сказала она. — Но Зие это не понравится.

***

Саммер никогда не могла представить себе, какой была жизнь Дайе рядом с хищной рыбой. Теперь она узнала, какой пугающей она могла быть. Малышка с удивительной силой обхватила ее талию, но ее руки болели, потому что ей приходилось крепко держаться за огромный акулий плавник. Зия состояла из мускулов и скорости, была стремительной и извивающейся. Вода так быстро стекала с Саммер, что образовавшийся круговорот чуть не стянул с нее штаны, а армейский пояс врезался в бедро. Шум моря был еще ужаснее того шума, который она слышала тогда в каюте в глубине судна под названием Нимфа. Каждый раз, когда Зия поднимала Саммер на поверхность, чтобы она могла плотнеть воздуха, девушка давилась и кашляла.

Она не знала, сколько длился этот кошмар — час? Или дольше? Но во время очередного подъема на поверхность Саммер увидела вдали цитадель. Или вернее то, что от нее осталось. Только пять башен остались целыми, они выглядели как воины, едва державшиеся на ногах. Даже первая башня была задета. Наверху, прямо под круглой площадкой, взрыв оставил зазубренное отверстие в стене. Роскошные окна превратились в черные глазницы черепа, как будто их забаррикадировали. «Самое безопасное место цитадели осталось не поврежденным».

Зия снова ушла под воду. Грубая акулья кожа скребла по ее локтю. Здесь, в зоне видимости охраны, им нужно было нырять глубоко. Давление на уши стало невыносимым, а пульсирование крови таким громким, что отзывалось в голове. «Ты не задохнешься», — пыталась успокоить себя Саммер. — «Твоя кровь холодная, сердце бьется медленнее. Ты выдержишь, если не поддашься панике».

Течение разрывало ее. Акулы из цитадели короля Бераса слишком близко подплыли к

Зие. Под водой Саммер закричала, оказавшись в водовороте пузырьков воздуха, когда одна из хищниц носом дотронулась до ее лодыжки. Зия резким движением уклонилась.

Вскоре они вынырнули в храме акул. Он превратился в груды развалин. Взрыв уничтожил собор, сталактиты и скалы также были разломаны. Наполовину выброшенный на сушу, рядом со разрушенным мостиком, лежал труп акулы.

Зия подплыла поближе и Саммер на трясущихся коленках переползла на потрескавшиеся доски. В свете бабочек она увидела, как Дайе сделала глубокий вдох и в ужасе вцепилась в Зию.

— Какой ужас здесь творится! — с трудом переводя дыхание, сказала она. — Но я не могу отвезти тебя назад.

— Я знаю, Дайе. Спасибо тебе! И Зие, конечно, тоже.

Девочка небрежно пожала плечами, но не смогла сдержать горделивую улыбку. Несмотря на страх, по ее лицу было видно, что ей нравились приключения. В воде Саммер увидела отражение ее истинного лица: черная кожа и дьявольская гримаса. Но затем Зия начала плескаться в воде, разбив отражение девочки, в чьих жилах текла кровь бегунов и Тандрай. И вот она снова превратилась в Дайе, шестилетнюю девочку, с красными щеками, мокрыми локонами и лукавой, беззубой улыбкой.

— Передай от меня привет Танцору Свету, — крикнула она.

— Прощай, — тихо сказала Саммер. Но ребенок и акула уже скрылись под водой.

Саммер поджала колени и осталась какое-то время сидеть. *«Если бы я была Индиго, где бы я спряталась? Почему мне было бы так важно захватить эту цитадель?»*

— Потому что старая башня по-прежнему самое надежное место, — прошептала она. — И если бы я обладала силой, способной лишить Зоря жизни, то я бы не стала делиться ею. Я бы тщательно скрывала эту тайну, тщательнее, чем все, чем я когда-либо владела. Я бы стала повелителем жизни и смерти. Значит, мне нужно скрыться там, где никто не сможет разгадать мой секрет.

Саммер успокоилась, стала слишком спокойной для человека. Сощуриив глаза, она огляделась вокруг. Кирпичная стена была незначительно повреждена. Где-то шумели генераторы. Значит установки, вырабатывавшие из подземных источников энергию, по крайней мере, частично работали. Это значило, что в цитадели, возможно, было электричество. На земле, наполовину заваленный обломками, лежал длинный кусок металлического кабеля. Он мог бы ей пригодиться. Она пощупала карманы своей форменной куртки. Все на месте: взрывчатка, упакованная в непромокаемую металлическую капсулу, зажигалка, нож и переданный ей Теллусом план скрытых шахт. К сожалению, у нее не было огнестрельного оружия. Но ножа тоже хватит, чтобы надолго ослабить Индиго.

Глава 26

Бабочки из стекла

Сила взрыва расштатала несколько ржавых ступенек в шахте. Многие сломались под весом Саммер, когда она начала взбираться наверх. Связующая шахта была засыпана, однако ей удалось раскопать себе узкий проход и на локтях проползти дальше. Камера, в которую она, как и ожидала, попала, превратилась в склад металлических обломков. Саммер слышала, как там работали люди, сдвигали большие глыбы, отдавали друг другу приказы. Она осторожно выглянула из-за металлической плиты и обнаружила нескольких солдат.

Саммер несколько минут наблюдала за мужчинами и женщинами, перенимала их

движения, усталость, утомление на их бледных лицах. Затем быстро сняла сапоги, повесила на плечо скрученный кабель и, как ни в чем не бывало, вышла из-за груды развалин, как будто принадлежала к ним. Не дожидаясь пока к ней обратятся, Саммер выругалась, стряхнула воду с волос и недовольно посмотрела на насквозь промокшую куртку.

— Вы только посмотрите на это свинство, — сказала она одной из женщин. — Лучше не ходите к двери там сзади. Там прорвало трубу, и вся эта жижа течет с потолка.

Женщина лишь улыбнулась и продолжила работать.

— Эй, ты куда? — крикнул кто-то ей вслед. — Мы еще не закончили!

Саммер, не останавливаясь, поправила моток кабеля на плече.

— Запасная деталь для лифта. Спасательные веревки пострадали.

С этими словами девушка подошла к двери. Никто не позвал ее обратно. Саммер наклонила голову, пытаясь быть незамеченной частью этих людей, и направилась к лифту. Как она и предполагала, он был заблокирован и больше не работал. Спасательная веревка была натянута перед металлической решеткой.

Саммер спокойно подошла ближе, опытным взглядом осмотрела лифт и шумно сняла с плеча кабель. Несколько голов повернулись к ней. С отсутствующим видом девушка погладила по татуировке и пролезла через веревку. Краем глаза Саммер удостоверилась, что никто не наблюдал за ее действиями, взялась за кусочек внутренней отделки и вырвала его из проводников. Образовавшаяся щель представляла собой импровизированную стремянку. Саммер молниеносно подтянулась на руках и пролезла через окно в крыше кабины в шахту лифта. Нашупав железные ручки, ведущие к ближайшей шахте технического обслуживания, она начала ползти.

Ее мускулы занемели, когда она, наконец, добралась до тридцатого этажа. С трудом переводя дыхание, Саммер скорее упала, чем заползла в грязную шахту для техобслуживания, после чего поползла по пыли и мусору дальше. Здесь девушка сняла сапоги и сразу почувствовала, что стала подвижнее и быстрее. Смотровая площадка хорошо охранялась, она слышала стук солдатских сапог, когда протиснулась к последнему отвесному проходу перед лестницей. Здесь чувствовался сквозняк. Значит она была поблизости от того места, где Теллус делал свой обход!

Сердце Саммер забилося учащеннее, когда она прислушалась и осторожно открыла крышку. Девушка едва не издала триумфальный крик. Ей удалось обойти охрану! В зоне ее видимости была лестница, ведущая от лифта вверх. Позади не было куска стены. Ветер использовал острые края излома в качестве флейты и играл грустную песню. Лестница качалась, но все еще надежно висела на стальных канатах. Впервые она увидела новую систему подъемных блоков рядом с лестницей. Видимо на площадку поднимались тяжелые предметы. У подножия лестницы лежали осколки и — пыль из вентилятора!

Саммер собралась с силами и побежала к лестнице.

***

Это было странное дежа-вю из Маймара. Только в этот раз удар последовал не сбоку, а сзади. Боль вспыхнула в ее голове, после чего Саммер рухнула на пол. Ее бабочки закачались, упали рядом с ней, и оглушенные расплзлись вокруг. Саммер даже не могла кричать. Это все равно было бы плохой идеей, так как собачьи клыки слишком крепко сжимали ее горло.

— Привет, *Блисса Томлин*, — самодовольно сказала Мойра. — Я так и думала. Если кто-то и может пройти мимо охраны незамеченным, то только женщина с тысячьо лицами.

Это был лишь вопрос времени, когда ты снова объявишься здесь, не так ли?

Саммер стиснула зубы. *«Не может быть. Не сейчас! Ни тогда, когда цель уже так близка».*

Голова Саммер гудела от боли, она закрыла глаза, чтобы не видеть холодного взгляда Мойры.

Мойра свистнула, и Джола отпустила Саммер и пригнувшись отошла от нее. Собаке пришлось нелегко выполнить приказание хозяйки и приблизиться к Саммер. Со стоящей дыбом шерстью, она встала рядом с Мойрой.

Женщина требовательно тыкала дубинкой ногу Саммер.

— Вставай.

Саммер не нужно было повторять дважды. Она как можно быстрее вскочила на ноги и сразу почувствовала головокружение и звездочки перед глазами.

— На твоём месте я бы этого не делала, — спокойно сказала Мойра, заметив незначительное движение в сторону ножа. Она совершенно спокойно сняла пистолет с предохранителя.

— Живо, руки вверх!

Скрипя зубами, Саммер подчинилась. Они молча мерили друг друга гневными взглядами. Воинственная леди с дубинкой в левой и оружием в правой руке, и Саммер, тяжело дышавшая, напрягшая все мускулы, в душе которой кипела вся злость и разочарование Зори.

— Как мне сегодня тебя называть? — спросила Мойра.

— То же самое я могла бы и тебя спросить, — прошипела Саммер. — Я знавала когда-то дипломата по имени Мойра. Воительницу, которой ничто не было так важно как мир. А теперь она ведет войну! На стороне Лорда Теремеса и человека, который называет себя Гереза. Вся твоя болтовня про то, что не бывает только черных или белых людей, видимо ничего не стоит. Ну, так, как мне тебя называть? Леди лицемерка?

Едва заметное дрожание ноздрей Мойры заставило Саммер замолчать. *«Черт, что ты творишь? Это не правильный путь. У тебя нет шансов против нее!»*

Глаза Мойры стали темными, как серое море в штормовой день.

— Война ведется не против людей, — сказала она. — Я знаю Леди Мар. Даже лучше, чем хотелось бы. Я видела, на что она способна. Видела ее истинное лицо. Это лицо смерти.

Саммер за секунду прикинула свои возможности. *«Она ответила мне. Мой упрек задел ее. Она уже давно могла бы застрелить меня, но не делает этого».* Саммер заметила, какой усталой была Мойра. Измученное выражение лица прибавляло ей возраста.

Саммер смочила губы языком.

— Я тоже знаю Леди Мар, — осторожно ответила она. — Также лучше, чем хотелось бы. Я два раза обманула ее, обману и в третий раз, если смогу таким образом спасти свою жизнь. Но речь не об этом. Посмотри на меня. Разве я не похожа на человека?

— Ты человечна? — жестко ответила Мойра. — Наверное, это действительно так. Всегда когда я тебя встречаю, у тебя неприятности. Это очень по-человечески. Самое ужасное заключается в том, что ты мне даже нравилась. Но ты принадлежишь к ним.

— Значит, я черная, а ты белая?

Мойра сощурила глаза. Внутренне Саммер осторожно сделала шаг назад.

— Ты не знаешь, с кем говоришь, — угрожающе тихо сказала Мойра. Она отложила дубинку и, не опуская пистолета, поднесла левую руку ко рту и зубами отстегнула кожаный

нарукавник. Неохотно сбросив его, она подняла руку вверх, показав Саммер татуировку. Белая лилия, которая в зависимости от света отливала нежным, сине-зеленым цветом. Саммер открыла рот от удивления.

— Ты служила ей? — в недоумении прошептала она. — Леди Мар? Ты была на ее стороне?

— Давняя история, — коротко сказала Мойра. — Достаточно давняя, чтобы знать, кто вы такие. Она почти двадцать лет правила моим городом. Так что не рассказывай мне о черном и белом!

— Сказать, что мне в тебе всегда нравилось? — тихо спросила Саммер. — Что ты была честной. И каждому давала шанс. Даже мне, хоть ты мне и не доверяла. Ты даже ценила хорошего предателя. Та Мойра, которую я знала, хотя бы выслушала меня.

— Как ты думаешь, почему я еще не пристрелила тебя? Можешь попытаться. Назови мне причину, почему я должна еще раз служить смерти!

— Ты уже сейчас служишь ей. Он называет себя Гереза и находится там, наверху, в комнатах ветров. Совсем один, как я предполагаю, ведь он хочет скрыть от вас свою тайну. Вы же отправляли туда наверх ящики, не так ли? Ты по-прежнему будешь считать войну справедливой, если я скажу, что внутри находятся пойманные и тяжело раненные Зоря? Ты права, Леди Мар ужасная правительница, но она пользуется только жадностью людей и их стремлением к власти. Она даже не в силах разделаться с человеком, сидящим наверху. Он хочет стать повелителем жизни и смерти, а в вас он нашел помощников, готовых на все.

— Кто ты на самом деле? — спросила Мойра. — Дочь Леди Смерти?

Не смотря ни на что, Саммер рассмеялась.

— Дочери и сыновья — это относится к жизни. Нет, я всего лишь Зоря. Я должна была даровать Индиго, которого ты называешь Гереза, поцелуй смерти. Но он обманул меня. А теперь он на пути к своей цели, стать Лордом Мар.

Так как Мойра ничего не ответила, Саммер продолжила тихим и убедительным голосом.

— Я пришла лишь для того, чтобы дать ему то, что и так было его судьбой. Мы никогда не решаем, кому жить, а кому умереть. Мы не судьи. Мы там, куда нас позовут. Однажды и ты позовешь кого-то из нас. Но что, если ты позовешь, но никто не придет? Что, если ты устанешь? Ты хочешь жить вечно? Что станет с людьми, которые не умирают? Они как насекомые, пойманные в янтаре, обречены дышать вечно.

Ее руки болели, она осторожно опустила вниз. И Мойра позволила ей это сделать.

— Представь себе это, Мойра, больше я ни о чем не прошу. Просто представь, что будет, если человек будет иметь власть над смертью.

Мойра не опустила оружие, но к удивлению Саммер слегка ей улыбнулась.

— Либо ты сильно изменилась, с тех пор как Фаррин нашел тебя на Нимфе. Или ты умело притворяешься. Где же та девушка с несколькими лицами, которая боялась всего и всех?

— Я все еще такая, — серьезно сказала Саммер. — Но во мне кроется еще много чего другого. Как у любого человека. Я испытываю страх, я не особенно сильна. Я труслива и слишком часто и быстро лгу. Я была Зорей по имени Тьямад, теперь я Саммер. Гусеница и бабочка.

«Без крыльев», — добавила Саммер про себя.

— Я не могу отпустить тебя, — сказала Мойра. — Ты это знаешь. Если я сейчас перейду

на сторону Леди Мар, то все ради чего я жила утратит свою силу. Тогда люди будут умирать.

— Не ради смерти. Бессмертие не будет означать конец страданиям.

Мойра сглотнула. Ее лицо омрачилось.

— У меня был друг, — задумчиво сказала она. — Его ранили во время битвы за мой город. Его... звали Делур. Мы были знакомы с детства, вместе ушли к одному Лорду в качестве дани. Тогда нам было по шесть лет. Даже не могу перечислить, как часто мы спасали друг друга. Он единственный человек, который что-то для меня значил. Я сидела рядом, когда он лежал на больничной койке. Это было так бессмысленно. У него была серьезное ранение, но он пережил первые три дня. Какое-то время казалось, что ему стало лучше. В эти часы мы говорили обо всем, о чем никогда не отваживались говорить. О нас, о том, что между нами было нечто большее, чем просто дружба. Мы пообещали друг другу, что никогда не расстанемся. У нас были хорошие шансы. Война закончилась, на ней погиб Лорд, которому мы принадлежали. Однако Леди Мар еще не сыграла с нами последнюю игру. Его рана воспалилась, и мне ничего не оставалось делать, кроме как беспомощно наблюдать за тем, как он борется со смертью.

— Он боролся с жизнью, — мягко сказала Саммер. — И проиграл. Не Леди Мар ранил его, и не одна из нас, а другой человек. У нас нет оружия, мы бываем только там, куда вы позовете нас.

Мойра судорожно вдохнула. Хотя она и старалась придать своему голосу деловой тон, который принадлежал ей как черное и белое, Саммер смогла четко уловить в нем дрожь.

— Я помню, что в один прекрасный момент я даже просила, чтобы он умер, — сказала Мойра. — Прежде чем заснуть навсегда, он что-то прошептал, но я не поняла, что.

— Имя. Ее имя.

Мойра опустила оружие.

— Ты знаешь ее?

Саммер покачала головой.

Мойра тяжело сглотнула и опустила голову. От ветра ее волосы легли занавесом на лицо, а когда он поднял их, ее лицо по-прежнему было неподвижным, но мокрым от слез.

— К черту все это, — сказала она, шмыгнув носом. — Это произошло слишком рано. Ему было двадцать три. У нас была вся жизнь впереди. Впервые это была бы жизнь без войны.

— Это всегда происходит рано, — ответила Саммер. — Мы шагаем по жизни быстрее, чем сама жизнь. Жизни нужно время, нам нет.

— Единственный, у кого время не ограничено, это... как ты его называешь? Индиго?

Саммер кивнула, постепенно вставая.

— Пусти меня к нему, Мойра, — попросила она. — Он должен был умереть двести лет назад от лихорадки. С тех пор он живет украденным временем. Но ни один человек не может жить вечно.

Мойра сглотнула, и как в трансе подняла оружие.

В любой другой день Саммер, испугавшись, отпрянула бы назад. Но сегодня она была Зоря Индиго.

— Если ты убьешь меня, Индиго выиграет, — сказала она твердым голосом. — Для избранных больше не будет смерти. Индиго и его заговорщики будут иметь над ней власть, и будут жить вечно. Их враги будут умирать, а друзья и союзники нет. Но разве смерть не должна быть дана каждому человеку? Не должна уравнивать вас всех? Индиго

единственный, кто знает, как можно убить нас. Все зависит от тебя и меня.

Она понизила голос.

— Чего стоит вечная жизнь, Мойра? Без обновления, без становления и ухода из мира сего. Душе нужно развитие, она готова покинуть этот мир. Что будет с ней, если она будет заточена в вечности? Если ничто не ценно, потому что ничто не бrenно?

Мойра так крепко держала пистолет, что костяшки ее пальцев побелели.

— Я уже не знаю, что правильно, а что нет.

Ее дрожащий голос смешался с завыванием ветра.

— Поэтому я буду некоторое время смотреть из этих развалин на страну и думать. Думаю, что отвлекусь на одну, две минуты и ничего не услышу и не увижу. За это время я решу позвать охрану. Потом мы — охрана и я — пойдем наверх по этой лестнице, взломаем двери и зайдем на площадку, чтобы защитить Индиго от тебя или кого бы то ни было. Неважно найду ли я тебя или кого-то другого в камере ветров, я не буду делать никаких различий, я буду стрелять.

Раздался тихий щелчок. Саммер открыла глаза. Только Джола стояла и враждебно смотрела на нее. Мойра отвернулась. Через дыру в стене дул ветер со снегом, несколько снежинок запутались в волосах Мойры. Ее правая рука все еще крепко держала оружие, направленное в землю.

— Спасибо за преимущество, — так тихо прошептала Саммер, что Мойра не могла услышать ее, после чего девушка ринулась прочь.

***

В некоторых местах ступеньки были надтреснутыми. Ветер завывал в трещинах и щелях, несколько снежинок упали на Саммер сверху. Мокрая куртка прилипала к телу, поэтому девушка сняла ее и, тяжело дыша, поползла дальше как можно быстрее. Бабочки летали вокруг ее плеч и рук. Саммер добралась до подъема, ведущего к комнате стражника. Она даже на мгновение ожидала увидеть здесь Теллуса, играющего в карты. Но его вещи исчезли, также как стол и полка. Может быть, его взяли в плен. Или — она надеялась на это — ему удалось вовремя сбежать.

Саммер прокрадась к нише. У стены друг на друге стояли пустые ящики. Их нужно было убрать. Она быстро провела кончиками пальцев по выемке между скрытой дверной рамой и дверью в поисках скрытого замка. Маленький рычаг застрял, и ей пришлось приложить немало усилий, чтобы вытащить его. Саммер лихорадочно размышляла над тем, куда ей положить взрывчатку, чтобы открыть замок, как вдруг подвижная стена к ее безграничному удивлению поддалась. Девушка осторожно нажала на нее и почувствовала сопротивление. Только надавив на дверь всем телом, Саммер смогла открыть ее ровно настолько, чтобы суметь протиснуться сквозь образовавшуюся щель.

Внутри было холодно. Ее голая нога наткнулась на что-то холодное. На что-то... из кожи? Она еще никогда так быстро не доставала фонарик. Бледный свет выхватил из темноты чье-то плечо. Затем лысую голову. Теллус! Он сидел на полу, поджав колени и слегка наклонившись вперед, как будто спал. Но он не спал. Должно быть, во время нападения он скрылся в камере. У Саммер перехватило дыхание. Неужели у него не выдержало сердце?

— Мне очень жаль, Теллус, — прошептала она сдавленным голосом. Рой ее бабочек мельтешил перед ней в воздухе.

«Иди дальше!» — подталкивал ее беспощадный, предупреждающий, внутренний

голос. — «У тебя нет времени, Мойра и охрана через несколько минут будут у Индиго!»

Она поспешно вытерла слезы, схватилась за лестничную перекладину и подтянулась наверх.

Картинки кошачьей жизни промелькнули в ее голове, пока она все выше и выше взбиралась наверх — театр, Финн, Мия. Корабль и Анжей. И, конечно же, Теллус, радовавшийся победе в карточной игре. Саммер немного утешило то, что с ним рядом была Зоря.

И вот: Любимый. Его она видела таким, каким он был, когда она покинула его несколько часов назад. Безмятежно спящим. И счастливым. Она снова ощутила отчаяние. Саммер не могла отпустить его, поэтому она взяла с собой все его тепло, его глаза, улыбку и все бесконечные часы вдвоем. «Даже Леди Смерть не удастся забрать у нее это».

Кошачий проход становился все уже, пока она спиной не коснулась стены. Наконец-то, спустя целую вечность, девушка натолкнулась на каменный заслон. Поднявшись по последней ступеньке, она выгнулась и плечом надавила на камень. Засов все еще был закреплен деревянным колышком, как и во время побега Любимого. Ей пришлось плечом давить на камень, а рукояткой фонарика со всей силы бить по колышку, чтобы наконец сдвинуть его с места. Саммер уже задыхалась, но не стала терять время.

Со всей силы она давила снизу затылком и плечом на каменную плиту. Ее ступни больно врезались в ступени металлической лестницы. Она стиснула зубы, немного сдвинула плиту и напряженно прислушалась. Ее бабочки приземлились на ступени и стену, и замерли без движения. Через крошечную щель доносился показавшийся ей знакомым звук — нерегулярный стук. А луч света, проникавший через узкую щель, дрожал, словно источник света перекрывало нечто вибрирующее.

Бабочки! В тюремных камерах? Саммер тяжело дышала, ее мускулы жгло, а ноги дрожали от напряжения, когда она не теряя самообладания, еще немного сдвинула плиту, чтобы заглянуть в комнату. Ее бабочки снова вернулись к жизни, устремились в отверстие, как свора собак, почуявших след. Какое-то время она не видела ничего кроме темных, пыльных крыльев и танцующих бабочек-черепов, после чего видимость прояснилась.

Свет от свечей отражался в огромных, стеклянных ящиках, похожих на аквариумы. В них содержалось бесчисленное количество бабочек. В свете, падающем с противоположной стороны, они напоминали ей филигранные скульптуры из снега и голубого льда. Тысячи снежных бабочек! В некоторых ящиках лежали только белоснежные коконы. Окукленные гусеницы снежных бабочек, ждущие скорого вылупления. Значит *Индиго* собирал их! Поэтому она и Любимый не видели ни одной бабочки. Их всех поймал Индиго? Но его самого нигде не было видно.

Саммер еще крепче стиснула зубы и откинула назад крышку. С громким скрежетом она ударилась об стену. Саммер выбралась через квадратное отверстие и, продолжая ползти на четвереньках, огляделась вокруг. Это больше не было тюрьмой, то, что она увидела, напоминало скорее... лабораторию? Некоторые простенки были убраны, так что теперь можно было видеть камеры ветров. Проломленные окна, через которые слышалось завывание ветра, были забиты досками. Было невыносимо жарко, как будто многочисленные бабочки своим хаотичным мельтешением создавали жару. Повсюду стояли столы с различными приспособлениями: крюки, веревки, сети.

Саммер осторожно выпрямилась и прокралась к стене. Она с удивлением рассматривала выпуклые стаканы, наполненные кристальной пылью. Рядом лежали кисти. А

там, в ванне, тысячи мертвых бабочек и крыльев. Они больше не блестели. Лежали там как блеклая, увядшая листва. Наконец до Саммер дошло. Пыль из вентилятора! Торс Индиго получал в этой лаборатории пыльцу снежных бабочек.

На одном из столов среди крылатой пыли находился отпечаток, как будто Индиго что-то присыпал. Саммер быстро догадалась, что это было. Слишком отчетливо в пыли виднелся отпечаток длинного, загнутого ножа.

Ее призрачные бабочки взволнованно летали над столом, при этом не сдувая с него ни одной пылинки. Затем они резко метнулись вправо. Теперь Саммер тоже слышала этот звук: как будто что-то тащили по земле, в одной из камер, где еще были стены.

Саммер на цыпочках вернулась к стене и в ее тени прокралась вслед за бабочками к двери во вторую камеру. Она была открыта, а изнутри прорывалось мерцание беловатого цвета с темными пятнами. В одно мгновение у нее пересохло в горле, и участился пульс. *«Зоря! Она была еще живой».*

Саммер заставила себя успокоиться, подошла к двери и заглянула внутрь. Увиденное заставило ее закрыть рот рукой, чтобы не закричать от боли и ужаса.

Саммер обнаружила на полу безжизненные, блеклые куски крылатого плаща, как отблеск бывшего великолепия. Золотисто-оранжевые, с маленькими, черными точками.

— Нет, — прошептала она. — Нет, только не это!

Она не отважилась поднять взгляд, должна была буквально заставлять себя. Остатки отрезанного крылатого плаща лежали на каменном цоколе металлического чурбана. А на нем...

— Бельен!

Саммер, словно немая, лишь губами произнесла ее имя, не проронив ни звука.

Ее подруга выглядела серой и бледной. Только каштановые волосы казались живыми по сравнению с ее безжизненным телом. Бельен лежала на боку. Нет, это была уже не Бельен, а лишь ее оболочка. Из пепла или может быть из сожженной бумаги. Высохшие руки лежали на груди, Саммер даже не пришлось отодвинуть их в сторону, чтобы понять, что под ними больше не было сердца.

Саммер знала, что означали горе и потеря, но сейчас она поняла, что такое ужасная, пылающая жажда мести. Последняя искра страха исчезла. Она выпрямилась и вошла в комнату. Ее бабочки дрожали в синеватом освещении. Когда Саммер обошла вокруг носилок, на которых лежала Бельен, она обнаружила в углу еще один стеклянный ящик, размером с сундук для одежды, а в нем еще одну Зорю в образе женщины приблизительно сорока лет, с седыми волосами.

Саммер видела ее лишь однажды, во время трибунала. Зоря спала, свернувшись калачиком, с измученным выражением лица, ее дыхание было быстрым и прерывистым. Шелковое платье было покрыто пылью с крыльев снежных бабочек, но во второй реальности на ней был лишь крылатый плащ, растущий из плеч и рук: черно-белые крылья бабочек-галатей. На несколько ужасных мгновений Саммер показалось, что она видит себя, много лет назад. «Он и у нее заберет крылья. А потом, когда она станет смертной, еще и ее сердце. Она умрет, как Бельен и многие другие».

Сделав несколько шагов, она подошла к ней и постучала по стеклу. Зоря и в самом деле открыла глаза. Вокруг зрачка у нее был белый круг, а голубизна радужной оболочки померкла. Она открыла рот при виде Саммер и приложила руку к стеклу. Саммер положила свою снаружи. Они слышали друг друга так отчетливо, как будто носили маски.

— Что случилось? — прошептала Саммер.

— Не знаю, — ответила Зоря слабым голосом. — Меня позвали. Это был мужчина с светлой бородой и листком липы на виске.

«*Лорд Теремес*», — подумала Саммер.

— Он... был словно одурманен. Рядом с ним стояла наполовину пустая чаша. Может в ней был яд. Он практически в бессознательном состоянии назвал мое имя и потерял сознание. Я наклонилась и поцеловала его. Но... его губы... У меня было ощущение, что я выпила лаву! Пыль, которую я вдохнула, обожгла меня.

— Пыль с крыльев снежных бабочек, — сказала Саммер больше самой себе.

Зоря тяжело вздохнула.

— Пыль была на его губах, бороде — повсюду! А потом... на меня упала сетка. Она также обожгла меня. Я пыталась стряхнуть ее, но еще больше запуталась в ней. Я хотела сбежать к Леди Мар, но не могла. Я упала, а время... шло дальше. Сама того не желая, я... стала видимой. А потом появился *он*.

При этих словах ее голос ослаб. Ее рука соскользнула со стекла, а голова опустилась. На ее руках виднелись красные полосы как от раскаленных наручников. Узор сетки. И пыль с крыльев.

Парадоксально, но перед глазами Саммер предстала Дайе. И Зия, плывущая не вперед, а назад. «*Жизнь наоборот. Противоположность*». Только сейчас с ее глаз как будто упала пелена. Все было пугающе логично. Зимние деревья и снежные бабочки поставили законы жизни и смерти с ног на голову. «*Зимой ничего не растет и не цветет. Жизнь словно замирает. Бабочки не летают, птицы не откладывают яйца. Только зимние деревья не подчиняются этому закону. И бабочки тоже существуют в противоположность другим. Они умирают, когда все остальные бабочки оживают, а живут зимой, вопреки всем законам природы. И это дает им силу действовать как яд против самой смерти*».

Удар по стеклу. Зоря широко раскрыла глаза и начала стучать обессиленными руками по стеклу.

— Беги! — беззвучно сказали ее губы. — Он...

Но Саммер уже давно отреагировала. Она бросилась в сторону и увернулась от ножа, пролетевшего рядом. Лезвие снова понеслось в ее сторону, и Саммер сделала интересное открытие: любовь она могла обмануть и отвлечь с помощью уловок и хитростей, но гнев был намного лучшим учителем. Без всяких усилий, удивившись самой себе, она парировала удар левши, так что он сам потерял равновесие, и шатаясь отпрянул назад.

Его загнутый нож был матовым от пыли. Нос Саммер обожгло, когда она вдохнула ее. Человек, атаковавший ее, собрался с силами и выпрямился, гневно сверкая глазами. Торс Индиго. Эти слегка раскосые глаза она бы узнала из миллионов, также как и привлекательное лицо, с каким-то лисьим выражением. Волосы он зачесал строго назад. Индиго хорошо играл свою роль повелителя жизни и смерти. Его черный, приталенный плащ касался пола. Он был похож на мага. А загнутый нож, которым он атаковал ее, напоминал нож для жертвоприношений у древних народов.

— Что ты здесь ищешь? — крикнул он ей.

— Долю, — угрожающе тихо сказала Саммер.

Она увидела, как он напряг челюсть и без предупреждения бросился на нее, но и этот урок она хорошо усвоила у Любимого. Саммер застала его врасплох, увернувшись в сторону, так что он снова едва устоял на ногах.

— У меня был хороший учитель, — сказала она. — Левша. Может, помнишь его?

Саммер довольно наблюдала за тем, как погас гнев в его глазах, а в лице сначала появилось сомнение, затем растерянность. И вот, наконец, он узнал ее.

Индиго открыл рот от удивления.

— Это... это невозможно! — пробормотал он. — Ты мертва! Я замуровал тебя рядом с фундаментом моего дома в Телисе!

— Ты не все о нас знаешь. Ты прислушивался только, бьется ли еще мое сердце. Это было ошибкой. Некоторые бабочки впадают в спячку, и Зоря тоже дети воздуха. От сильного ужаса или холода наше сердце замирает. Но умирание это больше, чем просто замирание сердца, Индиго. Намного больше! Тебе нужно было забрать у меня сердце, как ты сделал это с Бельен.

Он так побледнел, что стал казаться прозрачным — как лист бумаги, который может унести малейшим дуновением ветра. Саммер ожидала, что он снова набросится на нее, но на этот раз он действительно удивил ее, когда развернулся и выбежал из комнаты. Когда Саммер услышала звон разбившегося стекла, она поняла, что он задумал. Это был повод для паники, но и не глядя в последний раз на беспомощное тело Бельен, она знала, что время бояться окончательно прошло. Натянув мокрый ворот своего пуловера на рот и нос, она бросилась сквозь тлеющую пыль вслед за Индиго. Повсюду лежали осколки стекла, но она не чувствовала порезов на своих ногах.

Глаза и лоб обжигало крылатым пеплом. Саммер подросла вовремя, чтобы увидеть, как Индиго нажал на выключатель рядом с лестницей и ринулся вверх. Раздался звук сирены. Плащ Индиго развевался, когда он бежал вверх по винтовой лестнице. Ветер взвыл, когда он распахнул крышку люка, ведущего на крышу. На бегу Саммер схватила со стола длинный нож, похожий на меч и услышала, как над ее головой крышка снова захлопнулась, и был задвинут засов. Где-то со стороны металлической двери послышались грохочущие удары. Она отложила нож в сторону и дрожащими руками достала металлическую емкость со взрывчаткой.

Видимо она не точно рассчитала угол. Взрыв должен был лишь подорвать крышку, однако когда Саммер кашляя и с гулом в ушах, вышла из-за стены, служившей ей защитой, она увидела, что взрывной волной оторвало две верхних лестничных ступени. А там, где была крышка люка, сквозь дым просвечивал кусочек утреннего неба.

Прихватив длинный нож, Саммер устремилась вверх. Индиго совершил ошибку, ожидая ее прямо возле люка. Взрывной волной его отбросило на землю. К счастью не слишком близко к краю. Ветер вихрем кружил по площадке, на первый взгляд он был безобиден, но Саммер знала, что им нельзя было подходить слишком близко к краю платформы. Еще свежи в памяти были рассказы Телусса о торнадо, бушующих здесь наверху. Не успела она взобраться на крышу и выпрямиться, как Индиго, тоже тяжело дыша, уже поднялся с земли.

Саммер не теряя ни секунды, бросилась на него. Ей сыграло на руку то, что Индиго все еще был растерян и плохо ориентировался в пространстве. Она почти приблизилась к нему, но он, перебросив нож из левой в правую руку, сумел парировать ее нападение. Они оба едва устояли на ногах, когда порыв ветра выбил их из равновесия. В какой-то момент они оказались совсем близко друг от друга, глаза Индиго широко распахнуты. Вдруг Саммер получила удар выше левого колена и отлетела на несколько шагов назад.

Краем глаза она заметила какое-то движение. Саммер отвлеклась всего на мгновение,

но этого хватило, чтобы оценить обстановку. Это была Мойра. Ветер поднял ее каштановые волосы вверх, придав ей сходства с богиней войны с узкими глазами, в которых читался холодный расчет. Саммер напряглась и повернулась к Индиго. Но опоздала всего лишь на секунду. Укус железа она ощутила лишь тогда, когда нож вонзился в кожу, задев лопатку. Ее всю передернуло, но самым ужасным было жжение. *«Пыль с крыльев!»*

Нож выпал из руки Саммер. Она захрипела и упала на колени. *«Нет! Это не правильно! Я должна...»*

— Джола! — приказала Мойра. Собака бросилась в атаку. Саммер видела только как она бежала в ее сторону как серая вспышка, но не могла убежать. *«Я смертна!»* — подумала она и закрыла глаза. Собака коснулась ее, Саммер уже ожидала почувствовать боль, но Джола побежала дальше, после чего раздался крик Индиго, полный удивления и отчаяния. Саммер сощурилась и увидела все происходящее как в замедленной съемке: нападение собаки на Индиго, лапы Джола на его ключице, которыми она повалила Индиго, в результате чего он ударился головой о землю. Когти, впившиеся в левое запястье его руки, из которой выскользнул матовый от пепла, загнутый нож. Он проскользнул по крыше, пока Мойра не остановила его своим сапогом с бескомпромиссным звуком.

— Здесь его нет! — крикнула она солдатам, которые еще стояли на круглой площадке. — Поищите в камерах!

Захлопнув искореженную крышку, она свистнула, и Джола тут же оторвалась от Индиго и вернулась к ней. Мойра положила руку на голову собаки, погладив растрепанную от ветра шерсть. Но смотрела она в этот момент на Саммер, твердым взглядом, по-прежнему держа ногу на лезвии ножа.

Саммер боролась против начинающегося паралича плеча. Яд снежных бабочек обжигал рану, лицо и ступни. Усталость скручивала ее как свинцовая змея. *«Это было последнее, что ощутила Бельен»*, — пронеслось в ее голове. Она стиснула зубы и подползла к Индиго.

Он все еще лежал на спине, вытянув руки, как будто хотел обнять небо. Рот слегка приоткрыт, беззащитный как все люди без сознания. Веки Индиго дрожали, словно он боролся с кошмаром. Скоро он придет в себя. Саммер с трудом встала рядом с ним на колени. Ей потребовалось немало усилий, чтобы поднять голову и плечи Индиго и положить себе на колени. Его голова опрокинулась набок, поэтому Саммер поддержала его, просунув руку между лопаток и притянув к себе. Его голова тяжелым грузом лежала на ее плече.

Теперь Саммер лишилась всей своей решительности, которая была для нее своего рода защитными доспехами. В ее грудь снова закрался страх, заставивший сердце биться учащеннее. *«Это конец»*. Она в последний раз сделала глубокий вдох, и огляделась вокруг, чтобы попрощаться со всем, что ее окружало. Самая высокая башня цитадели была окутана туманом, но здесь наверху небо было таким ясным, что Саммер казалось, что она может дотянуться рукой до угасающих звезд. Над северной страной всходило солнце, окрашивая края облаков в розовый цвет. Еще никогда жизнь не казалась ей такой ценной. *«Все прошло»*, — подумала она. — *«Ты идешь по пути людей, Саммер»*.

Губы Индиго посинели от холода. Он снова застонал и заморгал, пошевелившись в руках Саммер.

— *Смерть и любовь — соседи. Но расставание живет в обоих домах.*

Саммер и сама не знала, почему в ее голове блуждала эта цитата из спектакля Морта, но она заставила ее улыбнуться. Только что она ненавидела Индиго. Но теперь, когда он открыл глаза и беспомощно смотрел на нее, как будто ничего не помнил, весь ее гнев испарился.

Прошлое померкло, даже лицо Бельен. Она была только его Зоря, которую Торс Индиго позвал много лет назад.

— Индиго! — она нежно гладила его по волосам — Это я, Ламая. Не бойся.

И в тот момент, когда он узнал ее, она со странной нежностью наклонилась и поцеловала его. Его губы были покрыты пеплом и обжигали так же, как и меч. Яд бабочек. Но она не отстранилась.

Время поднималось и опускалось как дыхание, после чего остановилось. И Ламая увидела.

«Крепость у моря, так хорошо ей знакомая. Тогда она еще не была грудой обломков, а только что построена. У нее еще были светлые стены, а деревья вокруг не такие большие и мощные. Она видела войны, шедшие более двухсот лет назад, охоту на медведей и опасные турниры. И Индиго. Это был щедущий ребенок с большими, любопытными глазами и улыбкой, которая никого не оставляла равнодушным. Он был самым младшим из пяти братьев, единственный сын новой правительницы замка, после того как умерла первая жена лорда. Так как порядок наследования престола определялся по матери, он был законным наследником и одновременно бельмом на глазу у своих сводных братьев. Семья скончавшейся правительницы много раз посягала на его жизнь. Когда ему исполнилось всего семь лет, все уже перестали считать коварные попытки убить его, каждая из которых подрывала его здоровье. Однако каждый раз он каким-то чудом оставался жив».

Саммер видела: *«Индиго, восьми лет от роду, лежит с лихорадкой в слишком большой для него постели. У него плохо заживающая рана от якобы случайно попавшей стрелы.*

Позже, ему уже двенадцать, он на выезде верхом. Провидение заставило его объехать кусочек поляны со странными, близко расположенными друг к другу цветами, в то время как его слуга там же прямо с лошадью упал в западню. Слуга был единственным человеком, которому он доверял».

Саммер видела: *«Индиго становился все более недоверчивым и одиноким, превращался в рысь, обладая инстинктами, каждый раз спасавшими его от смерти.*

После смерти родителей он, в возрасте двадцати лет, стал самым молодым лордом северной страны, когда-либо оказавшимся у власти. Двое его сводных братьев сбежали, двух других он прогнал сам. Он все больше стремился к власти. Влюбился в женщину с рыжевато-коричневыми волосами, но вскоре понял, что даже любовь приближала его смерть. Сердце Индиго разбилось, когда его жена и сын умерли от лихорадки, или может быть от яда, который пронес на кухню кто-то из его врагов. С этого дня он стал Индиго, которого все называли «Алхимиком». Эксцентричный и беспощадный, с сердцем на замке. Человек, которого боялись все противники.

В тридцать лет он был одиноким, уставшим от власти и жаждущим развлечений и чудес. И это тоже был Индиго — человек, любивший роскошь и музыку.

Он правил уже на протяжении десяти лет и имел столько врагов, сколько не имел никто до него. Но Индиго был хитрым, и смог приспособиться к этому. Он не тратил много сил на борьбу, а пользовался искусством интриги. Он изучал людей так же пристально, как и насекомых, которых хранил под стеклом. Индиго ночи напролет запирался в своих подземных камерах, где изучал науку по смешению ядов. Алхимик, мечтавший управлять жизнями и смертями других. Он изучал слабости своих противников, расставлял ловушки, заставляя недругов терпеть неудачу от своих же слабостей.

Тем не менее, его сводному брату удалось покушение, в результате которого Индиго

чуть не погиб. В то время как врач зашивал его раны, он уже лежал при смерти с именем своей Зори на устах, но не открыл рта и, в конце концов, снова поправился. Вот только его правая рука больше не могла держать меч.

Индиго выздоровел и однажды познакомился у своего кузнеца с мальчиком, который мог обращаться с оружием обеими руками. Мальчику было четырнадцать лет, однако он выглядел взрослым, как будто уже много повидал в своей жизни. Его звали Аманд, и у него было много шрамов. В глазах мальчика Индиго увидел отражение собственной судьбы».

Любимый! Сердце Саммер сжалось, когда она увидела своего любимого человека глазами Индиго: серьезного, сконцентрированного на борьбе с левой рукой Индиго. Он еще не был таким высоким, а скорее худым и удивительно молодым. Тем не менее, у него уже был этот интенсивный взгляд и смех, который она так любила.

«Индиго выкупил его из кузницы, одевал его как молодого лорда. Впервые за последние годы он стал кому-то доверять, хотя и не полностью. Они вместе смеялись и часто выглядели как отец с сыном. На протяжении двух лет Индиго учился у мальчика сражаться левой рукой, в такие моменты они выглядели как зеркальные отражения — оба высокие, похожие друг на друга в своих движениях. Но и меч в левой руке не пригодился Индиго в борьбе против своего самого большого врага.

Он появился в образе Холодной Руки, болезни, во время которой Индиго кашлял и становился бледным. Но он еще держался, приказал поставить свою кровать посреди большого танцевального зала и каждую ночь назло смерти устраивал грандиозные праздники. Он лежал на кровати, как на троне, спрятанной за тюлевыми занавесками и цеплялся за музыку и свет, чтобы не умереть. Но ничего не помогало.

На десятый день болезни он опустился на подушки и почувствовал как холод пробирается в кости. Он прошептал имя одной женщины, время остановилось и... она появилась».

В этот момент в голове Саммер смешались картинки двух жизней. Воспоминания Индиго сменяли ее собственные, и Саммер увидела все. Прошлое стало настоящим Здесь. И Сейчас.

«Индиго хочет закрыть глаза, как вдруг рядом с его кроватью появляется посланница. Появляется так внезапно, как будто сбрасывает маскировочный плащ, который делал ее невидимой. То, что смерть была всего лишь девушкой, безгранично удивляет его. Какое-то время Индиго даже рассержен и обижен. Он, переживший столько покушений, побежден созданием, вдвое моложе его? Леди Смерть, от которой ему так часто удавалось ускользнуть, хочет поиздеваться над ним? Хочет еще раз наглядно продемонстрировать ему его слабость и научить смирению? Тем не менее, он не может устоять перед посланницей смерти с золотистыми волосами. Ее губы... такие сладкие и близкие!

Звуки еще раздаются эхом в воздухе, хотя музыканты замерли в движении.

Посланница, уже наклонившаяся к нему, чтобы поцеловать, снова выпрямляется.

— Что это? — тихо спрашивает она.

— Музыка, — отвечает он. — И танец. Это жизнь.

Затем он умоляет ее, говорит как дорога ему жизнь.

— Дай мне еще момент! Позволь мне услышать одну эту песню.

Она и вправду колеблется и смотрит на танцующих. В этот момент они оживают, музыканты снова водят смычком по струнам скрипок, звучат звуки гитар и флейт. Девушка смотрит на все удивленными глазами, открывает рот от изумления. Индиго

видит отражение блеска люстры в ее карих глазах.

И распознает в них искру очарования. О да, ему хорошо известны чары только что открывшихся чудес! Это как влюбленность, как первый поцелуй, как внезапно появившийся, нестерпимый голод. Теперь он понял, почему именно эта девушка, и никакая другая, может быть его смертью: в глубинах их душ они совершенно одинаковы. Она тоже, и Индиго, хитрюга, прекрасно понимает это, жаждет жизни, которой не может быть у них обоих — больше не может быть у Индиго. И никогда не будет у посланницы смерти.

Она открывает занавеску, выходит в зал и глаза всех присутствующих устремляются к незнакомой девушке в траурном платье. Наступает момент, когда он чувствует, что это его шанс.

Музыка сбивается с ритма, охрана беспокойно смотрит на него, но Индиго, чуть приподнявшись, машет рукой, приказывая им оставаться на местах.

— Танцуйте с ней! Она мой гость! — кричит он в зал.

В то время как он наблюдает за тем, как она идет по залу, оглядываясь, как будто ищет тона и краски, в голове Индиго возникает отчаянный план. Многие танцоры боязливо сторонятся ее, но Аманд, его приемный сын и юный друг, единственный, кому бы он доверил свою жизнь, собирается с духом и подходит к ней. Еще никогда Индиго не любил мальчика так, как сейчас. Он не слышит, что Аманд говорит смерти в образе девушки, но она кивает и позволяет ему провести себя по залу. Индиго устало опускается на подушки и закрывает глаза. Когда она возвращается, через час или может целую вечность, у него уже созрел план.

— Подари мне один день, повелительница, — тихо просит он. — Поцелуй меня завтра. И я покажу тебе всю музыку и танцы. Я подарю тебе жизнь и свет!

Посланница смотрит на музыкантов, на цветы, слышит смех гостей через занавеску.

— Один день! — говорит она властным голосом.

Никто из них не чувствует дисгармонии в структуре времени».

Дальше время бежало в ритме черного пульса. Показало Зорю, изо дня в день отодвигавшую смерть. И Индиго, который своими соблазнительно сладкими и липкими нитями вплетал ее в жизнь, как паук бабочку. Как он давал ей попробовать блюда и вино, предлагал ей музыку и поэзию лучших поэтов, ощутить солнце на коже, и дни и ночи, полные развлечений.

Одновременно Саммер увидела себя. Как она открыла для себя жизнь, краски слов и нечто, показавшееся ей бессмертнее, чем сама Зоря: любовь, истинная причина, заставлявшая ее медлить изо дня в день. Она прожила все это еще раз.

«Часы, проведенные с Любимым, ее страх перед Леди Мар и обнаружением ее запрещенного деяния. Она тщательно скрывалась от поисковиков и наслаждалась каждой секундой, как последней. И в тот день, когда Саммер окончательно поняла, что была намного человечнее, чем могла себе представить, она испытала одновременно и счастье и печаль».

Саммер еще ближе притянула к себе Индиго, как будто могла остановить время. Но его жизнь неудержимо протекала через нее.

«Индиго как никогда счастлив, когда ему удастся выиграть день, но каждую ночь он боится конца. Его желание жить уже давно переросло в навязчивую идею. Но он не был бы Индиго, хитрецом, если бы не верил в то, что и посланница всего лишь его противник, для которого ему просто нужно найти правильное оружие. Девушка даже не подозревает, что

имеет дело с двумя мужчинами. С одной стороны дневной Индиго, беззаботный, смеющийся соблазнитель, ее учитель и одновременно покорный слуга.

И другой Индиго, убийца и отравитель, лихорадочно ищущий в своих лабораториях средство, чтобы победить ее. Ему удобно, что его молодой адъютант занимает и отвлекает ее. Иногда он слышит их смех, видит, как они во дворе учатся фехтовать тупыми шпагами. Индиго доверяет Аманду и знает, что тот никогда не сблизится с девушкой, в конце концов, он действительно дал ему понять, что сам влюблен в молодую девушку. Аманд все ему рассказывает о ней, таким образом, он осведомлен о каждом часе и каждой секунде ее действий.

Каждое вино, которое Индиго подает ей в эти недели, отравлено. Он применяет арсен и аконит, яд экзотических лягушек, капли которого достаточно, чтобы убить лошадь. Он даже не гнушается магических настоек и заклинаний. Она полностью выпивает каждый бокал и... ничего не происходит. Она даже не шатается, когда прямо ей в сердце якобы случайно попадает стрела, мало того, сама вытаскивает ее из раны, которая затягивается уже через несколько часов.

И ни одного шрама. Он совершает поджог, но единственным пострадавшим оказывается слуга. Наконец это случается, в тот день, когда она отведала первые зимние плоды. Они в садах цветочного дома, от снежных бабочек, окруживших цветки в виде звезд, рябит в глазах. Это самый холодный из всех зимних дней. Индиго и Аманд одеты в шубы, а девушка как обычно сияет в платье, обнажающем плечи, и носит шубу из меха снежного барса только для красоты. Она стоит в снегу босиком и не обращает внимания на ветер. Когда одна из бабочек садится ей на плечо, и она отгоняет ее, на коже девушки остается пыль с крыльев насекомого.

Впервые Индиго видит, что и посланницу можно ранить. Она вскрикивает и падает на колени, удивленная и испугавшаяся собственной слабости. Аманд бросается к ней и помогает встать — и в эту секунду Индиго понимает две вещи: что действительно существует способ победить свою смерть, и что Аманд обманывает его. Индиго умеет читать по лицам. Когда он видит беспокойство и плохо скрываемую нежность, с которой его приемный сын поддерживает девушку, он осознает, что его друг начинает ускользать от него. Как всегда он не подает виду и продолжает тайком плести свои сети.

Посланница заболевает, весь день она слаба и бледна, как будто прикоснулась к яду. Ее плечо красное и пульсирует. Индиго отдает приказ поймать всех снежных бабочек, чтобы они больше не причиняли вреда. Никто не удивлен этому приказу эксцентричного лорда. Целыми днями слуги ходят по снегу с сачками, отлавливая бабочек. У них отмерзают пальцы, но Индиго не успокаивается до тех пор, пока все до единой бабочки не оказываются в его лаборатории. Тем временем, он продолжает слушать доклады Аманды, делая вид, что все еще доверяет ему. Однако теперь он приставляет к нему шпионов. Их рассказы потрясают его до глубины души.

Посланница и Аманд делят постель. Она целует его, но он не умирает. Более того, Аманд знает секрет Ламаи. Она призналась ему, что жизнь Индиго находится в ее руках. Парень продолжает делать вид, что ничего не знает и изображает покорного слугу Индиго. Гнев Индиго бесконечен. Из всего этого он делает единственное заключение: Аманд предал его и хочет уничтожить с ее помощью. Может даже она подарила ему бессмертие? Несмотря на охватившую его ярость, Индиго с удивлением понимает, что уважает своего приемного сына. Парень многому научился у него. Вскружил голову

посланнице смерти. Она послушается его и поцелует Индиго. И тогда он займет его место. Индиго думает, что его предали. Это самая ужасная боль из всех, что он испытывал».

Саммер почувствовала разочарование, как будто сама пережила его. Как его Зоря, она понимала недоверие Индиго. Глядя на всю его жизнь, Саммер огорчилась, почувствовав это огромное одиночество. «Как мало он доверял», — подумала она.

«Посланница и Аманд ничего не подозревают, они целуются и шепчутся по ночам, не замечая, как часто их подслушивают невидимые уши. Интрига Индиго окупается сполна. Посланница смерти выдает Аманду еще один секрет: она говорит с ним о ее связи с царством воздуха. Рассказывает, что ее нельзя ранить, и что она носит невидимый, крылатый плащ, сросшийся на плечах и руках с ее кожей. Этот плащ является ее связующим звеном с другими посланниками и Леди Смертью. Когда Аманд спрашивает ее, умрет ли она без плаща, девушка сомневается, но затем говорит да, наверное, по-другому быть не может.

Она говорит ему также, что является человеком и никогда не вернется к своим. Аманд реагирует так, какотреагировал бы Индиго на его месте: он обещает ей человеческую жизнь. Рассказывает о том, что они вместе убегут на юг и что Леди Смерть никогда не найдет их. И когда они на самом деле намереваются покинуть северную страну, Индиго понимает, что пришло время действовать. Посланница ошарашена, когда рано утром он приказывает связать ее. Ее сопротивление быстро исчезает, потому что наручники покрыты пеплом бабочек. Вдохнув его, ее глаза становятся большими, и она теряет сознание.

Теперь Индиго мог бы лишить ее жизни. Но он все еще рассержен и глубоко задет предательством своего приемного сына. Поэтому он приказывает Аманду убить посланницу, чтобы доказать свою лояльность. Убить мечом, на котором приготовлена пыль с крыльев бабочек. Парень не догадывается, что Индиго знает его тайну. Ему ничего не остается делать, как взяться за меч на месте казни.

Он постоянно смотрит на окно, в тени которого виднеется фигура. Он думает, что это Индиго. Но конечно это всего лишь стражник, которого Индиго поставил там, одев его в собственный плащ. Он сам, переодевшись в одежду стражника и надвинув капюшон, стоит в трех метрах от Аманды и наблюдает за ним. Индиго-игрок. Он разбирается в людях и знает, что Аманд попытается обмануть его. Но все же, где-то глубоко в душе, он надеется, что ошибается, что парень предан ему и подчинится его приказу. Но он этого не делает.

Когда посланницу приводят на место казни, Индиго видит, как Аманд тайком развязывает ей руки. При этом он как бы случайно поворачивается таким образом, чтобы фигура в окне не заметила этого. Затем он шепчет ей что-то. И посланница, хоть и одурманенная ядом бабочек, смотрит сначала на следы от наручников, затем на него. Она доверяет ему, не пытается бежать. И снова Аманд выдает его взгляд, полный любви и заботы. Он поднимает меч, имитируя удар. Девушка наклоняет голову. Сделав два шага, Индиго оказывается рядом с Амандой и вонзает ему кинжал в спину. Ему самому больно, но жизнь научила его, что предателям нет места рядом с ним. Аманд падает, не издав ни звука, а посланница все еще лежит на замерзшей земле, с закрытыми глазами и в полубморочном состоянии от действия яда. Индиго поднимает меч и подходит к ней.

Он не видит крылатого плаща, однако прикладывает меч к ее шее и проводит лезвием по спине и рукам. Не видно ни капли крови, но Индиго замечает угасающее сияние. Она

удивленно хватая ртом воздух, издает жалобный крик и, потеряв сознание, падает в снег.

Индиго зовет своих людей и слуг. Они бросаются к месту казни и с немым ужасом наблюдают за тем, как Индиго щупает пульс Аманда. Он больше не бьется в груди предателя, парень белый как простыня и лежит без движения. На мгновение Индиго накрывает волной огорчения, но он берет себя в руки. Его переполняет страх: накажет ли его Леди Смерть? Ему нельзя терять времени. Подданные колеблются, когда он грубо приказывает им, убрать тело Аманда. Но, в конце концов, подчиняются, берут покойного за руки и ноги и уносят прочь.

Посланница приходит в себя, открывает карие глаза. Они пустые, лишенные всех воспоминаний. Яд бабочек действует. Она словно в лихорадке, не узнает Индиго и он видит, что она обречена на смерть. Она позволяет поднять себя на ноги.

— Кто ты? — шепчет она.

— Твой спаситель, — отвечает Индиго. — Видишь палача, которого они сейчас уносят? Он хотел убить тебя. Но я пришел вовремя, чтобы спасти тебя. Я развязал тебе руки. А теперь я отведу тебя в безопасное место.

Он обхватывает ее за талию и поднимает на ноги. Она стоит шатаясь, держится за него, чтобы не упасть. Бросает взгляд на Аманда, но по-прежнему не узнает его. Девушка испытывает лишь враждебность и гнев выжившей, которой удалось спастись от палача. Она не сопротивляется, когда Индиго приобнимает ее и ведет в лабораторию. Ее голова такая тяжелая, что, пройдя два шага, посланница кладет ее ему на плечо. Сделав еще четыре, пять шагов, она теряет сознание. Индиго успевает подхватить ее и несет в глубину подвалов дома. Туда, где уже наготове стоит ее гроб».

Картинки замелькали быстрее, но время вокруг Саммер все еще стояло на той секунде, когда умер Индиго. Только бабочки шевелились, крыльями как веером обмахивали ее щеки, лоб, руки, в то время как она чувствовала, что становится все слабее и слабее. Ей было больно от того, что Любимый увидел именно эту сцену: его любимая девушка лежит в руках Индиго, прижимаясь к нему. Она так хотела все ему рассказать. Но даже если бы было возможно, и теперь уйти от судьбы, она уже была не в состоянии даже встать на ноги. С каждым вздохом девушка все больше теряла силы. Жизнь Индиго Саммер наблюдала через пелену, сцены того дня и вспышки воспоминаний последующих годов.

«Индиго, как он кладет посланницу в ящик с перемолотыми крыльями бабочек. Ее сердце больше не бьется, но на всякий случай, он дополнительно посыпает ее пеплом и закрывает. Он дарит своим людям свободу, деньги и лучшее красное вино из своего погреба. На прощание Индиго устраивает пышный праздник, но сам он не принимает участие в нем, а тайком покидает замок. Конечно же, вино было отравлено, ни один свидетель не останется в живых после праздника. Только слуг, которые помогают ему принести вещи в порт, он пока оставляет в живых, на случай если они ему еще понадобятся. Он плывет по серому морю в Анаканд и оттуда по суше в Телис. Там, в городе поэтов, Индиго тратит свое богатство на постройку дома. Гроб посланницы он замуровывает в фундамент. И чувствует себя навсегда свободным.

У бессмертия сладкий вкус. Наконец, с его плеч падает груз повелителя, и он может заниматься тем, чем хотел заниматься с малых лет. Индиго посвящает себя музыке и искусству. Он много путешествует, но всегда возвращается в Телис. Леди Смерть не преследует его, и с каждым годом он ведет себя все увереннее. Он учит все, что может выучить человек, языки всех стран, которые посещает. Индиго наслаждается свободой,

накапливает состояние и теряет его, чтобы снова накопить. Однажды, на улице какой-то бандит наносит ему удар прямо в сердце, но Индиго не умирает. Спустя несколько дней сердце заживает, и он продолжает путь. Он любит женщин, бросает их, либо они бросают его.

Индиго находит друзей и на следующие пятьдесят лет становится хорошим человеком, но вскоре понимает, что не хочет такой жизни. Однажды, спустя десятилетия, он снова ощущает хорошо знакомую ему жажду настоящей власти. Он тоскует по интригам, победам, поражениям и опасности. На этот раз он следует за полководцами. Индиго объезжает поля сражений, снискав себе славу советника и доверенного лица королей и лордов. Он даже не подозревал, сколько силы и власти скрывается в нем. Ведь он может управлять и превращать могущественных людей в марионеток, сам оставаясь при этом в тени. Только теперь он раскусил эту игру и всю сущность людей. Индиго понимает, что стремится к самой великой из всех побед: не только победить смерть, но и окончательно уничтожить ее.

Он один знает тайну снежных бабочек из севера. Индиго удается убедить лорда Теремеса и других лордов, что они могут использовать его знания для получения собственной славы. Это был идеальный план. Когда кто-то из людей лорда Теремеса в самом деле не умирает после тяжелого ранения, а удивительным образом выздоравливает, и ни один яд не может его убить, Индиго празднует свою победу. Лорды не знают, что Индиго удалось забрать у посланницы смерти крылья и таким образом спасти свою жизнь. Все больше повелителей верят в то, что он маг, чей волшебный напиток погрузит их в глубокий сон, из которого они очнутся бессмертными, но при условии, что Индиго собственноручно во время тайной церемонии подаст им напиток. А лорд, укравший волшебное средство, уже не обретет бессмертия. Таким образом, Индиго постепенно укрепляет свою репутацию.

Начинается время приготовлений, заговоров и тайных совещаний. Лорды и Леди готовы поверить ему, потому что все они жаждут вечности. Они вступают в его тайное общество бессмертных, и Индиго уже видит себя повелителем жизни и смерти. Однако Леди Смерть поняла, какая игра ведется за ее власть. Она также создает из своих союзников войска и баррикадируется в цитадели. Но это ей не помогает. Индиго добавляет своим союзникам яд, чтобы, когда они находятся на грани жизни и смерти, позвать к умирающим посланниц и поймать их. Он тщательно выбирает, какому повелителю даровать бессмертие, в конце концов, ему нужно самому сберечь власть. Теперь он стал куда более жестоким, его ничего не сдерживает от того, чтобы забрать у посланниц смерти не только крылья, но и сердце.

Штурм цитадели удастся. Наконец Индиго протягивает и лорду Теремесу бокал с ядом и умирающий правитель зовет свою посланницу по имени. Это происходит наверху, в камерах ветров, где он разместился, чтобы тайно довести дело до конца. Посланница — женщина с белокурыми волосами и глазами цвета аквамарина. Он связал ее сетью и теперь достает длинный нож, загнутый в виде полумесяца... «

Последняя картинка была всего лишь слабой вспышкой за закрытыми веками Саммер: это был тот момент, когда она сама встретила с ним несколько минут назад. В самом безопасном месте цитадели.

«Испуг, словно ледяной рукой обхватывает его сердце, когда Индиго видит посланницу с золотистыми волосами. Ее волосы не такие длинные, как прежде, она носит форменные

брюки и черный свитер, настолько мокрый, как будто она только что вышла из моря. Но все же, Индиго узнал бы ее повсюду».

Последний удар его пульса замер на губах Саммер. Сердце Индиго остановилось. А теплое дыхание, еще исходящее из его носа, было лишь слабым воспоминанием о жизни, которая улетучилась навсегда.

Саммер почувствовала, как Индиго становился все легче и легче в ее руках. Когда она открыла глаза, он растворился так быстро, как будто два столетия за секунду вновь вернулись к нему. От него не осталось ничего кроме пепла, который тут же разнес ветер. Серые хлопья смешались с роем ее бабочек. Осталась лишь одежда Индиго, которую ветер вырвал из рук Саммер и понес к краю крыши, где ее подхватил вихрь. Плащ Индиго еще какое-то время танцевал вокруг площадки, надуваясь, как будто был надет на невидимом шуте, который всячески изгибаясь, крутился вокруг своей оси. Затем круговоротом воздуха его подбросило к небу и унесло в сторону моря. Торс Индиго за несколько секунд превратился в историю стародавних времен.

Саммер, моргая, с трудом оперлась на руки. Бабочки начали порхать вокруг нее. Но она не могла стоять прямо. У Саммер было ощущение, что небо всем своим весом давит на нее. Она поддалась и опустилась на бок, прижавшись щекой к холодным камням. С каждым вдохом ей становилось дышать все труднее.

Краем глаза она беспомощно наблюдала за тем, как остатки пепла перемешивались с ее угасающими бабочками. Они упали, дернулись и прекратили порхать. Ветер поднял их в воздух, и играючи закружил вокруг платформы. Саммер в этот момент чувствовала треск в груди, как будто ее собственное сердце Зори рассыпалось в пепел. Она простонала, перевернулась на спину и посмотрела в небо.

Смерть и для Зори была чем-то спокойным и нежным. Как будто она выдохнула и просто забыла снова вдохнуть. Ее сердце остановилось и еще одну, две секунды она ясно видела свою жизнь — прошлую и настоящую. Мойра, Фаррин и бедняжка Бельен, Анжей и девочка с акулами. И снова и снова Любимый. Его поцелуи, его дерзкая, необузданная сущность. Его песни, хрупкие, красивые и вечные как замерзшие цветки. Она вспомнила тот день, когда он принес ей букет зимних цветов. Вспомнила его лукавую улыбку, когда он вытащил цветы из-под рубашки.

— В твоих волосах они выглядят как ледяной узор в осенней листве, — сказал он. Когда ее собственная жизнь уже почти истлела, она вспомнила строки своего самого первого стихотворения:

*«Когда ты ко мне
подошел,
я улыбнулась.
Букет цветов
ты под рубашкой
спрятал,
однако
их аромат...
доносился из твоих глаз».*

Было ощущение, что с того момента не прошло и секунды. Глубокой ночью она сидела за столом и рассматривала цветок, который помялся во время их страстного поцелуя. А там, на кровати с лебедями: Любимый, обнаженный, улыбающийся во сне, вспоминая прошедшие

часы. Саммер не могла оторвать глаз от линии его спины и плеч. Она все еще была в растерянности от того, что любовь вызывала у нее страх и одновременно счастье.

И эта искра жизни исчезла.

Осталось только быстрое, одинокое угасание.

Глава 27

Обещание

Она была мертва. Не дышала. Ее сердце остановилось. Она уже чувствовала, как онс безвозвратно увядало. Все, что делало ее Зоря, превратилось в дым. Смерть была холодной. Даже бесконечно холодной. Издалека до нее доносились голоса, но они относились к жизни и больше не касались ее. Также как и удар, нанесенный по ее грудной клетке. Саммер с неохотой осознала, что чей-то рот прижался к ее рту и теплое дыхание достигло легких. Она хотела отвернуть голову, но у нее больше не было тела. Ни один мускул не подчинялся ее мыслям. Снова удар по груди. Крик прямо в ухо, но в то же время такой далекий.

— ... проклятье, ещё раз!

Кто-то хотел, чтобы она дышала, и не понимал, что она мертва. Сердце больше не билось в ее груди. Было лишь ощущение, как будто барабанные палочки отбивали такт на ребрах. Неужели кто-то и вправду стучал по ее груди? Нет, не по груди, а... *внутри нее!* Действительно. Должно быть, Саммер ошиблась, когда не ощутила биения сердца. «*Нет, это... невозможно!*»

Саммер испугалась. В ее груди на самом деле билось сердце!

— Ты что, оглохла? Дыши, наконец! — звенел в ее ушах женский голос. Только теперь Саммер поняла, что с ней происходило: она была на грани того, чтобы задохнуться. И не имела ни малейшего понятия, что ей делать. Удар по щеке. Еще одна пощечина по другой щеке. Она открыла рот, больше от возмущения, чем от послушания и сделала глубокий вдох. Ее легкие обдало холодом. Саммер закашлялась, ее трясло, в горле першило. Она откашляла хлопья пепла, темно-серые, потрескивавшие образования, в тоже мгновение превратившиеся в пыль. Она снова и снова выплевывала пепел, как будто им была полна вся ее грудь. Когда Саммер смогла, наконец, дышать свободно, воздух оказался ее врагом, чьим оружием были пять видов холода: покалывающая дрожь, лютый мороз, болезненная, тянущая боль на коже и немеющее постукивание и покусывание. Пока она пыталась справиться с холодом, кто-то осторожно, но крепко обнял ее. «*Одна из... Зоря?*»

Она распахнула глаза и увидела перед собой знакомое лицо, которое от облегчения выглядело намного моложе, чем она думала.

— Ну, наконец-то! — выдохнув, сказала Мойра. — Ты меня напугала. На секунду я даже подумала, что он и правда убил тебя.

— Но я же... мертва, — прохрипела Саммер. — Это... не мое сердце.

Мойра улыбнулась.

— Да? Но и не мое тоже. Давай вставай, тебе нужно уходить!

Она положила руку Саммер себе на шею и хотела поднять ее на ноги. Боль в плече заставила Саммер вскрикнуть. Одновременно она поняла, что это была обычная боль. Легкое ранение, не глубокое, но неприятное. Рану больше не обжигала пыль с крыльев бабочек, а чужое сердце билось в ее груди все спокойнее, чем чаще она глубоко вдыхала. Саммер заметила, что Джола была рядом с ней. На этот раз собака не рычала на нее, а понюхав ее руку, облизала онемевшие пальцы. В тот самый момент, когда порыв ветра обдул ее ноги, и она впервые ощутила самый настоящий холод, Саммер поняла, что она полностью

превратилась в человека. Она также поняла, чье сердце подарило ей эту жизнь. Ей даже захотелось рассмеяться, но Саммер сдержалась, осознавая, что это еще не конец.

— Зоря! — прошептала она Мойре, почувствовав головокружение. — Индиго хитростью заманил их сюда, в камеры ветров. Я видела одну, ты узнаешь ее, в стеклянном гробу. У нее белые волосы. Она еще жива. Ты должна освободить ее! Также как и остальных Зоря в других ящиках... выпусти их на свободу! А потом... сорви доски с окон, разбей все стеклянные емкости и запусти ветер в камеры.

«Пусть он унесет смертельно опасную пыль, чтобы она упокоилась в море, вместе с теплом Индиго и его тайной».

— Пообещай мне это, Мойра!

— Как скажешь, танцовщица. Но сначала я должна позаботиться о том, чтобы ты исчезла отсюда.

***

Когда Саммер в очередной раз открыла глаза, ее куда-то несли. Голова лежала на плече, более сильном и широком, чем плечо Мойры. Походка несущего ее человека была неровной, как будто он слегка прихрамывал.

— Фаррин? — пробормотала она.

— Похоже на то, — услышала она в ответ. Саммер открыла глаза и увидела, что он завернул ее в свою солдатскую шинель, закрывающую даже ноги. Тем не менее, она продолжала мерзнуть, пока Фаррин нес ее вниз по лестницам. Мимо него пробегали солдаты, они наоборот неслись вверх по лестницам. В залах эхом отзывались крики. Все двигались по направлению к вершине цитадели.

— Пропустите! — прогремел голос Фаррина, идущего против течения. — У меня здесь раненая.

— Принеси меня к храму акул, — прошептала Саммер. — Там я уже справлюсь сама.

В то же мгновение она вспомнила, что больше не была Зоря и уже никогда не сможет долгое время выдержать в ледяной воде. Ее человеческое тело переохладится и утонет.

— Размечталась, южанка, — иронично сказал Фаррин. — Сначала мы должны остановить кровотечение. А твои пальцы на ногах стали синее моря.

— Это Мойра приказала тебе отнести меня в безопасное место?

— Верно. Не знаю, что там произошло на крыше, но она сказала мне, чтобы я достал тебе обувь и одежду. И чтобы кто-нибудь занялся твоей раной. Именно это я и делаю.

Было так хорошо, закрыть глаза и положить голову ему на плечо.

— Ты всегда такой послушный? — пробормотала она.

— Я слушаюсь только своего капитана.

Старая шутка заставила ее улыбнуться.

— Он, наверное, очень устрашающего вида.

— Скажем так, я бы хотел всегда производить на него впечатление. Хотя капитан Мойра и не желает меня знать. Но мне импонируют храбрые люди. И не нужно заставлять их ждать.

Саммер еще крепче обхватила левой рукой его шею и потянулась, пока ее губы не оказались совсем близко от его уха.

— У нее был кто-то, кого она любила, Фаррин, — прошептала она ему. — Это было давно. Теперь она боится, что смерть заберет у нее и тебя. Поэтому она отстранила тебя от должности в лагере.

Саммер почувствовала, как при этих словах его сердце забилося сильнее. Это заставило ее вспомнить о своем человеческом сердце. Оно было не таким как сердце Зоря. Было более пылким и живым. К такому ей еще придется привыкнуть.

— Да, конечно, — пробормотал Фаррин подчеркнуто иронически. — Ты и вправду пытаешься убедить меня, что эта стальная женщина боится смерти? Послушай-ка, южанка. Твои романтические баллады это конечно хорошо, но мы, северяне, знаем, когда нам лучше не вмешиваться, чтобы не навредить себе.

***

Мойра уже нетерпеливо ждала на причале с южной стороны цитадели. На этот раз без сопровождения Джола. Волны бились о скалы, разбрасывая брызги к небу. Несмотря на то, что еще не наступил вечер, солнце уже начало заходить, окрасив горизонт в красноватый цвет. Где-то там вдалеке поблескивала золотистая точка. *«Золотой баркас Леди Мар»*, — подумала Саммер. Это было странное и в то же время грустное чувство, то, что она все еще была достаточно близка к Зоря, чтобы заметить корабль. И одновременно знала, что никогда больше не будет принадлежать к ним.

Со вчерашнего утра в цитадели царил переполох. Мойра сдержала обещание и освободила Зоря с белыми волосами. Несколько минут спустя, лорд Теремес побледнел и упал на пол прямо посреди тронного зала. Но лишь Саммер знала, что произошло на самом деле, когда ее оповестили о внезапной смерти лорда. Она еще глубже зарылась в одеяла полевого госпиталя, задаваясь тем же вопросом, что и сейчас при виде баркаса: Вернулась ли Зоря с белыми волосами к своим? *«Конечно»*, — сказала она. — *«Леди Мар и остальные ждали ее с распростертыми объятиями»*. На одно безрассудное мгновение Саммер даже позавидовала ей.

— Поторопитесь! — прошипела Мойра.

Саммер оторвала взгляд от горизонта и побежала дальше по мокрым камням, покрытым ракушками. На ней были зимние сапоги на меху, которые казались ей кирпичами, привязанными к ногам. Да и к рукавицам она тоже не привыкла. Тем не менее, она по-прежнему мерзла, следуя за Фаррином к маленькой, моторной лодке. Повязка плотно прилегала к плечу, под ней ощущалось пульсирование, наверняка вызванное горьким, дурманящим напитком, который Фаррин налил ей несколько часов назад. Он поддерживал Саммер, чтобы она не поскользнулась и не упала, во время преодоления последнего отрезка дистанции по направлению к лодке.

— Давай уже, танцовщица, — подгоняла ее Мойра. — Скоро кто-нибудь может хватиться лодки.

— Куда ты меня отвезешь?

— В небольшую бухту. Оттуда Фаррин сопроводит тебя к внешнему лагерю. Это недалеко. В данный момент там безопаснее, чем в этой цитадели, похожей на резервуар с акулами.

Хотя Саммер знала, что не станет подчиняться Мойре, ей стало приятно, что о ней так заботятся. Она украдкой рассматривала воинственную леди и ничего так не желала, как увидеть ее вновь.

— Цитадель со вчерашнего дня превратилась в пороховую бочку, — продолжила Мойра. — И это только начало. Слухи о смерти лорда Теремеса уже дошли до противника. Одни убеждены в том, что его убил Индиго и затем сбежал, другие обвиняют своих же людей в убийстве обоих. Да еще и люди самого лорда Теремса готовы перегрызть друг другу

глотки. Н-да, когда освобождается место на троне, волки начинают грызться ради него.

— Что ты собираешься делать? — спросила Саммер.

Мойра пожала плечами.

— Свою работу, — лаконично ответила она. — То, ради чего я здесь. Тушить пожары, уменьшать накал страстей, заканчивать битвы. Усаживать победивших и проигравших за стол переговоров. Давать лордам и солдатам право голоса. Переговоры, переговоры и еще раз переговоры, чтобы не пролилось еще больше крови. Это мои обязанности.

В ее словах слышалась гордость, и осознание того, что предстояли трудные времена.

— Но, сначала, — добавила Мойра, — я высажу тебя на берег. Не думаю, что кого-то из вас будут рады видеть в цитадели.

«Кого-то из вас». Саммер ничего не ответила.

Плыть к бухте, когда море было беспокойным, оказалось рискованным мероприятием. Саммер держалась крепко, как могла и радовалась тому, что Фаррин сидел рядом, так что во время особенно высоких волн, она могла опереться на него. Ее лицо забрызгало морской пеной, когда они, повернув, направились к бухте. Саммер оглядывалась в поисках Дайе и Зии, но их нигде не было видно. Они несколько раз проплывали слишком близко к скалам, однако, Мойра была опытным штурманом. Она маневрировала между каменными зубьями и, в конце концов, завела лодку в тихие воды маленькой бухты. Когда Саммер, наконец, отважилась осторожно оглядеться вокруг, цитадель была уже далеко. Раненый колосс, все еще устремленный к небу цвета индиго, которое виднелось сквозь выбитые и проломленные окна смотровой площадки. Мойра распорядилась, чтобы облицовка окон была удалена.

«Но это уже не поможет Бельен». Саммер думала, что еще вчера выплакала все слезы по Бельен и бедняге Теллусу, но сейчас она снова заплакала. Ее мокрые щеки похолодели на ветру.

Мойра остановила лодку возле скалы под прикрытием каменной гряды. Вода здесь была спокойней, тем не менее, лодка время от времени покачивалась.

Ловким движением Мойра и Фаррин закинули веревку на выступ скалы, чтобы закрепить лодку. Саммер охотно позволила Фаррину поднять себя над бурлящей расщелиной между лодкой и скалами. Ее колени дрожали, когда она, наконец, ощутила твердую землю под ногами. Фаррин тут же запрыгнул обратно в лодку и взял оба рюкзака. Тот, что поменьше, с провиантом, он бросил на землю, после чего наклонился за вторым. Когда он уже собирался спрыгнуть с ним с борта, Саммер покачала головой.

— Нет, — сказала она твердым голосом. — Я пойду одна.

Фаррин выпрямился. Они с Мойрой посмотрели на нее так, как будто это была неудачная шутка.

— Что это значит? — крикнула Мойра.

— Я благодарна вам обоим. Особенно тебе, Мойра. Но здесь наши пути разойдутся. У вас свое задание. У меня свое.

Саммер сглотнула, взглянув на их ставшие родными лица. Взяв рюкзак в левую руку, она осторожно надела его на не поврежденное плечо.

— Прощайте.

Она слышала, как оба начали ссориться. У Мойры был возмущенный голос, а Фаррин звучал более благоразумно.

— Оставь ее, Мойра.

— Ну, уж нет, я этого не сделаю. У нее температура, она не знает, что творит!

— Я думаю, она точно знает, что делает.

Саммер пошла быстрее, не оглядываясь. Ветер шумел в ушах, заглушая их голоса. Только когда она услышала позади себя шаги, Саммер стало ясно, что от Мойры нельзя было отделаться простым «прощай».

— Эй! Остановись!

Мойра догнала ее, и, не взирая на рану на плече, схватила за руку.

— Что это такое? Ты совсем спятила? Я не допущу, чтобы ты ушла.

Ее серые глаза напоминали грозовое небо. Но сегодня воинственной леди не удастся запугать Саммер.

— Нет, ты отпустишь меня, — спокойно ответила она. — Потому что это моя история, а не твоя.

— Да неужели, принцесса? Ты даже не знаешь, как добраться до лагеря! Ты уже идешь в неправильном направлении.

— Это правильное направление, Мойра. Я не хочу в лагерь. Я хочу туда.

Она указала на юго-восток.

Мойра, наконец, отпустила ее.

— К ближайшему фьорду? Ты совсем рехнулась? Там нет ничего, кроме старых руин. Думаешь, я тут утруждаю себя ради того, чтобы ты совершила самоубийство? Ты погибнешь где-нибудь в снегу. Как только действие обезболивающего закончится, каждый твой шаг будет мучением.

Она замолчала, когда Саммер ничего не ответила.

— Кое-кто ждет меня там, — сказала Саммер. — Человек, напавший на меня в Маймаре, и ударивший тебя в лагере лорда Теремеса, чтобы спасти меня. Его... зовут Любимый.

Странно, но при этих словах кровь прильнула к ее щекам. Даже произносить его имя было так приятно. Саммер была раненой и уставшей, была смертной, даже больше, чем ей хотелось бы, но думая о Любимом, она ощущала себя самым счастливым человеком на свете.

Теперь Мойра окончательно растерялась. Она скрестила руки на груди и неодобрительно покачала головой.

— Мужчина номер три? Не считая вчерашнего? Ты неисправима!

Саммер засмеялась.

— Я должна ему кое-что. Жизнь. И смерть. Кроме того... я люблю его, Мойра. Не волнуйся за меня. Я знаю, где найти его.

Воительница долго смотрела на Саммер, затем черты ее лица расслабились. Она глубоко вздохнула.

— Ты слишком упрямая, чтобы заставить тебя поменять решение. Но тогда хотя бы не беги как слепой заяц к своре волков.

Ловким движением она вытащила из кобуры пистолет и вложила его в руку Саммер.

— Снимать с предохранителя вот этим рычагом, — коротко объяснила она. — Мой тебе совет, не раздумывай долго, если на кону будет твоя жизнь. Стреляй, пока противник не опередил тебя!

Саммер взвесила оружие в руке и спрятала его.

— Спасибо.

Мойра коротко кивнула и ушла, не попрощавшись, и всем своим видом выражая неодобрение. Однако Саммер еще никогда не ощущала такой близости с ней как в это

мгновение. *«Как будто я могу заглянуть в ее сердце»*, — подумала она. — *«Там был теплый свет, хорошо скрытый за стенами крепости»*.

— Мойра? — крикнула она. — Почему ты помогла мне?

Воинственная леди остановилась и обернулась к ней.

— Длинная история. Может, я расскажу ее тебе, когда все закончится. И ты вернешь мне оружие. Я тебе его одолжила, а не подарила!

Конечно, все это прозвучало как серьезное предупреждение, но вызвало у Саммер улыбку. Обещание это обещание. А если оно прозвучало из уст Мойры, то со вчерашнего дня Саммер точно знала, что ему можно было верить. Она не смогла сдержаться и выкрикнула ей вслед.

— Эй, дипломат! Не забудь сама заключить кое с кем перемирие!

Мойра презрительно фыркнула и отмахнулась.

— Ты еще будешь поучать меня, Зоря? — крикнула она через плечо. — Я скажу, если мне понадобятся советы такой сумасшедшей как ты.

Саммер смотрела ей вслед, пока Мойра не дошла до лодки. Фаррин уже ждал ее. Хотя он и знал, что Мойра была последней женщиной на свете, которая нуждалась в помощи, чтобы забраться в лодку, он протянул ей руку. Саммер могла только предполагать, чего стоил северянину этот жест, ведь он смог переступить через свою гордость. Мойра колебалась. Некоторое время, которое показалось Саммер вечностью, они стояли и смотрели друг на друга, в то время как ветер трепал их волосы, а течение прижимало лодку к скале. В конце концов, воительница протянула правую руку офицеру. И уже стоя рядом в лодке, они больше не отпускали друг друга.

Глава 28

Стрекозы в снегу

Немного погодя, Саммер сняла рукавицы и погрузила руки в карманы. Поначалу она крепко держала оружие, но через некоторое время поняла, что навряд ли кто-то встретится ей в этой скалистой местности. По крайней мере, эта мысль успокаивала ее. Единственное, чего Саммер действительно боялась, так это того, что Любимого могло уже не быть в руинах. Не особо надеясь быть услышанной, она позвала Анжея, но ответил только ветер. Что, если Любимый направился в порт? Что, если она не найдет его?

— Успокойся, — говорила она себя. — Даже если он ушел, у тебя вся жизнь впереди, чтобы найти его.

Однако тоска по нему была настолько сильной, что ее собственные слова прозвучали как угроза.

Северная ночь так быстро накрыла море и скалы, что Саммер казалось, что она находится в пути всего несколько минут. Девушка уже перестала считать шаги, сконцентрировавшись на том, чтобы ступать как можно мягче. Мойра не преувеличила. Лекарство постепенно переставало действовать, и каждое необдуманное движение отдавалось болью в ране. Саммер стиснула зубы и попыталась вспомнить все, чему Любимый научил ее о жизни вне безопасных стен. Постепенно стало светать, и когда она подняла взгляд от земли, то увидела, что северное сияние закрыло небо как складчатый, зеленовато-белый светящийся занавес. Саммер удивленно рассматривала полосы света и медленно шла дальше.

Конечно, ей не удастся совсем одной добраться до первого фьорда. Она надеялась лишь

на то, что сумеет правильно истолковать знаки бегунов и сможет позвать их, до того как холод станет для нее смертельно опасным. Саммер была готова идти всю ночь и возможно следующий день, чтобы присоединиться к тем, кто был в лагере и с их помощью дойти до фьорда. Она бы смогла пройти и сто дней. Но это было не нужно.

Поначалу она подумала, что видит привидение, но потом разглядела вдали белую лошадь, чьи поводья свисали до самой земли. Левее, так близко к берегу, что его могло накрыть морской пеной, стоял наездник и смотрел в сторону цитадели, которая возвышалась вдали как бледный призрак. Увидев его, у Саммер перехватило дыхание. Она знала эту фигуру, линию плеч, все в нем было таким знакомым, что Саммер едва не расплакалась от радости.

Он пока еще не увидел Саммер. Какое-то время она держалась поодаль, наблюдая за ним. Это были последние мгновения между ее новым, человеческим Я и Мы, от которого она больше никогда не откажется.

Любимый опустил голову и резко отвернулся от цитадели. Он пошел назад к лошади, решительно, но опустив плечи, как кто-то, кто знает, что его борьба напрасна. И вот Саммер больше не выдержала.

— Любимый!

Ее голос эхом отозвался от скал. Он повернулся. И Саммер, бросив рюкзак, побежала к нему, невзирая на раненое плечо.

Недоумение на его лице сменилось пониманием и бесконечным облегчением. Она ждала, когда он, наконец, улыбнется и заключит ее в объятия, но ее любимый так сильно удивил ее, что она едва не запнулась.

Его лицо помрачнело, он покачал головой и сделал шаг назад. А затем, просто развернулся и большими шагами направился к лошади!

— Стой! — крикнула Саммер. — Что ты делаешь?

Любимый резко остановился, развернулся к ней. Даже при слабом, зимнем освещении, Саммер увидела, что его глаза были красными, как будто он плакал. Он сжал руки в кулаки и судорожно хватал ртом воздух, словно едва сдерживался, чтобы не обрушить на нее проклятия.

— Я могу простить тебе, что ты сожгла мое сердце, — вырвалось у него. — И то, что ты делаешь, что хочешь, наплевав на то, что я схожу с ума от страха за тебя. Но то, что ты встаешь посреди ночи и исчезаешь как вор, чтобы навсегда покинуть меня...

— Любимый, я...

— Что? — крикнул он. — Что ты хочешь рассказать мне на сей раз? Что любишь меня? Что твоя последняя мысль предназначалась мне. Спасибо, Саммер, но это я не называю любовью!

Еще никогда Саммер не видела его таким возбужденным. Но так же как у Мойры, за его гневом скрывалось нечто другое, что трогало ее. Она протянула к нему руку, но он сделал еще один шаг назад и покачал головой.

— Нет! — сказал он глухим голосом. — Нет, никогда, Саммер. В последние дни, я каждую секунду молился всем богам севера и юга, чтобы ты была жива, и я смог найти тебя. А сейчас... — он снова покачал головой. — Когда ты в следующий раз исчезнешь из моей жизни? Нет, я слишком долго любил и ненавидел тебя, чтобы потерять еще хоть раз!

С этими словами, он развернулся и пошел к лошади.

— Ты больше не потеряешь меня, — крикнула она ему вслед.

— Да неужели? — ответил он. — Это говорит кто? Женщина, вчера ночью исчезнувшая из моей постели?

Резким движением, которое Саммер так хорошо знала, он рассерженно схватил поводья и действительно собрался взобраться на лошадь и ускакать прочь.

— Вот упрямец, остановись! — крикнула Саммер. Лошадь испугалась громкого крика и рысью отбежала в сторону, со все еще свисающими поводьями. Саммер трудно было бежать в сапогах, тем не менее, она ринулась к нему и схватила за шиворот.

— Ты больше не потеряешь меня, — повторила она.

Саммер расстегнула пальто и взяла его левую руку. Он неохотно позволил ей снять рукавицу и приложить ладонь к груди. Рука Любимого была теплой, Саммер так хотелось просто обнять его. Но учитывая то, что она собиралась сказать ему, ее вдруг охватила странная робость.

— Здесь твое сердце, Любимый, — тихо сказала она. — Я... не сожгла его. А спрятала здесь, у себя.

Ее удивляло то, сколько смелости ей понадобилось, чтобы сказать ему всю правду.

— Может быть, тогда я хотела отдать его тебе. Я даже и не знаю. Но теперь я уже не могу вернуть его тебе. Вчера я потеряла свою жизнь Зоря, и если я потеряю еще и человеческое сердце, то тогда умру во второй и последний раз.

Любимый молчал. Ей так хотелось знать, что он думает, но его лицо по-прежнему ничего не выражало. К ее разочарованию он убрал свою руку и засунул ее в карман пальто.

— Значит, ты еще жива, потому что жив я?

— Для Зоря я угасла. А это значит: мы свободны, Любимый. Ты и я.

— Свободны? — выкрикнул он, злобно рассмеявшись. — Ты обманула Леди Смерть. Опять! Насколько я помню, это уже тогда, в первый раз, означало смертный приговор.

Наконец-то, она увидела Любимого, которого знала. Человека, который так сильно ее любил, что скорее готов был оттолкнуть ее, нежели потерять.

— Я обманула ее. На несколько лет, на одну жизнь. Разве ты ожидал чего-то другого от женщины, которая умеет так хорошо лгать как я?

Любимый не отреагировал на эту неуклюжую попытку пошутить. Но, по крайней мере, молчание уже не было таким тягостным, что хотелось убежать куда подальше. Она подошла к нему поближе и дотронулась до лица. Он хотел отвернуть голову, но в этот раз Саммер не позволила ему увернуться.

— Ты двести лет ненавидел меня, — сказала она твердым голосом. — И столько же любил. Теперь у тебя есть целая человеческая жизнь, чтобы простить меня.

Его глаза горели в свете северного сияния.

— Так долго ты жить не будешь, — ответил он. — Зоря найдут тебя и отомстят. Знаешь, каково это, просыпаться и думать, что твоя любовь покинула тебя, чтобы никогда не вернуться? Я не вынесу этого еще раз, Саммер!

На этот раз он не сопротивлялся, когда она обняла его.

— Конечно, Леди Смерть найдет нас, — мимоходом сказала я. — Мы люди. Рано или поздно она найдет нас всех. Если однажды ты позовешь свою Зоря, она придет к тебе и найдет нас обоих. Она поцелует нас и это будет нашим концом.

— А если с тобой что-нибудь случится, до того, как закончится моя жизнь? Тогда я останусь один.

— Тогда мне придется огорчить тебя. Со вчерашнего дня мы неразрывно связаны. Когда

умирает один, умирает и другой. Может, уже завтра. А, может, тогда, когда ты поседеешь и состаришься, — добавив, она улыбнулась, — ты уверен, что не хочешь провести со мной остаток жизни?

Мех его пальто защекотал ее щеку, когда он пошевелился. Затем он осторожно обнял ее, словно боясь задавить. Немного погодя, когда свет на небе стал совсем бледным и начало светать, Любимый поцеловал Саммер меж бровей, это было то место, которое он так любил, а затем прижался своим лбом к ее лбу.

— Ни за что на свете я не откажусь от этого, — нежно прошептал он. Наконец-то, наконец-то, она слышала улыбку в его голосе. Его губы нашли ее, и Саммер погрузилась в этот жар, который был теплее и ярче северного сияния. Она помнила столько много поцелуев, но этот был грубее и одновременно счастливее на вкус и заставил ее всю затрепетать.

Саммер вздрогнула, когда рука Любимого скользнула по ее руке и затронула повязку. Он недоуменно отпустил ее, но посмотрев в ее бледное лицо, он все понял.

— Ты ранена? — выкрикнул он.

— Ничего страшного. Индиго хотел заколоть меня ножом, но ему помешала моя лопатка.

— Индиго хотел... И ты говоришь это только *сейчас*?

Она любила его даже когда он злился.

— Оставайся здесь, я приведу лошадь.

— Я могу идти, Любимый.

— Возможно, но ты никуда не пойдешь. Зоря хорошо переносят любую рану, но у человека все может быть намного хуже.

Хотела она того или нет, но Саммер понимала, что Любимый прав. Она уже дрожала не только от холода, а ее колени так ослабли, что она села в снег, пока Любимый ловил лошадь. Зимние лучи солнца играли на белом меху и напомнили Саммер один день из далекого прошлого. Еще кое-что знакомое блеснуло в снегу, всего в нескольких шагах от нее. Блеск крыльев, которых не должно было быть в это время года. Королевская стрекоза поднялась в воздух перед Саммер и, жужжа, двигаясь по спирали, взлетела вверх. Саммер огляделась, но Анжея нигде не было видно. Она могла лишь представить, что он стоял где-то в снегу и наблюдал за ней.

То, что вторая реальность навсегда ушла в прошлое, отдалось болью внутри нее.

— Это были крылья зимних бабочек, — сказала она в пустоту. — Их пепел одурманивает Зоря, делая их безвольными. Это яд, который может, даже убить вас.

Саммер осознала, что уже не говорила «*нас*», когда речь шла о Зоря. Но она очень надеялась, что ощущение не обманывало ее, и Анжей действительно слышал ее слова.

— Прощай, — прошептала она. Однако стрекозы уже не было, а с ней исчезла и тончайшая лента, связывавшая ее с Зоря.

Белая лошадь наострила уши, когда Любимый поставил ее рядом с Саммер. Саммер помедлила, но затем отважилась и осторожно погладила бархатистый нос. Как и Джола, это животное тоже не испугалось ее и не пыталось схватить. Вместо этого она выжидающе обнюхивала ее руку, но затем, потеряв интерес, отвернула голову от Саммер. У нее были странные ощущения от того, что больше не было существ, которые боялись и ненавидели ее за то, кем она была.

Любимый подошел к ней, провел большим пальцем по ее подбородку, поднял его и

посмотрел на ее губы.

— Что такое?

— Ничего. Хотя нет, есть кое-что. Тебя не было всего один день и одну ночь. Но ты стала такой чужой, как будто я не видел тебя целый год. Не привычно видеть тебя с синими губами.

Теперь и Саммер улыбнулась.

— Тогда отогрей их!

Глава 29

Человеческое сердце

Декабрьскими и январскими ночами время шло ужасно медленно. Саммер и Любимый, как медведи на спячку, забрались в подземные комнаты цветочного дома. Саммер привыкла к нескончаемому снегу и к страху, что их могут найти. Даже ощущение холода и ее нежелание ходить без обуви по снегу, также стало привычным. Ей не хватало одного: беззаботности. Даже будучи раненой Зорей, она не ощущала себя такой ранимой как в эти первые недели человеческой жизни. Раньше голод был всего лишь иллюзией настоящего голода, а температура ни шла, ни в какое сравнение с тем, что она испытывала теперь, когда рана воспалялась. Она заживала очень медленно, как и у всех обычных людей. От нее остался лишь шрам, дававший о себе знать каждый раз, как менялась погода.

— С годами это пройдет, — утешал ее Любимый. — Скоро ты совсем перестанешь чувствовать шрам.

Он укутывал ее своим пальто, на котором еще лежал снег с улицы. Так они и выживали, зимовали, прижавшись, друг к другу, мертвые для всего остального мира. В эти бесконечные ночи, когда снежный шторм бушевал над фьордом, а тихие воды превращались в лед, Саммер наслаждалась каждым поцелуем и каждым прикосновением, которых была лишена все прошедшие годы. Однако просыпаясь после этих ночей любви, она все отчетливее ощущала пульс изменений.

Саммер не лишилась всего, что знала, будучи Зорей, но уже через некоторое время заметила, что ее собственная речь стала похожа на диалект маймарского побережья, а на северном языке она говорила как на иностранном, с мягким акцентом. Язык бегунов постепенно исчезал из ее памяти. Но самое грустное заключалось в том, что она больше не могла говорить на языке Зоря, не могла вспомнить ни одного слова.

У Любимого было по-другому. Он не утратил того, что выучил за много лет. Но теперь Саммер отчетливо слышала, что язык северных народов был для него родным, а остальные языки он просто выучил. Они рассказывали друг другу истории, с трудом подбирая слова.

Саммер с беспокойством замечала, что время и на Любимом оставило свой отпечаток. От бесконечной зимы и переживаний за нее, он стал выглядеть старше. Когда он возвращался после своих походов на разведку, вокруг его рта образовывались тонкие линии, которые она раньше никогда не замечала. «Мы оба меняемся», — удивленно думала она, проводя указательным пальцем по этим новым линиям, которые оставило на его лице время. — «Изо дня в день. Когда-нибудь его волосы поседеют, а мои станут бледными, как пожелтевший шелк».

Она не знала, было ли у других людей так же, как у них, но ей было трудно и страшно наблюдать за тем, как работает время.

Однажды Любимый застал ее посреди ночи за тем как она, обнаженная, рассматривала

себя в свете фонарика в грязном зеркале, повернувшись, чтобы получше разглядеть плечо. Он подошел к ней, поцеловал его, а затем ее синеватые губы.

— Не волнуйся, оно хорошо заживает, — пробормотал он. — Шрам побледнеет.

— Может, я вовсе этого и не хочу, — задумчиво ответила Саммер. — Он своего рода печать, ты не находишь? Знак того, что я действительно стала человеком.

— Да, а главное моим человеком, — ответил Любимый и засмеялся. — Возвращайся в постель, ледяная фея. Тебе еще предстоит узнать, что такое настоящая простуда.

Это был тот самый момент, когда она прекратила со страхом в сердце смотреть вслед каждому прошедшему часу и дню. Вместо этого Саммер сделала открытие, что и мгновения обладают вечностью:

... когда Любимый что-то бормотал во сне, а потом обнимал ее, как будто видел во сне, что теряет ее. И приятная тяжесть его руки на ее талии, когда он, успокоившись, продолжал спать.

... молчание, когда они вместе смотрели на море, окутанные ароматом голубых, зимних цветов.

... теплое дыхание на коже, когда Любимый целовал уголки ее губ.

... те моменты, когда они любили друг друга, и не было ничего другого, лишь кожа, страсть и обжигаящие поцелуи.

***

В феврале зимние деревья отцвели. Ветер унес завядшие цветки с собой в море. Остались только голые сучья и ветви, на которых больше не росли зимние плоды. Наверное, потребуются годы, чтобы появилось достаточно снежных бабочек, необходимых для того, чтобы деревья снова плодоносили.

В один из мартовских дней, когда лед вокруг полуострова тронулся, и посланник с новостями от Мойры нашел их после длительных поисков, Саммер и Любимый окончательно оставили цветочный дом, а вместе с ним и эту часть их прошлого, и отправились в сторону порта.

Мойра сдержала обещание. Когда они после утомительного путешествия достигли возвышенности над старым портом, то уже издалека увидели дым от лагеря. Преодолев, наконец, путь по заснеженному лесу, они обнаружили, что в порту их ждало то же самое транспортное судно, которое полгода назад доставило Саммер в северную страну. На пирсе, облепленном ракушками, уже стояли ящики, которые еще предстояло загрузить. Какой-то человек загружал багаж на борт.

— Фаррин! — крикнула Саммер и побежала к нему. Он выглядел изможденным, лицо еще больше заострилось. Однако когда он выпрямился и увидел Саммер, то вновь стал тем смеющимся, неуклюжим мужчиной, с которым Саммер познакомилась на борту Нимфы. В следующее мгновение он уже обнимал ее.

— Мойра уж думала, ты не успеешь вовремя добраться до порта!

— А вам бы так этого хотелось, — ответила Саммер с наигранным возмущением. — Я все сделаю, чтобы уехать из холодной, северной страны.

Он улыбнулся и отпустил ее.

— А ты? — спросила она. — Хочешь насовсем примерзнуть к этому месту?

Фаррин пожал плечами.

— Ну, по крайней мере, не помешало бы посмотреть другую сторону моря. Хотя ваше сентиментальное южное нытье со скрипками и флейтами наверняка сделает меня глухим.

В этот момент на пирсе появилась Мойра.

— Юго-восток, — с достоинством ответила она. — Мой город расположен на юго-востоке.

Она тоже изменилась. И дело было не только в том, что Саммер заметила, что она говорила на северном языке с сильным акцентом. Было очевидно, что позади у нее были трудные недели. Мойра не улыбалась, подойдя к Саммер и Любимому, а лишь подняла одну бровь.

— Рада, что сегодня ты для разнообразия привела с собой друга, — заметила она. — Значит это тот человек, который хотел перерезать тебе горло в Маймаре.

— Тот же человек, которому ты выпустила пулю в руку, — так же холодно ответил Любимый.

— Видимо тебе это никак не помешало. По крайней мере, тебя это не удержало от того, чтобы избить меня в лагере лорда Теремеса.

— Если я правильно помню, ты собиралась перезарядить винтовку и направить ее на Саммер, — невозмутимо парировал Любимый.

На губах Мойры мелькнула улыбка.

— Ты питаешь слабость к находчивым мужчинам, верно? — сказала она Саммер и махнула, чтобы та последовала за ней. — У нас мало свободных мест, — крикнула она через плечо. — Поищите себе спальное место среди ящиков.

Саммер пошла за Мойрой в каюту под палубой. Там она вытащила из сумки оружие и протянула его Мойре. Мойра кивнула и, не раздумывая взяла пистолет себе.

— Куда вы направляетесь? — спросила она и продолжила складывать небольшие ящики и багаж под сиденья.

— В Маймару.

— Ага, оживить романтические воспоминания о нападении в темном переулке? Нет, я серьезно, что ты собираешься там делать? Снова стать актрисой?

— Возможно.

При мысли о Мorte и остальных, она ощутила то же самое волнение, что и несколько дней назад, когда они с Любимым решили вернуться назад.

— Я очень надеюсь, что увижу некоторых друзей. А ты? Правда, собираешься уехать в свой город?

— Ну а куда же еще?

В этот раз деловой тон Мойры не затмил тоску в ее голосе.

— А что будет с... боями, которые ведутся здесь? С бессмертными, чьих Зоря убил Индиго?

Мойра тяжело вздохнула.

— Теперь это не в наших руках. Свою часть дела я сделала, все, что было в человеческих силах, если уж на то пошло. Северная часть страны и цитадель перешли под центральное управление. Мы создали специальный совет, и преемник лорда Теремеса вроде бы неплохо справляется. Враждующие стороны подписали мирные договоры и соглашения. Что будет дальше, проживем, увидим. А что касается остальных, то это проблема Леди Мар. Побеждать бессмертных, это не задача людей.

— Нет никакой победы, — возразила Саммер. — И нет поражения. Есть только устройство мира.

— Ты снова хочешь рассказать мне, что смерть не ужасна?

— А что, жизнь менее ужасна? — разгорячилась Саммер. По улыбке воинственной леди она поняла, что Мойра лишь подкалывала ее.

— Хочешь снова поссориться, принцесса?

— Разве ты не должна мне кое-что объяснить? Почему ты помогла мне в цитадели, хотя так презираешь Леди Мар?

— Ах, это? — мимоходом сказала Мойра. — Я бы очень хотела сказать, что меня убедила твоя пламенная речь. Но на самом деле все гораздо проще. Ты просто кое-кого мне напомнила. Одну знакомую девушку, жившую в моем городе. Я познакомилась с ней во время войны, которую вела Леди Мар за мой город. Ее звали Джейд, и она влюбилась в своего врага, парня, служившего Леди Мар. Кстати он тоже был северянином, как этот вспыльчивый парень, который завоевал твое сердце. После войны они вместе покинули город. Это было почти девять лет назад. С тех пор я ничего о них не слышала. Ну а что касается тебя: ты не такая болтливая, и далеко не такая бунтарка как она. А она совершенно не умела притворяться. Но все-таки вы похожи. Обе ваши истории заставили меня понять одну вещь. Иногда нужно действительно обнять врага, чтобы победить его.

— Говорю в последний раз, я не *победила* Индиго.

Мойра улыбнулась и подмигнула Саммер.

— А вот я обняла тебя.

***

Крики чаек смешивались с шумом мотора, а лед скреб по внешним стенкам лодки, которая раскалывая лед, выдвинулась в море. В лучах зимнего солнца края ледовых глыб поблескивали светлым, лазурным цветом. Саммер наслаждалась открывшимся видом. Она все еще с удивлением ощущала этот новый ритм становления и исчезновения — каждое мгновение как цветок, который распускается, вянет и остается лишь воспоминанием. *«И это хорошо. Если бы у меня снова был выбор между жизнью и смертью, я бы всегда выбирала жизнь»*.

Вскоре они оставили ледовый пояс позади и достигли воды, свободной от ледяных заторов. Саммер замерзла и втянула плечи, когда ветер задул ей за воротник. Любимый подошел к ней сзади и обнял за талию.

— Опять мерзнешь, ледяная фея?

— Еще как! Как ты выдерживал это всю жизнь?

Он рассмеялся.

— Меня ничем не проймешь. Кроме того, я родился в такое время, когда в холоде либо выживали, либо погибали.

От его дыхания на ее щеке, у Саммер пробежали мурашки по коже.

— Просто подумай о таком месте, где светит солнце, — прошептал он ей. — На рынке в Маймаре уже продаются первые апельсины с юга. А если нам надоест город масок или там слишком холодно, мы поедем дальше до южных островов. Там никогда не бывает зимы. Давай, закрой глаза и представь себе летнее небо.

Саммер прислонилась к нему. Вдруг ей действительно стало не так холодно. Это искорка счастья в груди согревала ее, а еще пульс ее украденной жизни.

— Поздняя ночь, — продолжал он рассказывать историю. — Все кругом спит, кроме влюбленных парочек и воров. А теперь посмотри наверх. Ну, как? Видишь ее на небе? Южную звезду?

— Я вижу нас двоих, — ответила она. — В порту одного острова. Наступила ночь, но

камни у нас под ногами еще теплые. Мы босиком, кто-то играет на гитаре. И мы танцуем.

Он тихо засмеялся, обнял и потер ее руки, чтобы согреть их.

— Вся жизнь, Саммер. А если в один из вечеров ты снова сбежишь, я буду искать тебя там, где играет музыка.

Любимый поцеловал ее в висок, и пока ее глаза оставались закрытыми, он полушепча, полусмеясь, начал напевать ей песню из ее прошлого:

*Любил тебя
сам того не зная
тайком,
тихо,
любил
тогда еще
чуждым мне
способом,
любил тебя
бестелесную,
твой смех,
твои волосы,
люблю тебя
беспричинно
и
навек.*

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net